

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Институт
«Открытое общество»
(Фонд Сороса)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

ББК 63.3(4Фин)+633(2)
М 73

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Л. В. Суни*
доктор исторических наук, профессор *М. Ф. Флоринский*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

МНОГОЛИКАЯ ФИНЛЯНДИЯ. ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ И ФИННОВ В РОССИИ

Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России:
М 73 Сб. статей / Под науч. ред. А.Н.Цамутали, О.П.Илюха,
Г.М.Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород,
2004. – 404 с., ил. (Серия «Научные доклады»; Вып. 1.).

ISBN 5–98769–003–X

После крушения Советского Союза начинается поиск Россией своего нового места в меняющемся мире. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема взаимоотношений России с внешним миром, назревает необходимость переосмысления многих стереотипных представлений, связанных с проблемами взаимодействия и взаимовлияния культур, единства мировой культуры и наличия в ней общих закономерностей развития, соотношения общего и особенного в мировом культурном процессе. Особое значение имеет изучение взаимовосприятия России и ее ближайших соседей, в том числе Финляндии.

На протяжении многих веков географическое соседство русских и финнов, разносторонние межэтнические контакты являлись постоянным фактором их исторического развития. За это время «образы Финляндии», запечатленные в сознании русских людей, приобретали разные очертания – в зависимости от конкретного периода истории, изобиловавшей военными конфликтами, а также от характера господствовавшей идеологии.

В коллективном исследовании «Образ Финляндии в России», авторами которого являются историки, литературоведы, искусствоведы и социологи, показана динамика восприятия Финляндии в России с древнейших времен до наших дней, раскрыты факторы, влиявшие на формирование и эволюцию стереотипов и представлений о соседней стране.

ББК 63.3(4Фин)+633(2)

Книга распространяется бесплатно

Великий Новгород
2004

ISBN 5–98769–003–X

© Новгородский государственный
университет, 2004
© Новгородский межрегиональный
институт общественных наук, 2004

Оглавление

Предисловие	7
<i>Цамутали А.Н.</i> Образ Финляндии в России: влияние на его формирование среды и времени	12
<i>Коваленко Г.М.</i> Финны и Финляндия в восприятии русских (с древнейших времен до начала XIX в.)	35
<i>Карху Э.Г.</i> Финско-русские литературные связи XIX–XX веков	43
<i>Витухновская М.А.</i> Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков	89
<i>Соломец И.М.</i> От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу	143
<i>Лескинен М.В.</i> Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в.	154
<i>Сойни Е.Г.</i> Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX в.	192
<i>Дубровская Е.Ю.</i> Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы Первой мировой войны	239
<i>Такала И.Р.</i> Финны в восприятии жителей Советской Карелии (1920–1930-е гг.)	263
<i>Сенявская Е.С.</i> Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне: формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества в 1939–1940 и 1941–1944 гг.	283
<i>Фролов Д.Д.</i> Финские военнопленные 1939–44 гг. Образ врага?	312
<i>Рупасов А.И., Чистиков А.Н.</i> Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия»	340
<i>Илюха О.П.</i> Меняющийся образ соседа: Финляндия и финны в представлениях жителей Костомукши	358
<i>Мустайоки А., Протасова Е.Ю.</i> Финско-русские (не)соответствия	375
Сведения об авторах	397

Предисловие

После крушения Советского Союза начался болезненный поиск Россией своего нового места в меняющемся мире. В связи с этим стала особенно актуальной проблема взаимовосприятия России и внешнего мира. В отечественной историографии расширилась тематика, относящаяся к области имажологии (имиджинологии). Работая в этом направлении на стыке истории, культурологии, этносоциологии и социальной психологии, исследователи пытаются осмыслить исторические судьбы России в контексте мировой истории и культуры сквозь призму разных, подчас противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей¹.

В общей картине особое место занимает проблема взаимовосприятия России и ее непосредственных соседей, в том числе Финляндии². В 2001 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, поддерживая идею академика Е.П.Чельшева, выступил с инициативой организации коллективного исследования в рамках темы «Образ Финляндии в России». Практическая реализация проекта стала возможна благодаря поддержке со стороны профессора Хельсинкского университета Тимо Вихавайнена, которому коллектив авторов сборника выражает искреннюю признательность. При его заинтересованном участии и при поддержке Академии Финляндии, Института Финляндии в Санкт-Петербурге в течение 2001–2003 гг. состоялись семинары и рабочие встречи, определился круг исследователей, была сформулирована основная задача проекта: показать, как в разное историческое время русские

¹ Например, работы: Россия и Европа XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002.

² Из последних работ, относящихся к североευропейскому региону, следует отметить монографию: *Чернышева О.В.* Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.

люди воспринимали Финляндию, раскрыть факторы, влиявшие на формирование и эволюцию стереотипов и представлений о соседней стране. С 2004 г. исследовательская работа была продолжена в рамках межмионовского проекта «Диалог культур и цивилизаций», осуществляемого Саратовским, Воронежским, Новгородским и Уральским МИОН. Результатом работы явился данный сборник, в котором представлены статьи специалистов по истории, социологии и литературоведению различных институтов Российской академии наук и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Великого Новгорода и Хельсинки.

На протяжении многих веков географическое соседство русских и финнов, разносторонние межэтнические контакты являлись постоянным фактором их исторического развития. За это время «образы Финляндии», запечатленные в сознании русских людей, приобретали разные очертания – в зависимости от конкретного периода истории, изобиловавшей военными конфликтами, а также от характера господствовавшей идеологии. По мнению Г.М.Коваленко, российский стереотип восприятия Финляндии четко оформился к концу XVIII в. и основывался на сочетании романтического таинственного и великого прошлого (чему способствовала природная замкнутость финнов) и безнадежно серой бедной современности.

Внимание авторов статей, вошедших в данный сборник, сосредоточено в основном на двух последних столетиях – с самого начала «русского периода» в истории Финляндии (1809) до конца XX века. Финляндия, географически близкая к Петербургу, постоянно привлекала внимание образованной части русского общества. Столичный статус Петербурга в XIX – начале XX вв. придавал этому вниманию более широкое значение. Расположенная рядом с Финляндией, во многом близкая ей в силу общности природы и бытовой культуры, Карелия также питала интерес к общественной жизни, культуре, быту соседней страны.

Предложенная исследователями тематика в рамках проекта весьма разнообразна. Это литературные связи России и Финляндии XIX–XX веков (*Э.Г.Карху*), Финляндия в искусстве и литературе России 1890–1930 гг. (*Е.Г.Сойни*), образ Финляндии и финнов в российской историографии (*И.М.Соломещ*). Раскрываются основные представления и стереотипы отношения к Финляндии и финнам на материалах российских популярных этнографических очерков второй половины XIX в. (*М.В.Лескинен*). В статье *А.Н.Цамутали* рассмотрены взгляды на Финляндию российских революционеров М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина, государственных деятелей Н.Х.Бунге, С.Ю.Витте, И.И.Толстого, а также представителей русского либерального движения, искусства и науки.

Рубеж XIX–XX вв. удостоен особого внимания исследователей, поскольку в этот период на фоне решительного наступления на финляндскую автономию, с ее чуждыми общеимперской схеме законодательными, административными и экономическими институтами, формируются но-

вые стереотипы восприятия русскими финнов и Финляндии. В прессе образ «чужого», соседа, маркированный такими характеристиками как трудолюбие, аккуратность, суровость, молчаливость, честность, законопослушание, страсть к порядку, постепенно замещается образом врага. Вместе с тем в сознании многих просвещенных, либерально настроенных русских людей Финляндия из прежней «страны колдунов» превратилась в край с хорошо поставленным народным образованием и развивающейся культурой. Ее контакты с русской культурой расширялись, причем происходило это уже не в русле официальной политики царского правительства, как в первой половине XIX века, а под влиянием двухсторонних оппозиционных настроений по отношению к ней.

М.А. Витухновская специально обращается к анализу взглядов русских либералов и консерваторов, чья ожесточенная полемика имела в своей основе разное понимание достоинств и недостатков Финляндии и финнов в контексте империи.

Интересен также очерк *Е.Ю. Дубровской*, исследующей представления рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), социально-нравственные нормы военных и их окружения, отношение к деталям быта и другим аспектам повседневности жителей Великого княжества Финляндского. В центре внимания автора – изучение межэтнических контактов и противоречий, взаимоотношений с гражданским населением Финляндии и этнических стереотипов, сформировавшихся у солдат, матросов, офицеров и членов семей военнослужащих.

Новое, советское время принесло с собой и новые образы. На страницах газет появляется «белая Финляндия, беременная республикой Советов». Двухликий, бело-красный образ Финляндии так или иначе навязывается населению пограничной Карелии вплоть до 1935 г., когда финское руководство республики было смещено. Обращаясь к межвоенному периоду, *И.Р. Такала* анализирует разнообразие по своему происхождению и характеру документы, в числе которых – директивы партийных органов и газетные публикации, информационные сводки и докладные записки ОГПУ-НКВД, протоколы народных собраний и сходов, письма граждан, мемуары, дневники, что позволило автору зафиксировать ключевые моменты трансформации образа Финляндии в Советской Карелии, где восприятие соседей было иным, чем в целом по стране. Во второй половине 1930-х годов образ Финляндии обретает некоторую цельность. Для поколения, выросшего при новом режиме, Финляндия все явственнее представляется частью вражеского окружения, угрожающего советской родине.

Начавшаяся Зимняя война окончательно трансформирует образы соседа и «чужого» в образ врага. Проблеме формирования и эволюции образа врага в массовом сознании советских людей на двух этапах советско-финского военного противостояния – Зимней войны 1939–1940 гг. и боевых действий на Карельском фронте Великой Отечественной войны в

1941–1944 гг. посвящено исследование *Е.С. Сенявской*. Автор показывает, какое влияние на восприятие противника на каждом из этих этапов оказывала пропаганда, а какое – личный опыт непосредственных контактов с ним на фронте. Принципиальное значение для восприятия финнов как противника имело коренное различие в характере двух конфликтов. Если в Зимней войне Финляндия вела борьбу против аннексии части своей территории, то в 1941 г., выступив против СССР на стороне фашистской Германии, она сама оказалась в роли агрессора. Поэтому, если отношение к финнам во время Зимней войны в сознании советских людей было довольно сложным и противоречивым, то в период Великой Отечественной оно приобрело более цельный характер. *Д.Д. Фролов* дополняет военную тематику и развивает ее отдельные аспекты в статье «Финские военнопленные 1939–44 гг. Образ врага?».

А.И. Рупасов и *А.Н. Чистиков* обращаются в своей совместной работе к эпохе в истории СССР, связанной с именем Хрущева. Это время интересно поисками политической элитой новых способов взаимодействия с внешним миром. Анализ материалов центральной и ленинградской периодической печати середины 1950-х – середины 1960-х годов, изучение частотности появления материалов, их тематики, оценок современного состояния Финляндии и истории советско-финляндских отношений, – все это позволило авторам прийти к выводу о том, что на протяжении «хрущевского десятилетия» образ финна и его родины в советской прессе не оставался неизменным. Условно можно говорить о переходе от образа «подозрительного соседа» к образу «дружелюбного соседа», отношения с которым могут стать примером и для других «несоциалистических» соседей СССР.

В одном из очерков предпринимается попытка изучить проблему на уровне локального провинциального мира. В качестве такого местного сообщества *О.П. Илюха* рассматривает приграничный карельский город Костомукшу, где на рубеже 1970–1980-х гг. в период строительства горнообогатительного комбината, бок о бок с советскими рабочими трудились тысячи финнов. В этом смысле в Костомукше был сделан своеобразный прорыв в «железном занавесе» СССР, многие советские люди впервые непосредственно соприкоснулись с незнакомой культурой. Феномен Костомукши состоит в том, что строительство этого города осуществлялось совместно советскими и финскими рабочими в условиях идеологической конфронтации государств с различным общественным устройством. Результатом контактов русских людей с финнами в приграничном городе стало восприятие Финляндии как альтернативного мира, общества с иными ценностями и возможностями. Происходило активное разрушение сформированных советской пропагандой стереотипов, идеологием и формирование новых, более конкретных и адекватных представлений и образов. В основе этого очерка – проведенные в 1989–2001 гг. интервью и

анкетные опросы населения г. Костомукши, данные местной печати, архивные материалы.

Исследование *А.Мустайоки* и *Е.Ю.Протасовой* возникло в результате различных семинаров и спецкурсов, проводившихся авторами на Отделении славистики и баллистики Хельсинкского университета. Поскольку в занятиях участвовали как финские, так и русские студенты, большинство положений данной статьи было сформулировано в ходе обсуждения тех и иных взглядов на своеобразие Финляндии и России, высказанных людьми, относящимися к разным культурным традициям. Авторы исходят из того, что длительное соприкосновение с финляндской культурой может несколько притупить остроту восприятия ее особенностей русскими, но это и позволяет сделать обобщения более достоверными. Привлекая в качестве источников также исторические тексты, публикации в прессе и мнения отдельных лиц, исследователи приходят к выводу о том, что существование русскоязычного сообщества внутри финляндского общества способствует активной переработке разнообразного лингвокультурологического, антрополого-этнического и страноведческого материала по сопоставлению двух культур. Образ Финляндии становится отчасти более понятным, отчасти более мифологизированным, а среди пунктов осмысления наиболее часто возникает мотив Финляндии как образца для подражания.

Работа по проекту, начатая российскими исследователями, вызвала интерес и поддержку финских коллег. Профессор Хельсинкского университета *Тимо Вихавайнен* сформировал коллектив финских исследователей, чтобы изучить проблему в ее «зеркальном отражении» – исследовать различные стороны и эволюцию образа России в Финляндии. И русские, и финны очень чувствительны к тому, как о них пишут за рубежом. Но если для большинства населения России маленькая Финляндия, ее история, культура, образы этой страны и ее народа находились, как правило, на периферии или за пределами внимания и интересов, то в Финляндии неизменно наблюдалась обратная ситуация. Неслучайно авторы финской части проекта назвали свою книгу, недавно вышедшую из печати, «*Venäjan kahdet kasvot. Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä*»¹ («Два лика России. Образ России как элемент формирования финского идентитета»).

А. Н. Цамутали
О. П. Илюха

¹ *Venäjan kahdet kasvot. Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä / Toim. Timo Vihavainen. Helsinki: Edita, 2004.*

А. Н. Цамутали

Образ Финляндии в России: влияние на его формирование среды и времени

У русских, в XIX–XX вв. побывавших в Финляндии, возникали самые различные впечатления. На их настроение влияли по-своему в одних случаях политическая ситуация, в других – суровая, но величественная природа. По-разному складывалось отношение к Финляндии и у тех, кто смотрел на нее, то как на автономное Великое княжество Финляндское, то как на страну являвшуюся ближайшим соседом, представлявшим иной мир, мир, где властвует капитал и буржуазия.

По-разному представала Финляндия в планах и рассуждениях государственных деятелей дореволюционной России. Профессор Туомо Полвинен в монографии «Держава и окраина» обратил внимание на то, что сменявшие друг друга на посту военного министра Д.А.Милютин, П.С.Ванновский, А.Н.Куропаткин, люди различных политических симпатий и личных качеств, были едины в своем отрицательном отношении к существованию самостоятельных финляндских войск¹. Т.Полвинен напоминает о том, что

© Цамутали А.Н., 2004.

¹ *Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 42–45, 61 и др.*

С.Ю.Витте считал крайне неудачным назначение Н.И.Бобрикова финляндским генерал-губернатором¹. Бобриков в разговоре с Витте, поздравившим его с новым назначением, сказал, что поздравлять его нечего, так как его назначение в Финляндию так же тяжело, как было тяжело графу Муравьеву, когда его назначили виленским генерал-губернатором. На это Витте заметил, что такое сравнение он не может понять: «Муравьев был назначен в Вильно во время польского восстания для усмирения этого восстания – Финляндия же представляет собою самостоятельную окраину Российской империи, весьма спокойную и культурную, которая никогда не высказывала каких бы то ни было сепаратистских и революционных тенденций. Таким образом, граф Муравьев был назначен для усмирения восстания, а, по видимому, Вы, при Вашем взгляде на положение Финляндии, назначаетесь туда для того, чтобы из мирной Финляндии сделать воинствующую Финляндию, т[о]-е[сть] для того, чтобы породить там восстание»². Комментируя в «Воспоминаниях» свой разговор с Бобриковым и не одобряя его назначение, Витте уточнял свое отношение к Финляндии: «Я, со своей стороны, остаюсь и теперь при том мнении, которое всегда имел по этому вопросу, а именно, что несомненно надлежало и надлежит принять постепенные меры для большего объединения Финляндии с Россией, но эти меры отнюдь не должны были нарушать того особого конституционного строя, который был дан Финляндии императором Александром I Благословенным и императором Александром II Освободителем и который, т[о]-е[сть] строй, поддерживали как император Николай I, так Александр III, хотя я смею думать, что эти четыре императора были не менее националисты, нежели новоявленные националисты настоящего времени»³.

Заметим, что общее отношение Витте к Финляндии во многом перекликается с тем, что писал в составленных в 1890–1894 гг. «Загробных заметках» Н.Х.Бунге, покинувший пост министра финансов в 1888 г.⁴

¹ Полвинен Т. Держава и окраина. С. 60–61, 257–258.

² Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 556.

³ Там же. С. 556–557.

⁴ Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в). Подготовил к изданию Л.Е.Шепелев. СПб., 1999. С. 191–264. См. также: Шепелев Л.Е. «Загробные заметки» Н.Х.Бунге // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 242–246.

Бунге писал «Загробные заметки» как политическое завещание, первоначальный вариант которого предназначался лично Александру III, а после его кончины переадресованное Николаю II. Часть II этих «заметок» была озаглавлена: «Россия должна принадлежать русским», а отделение пятое части II имело заголовок «Финляндский вопрос»¹. Бунге сетовал по поводу того, что «Финляндия принадлежит к числу окраин, в которых на упрочение русской государственности менее всего было обращено внимания»². Он находил ошибочной политику правительства, поддерживавшего «финскую национальность и финский язык в противоположность шведской интеллигенции и шведскому языку», потому что это было «в ущерб русскому [языку], который подобно шведскому мог бы мало-помалу проникать в среду финского народа как государственный и заменить со временем употребление шведского языка». Бунге сожалел, что «поддержанием и развитием финской народности усилилось отчуждение Финляндии от империи». У него было беспокойство по поводу того, что создавалась, как он считал, «возможность в будущем тяготения к Финляндии финских племен, населяющих некоторые части губерний С.-Петербургской и Архангельской»³.

Не имея возможности в настоящем докладе подробно рассмотреть предложения Бунге по «финляндскому вопросу», отмечу, что он имел в виду прежде всего «решение вопросов о финляндской армии, о таможенной линии, отделяющей Финляндию от России»⁴. Он также беспокоился о необходимости уточнения «обоюдных прав, которыми должны пользоваться русские нефинляндцы, имеющие оседлость в Финляндии, и финляндцы, поселившиеся в других областях империи»⁵. Бунге понимал сложность предлагаемых мер, в частности то, что введение общей для России таможенной системы коснется не «одних только Таммерфорских привилегий», а также речь пойдет «о распределении таможенных доходов между финляндским и государственным казначейством, а главное – о всей совокупности косвенных налогов, существующих в Финляндии, о конкуренции финляндской промышленности с рус-

¹ Судьбы России. С. 223–229.

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 227.

ской»¹. Для Бунге была очевидна возможность проявления недовольства в Финляндии при проведении предлагаемых им мер, поэтому он считал, что «необходимо устранить всякие предположения насчет обрусения и насчет подчинения Финляндии административному устройству и законам в центральных губерниях империи»². Бунге понимал сам и напоминал другим, что Финляндия – «страна благоустроенная, с населением грамотным, твердым в религиозных убеждениях и что нет повода ломать существующие в ней порядки для того, чтобы подвести их под общий уровень порядков, существующих в России», тем более, что «последние требуют еще немало улучшений и усовершенствований и во многом отстают от тех начал, которые обуславливают гражданственность и внутреннее благоустройство Финляндии»³.

На фоне рассуждений и Бунге, и Витте курс, которому последовал Бобриков, неизбежно вел к обострению ситуации в Финляндии. Изложив свой разговор с Бобриковым, Витте писал, что «определение» последствий назначения Бобрикова «оказалось совершенно правильным»⁴. Много лет спустя Т.Полвинен назвал Витте «прозорливым», а его «замечание» «пророческим»⁵. Впрочем, многие в высших сферах были встревожены действиями Бобрикова. Тот же Туомо Полвинен пишет о том, что мать Николая II вдовствующая императрица Мария Федоровна находила недовольство финнов Бобриковым обоснованным⁶.

После генерал-губернаторства Бобрикова Финляндия уже не представлялась русским государственным деятелям «спокойной окраиной», являвшей собой в этом отношении противоположность Царству Польскому. В этом смысле представляет интерес оценка положения в Финляндии, изложенная в недавно опубликованных «Мемуарах» И.И.Толстого, написанных им вскоре после непродолжительного пребывания в должности министра народного просвещения (с октября 1905 г. по октябрь 1906 г.).

¹ Судьбы России. С. 227–228.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

⁴ Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 556.

⁵ Полвинен Т. Держава и окраина. С. 257–258.

⁶ Там же. С. 208–209.

Рассуждая о том, что «хотя большинство народонаселения и принадлежит к русскому племени в широком смысле, наше Отечество поглотило и массу инородческих племен, составляющих все же большой процент населения страны», И.И.Толстой находил, что в России «особенно тяжело приходилось полякам и евреям». Тем не менее, по мнению И.И.Толстого, «начальный толчок антирусскому движению или, точнее, движению против русского правительства и его режима был дан не этими народностями, а маленькою Финляндиею, считавшеюся в царствование Александра III образцом лояльности и любви к династии»¹. Отметим, что И.И.Толстой «собственно началом активной революции» считал «убийства Бобрикова и Плеве, а первым опытом действия массами – демонстрацию 9 января 1905 г. под предводительством пресловутого попа Гапона»².

В отличие от Витте, который склонен был противопоставлять антифинляндскую политику Николая II политике Александра III, Толстой полагал, что «Александр III все-таки к концу жизни заметил, что не все там (в Финляндии. – А. Ц.), с его точки зрения, благополучно, но не успел принять соответствующих мер, завещав их своему преемнику». Не останавливаясь «на описании роспуска финляндской «Армии» и Бобриковского режима», Толстой полагал, что последовавшая затем вспышка революционного движения в Финляндии угасла, хотя и не совсем, после, как он считал, ей были «дарованы все права», «которых она добивалась, за исключением пока только собственной армии»³. Во всяком случае «выдающаяся роль Финляндии в ходе Российской революции», по мнению Толстого, «сильно сократилась». Он объяснял это тем, что «финны слишком напуганы прелестями Бобриковского режима, который они, со всей справедливостью приписывают существовавшим до сих пор в России порядкам и образу правления». Вместе с тем Толстому было ясно, что все симпатии финнов «на стороне тех, которые стремятся к ниспровержению существующего государственного строя», и что финны верят, «что конституционная Россия не станет угнетать мелких народностей, ей подвластных»⁴.

¹ Полвинен Т. Держава и окраина. С. 287–288.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 288.

⁴ Там же. С. 289.

Как видим, восприятие Финляндии, следы которого мы находим в заметках, воспоминаниях государственных деятелей России, порой серьезно отличалось друг от друга. Вместе с тем все, о ком мы писали выше, в той или иной степени считали Финляндию частью Российской империи.

Принципиально иные взгляды на русско-финляндские отношения и соответственно иной образ Финляндии были у русских революционеров. Об этом не раз писали историки¹. Поэтому в настоящем исследовании мы коснемся лишь некоторых сторон этой проблемы.

Напомним, что уже в XIX в. многие русские революционеры считали возможным привлечь финнов к борьбе против царского самодержавия, при этом сочувственно относились к идее самостоятельной Финляндии. М.А.Бакунин, надеявшийся, что не только в Польше, но и в Финляндии начнется восстание, писал одному из руководителей польских повстанцев А.Гуттри, что намерен ехать в Стокгольм и добавлял: «Если мне только удастся побудить свободолюбивых шведских патриотов начать восстание в Финляндии, то я буду доволен и счастлив»². Весной 1863 г. Н.П.Огарев, излагая отношение революционной организации «Земля и воля» к Финляндии, предлагал план действий, учитывавший различные варианты совместных действий³. Заключительная часть плана Н.П.Огарева завершалась формулировкой: «Для нас самостоятельность Финляндии становится такою же дорогою внутренней мыслью, как и для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную»⁴.

В 1863 г. братья Петр и Александр Кропоткины покинули военную службу, отказавшись от блестящей карьеры. Этому решению во многом способствовало использование русских войск против польских повстанцев. Братья Кропоткины не хотели в этом участвовать.

¹ См. напр.: *Цамутали А.Н.* Общественное движение в России и Финляндии во 2-й половине XIX в. – начале XX в. // *Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. к 60-летию И.Я.Фроянова.* СПб., 1996. С. 639–643, 645–648, 653–655.

² Цит. по: *Восстание 1863 г.: Материалы и документы. Русско-польские революционные связи.* Т. 2. М., 1969. С. 29.

³ Подробнее о плане Н.П.Огарева см.: *Нечкина М.В.* Новые материалы о революционной ситуации в России. Статья и публикация // *Встреча двух поколений.* Сб. ст. М., 1980. С. 218–222.

⁴ Цит. по: Там же. С. 220.

Покинув военную службу, П.А.Кропоткин поступил в университет, с головой ушел в научную работу, стал деятельным участником экспедиций, предпринимаемых Географическим обществом. Очень быстро в среде ученых он приобрел большой авторитет, и в 1871 г. ему предложено было стать ученым секретарем Географического общества. Это лестное для него предложение Кропоткин получил, будучи в экспедиции в Финляндии. В это время он много думал о судьбах трудового народа, особенно крестьян, о тяжелой доле трудящихся людей не только в России, но и в других странах. Исходив многие районы Финляндии, наблюдая, как живет финский крестьянин, Кропоткин, по его словам, «думал также очень много о социальных вопросах, и эти мысли имели решающее влияние» на его «последующее развитие»¹. Кропоткин впоследствии вспоминал, что когда он «всматривался в холмы и озера Финляндии», у него «зарождались новые величественные обобщения»². Раздумывая о судьбе тружеников, сопоставляя облик финского крестьянина и русского крестьянина, Кропоткин обращал внимание на суровую и вместе с тем величественную природу Финляндии. Кропоткин задумывался над тем, «какое громадное количество труда затрачивает финский крестьянин, чтобы расчистить поле и раздробить валуны»³. Кропоткин старался проникнуть в духовный мир финского крестьянина и так писал о нем: «Вон там, на гребне громадной морены... стоит финский крестьянин, он погружен в созерцание расстилающихся перед ним прекрасных вод, усеянных островами. Ни один из этих крестьян, как бы забит и беден он ни был, не проедет мимо этого места, не залюбовавшись. Или вот там на берегу озера стоит другой крестьянин и поет что-то до того прекрасное, что лучший музыкант позавидовал бы чувству и выразительности его мелодии. Оба чувствуют, оба созерцают, оба думают. Они готовы расширить свое знание, только доставьте им средства завоевать себе досуг»⁴. Восприятие Финляндии Кропоткиным воссоздает чуткость его природы. Его впечатление о музыкальности финского крестьянина перекликается с рассказом А.П.Керн, близкого друга А.С.Пушкина. Вспоминая о

¹ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 223.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 226.

путешествии в Финляндию в обществе поэта А.А.Дельвига и композитора М.И.Глинки, она воспроизвела характерный эпизод. А.П.Керн и А.А.Дельвиг вдруг заметили, что М.И.Глинка «с карандашом в руках и листком бумаги что-то пишет, а его возница поет какую-то заунывную песню». Впоследствии А.П.Керн узнала, что «из этого “мурлыканья возницы” Глинка выработал тот самый мотив, который так ласково и грустно звучит в арии Финна в опере “Руслан и Людмила”»¹.

Через несколько лет после экспедиционных работ 1871 г., в 1875 г. П.А.Кропоткин бежал за границу через Финляндию. Жандармы ждали его на границе с Восточной Пруссией, считая этот путь более вероятным, хотя не упускали из вида и Финляндию. Это подтверждается докладными записками В.Н.Стрельского, причастного к розыскам бежавшего из-под стражи Кропоткина².

Образ Финляндии, воссозданный Кропоткиным, на мой взгляд, более эмоционален, чем у других русских революционеров. Это показывает, как я полагаю, значение психологического склада, способности более чутко воспринимать и окружающую природу, и людей. Другие русские революционеры в своих воспоминаниях, я бы сказал, более рассудочны. Для них главное – их собственные действия, а потому, оказавшись в Финляндии, они прежде всего думают о том, что в ней они не подвергаются той опасности, которая исходит от полицейских властей на территории собственно Российской империи, и потому взгляд на финнов у них практичен.

Индивидуальным был подход к Финляндии и ее народу у политических деятелей либерального толка, критиковавших проявление крайностей в политике правительства.

В 1907 г., когда правительство во главе с П.А.Столыпиным, тогда же ставшим председателем Особого совещания по делам Финляндии, предпринимает наступление на автономные права Великого княжества Финляндского, каждая политическая партия России создает свой образ Финляндии. Правые изображают Финляндию как несущую угрозу безопасности России, утверждают, что на ее территории якобы готовятся посягательства на государственную безопасность и порядок в России. В 1908 г. в одном из запросов в Думе, инспирированном правительством, правые утверждали, что убийст-

во петербургского генерал-губернатора фон Лауница и другие террористические акты были подготовлены в Финляндии. Они требовали распустить Красную гвардию и «Войму», будто бы готовящие «вооруженное восстание для полного отделения Финского края от России». Сам П.А.Столыпин заявляет, что «корень зла» он видит в «финляндском сепаратизме», восходящем ко времени присоединения Финляндии и достигшем наибольшего подъема во время революции 1905–1907 гг. Его поддерживают октябристы и особенно правые. Н.Е.Марков 2-й предлагал «конституцию, данную Финляндии», «отменить без всяких разговоров»¹. В.М.Пуришкевич заявлял: «Пора это зазнавшееся Великое княжество Финляндское сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятина»².

Опускаю подробности известной полемики, разгоревшейся в 1908–1910 гг., драматические обстоятельства, сопровождавшие обсуждение закона 17 июня 1910 г., принятого, несмотря на предостережения со стороны либеральных и левых депутатов 3-й Государственной думы. Лишь напомним, что голос В.М.Пуришкевича, поспешившего провозгласить: «*finis Finlandiae*» – «конец Финляндии»³, не мог заглушить голоса тех, кто предостерегал правительство. В их числе были члены социал-демократической фракции, один из которых – Е.П.Гегечкори осудил законопроект как «ничем не прикрытый голый акт насилия»⁴, а другой – Н.С.Чхеидзе упрекнул кадетов за умеренные требования⁵.

Сложная позиция фракции кадетов могла бы быть предметом специального исследования, но в данном докладе мы лишь хотели отметить, что у одного из ее лидеров в Думе П.Н.Милюкова, кроме посвященных Финляндии выступлений в печати, носивших чисто политический характер, было и чисто личное впечатление от Финляндии, в какой-то мере отраженное в его «Воспоминаниях», написанных уже в годы эмиграции. Вспоминая, что к 1905 г., когда его «материальные возможности значительно увеличились» и появился «вкус к постоянной оседлости», он не только «обзавелся постоянной

¹ Цит. по: *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 49.

² Цит. по: Там же. С. 50.

³ Цит. по: Там же. С. 78.

⁴ Цит. по: Там же. С. 73.

⁵ См.: Там же. С. 74.

¹ Керн А.П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1989. С. 64–65.

² Голос минувшего. 1917. № 1. С. 84–94.

квартирой в Петербурге», но и стал искать возможность приобрести дачу. Несколько страниц в «Воспоминаниях», посвященных, казалось бы, обыденным деталям, связанным с приобретением, обустройством, с расположением дачных участков, могут приоткрыть часть души П.Н.Милюкова, особенностей его склада, черт характера, показать как человека и семьянина. Тем не менее эта краткая часть «Воспоминаний» несет на себе и отпечаток событий глобального масштаба, оказавших влияние на судьбы тысяч людей, среди которых оказались и политики такого уровня, как П.Н.Милюков, и русские и финские крестьяне, и миллионы других людей.

Семья Милюковых сначала обзавелась было уютным домиком на берегу Черного моря в Крыму, где и провела «несколько вакаций». «Затем, – вспоминал Милюков, – открылась другая возможность – приобрести участок в Финляндии, в местности Ино, которая начала заселяться дачниками». Однако обладание этим живописным участком оказалось непродолжительным: дачников выселили, так как стали строить форт¹. Но остался «интерес к прибрежной местности Финляндии». Вскоре внимание Милюкова привлек живописный участок. Милюкову при виде ручейка, протекавшего по дну «ущелья», сразу представилось «доисторическое время, когда ручеек был горным потоком, промывшим себе путь к морю». На участке сохранилась «старинная крестьянская изба, солидно сложенная из толстых бревен красной сосны, давно переведшейся в этой местности», за ней – «классический четырехугольник полуразвалившихся служб: циклопическая постройка из грубых камней, деревянные амбары и, у самого входа, бревенчатая сторожка, которую можно было превратить в баню». По мнению Милюкова, «лучшего сочетания особенностей всей Финляндии в миниатюре нельзя было найти». Он не стал разрушать старые постройки, а перестроил и усовершенствовал их. Опуская приведенные в «Воспоминаниях» детали, очень хорошо описанные Милюковым, отмечу лишь, что в старинной избе «получился большой кабинет», куда Милюков «перевез часть своей библиотеки» из Петербурга и «первоначальный состав» его «старой московской библиотеки»². Милюков воспроизводит особый уголок его жизни, где были он, его жена, сын Сергей и дочь Наталья. Отмечу

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 43.

² Там же. С. 44–45.

важную черту в воспоминаниях о жизни в Финляндии. Она не похожа на то, что было на дачах Репина, Чуковского, Горького, где всегда было полно гостей, приезжих. Здесь только свои. Упомянуты лишь ближайшие соседи, «семья Леонида Андреева», которые как-то приходили «специально фотографировать» «живописный домик» Милюкова.

Жизнь на даче в Финляндии, вспоминал Милюков, – «сельская идиллия», «в годы эмиграции кончилась печально»¹: «младшие дети сделались жертвой войны и белой борьбы, а дача была сожжена добрыми финляндскими соседями, чтобы побудить нас продать им участок». Соседи «очень зарились на луг, единственный в окрестностях орошенный водой, и предлагали раньше сдать его им в аренду», на что Милюков «не соглашался»².

Художник Ю.П.Анненков, проживший долгую жизнь (родился в 1889 г., умер в 1974 г.), оставил написанные в эмиграции интересные воспоминания, в которых важное место занимает и старая Финляндия. В воспоминаниях Ю.П.Анненкова мы видим поистине мозаичную картину, воспроизводящую встречи на даче в Куоккала и со знаменитыми поэтами, писателями, артистами, и с самыми известными деятелями революционного движения в России. В очерке «Владимир Ленин» Ю.П.Анненков рассказывает, как его отец, кстати сказать, уроженец Олонецкой губернии, в молодости был членом партии «Народная воля», избежал грозившей ему смертной казни, отбыл ссылку в Сибири, вернувшись в Европейскую Россию в 1893 г., поселился в Самаре, где познакомился с семьей Ульяновых и подружился с Владимиром Ильичем Ульяновым и Марком Тимофеевичем Елизаровым. В 1895 г. Павел Анненков смог переехать в Петербург, отошел от революционной деятельности и со временем, успешно работая «в одном из крупнейших страховых и транспортных обществ», стал его директором и, обретя достаточное материальное обеспечение, «обзавелся прекрасным имением в финляндском местечке Куоккала», где его семья «проводила летние месяцы в течение восемнадцати лет (1899–1917)»³. Кого только не повидал Ю.П.Анненков «в легендарной Куоккале», с кем только не познакомился. Его «Куоккальские встречи» давали повод не только для рассказа о знаменитых людях,

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 45.

² Там же. С. 45–46.

³ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 2. Л., 1991. С. 231–232.

но и для рассуждений о судьбе русской культуры, о судьбе России, жизнь которой была потрясена революционными бурями. Вспоминая встречи со В.Э.Мейерхольдом, первая из которых произошла в Куоккала в 1914 г., Ю.П.Анненков воссоздает природу Карельского перешейка, описывает, как они с Мейерхольдом «блуждали по лесным гушам, собирая грибы – подберезовики, подосиновики, сморчки, опенки...», как «катались на лодке по Финскому заливу»¹. Уточняя обстоятельства, при которых впервые («кажется, в четырнадцатом или пятнадцатом году») в Куоккала появился С.А.Есенин, которого привез к Репину К.И.Чуковский, Ю.П.Анненков рассказывает, что после вечера в Пенатах, С.А.Есенин, встреченный холодно собравшейся публикой, заночевал на даче Анненковых.

Рассказав о встрече и начавшейся дружбе с С.А.Есениным, Ю.П.Анненков привел длинный перечень знаменитостей, подолгу гостивших «в его «родовом» куоккальском доме, прозванном там «литературной дачей» и отделенном узкой дорогой от знаменитой мызы Лентула, где много лет провел Горький». На первом месте среди перечисленных друзей отца Ю.П.Анненкова в этом списке была названа «освобожденная из Шлиссельбурга Вера Фигнер»².

После двадцати пяти лет одиночного заключения, в 1905 г., прямо из тюрьмы В.Н.Фигнер приехала на дачу Анненковых. «Две-три недели», которые В.Н.Фигнер провела на даче в Куоккала, она сама, по словам Ю.П.Анненкова, считала своим воскресением, возвратом к жизни. Спустя год, в 1906 г., в Куоккала «поселился другой народоволец – [Николай Александрович] Морозов. В тот же год (1906) приехал в Куоккалу, скрываясь от петербургской полиции, В.И.Ленин, поселившийся на даче “Ваза”», – вспоминал Ю.П.Анненков и продолжал: «Он неоднократно заходил в наш дом навещать моего отца и В.Н.Фигнер»³.

Очень характерно, что освобожденная из тюрьмы В.Н.Фигнер первые недели на свободе проводит именно в Финляндии, где ей легче было постепенно приходиться в себя.

Считаем нужным подчеркнуть, что в воспоминаниях Анненкова, повидавшего в Куоккала много не просто знаменитых, а порой и гениальных людей, цвет русской культуры, дача его отца навсе-

гда осталась как маленькая часть Финляндии. Вспоминая встречи с В.В.Маяковским, он пишет, что они играли в крокет «ночью, белой, полусветлой, финской ночью»¹. Во время устроенных Максимом Горьким соревнований по французской борьбе, участниками которых были молодые люди, как вспоминал Анненков, каждый имел особую кличку, а ему дали прозвание «Гроза Финляндии», «как постоянному финскому жителю»².

По-иному взглянул на Финляндию и вспоминал о ней Н.Е.Андреев, впоследствии известный историк, преподававший в Праге, а затем в Лондоне. Н.Е.Андреев, семья которого до революции жила в Петрограде, а во время гражданской войны оказалась сначала на территории, занятой войсками Юденича, а затем в эмиграции в Эстонии, в 1926 г. учился в Таллинне в гимназии. В его воспоминаниях «То, что вспоминается» он описывает, как эмигранты тосковали по России, по Петербургу. В 1926 г. участники школьного литературного кружка, членом которого был и Н.Е.Андреев, совершили поездку в Финляндию, посетили Хельсинки, Выборг и Валаамский монастырь. Участники экскурсии, вспоминал Н.Е.Андреев, «с большим интересом рассматривали в Финляндии все, начиная с ее суровой и очень стильной природы: скалы, озера, суровый почерк природы, другой, чем в Эстонии», где им пришлось жить. Н.Е.Андреев отмечал, что «интересно было посмотреть на отголоски русской империи в Финляндии», что «их было очень много, начиная с укреплений, фортов при входе в гавани, батарей, которые были российскими, а стали финскими». В Гельсингфорсе русских школьников и их учителей «особенно поразило здание Парламента, где в главном зале был трон», с которого «Александр I в 1809 г. открыл Сейм, финский парламент», которого «в России в ту эпоху еще не было». «В одной из задних галерей парламента оказалась целая вереница портретов русских императоров» и «ряда российских деятелей, имевших отношение к Финляндии», – вспоминал Н.Е.Андреев и так описывал сложившееся у него впечатление: «Это тоже было очень приятно, возможно, у меня была особая чувствительность к таким русским историческим ассоциациям. Я лично это очень переживал – на меня вдруг пахнуло традицией России, Империей». Как видим,

¹ Анненков Ю.П. Указ. соч. Т. 2. С. 27.

² Там же. Т. 1. С. 145.

³ Там же. С. 43.

¹ Анненков Ю.П. Указ. соч. С. 169.

² Там же. С. 23.

впечатление от своеобразной природы Финляндии, ее своеобразного облика сочеталось с особенным вниманием к тому, что напоминало Н.Е.Андрееву о России. После Хельсинки Н.Е.Андреев и его товарищи побывали в Выборге. Здесь их «замечательно принимала русская гимназия и в частности ее преподаватель или директор Александр Николаевич Введенский»¹. Во время экскурсии по Выборгу А.Н.Введенский рассказал и о том, что в 1918 г. «белая финская гвардия» расстреливала «без всякого суда» и русских. «Это очень неприятно поразило» Н.Е.Андреева и его друзей, «и даже финские краски немножко потускнели»². Этому способствовало и то, что когда в Иматре участники экскурсии (46 человек) громко пели хором русские песни, к ним «пришла в красной шапке начальница станции» и попросила руководство группы «прекратить русское пение, потому что русские притеснители Финляндии и слушать их песни финнам неприятно»³.

Судя по дальнейшему рассказу Н.Е.Андреева, неприятное впечатление от описанных выше инцидентов в Выборге и в Иматре, напомнившие о том, что пребывание Финляндии под российской короной многими финнами воспринималось как ее притеснение, затем было сглажено после посещения монастыря на Валаамских островах. Особенно запомнилось Н.Е.Андрееву посещение схимонаха Ефрема, среди других молитв прочитавшего «За врагов наших, ненавидящих нас, Господу помолимся»⁴.

На обратном пути, в Хельсинки, жители столицы Финляндии поразили участников экскурсии «своей молчаливостью». «Это было удивительное впечатление после Эстонии, где все тараторили», – добавляет Н.Е.Андреев⁵.

Вспоминая о поездке в Финляндию, Н.Е.Андреев размышлял о том, что в XIX в., как он считал, после присоединения к России «были открыты шлюзы для развития финской культуры», преподавание на шведском языке было заменено преподаванием на финском языке, что «вызвало национальное возрождение». Участники же экскурсии, как вспоминал Н.Е.Андреев, заметили, что во мно-

¹ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 193.

² Там же. С. 193–194.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 194–195.

⁵ Там же. С. 198.

гих случаях финны «судили о России только по последним событиям и в большинстве случаев отрицательно»¹.

Таким образом, мы видим, что образ Финляндии у оказавшегося в эмиграции подростка, помнившего Россию, Петроград, где прошло его детство, оказавшегося затем в Эстонии, нес на себе оттенки различных впечатлений, среди которых ему оказывалось особенно близко то, что напоминало Россию, запомнилась суровая красота природы, но оставляло горький отпечаток то, что невольно напомнило о сложностях во взаимоотношениях между Россией и Финляндией, приобретших особенную остроту в годы, когда усилились русификаторские тенденции в действиях русских властей, и о жестокостях, сопровождавших революции и гражданские войны.

Особое место среди созданных в годы Советской власти образов Финляндии занимает взгляд на эту страну, зафиксированный в материалах и документах следственных дел, сфабрикованных ОГПУ в 1929–1930 гг. В «Предисловии» к выпускам 1 и 2 «Академического дела», в приложенных к этим выпускам статьях о С.Ф.Платонове и Е.В.Тарле², в специальном исследовании «Принудительное “соавторство”», написанном Б.В.Ананьичем и В.М.Панеяхом³, показано, что многие показания, полученные от подследственных, были результатом «оживления» заранее подготовленного следственной группой сценария, в конечном результате создавшего видимость деятельности контрреволюционной организации.

Частным эпизодом в этом сценарии была мнимая связь подследственных не только с германской, французской, но и с финляндской разведкой, якобы готовивших интервенцию против СССР.

При сличении текстов показаний, протоколов, других материалов, включенных в следственное дело, можно проследить, как постепенно создавался, точнее фабриковался образ Финляндии как государства, участвующего в интервенции против СССР и помогающего контрреволюционным силам, находившимся в СССР.

¹ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 197–198.

² Академическое дело 1929–1930 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1996; Вып. 2 (Ч. 1, 2) СПб., 1998.

³ Ананьич Б.В., Панеях В.М. Принудительное «соавторство». (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1930 гг.» Вып. 1) // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С. 87–111.

В опубликованных выпусках «Академического дела» финляндская тема представлена в выпуске 2 (в 2-х частях), содержащем следственное дело Е.В.Тарле. Он был арестован 28 января 1930 г., а первое упоминание о Финляндии появилось в «Собственноручных показаниях» от 20 мая 1930 г.¹ Сравнение «Собственноручных показаний» Е.В.Тарле от 20 мая², 17³ и 29 июня⁴ 1930 г., «Сводного протокола показаний Е.В.Тарле, составленного А.Р.Строминым» от 29 июня 1930 г., «Собственноручных показаний Е.В.Тарле» от 30 августа 1930 г. и некоторых других позволяет проследить, как постепенно «совершенствуется» описание роли Финляндии в якобы ожидаемой интервенции против СССР.

В показаниях от 20 мая 1930 г. появляется «третий вариант плана восстания в Ленинграде и Москве», согласно которому «отряд эмигрантов, финнов-добровольцев и т. п. образуется на границе и внезапно является к Ленинграду». При этом Тарле об этом плане будто бы слышал от московского историка М.М.Богословского в 1926 г., но не запомнил, «как этот вариант сопрягается с немцами». В этих же показаниях заходит речь о национальной политике, которой будто бы придерживалась мнимая контрреволюционная организация, участниками которой были Платонов и Тарле. О Финляндии сказано здесь в одной форме: «Особое отношение (уважительное) было к Финляндии»⁵.

Заслуживает внимания мотивировка особого отношения к Финляндии. Оно объясняется, «во-первых», желанием («очень хотелось») скопировать ее организацию по охране порядка⁶, под которой имелся в виду Шюцкор. Отношение к Шюцкору несколько раз уточняется, но в «Собственноручных показаниях» Тарле неоднократно замечает, что не помнит названия⁷. Ссылка на Платонова, который будто бы «восторгался организацией внутренней военно-политической силы в Финляндии (забыл название), специально созданной для борьбы против революционных попыток низвергнуть строй»⁸. Наконец, в

¹ Академическое дело 1929–1930 г. Вып. 2. Ч. 1. С. 134.

² Там же. С. 134–153.

³ Там же. С. 273–285.

⁴ Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 343–473.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 144.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 342.

⁷ Там же. С. 399.

⁸ Там же. С. 342.

«Сводном протоколе показаний Е.В.Тарле, составленном А.Р.Строминым», один из пунктов «плана захвата Ленинграда» гласил: «12. Для поддержания внутреннего порядка в стране и борьбы с революционными выступлениями организуется, помимо общей полиции, специальная военно-полицейская сила в духе «Шюцкора» в Финляндии...». Заметим, что это слово в машинописной копии воспроизведено как Жуцвер и не исправлено¹.

Отношение к Финляндии было особым, как сказано в показаниях Тарле, «во-вторых», потому что «при разных обстоятельствах позиция ее была очень важна для судьбы Ленинграда». В дополнение к этой фразе в показаниях от 20 мая 1930 г. говорилось: «Платонов в свое время надеялся на интервенцию со стороны Маннергейма»². В показаниях Тарле, полученных от него не позднее 29 июня 1930 г., эта фраза уточнялась. «Пытаясь» вспомнить и сформулировать отношение Платонова к лимитрофам, Тарле писал: «Он мне лично говорил еще в первые годы революции, что ждет вторжение “конницы Маннергейма” (его точные слова) в Ленинград, что одним ударом сметет сов[етскую] власть»³.

Со ссылкой на С.Ф.Платонова и М.А.Мерварта в показаниях Тарле встречаются и слова о военной помощи Финляндии со стороны Германии. В «Собственноручных показаниях» от 17 июня 1930 г. говорилось: «Что немецкие офицеры действуют в Финляндии, в Латвии и у лимитрофов вообще, я слышал от Мерварта, от Платонова. Платонов говорил мне, что ему в Германии сказали, что финляндцы взяли на службу наилучших герман[ских] офицеров прежнего Ген[ерального] штаба и что все их усилия направлены на выработку плана кампании против СССР». Будто бы Мерварт сказал Тарле, что «только немцы избавили Финляндию от большевизма и что они же организовали финскую армию». О самом Мерварте в этих же показаниях Тарле сказано: «Что Мерварт немецкий шпион – я не имел никакого понятия. Но я знал его резко антисоветское настроение»⁴. В показаниях Тарле, датированных «не позднее 29 июня», сказано, что Платонов «приводил Финлян-

¹ Академическое дело 1929–1930 г. Вып. 2. Ч. 2. С. 397.

² Там же. Ч. 1. С. 144.

³ Там же. Ч. 2. С. 342.

⁴ Там же. Ч. 1. С. 284.

дию как образчик страны, спасенной от большевизма исключительно немецкой высадкой в 1918 году»¹.

В показаниях Тарле можно найти и описание контактов «военной группы» с представителями разведки Польши, Финляндии и Латвии. Этому был посвящен раздел в «Сводном протоколе показаний Е.В.Тарле, составленном А.Р.Строминым» и датированном 29 июня 1930 г. Установление этой связи приписывалось Н.В.Измайлову, заведующему рукописным отделом Пушкинского дома и зятю Платонова, который по сценарию, составленному ОГПУ, якобы возглавлял «военную группу». Измайлов будто бы «непосредственно» установил связь с «представителями финской разведки». В протоколе, подчеркнем, написанном рукой Стромина и подписанном Тарле, фигурировало пока что безымянное лицо, которое сначала было названо «финским гражданином», затем рукой Стромина было вписано слово «разведчик». Про него также было сказано, что он «приезжает нелегально из Гельсингфорса, состоя на службе финского Мин[истерства] ин[остранных] дел в качестве дипломатического курьера». Заметим, что если речь идет о лице, состоящем официально на службе в Министерстве иностранных дел в должности дипкурьера, почему он приезжает из Гельсингфорса нелегально? Далее по «финскому разведчику» было сказано, что он в Петрограде «связался с отдельными учеными», «например», с такими, как непреходящий секретарь Президиума Академии наук академик С.Ф.Ольденбург, математик академик В.А.Стеклов, психиатр профессор Военно-медицинской академии В.П.Осипов. Затем говорилось, что «финский разведчик» «завел эти знакомства, имея рекомендации от живущего в Гельсингфорсе быв[шего] зав[едующего] русским отделом университетской библиотеки, члена партии эсеров Андрея Викторовича Игельстрема». «Финский разведчик», говорилось в протоколе, «в годы голода сносился также с комитетом Дома ученых, куда он привозил из Финляндии продуктовые пожертвования для ученых»². В «Собственноручных показаниях Е.В.Тарле» от 30 августа 1930 г. вновь зашла речь о «финском разведчике»: «Что касается финна, то это дипломатический курьер финского консульства в Ленинграде, ездит постоянно из Ленинграда в Гельсингфорс и обратно, был как-то связан с американской АРА в голодные

годы, приезжая с какими-то подарками или пожертвованиями в СССР, связан был с Домом ученых в эпоху ученого пайка, с Ольденбургом, Осиповым, Панковым, Стекловым, был... рекомендован Максиму Горькому и еще кому-то Андреем Викторовичем Игельстромом, членом партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], библиотекарем русского отдела университетской библиотеки в Гельсингфорсе». О финском дипкурьере было сказано, что с ним «давно знаком Измайлов. Как и где познакомились Измайлов и дипкурьер, Платонов не сказал», – говорилось в «показании», после чего следовало уточнение: «Сносятся они, когда финн приезжает в Ленинград. Фактически, по словам Платонова, Измайлов получал от них обоих сведения, но не давал, так как все, что он мог дать, они знали без него. Этот финн интеллигентный и имеет какое-то отношение к Гельсингфорскому университету, знаком в Ленинграде с учеными, был не то лаборантом, не то ассистентом в Гельсингфорсе»¹.

Как видим, в уточненном и дополненном варианте версия о «финском разведчике» предстает более отчетливой. Исчезает утверждение о том, что он ездил в Ленинград нелегально. Повидимому, он действительно бывал и раньше в Петрограде, был как-то связан с американской организацией АРА, а потому имел дело, вероятно, вполне официально со многими учеными и литераторами, в числе которых был и А.М.Горький. Мог быть знаком с Н. В. Измайловым, молодым, но уже известным и деятельным научным работником. Версия о шпионском характере этого знакомства весьма шаткая. «Финский разведчик», как и его знакомый в библиотеке Гельсингфорского университета «знали и без него» (то есть Измайлова) «все, что он мог дать», а потому Измайлов ничего «не давал». Получается, как и во многих других эпизодах, явно неубедительное описание якобы шпионской деятельности.

Почти одновременно с арестами по «Академическому делу» ОГПУ произвело в Ленинграде, Москве, Киеве, Харькове, во многих других городах аресты бывших офицеров, большая часть которых была осуждена по так называемому «делу “Весна”».

Делу «Весна» посвятил свою книгу «Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг.» журналист Ярослав Тинченко², получивший доступ к документам из Государственного архива службы

¹ Академическое дело 1929–1930 г. Вып. 2. Ч. 2. С. 342.

² Там же. Ч. 2. С. 409.

¹ Академическое дело 1929–1930 г. Ч. 2. С. 512.

² Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.

безопасности Украины. В приложениях к книге Я.Тинченко приведены и некоторые документы. Нельзя исключить того, что и «Академическое дело», и дело «Весна» могли стать подготовительным этапом к большому открытому процессу, который не состоялся. Во всяком случае, в некоторых позициях по «делу “Весна”», как и по «Академическому делу», фигурирует «финляндская тема».

Несколько человек фигурировали как в «Академическом деле», так и в деле «Весна». Частично опубликованы протоколы допросов А.А.Кованько, бывшего офицера лейб-гвардии Измайловского полка, имя которого упоминается в числе обвиняемых и в «Академическом деле», где ему приписывали участие в «Военной группе» «Всенародного союза борьбы», и по делу «Весна». В показаниях и по «Академическому делу» и по делу «Весна» встречаются имена бывшего офицера лейб-гвардии Московского полка В.Ф.Пузинского, и бывшего офицера А.Ф.Путилова, бывшего полковника лейб-гвардии Саперного полка Г.С.Габаева. Все трое после революции работали в архивах.

В опубликованных протоколах арестованных по делу «Весна» так же, как и по «Академическому делу», встречается финляндская тема, при этом от арестованных по делу «Весна» следователи добивались подробных показаний, касающихся событий Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. У многих присутствует характеристика Финляндии как возможного участника боевых действий против Советской России.

В следственных делах встречаются описания попыток бывших офицеров, в годы гражданской войны оставшихся в Петрограде, наладить связь с оказавшимися в Финляндии бывшими сослуживцами, особенно с теми, кто стал служить в финляндской армии.

В показаниях бывшего полковника Ф.И.Балабина от 3 ноября 1930 г. и 1 января 1931 г. говорится, что он, по поручению сочувствовавшего Германии бывшего офицера Генерального штаба П.П.Дурново, сына сенатора П.Н.Дурново, убежденного сторонника союза с немцами, вместе с еще одним бывшим офицером отправился в Финляндию, с целью разыскать там бывшего начальника Генерального штаба Марушевского, чтобы «выяснить его позицию». Балабин и его спутник «доехали до Белоострова, с молочными жбанами перешли границу, сели на первой станции в поезд и беспрепятственно приехали к Марушевскому», «который с семьей жил на одной из станций около Выборга». П.П.Дурново

сказал Балабину, что «имеет связи с немецким генералом, командующим корпусом в Пскове», что «Марушевский очень интересуется настроениями ленинградского офицерства и мог бы быть очень полезен для немецко-финского движения». Миссия Балабина и его попутчика не оправдала надежд Дурново. В показаниях Балабина так описана встреча с Марушевским: «У него мы получили полный афронт, так как он оказался заядлым сторонником Антанты. Его слова были примерны: «Передайте Петьке» (П.П.Дурново. – *А. Ц.*), чтобы он раз и навсегда бросил валять дурака. Так же беспрепятственно мы на следующий день вернулись назад. Дурново был весьма сконфужен, его престиж для нас весьма подорван, и наши встречи с ним на этом кончились»¹.

Д.Д.Зуев, бывший полковник лейб-гвардии Преображенского полка, у белых не служивший, оставшийся в Советской России, тем не менее в глазах следователей мог иметь какие-то связи с офицерами не только Преображенского, но и других, в первую очередь гвардейских полков. В его показаниях, скорее всего данных в соответствии с вопросами следователей, есть и упоминания о Финляндии. Сам Д.Д.Зуев, по всей вероятности, не был знаком с К.Г.Маннергеймом, но в его показаниях упоминается бывший генерал-майор Б.В.Шульгин, «старый собутыльник и приятель» Зуева, якобы вовлекший Зуева в деятельность контрреволюционного «центра», действовавшего в Петрограде в первой половине 1918 г. Среди прочих эпизодов, связанных с деятельностью этого центра, отметим упоминание о том, что Шульгин якобы отправил «для связи с ген[ералом] Маннергеймом какого-то юношу, вольноопределяющегося», с «картой и пакетом», с «запиской», которая была в общих чертах о том, что «мы готовы свергнуть большевиков, когда он подойдет к Выборгу, и просьба об информации»². В показаниях Зуева сказано, что «Шульгин – товарищ Маннергейма по Пажескому корпусу». Заметим, что тут явная неточность. Маннергейм окончил не Пажеский корпус, а Николаевское кавалерийское училище. По поводу финала этой истории Зуев показал: «Что случилось с юношей и его поручением – никогда не знал, и ответа от Маннергейма получено не было»³. Другое упоминание о Финляндии связано с разделенными на несколько пунктов

¹ Цит. по: Тинченко Я. Указ. соч. С. 323.

² Цит. по: Там же. С. 346.

³ Цит. по: Там же. С. 346.

о «сохранении удобного случая», под которым подразумевалась «германская интервенция». Пункт «б» гласил: «значение Финляндской ж[елезной] д[ороги], как кратчайшего подступа при обозначившейся победе белой Финляндии и «благословения» на это дело б[ывшего] штабс-капитана Бутовского». В пункте «г» было сказано: «Поиски связей и нахождение их с финнами – два свидания, одно Шульгина, другое – мое (где-то на Конюшенной в доме лютеранской церкви) с представителем быв[шего] генерал-губернатора Энкеля, фамилия шведская – не помню»¹. Дальнейшее развитие событий в связи с этими переговорами изложено в следующих словах: «Более остро и энергично обсуждались лишь финские контртребования: представитель Энкеля, с которым я видался на Конюшенной, имел минимальные требования: Карелия, перешеек, финляндская ж.д. и правый берег реки Невы (к самому северному протоку) с мостом в «вольном порту Петрограде». За это финны обещали двинуть войска по направлению Петрограда, а внутри города «помочь» своими людьми, но в первую очередь против красных финнов, отступавших на Петроград. Эти контртребования признавались Гольдгойером и Шульгиным нелепыми и дальнейшие переговоры, по нашей во всяком случае линии, прервались»².

Судя еще по одному протоколу (без даты), следователи возвращались к эпизоду с возможностью участия финляндских войск в борьбе против Красной Армии. В нем Зуев уточнял: «Записка к Маннергейму была написана мною под диктовку Шульгина и им подписана, содержание – общего характера и рассчитана была на установление непосредственной связи. Обсуждался ли вопрос о посылке к Маннергейму на собрании головки или это была личная инициатива Шульгина – мне неизвестно»³. Вновь был затронут и случай со встречей с обменом записками с «представителем Энкеля». Условия «финского представителя», как сказано в показаниях Зуева: «это программа «Великой Финляндии», причем реальной помощи финны фактически не обещали. Было ясно, что «их люди» всю свою энергию вложат в борьбу с эвакуировавшимися в Петроград кадрами финской красной гвардии, советским правительст-

¹ Цит. по: Тинченко Я. Указ. соч. С. 357.

² Цит. по: Там же.

³ Цит. по: Там же. С. 371.

вом и К[оммунистической] Партией Финляндии»¹. О самом «финском представителе» было сказано: «Разговор наш был непродолжительным, официален, сухо вежлив. Представитель – типичная фигура финского шведа, с военной выправкой, корректный, молчаливый, я ему высказал сомнения о целесообразности «запроса», с которым все равно в будущем никто считаться не станет, что послужит поводом к последующим конфликтам, он, не входя в обсуждение, заявил, что он уполномочен мне передать то именно, что он передал»².

Не берусь судить, насколько можно считать достоверным то, что писали в 1930–1931 гг. арестованные бывшие офицеры. Было бы интересно обратиться к архивам Финляндии, посмотреть, есть ли там свидетельства о каких-то контактах с оставшимися в Петрограде бывшими офицерами.

Оставляя в стороне проблему достоверности изложенных в показаниях версий, замечу, что в показаниях Балабина, Зуева, некоторых других бывших офицеров речь идет о событиях 1917–1918 гг. Если на основе этих показаний составить образ белой Финляндии, противостоящей Советской России и Красному Петрограду, то она предстает в виде потенциального противника, образ которого скорее создан в представлении тех, кто назван в числе «заговорщиков», чем построен на реальных фактах.

Таким образом, в статье представлены, как нам представляется, несколько видов образа Финляндии, создававшихся русскими в различной среде, в разное время, в разнообразной обстановке, несших на себе отпечаток как своеобразия характера, так и рода занятий, политических взглядов и других факторов.

¹ Цит. по: Тинченко Я. Указ. соч. С. 375.

² Цит. по: Там же. С. 376.

Г. М. Коваленко

Финны и Финляндия в восприятии русских

(с древнейших времен до начала XIX в.)

Финны и русские стали соседями уже на заре существования Древнерусского государства. Народные предания, которые являются продуктом художественного освоения исторических событий, сохранили воспоминания о славянской колонизации Севера и первых контактах новгородцев с чудью – племенами воти, ижоры, эстов, населявшими берега Невы, Ладожского озера и Финского залива. С того времени этноним «чудь» в народной речи, а потом и в летописях закрепляется за прибалтийско-финскими племенами. Как отметил В.Кипарский, «в царской России обычное название финнов “чухна” соответствовало финскому “рюссия” и являлось производным от слова “чудь”»¹.

С середины XII в. начинается эпоха военного противостояния Новгорода и Швеции, и новгородцы совершают походы в центральную Финляндию (Тавастланд), которую русские летописи называют емь, ямь, Емская земля. В новгородских летописях почти каждые 5–10 лет встречаются указания на походы новгородских князей, посадников и воевод в землю еми, которые по большей

© Коваленко Г. М., 2004.

¹ Kiparsky V. Suomi venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945. S. 16.

части оканчивались успехом, так как разрозненные слабые финские племена не могли устоять перед новгородскими дружинами. В целом, летописные сведения о финнах очень скудные, они фиксируют лишь военные столкновения с ними по формуле «ходиша новгородцы на емь и воеваша землю их».

В XVI в. летописцы стали называть Финляндию Финской землей, население которой они по традиции именовали чудью. Так, в Псковской летописи сказано, что живущая в Швеции «чудь якоже и доныне во всех их западных странах гнушаются ими»¹. В это время финны были в глазах русских язычниками и арбуями (знахарями, колдунами). От общения с ними предостерегал жителей Водской пятины новгородский архиепископ Макарий в 1534 г.: «Мне сказывали, что многие христиане с женами и с детьми своими заблудили от истинныя православныя веры... и в Петров деи пост многие ядят скором, и жертву деи и пития жрут и пият мерзским бесом и призывают деи на те свои скверныя молбища злодеевых отступник арбуев чюдцких. И те арбуи смущают деи христианство своим нечестием и их деи развращением учением своим те христиане заблудив многие злочинья творили»².

Природная замкнутость и молчаливость финнов способствовали тому, что в русских людях укоренилась вера в их таинственную силу и ведовские способности. Для наших предков Финляндия была пустынной и каменистой «чертовой сторонушкой»³ – страной колдунов и волшебников, которые умели вызывать бурю, наводить мрак на солнце, заклинать вражеское оружие. Такой взгляд на финнов разделял М.В.Ломоносов. Он, в частности, писал: «Норские писатели приписали немалую часть храбрости финского народа колдовству, в чем оный носил на себе великое нареkanie»⁴. А.С.Пушкин в «Руслане и Людмиле» создал образы колдунов финна и Наины (Nainen?). Для него Финляндия – «угрюмый край», где «между пустынных рыбаей/

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851. С. 51.

² Грамота новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину об искоренении языческих требищ и обрядов // Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 27–28.

³ Пословицы русского народа. Собрание В.Даля. Т. 1. М., 1989. С. 305.

⁴ Ломоносов М. В. Древняя Российская история // Избранные произведения. Архангельск, 1980. С. 203.

наука дивная таится./ Под кровом вечной тишины/ среди лесов в глуши далекой/ живут седые колдуны»¹.

В XVII в. упоминаний о Финляндии и финнах в русских литературных памятниках и летописях очень мало, ничего не говорится даже о том, что финны были в армии Якоба Делагарди. Русских пограничных воевод Финляндия интересовала главным образом с военной точки зрения – как место дислокации шведских войск («с соседом дружись, да за саблю держись»). В 1650 г. в Новгородской приказной избе расспрашивали ездившего в шведские владения посадского человека Никиту Тетерина. Он сказал, что между Выборгом и Або «стоят два приказа солдат числом 1200, а начальник над ними Нильс Асерссон, а до тех мест он был в бою с ратными людьми против датского короля»².

Торговые поездки русских людей в Финляндию и через Финляндию были побудительным мотивом для того, чтобы в какой-то мере знать финский язык. Об этом свидетельствует русско-шведский разговорник новгородских купцов Кошкиных, на первой странице которого записаны финские числительные.

В XVIII в. Финляндия привлекла внимание русских людей в связи с Северной войной. Готовясь к войне со Швецией, Петр I собирал сведения о пограничных землях, дорогах и крепостях. Возможно, по его поручению Холмогорский архиепископ Афанасий (Любимов) составил «Описание трех путей в Швецию», которое можно считать первым русским географическим описанием Финляндии. Описав Выборг, Або (Турку), Каянеборг (Каяни), Оулу, он обратил внимание на расположение этих городов, их облик и значение, состав и занятия горожан. Иногда автор отмечает природные и географические особенности финских земель, приводит ряд деталей, оживляющих текст и передающих его впечатления, не лишённые эмоциональной окраски. Тем самым он вызывает читательский интерес к неизвестной для него земле и ее обитателям³.

¹ Такой взгляд на финнов был распространён не только в России. В одной старинной шведской рукописи говорилось, что финские волшебники способствовали победам Густава Адольфа, но не могли заговорить русское оружие (*Елисеев А.В.* Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям // Древняя и новая Россия. 1880. IX. С. 294).

² Мятёжное время. Следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. СПб.; Кишинев, 2001. С. 364.

³ *Панич Т.В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского. Новосибирск, 1996. С. 118, 184–187.

В первой русской печатной газете «Ведомости» упоминались те местности Финляндии, которые стали театром военных действий. Особое внимание на Финляндию обратил Феофан Прокопович. В «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) он указал на то, что Полтавская виктория в конечном итоге привела к подчинению Финляндии России: «Полтавская бо победа многих иных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что... Абов с непобедимую (якоже словяше) Финию, Ревель и Пернав ... и иные крепости славные, аки сломленные, власти российской покорились»¹. В «Слове похвальном о флоте российском» (1720) он оценил ее как военный фактор, отметив, что она питала военную мощь Швеции: «Отродилася бы неприятелю сила: паки было бы ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии множество воинства и имения и хлеба, паки бы походы его и нападения на твоя внутренняя»². В то же время он характеризовал финнов-чухну как «простой грубый народ, который ест грубую пищу, плохо одевается и не бреет бороды».

В XIX в. под Лугой было записано предание, в котором иносказательно в сказочной форме запечатлелись события Северной войны, в нем говорится о том, как швед и русский сватались к одной красавице, которая сказала, что пойдет замуж за того, кто сумеет овладеть ею. Швед при помощи финского колдуна овладел девушкой и повез ее к себе на родину. Но русский догнал его, избил, забрал невесту, а колдуна утопил в море. За этим традиционным сюжетом о сватовстве двух соперников отчетливо проступает метафоризированная борьба русских со шведами и финнами за овладение побережьем Финского залива³.

Русско-шведская война 1741–1743 гг., которая велась на территории Финляндии, оставила в памяти россиян только финские географические названия. Их упоминают М.В. Ломоносов в оде, написанной в связи с победой при Вильманстранде и Псковский епископ Стефан Калиновский в благодарственной речи, которую он произнес по случаю подписания Абоского мира⁴.

¹ *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 162.

² Там же. С. 118.

³ *Елисеев А.В.* Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям. С. 293.

⁴ *Kiparsky V.* Op. cit. S. 25.

В XVIII в. история Финляндии попадает в поле зрения российских ученых. В связи с изучением истории России к ней обратился прежде всего М.В.Ломоносов. Он считал, что финские племена (чудь) сыграли важную роль в древней истории россов. В своей «Древней Российской истории» он писал, что «Финляндия в те веки была весьма сильна и своими владетелями управлялась»¹.

Эти идеи Ломоносова развил В.Н.Татищев. Опираясь на изданную Христианом Неттельбладтом латиноязычную «Хронику Финляндии», он предполагал, что в Финляндии до шведского завоевания существовали раннегосударственные образования. Татищев был создателем финско-варяжской теории. Ссылаясь на утраченную впоследствии Иоакимовскую летопись, он утверждал, что варяги пришли из Финляндии, а Рюрик был близким родственником финского короля Узона (Кусо): «Иоаким паче всех сие утверждает, что Рюрик из Финляндии и как сын дочери Гостомысловы по наследию в Руси государем учинился». Он подкрепил эту конструкцию наблюдением, что финны были русыми и рыжеволосыми, что соответствовало этнониму «русь», а также тем фактом, что в Або была гора Рюссберг².

Эти идеи Татищева разделяла Екатерина II. Она написала историческое представление «Из жизни Рюрика», в которой Рюрик был сыном финского короля Людбрата и дочери Гостомысла Умилы. Об этом она писала также и в своих исторических сочинениях³.

В Екатерининское царствование русские начинают посещать Старую Финляндию⁴. Одним из первых путешественников была сама императрица. Летом 1772 г. она ездила на водопад Иматру. Величественное зрелище дикой природы доставило ей удовольствие. В 1783 г. она ездила на встречу с Густавом III в ближайший к русским владениям город Фридрихсгам (Хамину), который она назвала «неприятнейшим приморским местом». Свое впечатление о Финляндии она сообщила в письмах сыну: «Начиная с Выборга, в продолжение всего

дня мы видели только двух птиц, да и то были ворона и рыболов; в этой стране совсем не видать живых существ, даже комаров нет, которых здесь не водится, мы не встречали их от самой Осиновой Роши, зато камней в бесчисленном множестве; сама почва кажется каменистая, жители редки, так же как и плодоносная земля; финляндцам, однако, удается уничтожать камни и обращать их в пахотную землю; делается медленно, но все-таки делается, и я не преувеличиваю, говоря, что мы видели тысячи подобным образом обращенных в землю камней»¹.

В целом, эта часть Финляндии произвела негативное впечатление на императрицу: «Место это так хорошо, что может служить ссылкой... Когда, наконец, выберемся из этого чистилища. Царское Село – рай в сравнении с этой отвратительнейшей стороной»². Еще резче она отзывалась о Финляндии в письмах к Я.Гримму: «Боже мой! Какая страна! Как можно было проливать человеческую кровь для обладания пустыней, в которой даже коршуны не хотят жить»³. Императрицу в поездке сопровождала Е.Р.Дашкова. Характерно, что в своих «Записках» она лишь упомянула об этой поездке, но ничего не написала о своих впечатлениях от нее.

В 1782 г. в Финляндии побывал князь А.И.Вяземский. Проехав по береговой полосе южной Финляндии, он был удивлен тем, что она не только имела достаточно хлеба для пропитания своего населения, но и поставляла его в Швецию. Он обратил внимание также на устроенность быта местного населения: «Мужики живут очень изрядно, и мне кажется, что избыточнее, чем наши». «Женский пол, – по мнению князя, – беспримерно хорош, особливо ртом и зубами». Его поразила также редкая честность жителей, особенно то обстоятельство, что на дорогах Финляндии нет грабежей и разбоев.

Эстерботния понравилась ему меньше, здесь было беднее и грязнее, чем в южной Финляндии. По его наблюдениям, в г. Васа «было домов двести, все они маленькие и дурные, все деревянные, в два жилья». Он отметил также, что «Борго очень некрасив, а Ло-

¹ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 203; *Latvakanagas A. Riksgrundarna*. Turku, 1995. S. 25.
² Татищев В.Н. История Российская // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994. С. 291; *Он же*. Лексикон Российской, исторической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 205; Китнер Ю.И. В.Н.Татищев в Швеции // Архангельск в XVIII в. СПб., 1997. С. 388–389.
³ Екатерина II. Записки касательно российской истории // О величии России. М., 2003. С. 169, 177.
⁴ Юго-восточная Финляндия, перешедшая к России по Ништадскому миру 1721 г.

¹ Императрица Екатерина II. Письма и документы, хранящиеся в архиве города Павловска // Русская старина. 1873. Ноябрь. С. 654–655.
² Там же. С. 658.
³ Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 54.

виса похожа на остальные». Зато Або он описывает как большой город с каменными строениями и богатым купечеством¹.

В 1791–1792 гг. по поручению императрицы укреплением финской границы занимался А.В.Суворов. Ему было приказано ехать в Финляндию «до самой шведской границы для опознания положения мест для обороны оной». Он руководил ремонтными и строительными работами в Фридрихсгаме, Вильманстранде, Давидштаде, Нейшлоте, Утисе и Роченсальме.

Его интерес к Финляндии носил прежде всего профессиональный характер. Его любимым детищем была заложённая им крепость Кюменгорд, ставшая главным укрепленным пунктом южной части финской границы: «Всего мне милее Камнегород, красавица, могущая пленять с гульбою по цветам чрез Гельсинфорс и – Абов; всякий имеет свою страсть». В заслугу Суворову можно поставить также строительство укреплений на островах при Роченсальме: «Пред выездом я гулял по Рочисальму. Массивнее, прочнее и красивее строеньев трудно обрести. Так пограничная крепость»².

Он пытался также навести порядок в расквартированных в Финляндии полках, где дезертирство приняло массовый характер. Одной из причин того были природные условия. Солдаты болели чахоткой, водяной болезнью, цингой (скорбутом), которую он лечил кислой капустой.

Несмотря на занятость, круг его общения с местным населением был довольно широк. Во время поездок по Финляндии Суворов одевался очень скромно, ездил без свиты, и местные жители часто принимали его за простого офицера, делились с ним своими радостями и горестями, а он потом оказывал им помощь. В одном из писем он пишет: «Пасторша в Мендугаруе очень ласкова, у нее 8 детей. С Штейнгелем меня потчивала за офицеров»³. В усадьбе в Кюми, где он жил некоторое время, он построил церковь и сформировал церковный хор. Там у него было много друзей и собеседников. Одному из друзей он писал, что три часа подряд танцевал на балу контрданс⁴. В Хамине он снимал верхний этаж у вдовы полкового лекаря госпожи Грен, с

которой он проводил приятные вечера за чашкой чая и в беседах не только на русском, но и на финском языке¹.

В целом, его впечатления от природы Финляндии очень лаконичны и эмоциональны: «Здесь снег, грязь, озера со льдом, проезд тяжел и не везде... И супруг вранов здесь не видим. С новой луны непрерывные дожди, темнота, мрак, краткие дни. Странствуя в сих каменномшистых местах, пою из Оссиана. О, в каком я мраке!»².

Известный русский поэт Иван Дмитриев во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. прослужил четыре месяца в Хамине. В боевых действиях он, видимо, не участвовал и видел финнов «только в положении унылых пленников», не оставивших следа в его памяти. Зато «дикая, но Оссиановская, везде величаявая и живописная» природа Финляндии произвела на него неизгладимое впечатление: «гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны не могли мне наскучить».

В следующем году он еще раз ездил в Финляндию на свидание с братом. Под впечатлением от этой поездки он написал стихотворное послание к Г.Р.Державину, назвав его единственным русским живописцем природы³.

В сентиментально-романтическом духе описала Финляндию в своем прозаическом произведении «Камин и ручеек» (1795) Александра Хвостова. Она запечатлела печальную финскую природу и создала образ бедного финского земледельца. С опущенной головой бредет он в свою убогую хижину, где ждут его голодные дети, с которыми он делит свой скудный хлеб с примесью сосновой коры. Только во сне забывает он свои горести. Сон – единственное благо, которое дала ему природа⁴.

Таким образом, к концу XVIII в. были заложены основы российского стереотипа восприятия Финляндии: романтическое таинственное великое прошлое и безнадежно серая бедная современность. Этот стереотип, как любой другой национальный стереотип, отразил некоторые характерные черты финской народности, но с известной долей карикатурности⁵.

¹ Бородкин М. Указ. соч. С. 57–59, 60–61.

² Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 237.

³ Там же. С. 227, 626.

⁴ Rekola K. Suorov. Generalissimus-Genius. Helsinki, 1989. S. 131.

¹ Rekola K. Op. cit. S. 382.

² Там же. С. 2, 238, 240.

³ Дмупиев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 50–53.

⁴ Kiparsky V. Op. cit. S.30–31.

⁵ См.: Яковлева А. Финны и русские: диалог культур // ФАКТ. 2000. № 1. С. 5.

Э. Г. Карху

Финско-русские литературные связи

XIX–XX веков

Давнее, уходящее в глубь веков и тысячелетий соседство карелов, финнов и русских стало постоянным фактором их исторического развития. Даже в самые напряженные периоды их истории, изобиловавшей военными конфликтами, не прекращались межэтнические контакты в сфере материальной и духовной культуры.

Как известно, прибалтийско-финские народности причастны к возникновению русского государства, о чем свидетельствуют древнерусские летописи. Последующая наука выдвинула теорию уральского происхождения финно-угорских народов, и прибалтийские финны должны были свыкнуться с мыслью, что генетически и исторически они – евразийцы, имеющие отношение и к Европе, и к Азии.

Подобное же говорят о себе русские, населяющие оба континента. Вспомним строки Александра Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными очами!».

Между прочим, финский просветитель второй половины XVIII века Х.Г.Портан писал как раз о скифском происхождении финских племен. К этому можно добавить, что и сегодня, когда Финляндия входит в Европейский Союз и вроде бы окончательно и

бесповоротно «европеизировалась», сами финны нет-нет и напоминают не в меру увлекающимся головам, что в них все еще сохраняется нечто от «угров» и «азиатов».

Межэтнические культурные контакты весьма многообразны, и в этом общем историческом обзоре нет необходимости касаться всех форм, тем более с исчерпывающей полнотой. Нам важно охарактеризовать своеобразие каждого из исторических этапов с привлечением имеющихся исследований как по собственно народной (еще бесписьменной), так и профессиональной культуре, в основном по литературным связям.

Фольклорно-языковые межэтнические контакты

Этносы, их языки и фольклорные традиции соприкасались и взаимовлияли еще в те отдаленные от нас времена, которые принято называть «доисторическими» и от которых не осталось письменных свидетельств. Контакты осуществлялись в процессе устного общения более или менее спонтанно. Современная наука находит следы межэтнических контактов в языковых этимологиях, топонимике, в мифологических и исторических преданиях, песнях и сказках, пословицах и поговорках.

Главный вывод заключается в том, что народы, тем более соседствующие друг с другом, никогда, даже в самые древние эпохи не жили в полной изоляции, этнической обособленности. Подобно тому, как языки рождаются в процессе общения людей, так же культуры создаются коллективными усилиями родовых общин, племен, народов, наций, преемственностью многих поколений. Объективный исследовательский опыт показывает, что всякая односторонняя абсолютизация культурной самобытности какого-либо народа в прошлом или настоящем обычно не имеет под собой почвы, равно как серьезных оговорок требуют и модные ныне (у нас и за рубежом) утверждения, что высокая культура создается лишь «интеллектуальной элитой» и массы не имеют к ней отношения. В связи с 200-летием Пушкина приходилось слышать от иных комментаторов, что и он настолько «элитен», что понятен лишь избранным. Но ведь сам-то Пушкин верил, что его будут читать «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгуз, и друг

степей калмык». Сама по себе «элитность» культуры ставит под вопрос ее народность и общечеловечность.

Свою небольшую страну и ограниченный прибалтийско-финский языковой регион финны нередко сравнивают с островом между двумя куда более обширными культурно-языковыми материками – славянским и германо-скандинавским. Однако эта «островная» обособленность лишь относительная; то, что прибалтийско-финские языки по своей структуре сильно отличаются от славянских и германских и сравнительно мало известны в остальном мире, еще не исключает многосложных перекрестных культурных взаимодействий и с Востоком, и с Западом. Неслучайно в Финляндии принято делить национальную культуру, как и народные диалекты, на две основные исторически сложившиеся разновидности: западнофинскую и восточнофинскую. Различия проявляются в фольклоре, в истории формирования финского литературного языка, в религиозно-конфессиональной принадлежности жителей, в типах национального характера, в региональном своеобразии крестьянских строений, усадеб и сельского ландшафта. Земля и леса в течение столетий использовались по-разному, на западе стало раньше внедряться современное полеводство и промышленное использование лесов, тогда как на востоке еще в начале XX века сохранилось подсечно-земледелие и нетронутые лесные массивы.

Различия в межэтнических контактах уходят в глубь истории. По Ореховскому миру 1323 года значительная часть северной и восточной Финляндии, в том числе с карельским населением, отошла от Швеции к Новгородскому государству, и установившаяся граница просуществовала довольно долго, что способствовало распространению русского влияния на местную народную культуру. Еще М.А.Кастрен отмечал в 1830-е годы русское влияние на восточнофинскую и карельскую сказочную традицию, что подтверждали затем последующие финские исследователи. Существует мнение, что и название северного финского города Каяни возникло не без русского влияния, подобно тому, как название города Турку выводится из русского слова «торг» (там бывали русские торговые люди). Название округа Кайнуу русские произносили как «Каян», и так стало называться торговое место, будущий город Каяни. В новгородских летописях Ботнический залив называется «Каяно море» – это тоже модификация древнего названия округа Кайнуу.

Финско-карельско-русские языковые и этнокультурные взаимодействия исследовались некоторыми финскими и отечественными учеными, хотя интерес к ним носил эпизодический характер. Примером того, как эти взаимодействия происходили в области фольклора, может служить вышедшее в 1986 году исследование П.Хакамиеса «Влияние русских пословиц на карельские и финские пословицы»¹. В исследовании привлекаются для сопоставления отчасти и пословицы вепсов и ингерманландских финнов. Автор исходит из того, что это были разные по степени русского влияния регионы, разной интенсивности были межэтнические контакты. Наиболее ощутимые в восточных регионах, они постепенно ослаблялись к западу. Восточные регионы – это обширная Олонецкая Карелия со смешанным карельским, вепсским и русским населением, а также Карельский перешеек с приближенностью к Петербургу и постепенным распространением двуязычия среди местного населения. В смысле интенсивности контактов некое срединное положение, по мнению автора, занимают территории нынешних финляндских губерний Северная Карелия и Саво, где частично распространено православие; далее идет уже протестантско-лютеранский Запад, где русские влияния ослабевают, они более опосредованы и случайны, но все же оставили след.

В книге П.Хакамиеса много любопытных наблюдений. Русские пословицы усваивались разными способами. Иногда они попросту переводились с русского на карельский, вепсский, реже на финский язык, причем в переводах оставались даже некоторые русские слова, чуть измененные по форме и звучанию. Обнаруживаются также следы влияния русского синтаксиса. Автор выделяет три основных синтаксических признака, перенесенных из русских пословиц в карельские, вепсские и финские: 1) употребление в обобщенном значении глагола во втором лице единственного числа (типа: как посеешь, так и пожнешь); 2) отсутствие союза в сложных предложениях (типа: семь бед – один ответ); 3) использование безличных инфинитивных предложений (типа: волков бояться – в лес не ходить). Все эти признаки-конструкции довольно часто встречаются в карельских, вепсских, ингерманландских пословицах, тогда как в диалектах западной Финляндии их почти

¹ *Hakamies P. Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaisen sananparistoon. Joensuu, 1986.*

нет, что позволяет предположить преимущественное русское влияние на ближние регионы. Следующее наблюдение автора касается употребления отрицательной частицы «не» в русских, карельских и финских пословицах. В отличие от русского языка, где отрицательная частица остается неизменной и обычно стоит перед глаголом, в прибалтийско-финских языках (и в большинстве уральских) отрицательная частица сама спрягается по образцу глагола, и потому ее положение в предложении более свободно, что относится и к пословицам. Автор считает, что исходя из позиции отрицательной частицы в синтаксических конструкциях, можно судить о большей или меньшей близости некоторой части карельских и вепсских пословиц к русским пословицам.

*От фольклора к литературе
и профессиональному искусству*

На протяжении многих столетий карельская этнокультура играла нередко посредническую роль между финской и русской культурой. Сначала это происходило в рамках устной традиции и продолжилось затем в форме книжно-литературных контактов.

Решающую роль в этом переломе сыграли публикации Элиаса Лённрота и его современников. Через «Калевалу», «Кантелетар», сборники сказок, заклинаний, пословиц фольклорные богатства Карелии обрели книжную форму, включались в литературный и общекультурный процесс, становились известными образованному миру.

«Калевала» 1835 года имела подзаголовок: «Старинные карельские руны о древних временах финского народа» – подразумевалось не только генетическое родство двух этносов, но и равное их право на общее культурное наследие и его использование в дальнейшем развитии. В финскую национальную культуру вошли элементы карельской культуры, подобно тому как финская нация включила в себя часть карельского этноса.

Известному финскому скульптору Алпо Сайло (1877–1955), многие работы которого посвящены карельским рунопевцам и навеяны «Калевалой», принадлежат следующие, сказанные в 1921 году слова о значении эпоса для финской культуры: «Что возвышало уровень нашего искусства? Что придало самобытное звуча-

ние нашей музыке? Что породило нашу национальную науку? Что пробудило в нас чувство национального достоинства? Что указывает нам путь и ведет нас к культурным победам? – С благоговением и радостью мы отвечаем одним словом: “Калевала”»¹.

Столь всеобъемлюще воспринимаемое влияние «Калевалы» и карельского фольклорного наследия на финскую культуру породило среди ее исследователей особое понятие «культурного карелианизма», весьма употребительное в последние десятилетия. С этим понятием связывают в особенности расцвет финской художественной культуры в ее «ренессансную эпоху» конца XIX – начала XX века, когда творили такие выдающиеся таланты, как художник Аксели Галлен-Каллела (1865–1931), композитор Жан (Янне) Сибелиус (1865–1957), поэт Эйно Лейно (1878–1926). Каждый из этих творческих личностей, как и Алпо Сайло, получил мощные импульсы от «Калевалы», ее поэтики и мифологической символики. Вместе с тем эти крупные таланты привнесли каждый в своей области много нового в художественную культуру эпохи, в связи с чем и содержание понятия «карелианизм» расширяется и не ограничивается лишь прямыми заимствованиями из «Калевалы» и фольклорной традиции. Поэтому не лишена основания высказываемая некоторыми финскими исследователями мысль, что привязанность «карелианистских» культурных влияний исключительно к «Калевале» может не только углублять, но и сужать исследовательский диапазон, особенно при истолковании новейших художественных явлений, так или иначе соотносимых с фольклорно-мифологическими традициями. То, что называется «калевальской культурой» и «калевальской эпохой», может стать застывшим, внеисторическим, чисто иллюзорным понятием вместо того, чтобы охватить и саму лённротовскую «Калевалу», и ее влияние на последующую культуру в исторической многообразности и развитии. Кроме того, при исследовании культурного «карелианизма» обманчиво представление о якобы «единой Карелии», которой в этнокультурно-языковом и государственно-административном отношении не существовало – исторически были отдаленные друг от друга регионы, отдельные диалекты, отдельные локальные куль-

¹ Nieminen M. Kalevala kohtolona. Alpo Sailon runonlaulajat ja toiminta Vienan Karjalassa. Juminkeko, 2001. S. 5.

турные традиции. Словом, Карелия «многолика», как подчеркивают ее финские исследователи¹.

В отношении фольклорных богатств Элиаса Лённрота и других финских собирателей XIX века более всего интересовали российская Беломорская Карелия (Виэна) и входившее тогда в финляндскую автономию Приладожье вместе с Карельским перешейком. С этнокультурной, экономической и социальной точек зрения это были очень разные регионы, что не могло в той или иной мере не осознаваться и теми финскими поэтами, художниками, музыкантами, которые искали непосредственного контакта с карельской народной жизнью и культурой. Те, кто жаждал встречи с наиболее архаическими их формами, совершали паломничества в рунопевческие деревни Виэны – к рубежу XIX–XX веков такие паломничества стали своего рода культовыми, их предпринимали нередко сразу после поездок в Париж и другие культурные центры Европы.

Во многом иная обстановка была на Карельском перешейке, где сказывалось влияние, с одной стороны, Петербурга, с другой – Выборга. Население обоих городов было в этническом и социальном отношении довольно пестрым, наряду с русскими здесь жило немало немцев, шведов (с соответствующими учебными заведениями на немецком и шведском языках); среди гражданских чиновников и военных имелись шведы финляндского происхождения (чаще из дворянского сословия). В Петербурге либо в его окрестностях родились и получили воспитание некоторые финские и шведско-финляндские писатели конца XIX – начала XX века (Арвид Ярнефельт, Бертель Грипенберг, Эдит Сёдергран, братья Генри, Оскар и Ральф Парланды); отдельные из них, например Тито Коллиандер, приняли православие.

На Карельском перешейке еще со времени Петра I складывалось крупное помещичье землевладение на так называемых дарственных землях; позднее возникло немало дачных усадеб петербуржцев, в том числе писателей и художников (Максим Горький, Леонид Андреев, Илья Репин). В 1920-е годы на даче финского писателя Олави Пааволайнена часто встречались члены литературной группы «пламеносцев» (Элина Ваара, Катри Вала, Лаури Вильянен и др.).

¹ *Sihvo H. Vanhoilla urilla. Helsinki, 2002. S. 59.*

Карельское, ортодоксально-православное, восточно-византийское – все это воспринималось финнами и финляндско-шведскими писателями и художниками не столько в прозаической реальности, сколько эстетически как экзотика и загадочная мистика, в отличие от западного прагматизма и реформированного лютеранско-протестантского религиозного сознания. Тито Коллиандера более всего привлекала в православных церковных обрядах их древность, многовековая устойчивость, верность однажды установленным канонам. Много позднее эстетическую сторону православия подчеркнул и Пентти Саарикоски, левый поэт, к удивлению многих принявший под конец жизни православие и завещавший похоронить себя в Новом Валааме, единственном православном монастыре на территории современной Финляндии.

Всего сегодня в Финляндии около шестидесяти тысяч человек православной веры, и большинство из них считают себя этническими карелами либо их потомками. Карельская этнокультура сохраняет для них особую ценность, они стараются придерживаться ее традиций.

Карельский перешеек вместе с Выборгской губернией вошел в состав России почти на столетие раньше остальной Финляндии, и там местное карельское население контактировало с иными культурными влияниями гораздо чаще, чем, скажем, жители северных рунопевческих деревень Беломорской Карелии. На Карельском перешейке даже крестьянская жизнь была более мобильна, люди чаще уходили на промыслы в Петербург, здесь раньше появилась современная дорожная сеть и первая железная дорога, связывавшая Петербург с Хельсинки, первые школы и первые газеты.

Но в начале XX века, особенно в связи с российскими и финляндскими событиями 1905–1907 годов, кое-что стало меняться и в Беломорской Карелии, в пограничных с автономной Финляндией восточнокарельских деревнях.

Под влиянием первой русской революции также в Финляндии пришли в движение широкие массы города и деревни, в ноябре 1905 года прошла всеобщая политическая стачка, вынудившая царское правительство временно приостановить русификаторскую политику диктата, направленную на уничтожение финляндской автономии. Отступление и уступки правительства происходили в России и Финляндии параллельно: манифестом от 17 октября 1905 года в России провозглашался конституционный образ правления,

предстояли выборы в Государственную думу; в Финляндии прежний сословный сейм был преобразован в демократический парламент со всеобщим избирательным правом, включая женщин (чего не было ни в России, ни в большинстве западных стран).

Эти двусторонние процессы по обе стороны границы нашли отклик в самых глухих углах, в том числе в деревнях Беломорской Карелии, в соседствующих с ними селениях северного финского округа Кайнуу, хорошо знакомого многим поколениям карелов-коробейников. Одним из последствий традиционной разносной торговли через границу было то, что часть карельских коробейников из Ухты, Вокнаволока и других приграничных деревень осела в Финляндии, некоторые из них открывали там свои лавки, становились купцами, хотя и не порывали родственных связей с прежними земляками. Свои русские имена и фамилии (дававшиеся при православном крещении) они меняли в Финляндии на финские, в той или иной мере созвучные с русскими. Это был опять-таки параллельный процесс – в Финляндии в 1906 году около ста тысяч человек, в большинстве этнических финнов, сменили свои прежние шведско-латинские фамилии на финские.

Осевших в округе Кайнуу карельских коробейников и их потомков было количественно меньше – около трех тысяч¹, но они составляли существенную часть местного населения. Некоторые из карелов-переселенцев получили в Финляндии образование (в частности, в Сортавальской учительской семинарии) и, бывая в родных деревнях, выступили инициаторами этнического пробуждения своих земляков. Перед их глазами был наглядный пример национально-культурного пробуждения в Финляндии, им открылись имена и идеи основных финских «будителей» – Ю.В.Снельмана, Э.Лённрота, Ю.Л.Рунеберга; их самих иногда называют карельскими «снельманами», осознавшими, что карелы нуждаются не только в сохранении традиционной этнокультуры, но также в развитии современного школьного образования на родном языке, в создании карельской письменности, в издании местных газет. Из коренных карелов, проявивших себя тогда в культурной области, заслуживает упоминания Ийво Марттинен (1870–1934), уроженец деревни Кивиярви Вокнаволоцкой волости (в

православных книгах значился как Иван Мартынов). Он стал крупным собирателем карельского фольклора, в Финляндии ему посвящена исследовательская книга, о нем рассказано кратко и на русском языке¹.

Другим деятелем, имевшим отношение к беломорско-карельским событиям начала XX века, был Ийво Хяркёнен (1882–1941), карел из крестьянской семьи прихода Суйстамо, что в пятидесяти километрах от города Сортавала. Проучившись в местной учительской семинарии (сначала на краткосрочных курсах так называемых странствующих учителей для «передвижных» сельских школ, затем с завершением всей семинарской программы в 1906 году), он пробовал себя в разных областях: уже в годы затянувшейся учебы собирал фольклор, работал в разных газетах, писал и публиковал стихи, учительствовал. А когда в том же 1906 году был создан Союз беломорских карелов, Ийво Хяркёнен вошел в состав его руководства и исполнял обязанности секретаря, выпустил для местного населения первую газету. Еще до двух учредительных заседаний новой организации (первое состоялось в апреле в финском городе Оулу, второе в августе 1906 года в Тампере) в вокнаволоцких деревнях проводились митинги жителей в поддержку этой инициативы – стимулом и официальным предложением послужил все тот же царский манифест от 17 октября 1905 года, обещавший конституционный образ правления; предстояло выдвинуть кандидатов в Думу и избирать выборщиков. Однако в Петербурге события развивались слишком стремительно и неожиданно: к моменту августовского учредительного заседания беломорских карелов первая Дума была в июле уже распущена, ее оппозиционные фракции собрались в Выборге для выражения протеста.

Наряду с культурно-просветительными задачами Союз беломорских карелов выдвигал экономические требования: равные для всех права на приобретение земельной собственности, разграничение крестьянских и казенных лесов, отмена таможенных барьеров в торговле местных жителей с Финляндией, строительство дорог, устройство больниц, улучшение почтовой связи.

Осенью 1906 года в Вокнаволоке была открыта первая «передвижная» школа на родном языке, аналогичные школы появились

¹ *Setälä V., Sihvo H., Timonen S. Iivo Härkönen, karjalainen heimomies. Joensuu, 1983. S. 11.*

¹ *Карху Э. Карельский и ингерманландский фольклор. СПб., 1994. С. 70–71; Vuoristo S. Iivo Marttinen – Vuokkiniemen kansanperinteen suurkerääjä. Helsinki, 1992.*

вскоре в Ухте и других местах, всего насчитывалось до двухсот учащихся. Учителей из местной молодежи готовили в Сортавальской семинарии, был напечатан специальный букварь для беломорско-карельских школ с учетом местного диалекта. В целях пробуждения интереса к грамоте у взрослых открывались избы-читальни, стала выходить ежемесячная газета «Karjalaisten Rakinoita» («Карельские беседы»), редактируемая Ийво Хяркёнемом, который тогда учительствовал в селе Салми.

Как уже отмечалось выше, инициатива во всех этих национально-культурных начинаниях исходила преимущественно из Финляндии – либо от тамошних коренных карелов, либо от переселившихся туда беломорских карелов, ознакомившихся с финским национально-культурным движением, с развитием школьного образования на родном языке и просветительской работы среди населения.

Среди тех, кто глубоко сочувствовал тогдашним бедствиям беломорских карелов и жителей пограничного округа Кайнуу, был финский писатель Илмари Кианто (1874–1970), весьма плодовитый автор, посвятивший немало страниц обитателям лесных деревень по обе стороны границы. В одном из лучших своих романов – «Красная черта» (1909)¹ – он описал как раз пробуждение лесной глуши, сокровенные надежды бедствовавших людей на демократические реформы, на всеобщее избирательное право, свободное волеизъявление в преобразованном парламенте – и трагический финал для нищего героя романа, оказавшегося в еще более отчаянном положении после «красной черты» в избирательном бюллетене. Примечательно, что Кианто был сыном лютеранского священника, но с церковью не ладил, обвиняя ее служителей в ханжеской морали и в сговоре с властями. Кианто был первым в Финляндии, кто в порядке общественного протеста и вызова демонстративно отказался от церковного обряда венчания при вступлении в брак. В молодости Кианто, как и Аарвид Ярнефельт, проучился несколько лет в качестве финляндского стипендиата в Московском университете для практического освоения русского языка и знакомства с русской литературой, много путешествовал по России и опубликовал в 1903 году книгу путевых очерков «От берегов озера Кианта к Каспийскому

морю». Кианто стремился через переписку к общению с Львом Толстым, хотя она и не получила такого развития, как переписка Толстого с Арвидом Ярнефельтом. К числу переводов Кианто с русского на финский язык принадлежат стихи Пушкина и Лермонтова, повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича», роман «Обломов» И.А.Гончарова, рассказы В.И.Немировича-Данченко, книга С.И.Гусева-Оренбургского «Молодая Россия».

Несколько книг Кианто посвятил Беломорской Карелии, не раз бывал там, однако по мере обострения общественно-политической обстановки его симпатии существенно менялись. Российские события 1917 года и гражданская война 1918 года в Финляндии поставили Кианто, как и десятки финских писателей, перед трудным социально-классовым выбором, в результате чего его прежнее сочувственное бунтарство сменилось служением великофинским идеям и «освободительной миссии» по отношению к восточным карелам.

Но об этом сложном периоде финской истории XX века речь пойдет чуть погодя, а сейчас остановимся на том, как возрастало внимание к русской литературе в Финляндии в начальный период ее автономии.

Первые переводы русской литературы в Финляндии и цензурный запрет 1850 года

По ряду характерных особенностей можно выделить два основных этапа в развитии финско-русских литературных связей XIX века, и неким промежуточным рубежом между ними стали 1850-е годы.

В первой половине XIX века и даже несколько позже доминирующим в финляндской литературе, периодической печати, образовании, науке оставался еще шведский язык. Финских школ вообще еще не существовало, на финском языке писали редкие энтузиасты, первые университетские диссертации на нем были защищены в конце 1850-х годов, и далось это с большим трудом после специального разрешения властей, поскольку цензурным уставом 1850 года издание финских книг, кроме церковных и хозяйственных, запрещалось.

¹ Роман издан в русском переводе в серии «Библиотека финской литературы»: Кианто И. Красная черта. М., 1978.

Господство шведского языка имело сословный характер, финский язык считался пригодным только для низших сословий, для крестьян, простого народа.

К счастью, именно открытие в недрах простого народа богатого фольклорного наследия, с публикацией «Калевалы», «Кантелетар», других фольклорных сборников, составило то главное в художественном и культурно-историческом отношении, что увидело свет на финском языке в первой половине XIX века. Эти издания прежде всего пробудили к себе интерес за пределами Финляндии, в том числе в России.

Нет нужды умалять значение ранних финноязычных поэтов – Я.Ютейни, К.А.Готлунда, А.Поппиуса, С.К.Берга-Каллио; они делали свое дело, каждый из них оставил свой скромный след в очень еще небогатой тогда финской литературной поэзии. Но первым национальным поэтом не без основания был провозглашен в 1840-е годы писавший по-шведски Ю.Л.Рунеберг, и не случайно его стихи до сих пор остаются текстом национального гимна Финляндии.

Задача создания национальной литературы была выдвинута еще в первые десятилетия XIX века, и тогда же стала остро осознаваться необходимость освоения мирового литературного опыта. Для упомянутых финноязычных поэтов важное значение имело наследие европейского Просвещения. В 1810–20-е годы состоялось и первое знакомство финнов (еще через шведскоязычную печать) с немецким и шведским романтизмом. С романтизмом связывалось также имя Пушкина, в 1825 году на шведский язык была переведена его романтическая поэма «Кавказский пленник».

С 1809 года вся Финляндия, а не только Выборгская губерния, входила в состав России, что создавало особые условия для знакомства финнов с русским языком и русской культурой. Правда, в течение первых десятилетий совместного существования (вплоть до 1840-х годов) основным языком общения российского императора и петербургского двора с высшими чинами финляндской администрации оставался еще французский язык, но в учебных заведениях Финляндии, включая университет, было введено преподавание русского языка, литературы и истории. Выходили учебники, готовились преподаватели со знанием и русского, и шведского языков.

Любопытно, например, что в студенческих тетрадях Элиаса Лённрота от 1820-х годов сохранились два переписанных на языке

оригинала стихотворения Пушкина – «Черная шаль» и «Утопленник», а в шведскоязычной туркуской газете он опубликовал свой перевод одного из стихотворений Н.М.Карамзина. Лённрот обладал большим старанием и упорством уже в студенческие годы, его интерес к языкам остался на всю жизнь, что было чрезвычайно важно, в частности, для его обширной словарной работы. В изучении русского языка ему помогал Я.К.Грот, стремившийся в свою очередь овладеть финским языком, в чем ему помогали Лённрот и другие финские знакомые, с которыми он общался в свою бытность профессором Хельсинкского университета (1841–1853). Обоюдный интерес к языкам отразился в длительной личной переписке Лённрота и Грота, об этом они говорили при встречах.

В дополнение к преподаванию русского языка в учебных заведениях Финляндии была введена система финляндских стипендиатов, продолжавших после Хельсинкского университета свое образование в Московском и Петербургском университетах. Это помогало им знакомиться с русской жизнью и культурой, из них получались хорошие преподаватели русской литературы. Среди обучавшихся в русских столицах были выдающиеся люди Финляндии. Из писателей уже упоминались имена Илмари Кианто и Арвида Ярнефельта; назовем еще братьев Эйно и Яло Калима – первый стал крупным театральным режиссером, постановщиком пьес А.П.Чехова в Национальном театре в Хельсинки, на главной сцене страны, а второй – известным языковедом-славистом.

Но упомянутые имена относятся уже к рубежу XIX–XX веков, когда общественно-политическая и культурная атмосфера была совершенно иной, чем в первые десятилетия финляндской автономии. Сравнительно либеральная политика Александра I и сам факт предоставления Финляндии автономии давали повод надеяться, что культурные отношения могут развиваться под правительственной опекой, в русле официальной политики. И несмотря на ужесточение режима при Николае I, запреты газет и цензурные строгости, все же сохранялась какая-то надежда на улучшение взаимоотношений. Налаживались контакты в научной области; начиная с 1820-х годов, в Петербурге работал А.Шёгрэн, будущий крупный финно-угровед и российский академик, оказавший поддержку более молодым ученым, в особенности М.А.Кастрену в организации и финансировании его сибирских экспедиций. С Вольным обществом российской словесности в Петербурге был

связан А.Гиппинг, присутствовавший на его заседаниях, на одном из которых был заслушан доклад о финской литературе. Взаимный культурный интерес с обеих сторон считался вполне естественным, было желание развивать его. Даже в 1846 году, в конце которого последовал запрет на газету Ю.В.Снельмана «Сайма» за ее оппозиционность властям, Фабиан Коллан, редактор газеты «Гельсингфорс Моргонблад», считал необходимым подчеркнуть, что путь к взаимопониманию лежит через общение культур. «Для нас, финнов, – писал он, – теперь особенно важна русская культура, и нам следует знакомиться с нею, ибо только зная язык русского народа, его литературу и всю его духовную жизнь, мы сможем по-настоящему понять наших восточных соседей, столь близких теперь к нам, и добиться того, чтобы и они понимали нас; такое взаимопонимание чрезвычайно важно для нас с точки зрения внешних условий нашего существования. Кроме того, культура в целом, в ее высших проявлениях, есть общее достояние всех наций, как ей и надлежит быть»¹.

Такое понимание культурных задач способствовало тому, что в Финляндии стали переводить русских авторов, пока еще на шведский язык. В 1830–40-е годы переводились отдельные стихотворения Пушкина, русские народные песни, отрывок из «Слова о полку Игореве». Наступил и черед прозы, появились переводы «Героя нашего времени» М.Ю.Лермонтова (1844), «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В.Гоголя (1850), повести Н.Ф.Павлова «Именины» (1850), романа М.Загоскина «Рославлев» (1850). Русская проза переводилась также в Швеции, причем переводчики иногда были из Финляндии, куда попадали и переводы. В Швеции вышли «Капитанская дочка» Пушкина (1841), некоторые повести А.А.Бестужева-Марлинского, а еще раньше романы Ф.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1830) и «Дмитрий Самозванец» (1838).

В конце 1840-х годов К.А.Готлунд предпринял попытку опубликовать в своей газете несколько произведений русских авторов в переводе на финский язык. Правда, Готлунд издавал свою газету даже не на тогдашнем литературном языке, а на диалекте губернии Саво, отстаивая право диалектного книжного языка. Сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что финский литературный язык

находился еще в стадии становления, происходила так называемая «борьба диалектов», не выработались единые языковые нормы. Для перевода Готлунд выбирал такие произведения, которые касались непосредственно финнов и Финляндии, причем этот интерес к тому, что о них писали в России, был у Готлунда особенно ревностным, доходившим до полемики с переводными авторами. В его газете появились переводы очерка В.И.Даля «Чухонцы в Петербурге», повести В.Ф.Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия», повести Н.Кукольника «Эрик Сильвановский или завоевание Финляндии во время Петра Первого», отрывков из книги Я.К.Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео». С Гротом и Одоевским Готлунд был лично знаком еще с 1840 года, когда отмечалось двухсотлетие Хельсинкского университета с участием почетных гостей из Петербурга, в числе которых были также П.А.Плетнев и В.А.Соллогуб. Внимание Готлунда к произведениям русских авторов было отчасти и данью уважения к ним. Грот упоминает в письмах, что он брал у Готлунда уроки финского языка.

В связи с университетскими юбилейными торжествами и вышедшим затем на шведском и русском языках совместным литературным «Альманахом» некоторые финские исследователи (А.Шауман, В.Сёдеръельм, В.А.Коскенниemi, А.Анттила и др.) особо отмечают официальную сторону этих событий – они должны были скрепить русско-финляндскую дружбу и направить ее по санкционированному правительством пути. И поскольку попытка правительственной опеки оказалась вскоре иллюзией и ничего подобного в последующие десятилетия уже не повторилось, то из этого исследователями делался вывод, будто причина заключалась не в правительственной политике, цензурных ограничениях и запретах, а в коренном различии культур, в принципиальной их несовместимости: дескать, Россия – это Азия и Восток, а Финляндия с ее унаследованными от Швеции традициями – это все-таки Запад. В.Сёдеръельм, в частности, утверждал без обиняков: «У нас очень скоро поняли, что в смысле культуры Россия могла дать нам совсем немного». Пораженный этим утверждением профессора литературы в 1906 году, когда Толстой, Достоевский и многие другие писатели пользовались мировой известностью и переводились в Финляндии, Йоханнес Салминен объясняет подобную

¹ Schauman A. Kuudelta vuosikymmeneltä Suomessa. Jyväskylä, 1924. Osa I. S. 267.

крайнюю тенденциозность осложнением тогдашних российско-финляндских политических отношений¹.

Конечно, многие финские писатели не признавали этой мнимой культурной «несовместимости» и воспринимали русскую литературу как неотъемлемую часть мирового культурного наследия. Но потребовалось еще много десятилетий, прежде чем академическое финское литературоведение стало осознавать ошибочность одностороннего подхода к этому наследию. В книге, посвященной финско-русским литературным контактам периода реализма, А.Сараяс заявила в 1968 году: «Только осознав плодотворность перекрестного влияния русских и западных традиций на финскую литературу, можно избежать ошибок при ее изучении»².

В книге А.Сараяс речь идет о финско-русских литературных контактах последней четверти XIX – начала XX века, то есть предполагается, что они не ограничились 1840-ми годами, что наступил лишь временный спад, после чего они вновь развивались, но в ином русле. Спад показал, что контакты уже не могли успешно развиваться под правительственной опекой, что следовало отказаться от иллюзий и искать иные пути взаимного сближения в обход правительственных намерений и зачастую вопреки им.

На общественную атмосферу в Финляндии, как и на поведение властей в последние годы царствования Николая I, существенно повлияли европейские революции 1848 года. Среди студенчества наблюдалось брожение умов, часть оппозиционно настроенных молодых людей вынуждена была покинуть страну и уехать в Швецию, там образовалась финляндская политическая эмиграция, с которой потом попытались установить контакт А.И.Герцен, Н.П.Огарев и М.А.Бакунин.

Власти ответили репрессиями. Наряду с запретом ряда газет и ограничением членства в Обществе финской литературы самым пагубным ударом для культуры стал варварский цензурный устав 1850 года, запрещающий печатать на финском языке все, кроме церковных и чисто хозяйственных книг.

Это было воспринято как вызов режима, и ответная реакция не заставила себя ждать. Временно прекратились переводы русской

литературы как на финский, так и на шведский языки. Недовольство студентов и хельсинкского окружения почувствовал и Я.К.Грот как профессор русского языка и литературы. Он понимал, что принудительные меры правительства, когда обучение русскому языку было обязательным, а финские издания запрещались, вели в тупик. «Надо бы от правительства услышать искреннее объяснение, чего оно хочет, – писал он П.А.Плетневу. – Если хочет все обрусить – не достигнет цели; если хочет сохранить (в Финляндии) права и законы прежние, то к чему всем знать по-русски? Пусть бы при вступлении в университет от всякого зависело, держать или не держать экзамен в русском»¹. Для Грота все кончилось тем, что у него крайне осложнились отношения со студентами, и в 1853 году он решил покинуть Хельсинки после двенадцати лет преподавательской работы. Но он успел много сделать и как профессор, и как активный посредник между русской и финской культурой.

Таким образом, становилось ясным, что культурные связи не могли развиваться в жестких рамках правительственной политики. Оставалось надеяться, что в самой России под воздействием внутренних сил и мировых событий произойдут какие-то изменения, способные облегчить положение маленькой Финляндии. В 1837 году девятнадцатилетний С.Топелиус, тогда еще студент, но остро чувствующий гнетущую атмосферу николаевского режима и предававшийся романтическим мечтам о будущих судьбах родины, оставил в своем дневнике следующую запись: «У нас все же есть еще союзник в великой борьбе за духовную жизнь или смерть – это нарастающая сила юного времени. Она духовна по своей природе, это величественный дух, объемлющий народы и подвигающий их вперед по пути просвещения. Со временем эта сила проникнет и в Россию, чтобы оружием, более мощным, чем у нас, финнов, сражаться за торжество правды над окутавшим мир мраком. И если мы выстоим до той поры, значит мы спасены, и тогда Финляндия одержит прекраснейшую победу из всех когда-либо одержанных ею побед»².

¹ Salminen J. Rajamaa. Esseitä. Helsinki, 1984. S. 22.

² Sarajas A. Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän kirjallisen realismin kosketuksia. Helsinki, 1968. S. 158.

¹ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 926.

² Vasenius V.Z. Topelius, hans liv och skaldedärning. Stockholm, 1918. Т. 3. С. 140.

Частичным воплощением подобных надежд стала некоторая либерализация финляндской жизни при Александре II, и это сказалось на развитии культурных связей. Стал созываться сейм, утратил силу цензурный устав 1850 года, правительством было дано в 1863 году обещание в течение двадцати лет постепенно уравнивать в правах финский язык со шведским, допустить его в административную и общественно-культурную жизнь, создать сеть школ на родном языке.

Возникли новые, более современные газеты и первый на финском языке литературный журнал – «Кирьяллинен куукауслехти» (1866–1880), печатавший также некоторые переводы русской литературы. Следует сказать, что в отличие от русской литературной журналистики в Финляндии никогда не было, как нет и сейчас, так называемых «толстых журналов» по несколько сот страниц убористого текста в одном номере. И вообще количество литературных журналов в маленькой стране невелико, поэтому в освещении литературно-культурной жизни значительную роль традиционно играли и продолжают играть газеты. В XIX веке, особенно в первой половине, даже шведскоязычные газеты были еще малоформатными, выходили не ежедневно, однако в них могли печататься большие романы в течение месяцев и даже нескольких лет. В настоящее время романы в газетах не печатаются, но каждая крупная ежедневная газета имеет специальную полосу, а то и несколько полос, для освещения культурной жизни.

Первым русским писателем, с творчеством которого финны познакомились в 1860-е годы, после временного спада в переводческом деле, был И.С. Тургенев, тогда уже широко известный в Европе. О нем финны могли узнать не только из русских, но и французских, немецких, шведских источников. Существенным было то, что из романов, повестей, рассказов Тургенева финны получали представление о многих сторонах жизни современной России, о положении ее народа, о взаимоотношениях крестьян и помещиков, о «русском нигилизме» и тех молодых силах, которые в идейных спорах с «отцами» обсуждали острейшие социальные вопросы и стремились изменить общество, улучшить положение народа. Распространенным тогда стало выражение «молодая Россия», усвоен-

ное вскоре и финнами. А в 1880-е годы само финское национально-культурное движение разделилось на «младофиннов» и «старофиннов», литературный ежегодник назывался «Молодая Финляндия».

Финнам, начиная с 1860-х годов, стала открываться многообразие русской жизни, наличие в ней разных идейных направлений, в том числе неодинаковое отношение к автономии Финляндии, к ее национально-культурному развитию. Против панславистско-русификаторских выпадов «Московских ведомостей» М.Н.Каткова финны искали защиты у либеральной русской печати, сочувственно относившейся к конституционному началу в финляндском административном устройстве, к работе сейма с участием представителей крестьянского сословия, к первым шагам в развитии народного образования на родном языке.

В 1863 году в газете «Гельсингфорс Тиднингар» появилась тургеневская повесть «Фауст» в шведском переводе, затем в других шведскоязычных газетах были напечатаны романы «Дым» (1868) и «Новь» (1877). Печатались рассказы Тургенева, в том числе из «Записок охотника». Кроме того, в Финляндию поступали издания Тургенева из Швеции, среди них вышедшие в конце 1870-х годов переводы романов «Рудин» и «Отцы и дети».

Примерно тогда же, начиная с 1870-х годов, русскую литературу стали переводить и на финский язык, и это было новым явлением, учитывая, что к тому времени финский литературный язык достиг более зрелой ступени развития, несравнимой с теми первыми попытками перевода с русского, который в 1840-е годы появились в газете К.А.Готлунда. К началу 1870-х годов литература на финском языке уже обогатилась разносторонним творчеством Алексиса Киви (1834–1872), крупнейшего классика, по праву считающегося родоначальником новой национальной литературы. Для финнов имя Киви столь же свято, как и имя Лённрота, – оба они заложили самые устойчивые краеугольные камни под здание национальной культуры.

Одним из первых талантливых переводчиков русской литературы на финский язык был К.С.Суомалайнен (1850–1907), родившийся в Петербурге в семье золотых дел мастера, там же получивший начальное образование и впоследствии окончивший Хельсинкский университет. Он писал рассказы и очерки, в том числе о русской жизни. В журнале «Кирьяллинен куукауслехти» появились его

переводы (но без указания переводчика) рассказы Тургенева «Певцы» (1872) и рассказа «Коляска» Гоголя (1877). В 1882 году вышли отдельным изданием «Мертвые души» в его переводе, признанном образцовым и отмеченном премией Общества финской литературы. Суомалайнену принадлежат также переводы «Тараса Бульбы» (1878) и пушкинской «Капитанской дочки» (1876).

В 1878 году Суомалайнен опубликовал два выпуска очерков о России, примечательных не только знанием русской жизни и истории, но и доброжелательным и сочувственным отношением к русскому народу. Следует учесть, что те финские исследователи-языковеды и этнографы, которые совершали далекие экспедиционные поездки в глубь России к финно-угорским народам, сталкивались в пути не только с привлекательными, но нередко и с малопривлекательными сторонами действительности – нищетой народа, взяточничеством чиновников, запущенностью постоялых дворов и русским бездорожьем. Подчас все это освещалось в односторонне-тенденциозном плане с поспешными обобщениями о стране и ее культуре в целом, как, например, в путевых очерках А.Алквиста о России (1859), вышедших двадцатилетием ранее очерков Суомалайнена. Суомалайнен описывал и русские города, роскошь дворцов и соборов, но больше его привлекала сельская Россия, быт и нравы русских, украинских, белорусских крестьян. Суомалайнен, неплохо зная русскую литературу, сознавал ее обличительный характер, но все же ожидал от искусства нравственного оптимизма, обязательной победы добра над злом. Касаясь в одной из своих рецензий модного тогда понятия «русский нигилизм», он не одобрял самого направления и считал «Отцов и детей» Тургенева антинигилистическим романом. Очерки Суомалайнена были замечены тогдашней финской критикой, в заслугу ему ставилось то, что он описал Россию не поверхностно, а изнутри, проникнув в сердце русского народа.

Как известно, в последние десятилетия XIX века Европа открыла для себя русский реализм, творчество крупнейших русских романистов, в их числе Толстого и Достоевского. Во многом именно через Европу финны осознали мировое значение русского реализма. Но при этом подчеркивалась его глубокая национальная самобытность, его «русскость», ни на что другое не похожая. Если одаренность Тургенева, много жившего на Западе и ставшего там известным раньше других, подчас объяснялась в критике западными же влияниями, то о Толстом и Достоевском писали как об истинно русских

гениях-исполинах, удививших мир своей глубокой национальной оригинальностью. В одном из обзоров русской литературы Толстой сравнивался с былинным богатырем Ильей Муромцем, воспрянувшим из долгого сна и расправившем могучие плечи, – это был символ культурного самоутверждения России, ее собственного, сугубо самобытного вклада в мировую культуру.

Реализмом Толстого, глубиной его психологизма особенно восхищался молодой Юхани Ахо (1861–1921), один из пионеров реалистического направления в финской литературе. В 1887 году он писал о Толстом: «Величайшей его заслугой является изображение тайны тайн человеческой души. Если другие писатели, например, Золя, описывают больше видимые на поверхности проявления душевной жизни, то Толстой проникает в самые сокровенные глубины чувств. Похоже, его глаз вооружен увеличительным стеклом и различает тончайшие нити и сплетения там, где обычному взору открывается лишь гладкое полотно»¹. Ахо писал это в связи с появлением финского перевода «Севастопольских рассказов» Толстого, убежденный, что после всех критических споров об идейно-художественных принципах реализма, малопонятных широкому читателю, искусство Толстого лучше всего демонстрирует силу реализма, его стремления к правде жизни.

Для краткости ограничимся перечислением основных финских переводов русской литературы, опубликованных в 1880–1890-е годы, в дополнение к тем, которые уже упоминались: «Пиковая дама» (1883) и «Дубровский» (1895) Пушкина; «Герой нашего времени» (1882) Лермонтова; «Ревизор» (1882), «Шинель» и «Нос» (1883) Гоголя; «Записки охотника» (1881), повести «Три встречи» и «Ася» (1882), романы «Накануне» (1883), «Дворянское гнездо» (1899), «Отцы и дети» (1892) Тургенева; «Обыкновенная история» (1889) Гончарова; «Кавказский пленник» (1887), первая часть «Войны и мира» (1895), «Воскресение» (1900) Толстого; «Преступление и наказание» (1888–1889), «Записки из Мертвого дома» (1888) Достоевского.

В репертуар Финского театра в Хельсинки постепенно входила русская драматургия: «Женитьба» (1882) и «Ревизор» (1887) Гоголя; «Не в свои сани не садись» (1890) и «Гроза» (1892)

¹ Savo-lehti. 1887. № 139.

А.Н.Островского; «Власть тьмы» (1896) Толстого; «Месяц в деревне» (1896) Тургенева.

Напомним, что Финский театр возник в 1872 году как музыкально-драматический, и естественно, что в его репертуар входила нарождавшаяся национально-финская драматургия, в том числе пьесы Алексиса Киви. Театр совершал гастрольные поездки в другие финские города, а также в Петербург, где его зрителями были местные финны и окрестное ингерманландское население.

В Хельсинки существовал также Русский театр, возникший даже раньше Финского. Начиная с 1827 года в Хельсинки имелся шведский театр «Аркадия» с приглашаемыми из Швеции труппами, который в 1860 году обзавелся собственной постоянной труппой и новым зданием, после чего он стал называться «Новым театром». В 1868 году был опубликован «Устав» Русского театра, и, видимо, тогда же он начал действовать. Некоторое время Русский и Финский театры пользовались попеременно одним и тем же зданием «Аркадии», пока для Русского театра не было построено собственное здание. Это был тоже музыкально-драматический театр, причем драмы давались на русском языке, музыкальные спектакли – на языке оригинала. Преимущественную часть его русских зрителей могли составлять военные, чиновники из канцелярии генерал-губернатора, преподаватели и учащиеся русских учебных заведений, прочие хельсинкские жители из тех, которым был доступен русский язык.

Последние десятилетия XIX и начало XX века примечательны еще и тем, что финская литература стала переводиться на русский язык и издаваться в России. Еще в начале 1880-х годов в русской печати стали говорить о литературе на финском языке как состоявшемся и развивающемся национальном явлении. О финской литературе писал в своих статьях для русских изданий К.И.Якубов, преподаватель русской гимназии в Хельсинки. Раздел о финской литературе содержался в четвертом томе «Истории всемирной литературы» В.Зотова (1882)¹.

Переводы из финской литературы печатались во многих журналах: «Русское богатство», «Вестник иностранной литературы», «Нива», «Мир Божий», «Русский вестник» и др. Это были главным образом рассказы – Ю.Ахо, М.Кант, П.Пяйяринта, С.Алкио,

С.Ивало. Отдельными изданиями вышли романы Ю.Ахо «Дочь пастора» и «Жена пастора» (с предисловием известного датского критика Г.Брандеса, 1895), повести «Отверженный миром» (1896) и «Одинокий» (1908), сборник рассказов, которые Ахо именовал «стружками» (1901); романы А.Ярнефельта «Отечество» (1894) и «Дети матери земли» (1906), повесть «Три судьбы» (1904). Переводились также финляндско-шведские писатели – Ю.Л.Рунеберг, С.Топелиус, Ю.Вексель, К.А.Тавастшерна, Я.Аренберг.

В 1898 году Н.Нович (псевдоним Н.Н.Бахтина) издал антологию «Поэты Финляндии и Эстляндии», а в 1917 году вышел более объемный «Сборник финляндской литературы» под редакцией М.Горького и В.Брюсова. Сборник был подготовлен общими усилиями вместе с финнами и успел выйти еще до событий октября 1917 года в России и до гражданской войны 1918 года в Финляндии, в корне изменивших всю общественно-политическую ситуацию в обеих странах и их взаимоотношения между собой. После тенденции к сближению наступила полоса резкого отчуждения, которая по своей жесткости чем-то напоминала спешно переоборудованную государственную границу с проволочными заграждениями, оборонительными сооружениями и контрольной полосой взрыхленной земли, которую никто не смел перейти.

Эта новая ситуация была контрастна началу XX века, хотя напряженность уже тогда нарастала в связи с намерением царского правительства покончить с автономией Финляндии и превратить ее в обычную российскую губернию.

Но тогда, в начале XX века, лучшие культурные силы обеих стран еще не были окончательно разобщены, – напротив, возникла острая потребность взаимопонимания, чтобы объединиться в совместной борьбе против произвола и реакции. Это создавало особую атмосферу готовности к контактам. Из Финляндии в Россию посылались доверенные лица для переговоров с оппозиционными силами и выдающимися деятелями культуры, чтобы они выступили в защиту Финляндии и ее сопротивляющегося народа, а финны со своей стороны были готовы помочь тем русским, кого преследовала самодержавная власть. С этой целью устанавливались контакты, в частности, с Л.Н.Толстым и А.М.Горьким, писателями с мировой известностью, чье авторитетное слово было особенно весомо.

¹ Зотов В. История всемирной литературы. СПб., 1882. Т. 4. С. 771–784.

Ограничимся краткой ссылкой на встречу Горького с финской культурной общественностью в феврале 1906 года¹. Горький и до этого бывал в Хельсинки, где в Национальном театре ставились его пьесы. Кроме того, у него была дача в Куоккале на Карельском перешейке, где в июле 1905 года состоялась встреча русских и финских писателей и художников на предмет издания совместного сатирического журнала (с присутствием Л.Андреева, В.А.Серова, И.Э.Грабаря, Аксели Галлен-Каллела, Эро Ярнефельта). Приезд Горького в Хельсинки в феврале 1906 года имел наряду с культурными контактами еще дополнительную цель: сбор денежных средств на нужды русской революции. И такое тогда было возможно – финские интеллигенты охотно помогали ему. Вернее сказать, у Горького были две встречи – одна с интеллигенцией в Национальном театре, другая с финскими рабочими, организованная социал-демократическим объединением. Это свидетельствовало о политической разделенности финского общества, но та и другая встречи прошли восторженно, Горькому оказывались всевозможные почести, его тщательно оберегали от возможного ареста царскими жандармами, причем охраняли его опять-таки обе стороны – и вооруженные «активисты» из числа интеллигентов, и рабочая Красная гвардия под командованием Иоганна Кока.

Состоявшийся в Национальном театре с участием Горького литературно-музыкальный вечер описывался в газете «Хельсингин саномат» от 2 февраля 1906 года как встреча двух культур. Симфоническим оркестром дирижировал финский композитор Роберт Каянус, исполнялась музыка Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, Сибелиуса; стихи читали Э.Лейно (стихотворение «Москва»), С.Скиталец, М.Ф.Андреева и в заключение Горький прочитал свой рассказ «Товарищ», русский, финский, шведский текст которого был предварительно роздан публике в виде брошюры. Ощущалась взволнованность переполненного зала, Горького долго не отпускали со сцены, и он сам был глубоко взволнован. Еще большее впечатление произвела встреча с рабочей аудиторией. Если в Национальном театре оркестр исполнил «Марсельезу», то здесь пели «Интернационал» и популярный в Финляндии «Рабочий марш».

¹ Подробнее о связях Горького с Финляндией см.: Карху Э.Г. Очерки финской литературы начала XX века. Л., 1972. С. 111–155.

Об этих двух встречах в Хельсинки Горький писал тогда же Е.П.Пешковой: «Впечатление потрясающее. Масса людей плакали. <...> Все было – как в сказке, и вся страна, точно древняя сказка, – сильная, красивая, изумительно оригинальная».

Это был взрыв обоюдного энтузиазма, которого хватило еще до февральских событий 1917 года в России, встреченных в Финляндии с надеждой и радостью, но последующие потрясения обернулись резким похолоданием – теперь уже не русско-финских, а советско-финляндских межгосударственных отношений, в том числе культурных.

*Период идеологической конфронтации
и культурного изоляционизма (1917–1944 гг.)*

Указанный период был отмечен, помимо прочих противостояний, также военными конфликтами, от которых Финляндия за предшествующие сто лет автономии успела в какой-то степени уже отвыкнуть, лишь изредка вспоминая о прошлых русско-шведских войнах, опустошавших и ее территорию.

Сразу же после обретения Финляндией государственной независимости в декабре 1917 года вспыхнула внутренняя гражданская война, раны от которой долго и болезненно отзывались в финском обществе, а затем последовали еще две советско-финляндские войны 1939–1940 и 1941–1944 годов.

На этом фоне острых социально-классовых и межгосударственных столкновений складывались в указанный период доминировавшие стереотипы мышления и идеологической конфронтации.

Весьма характерным для финской исторической науки, массовой литературы и всей пропаганды тех лет стало упорное непризнание того факта, что гражданская война 1918 года была именно гражданской, а не «освободительной» войной, – разумеется, «освободительной» от русских, хотя акт о независимости Финляндии был подписан Советским правительством.

Пропагандисты «освободительной» войны ссылались, в частности, на то, что в 1918 году на стороне финских красногвардейцев сражалось некоторое количество оставшихся в Финляндии солдат российских гарнизонов – их численность исследователи определяют очень по-разному, от одной тысячи до десяти тысяч чело-

век. Но этим аргументация не ограничивалась: утверждалось, что и сами финские красногвардейцы были всего лишь проводниками политики русского большевизма, разносчиками занесенной извне болезни, а вовсе не порождением социально-классовых противоречий финского общества.

Это вело к тому, что классовая ненависть к восставшим в собственной стране распространялась также на русских, превращаясь в этническую, расовую ненависть.

Современные финские исследователи демократического направления считают, что пик русофобии пришелся на 1917–1923 годы. Сегодня об этом периоде пропагандировавшейся национальной ненависти накопилось немало исследований, авторы подчас сами удивляются, как такое было возможно, особенно если учесть, что шовинистическая злоба в крайних ее формах, преподносившаяся как «национальная идеология», разжигалась не кем-нибудь, а интеллигентскими кругами, что подчеркивалось уже в названиях создававшихся милитаристских организаций.

В 1922 году в университетской среде возникло «Академическое карельское общество» с двумястами членов, а к началу 1930-х годов их стало уже более тысячи. Карельским оно называлось в основном потому, что его практической целью провозглашалось присоединение российской Карелии к Финляндии. В общество вошли прежние «активисты» из интеллигентской среды, студенты, кое-кто из профессоров и будущих академиков; оно отличалось крайней воинственностью и сыграло немалую роль в пропаганде милитаристских великофинских идей. Внутри организации существовало полусекретное и полузаговорщическое ядро под названием «Братья по ненависти» со своим ритуалом и знаменем черного цвета, под которым «братья» давали «клятву ненависти» к русским и ко всему русскому. Были и другие родственные по духу милитаристские организации со своими органами печати: «Шюцкоровское объединение», «Народно-патриотический союз», женская организация «Лотта Свард» (по имени героини патриотической баллады Ю.Л.Рунеберга).

В пик русофобии все внутрифинляндские общественно-политические проблемы перекрашивались в расово-этнические цвета, во всем был виноват «извечный враг», представлявший постоянную угрозу для финнов, для Европы, для всей западной цивилизации, и на ее защиту самой судьбой была определена Фин-

ляндия как форпост у самой границы с Востоком. Самые рьяные русофобы-дальтоники даже не проводили особого различия между «красными» и «белыми», большевиками и русскими монархистами – достаточно было этнического признака. Они предлагали вообще очистить Финляндию от всех русских, в особенности из пограничных с СССР районов, где они якобы разлагали местное финское население. К сожалению, и в СССР тогда предпринималось нечто аналогичное, причем не только в замыслах, но и в реальности: из пограничных с Финляндией районов выселялось коренное финское население.

Поскольку в «Академическое карельское общество» входила в основном интеллигенция, в пропагандистских целях использовалась и культура. Из классической русской литературы выхватывались в русофобском истолковании какие-то эпизоды, характерные образы и явления – «обломовщина», барское краснбайство «лишних людей», «русский нигилизм», загадочность «русской души», и на всем этом тенденциозно спекулировали, пытаясь доказать чуждость русской культуры Западу. Зато превозносилось германфильство, сильные волевые качества, энергия и деловитость германской расы. В бульварной прессе осуждались смешанные браки финнов с русскими, а на шюцкоровских стрельбищах выставлялись мишени с изображением заросшего бородой и неопрятного русского мужика. Считалось, что своей ненавистью к России, отставшей от Европы якобы на целых пятьсот лет, русофобы служат интересам остального человечества.

Современные финские исследователи вновь и вновь возвращаются к этим прискорбным явлениям прошлых лет. Причем если в 20–30-е годы разжигаемую русофобию отваживалась осуждать в основном только леворадикальная печать, то теперь эти явления стали предметом университетских диссертаций и сама оценочная терминология звучит более определенно: расизм называется расизмом, ксенофобия ксенофобией, фашистские тенденции соответственно.

Подчеркивается, в частности, что у тогдашних русофобов и пропагандистов «вечной ненависти» была слишком короткая историческая память. В период финляндской автономии, в течение одного столетия с небольшим (1809–1917), очень многие финляндцы, в том числе финляндские шведы, причислявшие себя к германской расе, довольно хорошо уживались с русскими и сами

стремились на русскую службу, к общению с верхними слоями русского общества. Подсчитано, например, что на офицерских должностях в русской армии за весь период автономии служило свыше трех тысяч финляндцев, из них триста человек достигли генеральских и 67 человек адмиральских чинов¹. В середине XIX века каждый пятый финляндский дворянин (почти исключительно этнические шведы) служил офицером в России².

Из адмиралов финляндского происхождения известность получил Ю.Х.Фуруельм (1821–1903), не только мореплаватель, но и администратор, один из последних российских губернаторов Аляски (еще до ее продажи в 1867 году Америке), затем совершивший в должности дальневосточного военного губернатора плавание в Японию и на Филиппины, встречавшийся с экспедицией адмирала Е.В.Путятина, у которого секретарем на корабле служил не кто-нибудь, а писатель И.А.Гончаров, чья книга «Фрегат Паллада» с дарственной надписью автора сохранилась в библиотеке Ю.Х.Фуруельма.

Карлу Густаву Маннергейму (1867–1951), молодому офицеру-кавалергарду царской свиты при коронации Николая II, затем генерал-лейтенанту российской армии, позднее финляндскому маршалу и кратковременному послевоенному президенту Финляндии (с августа 1944 г. по март 1946 г.), финский критик-эссеист Йоханнес Салминен посвятил любопытную статью «Русский Маннергейм», остановившись преимущественно на русском периоде его карьеры³. Статья написана не без иронии, в том числе по поводу резко изменившегося отношения к Маннергейму в современной постперестроечной России. По своим убеждениям Салминен не принадлежит к леворадикалам, он рекомендует себя как трезвый демократ и гуманист, что проявляется и в его уравновешенных суждениях о Маннергейме и финско-русских отношениях в прошлом и настоящем. О восторженных оценках Маннергейма некоторыми современными русскими публицистами он пишет с полным пониманием причины восторгов: «Не следует особо удивляться тому, что та новая Россия, которая возникла на развалинах

коммунизма, весьма поспешно принялась открывать для себя Маннергейма. После того как двуглавый орел вновь вернулся в российскую символику, вдруг нашлось свободное местечко и для образцового царского офицера. А финн он или не финн, все равно ему положены почести как верному слуге империи».

В статье подчеркивается, что Карл Густав Маннергейм родился в довольно либеральной финляндско-шведской семье, которая не одобряла его поступления на царскую службу, несмотря на его успешную карьеру. Любопытно, что в период «бобриковского диктатора» на рубеже XIX–XX веков его старший по возрасту родной брат Карл Роберт принадлежал к «активистам» и был выслан царскими властями из страны и находился вместе с другими изгнанниками в шведской эмиграции. В статье упоминается и о том, что во время краткого пребывания Ленина в Стокгольме по пути из Финляндии в Швейцарию Карл Роберт Маннергейм был даже его связным. (Такое случилось: проводником-охранником Горького при его тайном выезде из Финляндии в Стокгольм и дальше в Берлин был поэт Бертель Грипенберг, рассказавший потом об этом в воспоминаниях). Примечательно, что финские биографы маршала Маннергейма стараются о его брате вообще не распространяться, считая это излишним; не упоминает о брате и сам маршал в своих мемуарах. Но на его военной карьере петербургского периода это никак не отразилось, он пользовался доверием петербургского двора, ему давались весьма ответственные поручения.

По мнению Салминена, Маннергейм проявил себя истинным царедворцем, с Петербургом были связаны лучшие воспоминания его жизни, там открывалось, как ему казалось, куда больше возможностей для продвижения по службе, чем в маленькой Финляндии, куда он был вынужден после 1917 года вернуться. Совсем другим был масштаб страны, отсутствовал аристократизм, преобладало нечто плебейско-крестьянское, этнически даже чуждое, поскольку по-фински Маннергейм, по выражению Салминена, говорил «постыдно плохо» и никогда языка толком так и не освоил. Не все устраивало его и в политическом отношении: завоеванное финским народом всеобщее избирательное право казалось ему «верхом неразумия». Поставленный во время гражданской войны 1918 года во главе спешно созданной финской армии, состоявшей большей частью из имущих крестьян-собственников, Маннергейм предпочитал окружить себя штабными офицерами, прошедшими, как и он сам, через

¹ *Salminen J. Sininen kivi. Muistiinmerkintöjä idästä ja lännestä. Helsinki, 1994. S. 82.*

² *Karema O. Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. S. 24.*

³ *Salminen J. Op. cit. 119–132.*

русскую службу. После подавления финляндской революции Маннергейм предлагал сенату послать войска на помощь русским генералам и вмешаться в гражданскую войну в России, но с этим не согласились даже самые правые члены сената, ибо русские генералы вовсе не обещали в случае победы сохранить независимость Финляндии. Маннергейм все же считал, что ненавидеть следовало большевизм, а не имперскую Россию, тогда как в сенате настаивали на том, что любая Россия, красная или белая, представляла и будет представлять угрозу для Финляндии.

С точки зрения собственно финской истории Салминен не отрицает заслуг Маннергейма как военного руководителя и защитника страны, особенно в период зимней войны 1939–1940 годов. Но идеализировать национальную историю и ее деятелей, как и чернить безоговорочно противную сторону вместе с большевистскими вождями, автор статьи не склонен.

Как главнокомандующему вооруженными силами Финляндии, Маннергейму полагалось осуществлять великофинские идеи на деле. Еще в феврале 1918 года он в особом приказе поклялся перед армией не вкладывать меч в ножны, пока Беломорская Карелия не будет завоевана, и это предвещало вероятность межгосударственных военных конфликтов в будущем. Сама неизбежность этих конфликтов пропагандистски мистифицировалась, это было нечто фатальное, ниспосланное свыше; Карельская земля именовалась священной, и война за нее тоже предстояла «священная» – крестовый поход к «единокровным братьям». Карелия тоже мыслилась как пограничный «форпост» в борьбе Запада против Востока.

Этот агрессивный интерес к Карелии современные исследователи называют пропагандистско-милитаристическим «карелианизмом» в отличие от культурного карелианизма, культурного интереса к Карелии, ведущего свое начало еще от Элиаса Лённрота и получившего новое развитие после Второй мировой войны.

Период 1920–1930-х годов в связи с напряженностью советско-финляндских межгосударственных отношений и острого идеологического противостояния был едва ли не самым трудным в истории культурных контактов. Многие их формы, которые в XIX – начале XX века успели стать привычными, после 1917 года были уже невозможны. Финские фольклористы, языковеды, этнографы уже не могли приезжать в Карелию для собирания научных материалов; для финских исследователей были закрыты советские ар-

хивы с касающимися Финляндии фондами; редкостью стали взаимные переводы художественной литературы, равно как и взаимный книгообмен, не говоря уже о личных встречах писателей, ученых, культурных деятелей, о совместных форумах и изданиях.

В учебных заведениях независимой Финляндии уже не преподавались русский язык и литература, соответствующая кафедра в Хельсинкском университете была закрыта, как и местный Русский театр. В школьной системе исключение составляли только несколько русских гимназий (в Хельсинки и Выборге) для детей из русских семей.

Не в лучшую сторону менялась национальная политика и в СССР, хотя в ином темпе и иными методами. Переломным стал 1937 год, когда в Карелии и Ингерманландии были закрыты финские школы, причем в Ингерманландии они больше уже не восстанавливались, что означало и утрату учительских кадров. В сталинских лагерях погибли тысячи людей, в том числе представителей интеллигенции.

Была еще одна общая для обеих стран особенность, характеризующая ту эпоху вражды и недоверия. Кроме постоянного, более или менее оседлого русского населения в Финляндии и постоянно ингерманладско-финского населения в СССР, появилось еще значительное количество беженцев-эмигрантов: в Финляндию люди бежали от российских событий, а в СССР искали убежища «красные финны» после поражения финляндской революции 1918 года. О роли «красных финнов» в карельской культуре в данной книге будет особая статья, а о беженцах из России и их жизни в Финляндии в период 1917–1939 годов недавно вышла книга финского исследователя П.Невалайнена¹.

В книге сообщается, что в начале 1920-х годов в Финляндии скопилось около 33 000 беженцев из России – это было наибольшее их количество; потом часть из них перебралась в другие европейские страны, часть вернулась на родину (по условиям Тартуского советско-финляндского мирного договора 1920 года возвратившимся беженцам обещалась амнистия). В середине 1930-х годов беженцев из России оставалось свыше 14 000, в том числе русских, карелов, финнов-ингерманландцев.

¹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki, 1999.

Им жилось нелегко, они не имели финляндского гражданства, им было сложно трудоустроиться, на них смотрели косо даже финские рабочие, боявшиеся потерять работу из-за избытка рабочей силы. Атмосфера русофобии была еще так агрессивно выражена, что и «единокровные братья» – карелы с ингерманландцами – расценивались как «чужаки». Из описания автора следует, что если карелы и ингерманландские финны были на своей родине почти исключительно из крестьянской среды, то этнические русские беженцы являлись преимущественно жителями крупных русских городов, в основном Петербурга и Москвы; это были интеллигенты, коммерсанты, чиновный люд – ведь только на Карельском перешейке, по оценке автора, около ста тысяч петербуржцев проводили свой дачный сезон, причем многие имели там собственные дома.

Социальные различия сказывались на образе жизни беженцев в Финляндии, на их культурных интересах. Русские беженцы стремились устроиться в городах, в Хельсинки и Выборге, где русские культурно-языковые традиции и прежде были более ощутимы. Среди беженцев были люди с артистическими наклонностями, общими силами создавались любительские театры, где ставились пьесы, отрывки из опер, балетные представления; в Хельсинки существовал русский балалаечный оркестр, а также два клуба – Русский клуб и Купеческий клуб, каждый со своей библиотекой, залом и рестораном. Отмечались юбилеи выдающихся русских писателей и композиторов (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Римского-Корсакова); иногда организаторам концертов удавалось пригласить в Хельсинки из других европейских городов русских знаменитостей, тоже эмигрантов, например, Федора Шаляпина и Тамару Карсавину. Предпринимались попытки создать местную эмигрантскую печать, но вышедшие небольшие газеты на русском языке оказывались кратковременными, книжные издания местных русских литераторов были редкостью, читательский круг узок.

Это относилось и к изданиям карельских и ингерманландских беженцев. Наиболее заметной фигурой в литературном отношении был Юхани Конкка (1904–1970), автор нескольких книг и переводчик русской литературы на финский язык (переведший, в частности, некоторые произведения Чехова, Толстого, «Тихий Дон» Шолохова). В массе своей карельские и ингерманландские беженцы в меньшей степени стремились, по словам П.Невалайнена, к «высо-

кой культуре» (опере, балету, литературной классике) – их встречи в земляческих объединениях носили скорее этнокультурный характер, молодежь увлекал спорт, у финляндских карелов игра в городки до сих пор считается национальным развлечением.

Беженцы из России привнесли в финляндскую культурную жизнь свои собственные «субкультуры» – П.Невалайнен даже считает, что вплоть до 1990-х годов Финляндия не знала такого этнокультурного многообразия, как в 1920–1930-е годы именно благодаря беженцам из России.

С прежней родиной, Россией и Карелией, беженцы уже не могли общаться. Многочисленная русская эмиграция в европейском масштабе привыкла называть себя «второй Россией», но первичной России эмиграция не заменила.

Нечто подобное произошло и с финляндской «красной эмиграцией» в СССР. На своей новой родине они оказались в еще большей изоляции от духовной культуры на своей прежней родине, чем русские эмигранты где-нибудь в Париже от литературных дел в Москве, потому что советские книги в Париж все-таки поступали, а из Парижа, как и из Финляндии, свободно получить что-то в СССР было невозможно. Это обернулось тем, что финская литература после 1918 года вообще оставалась неизвестной писателям-эмигрантам и писателям-карелам, писавшим на финском языке. В советских финноязычных школах, пока они существовали, преподавание финской литературы ограничивалось двумя-тремя писателями XIX века, и ими же ограничивались знания самих преподавателей. Даже о поэзии Эйно Лейно, крупнейшего финского лирика, у нас ничего внятного не говорилось, ее либо не знали, либо не считали выдающимся явлением. Отчасти это объяснялось слишком узко-классовым подходом к литературе со стороны самих писателей-эмигрантов, хотя это не спасло их от сталинского террора и трагической участи.

*Восстановление и развитие культурных контактов
во второй половине XX века*

Военные действия на советско-финляндском фронте закончились в сентябре 1944 года, по условиям договора о перемирии Финляндия обязывалась распустить милитаристские организации и присту-

пить к демократизации финского общества. Курс на сближение обеих стран был закреплен договором 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Непросто было преодолеть взаимное недоверие после двух кровопролитных войн. Не только русофобия в Финляндии, но и советская пропаганда военного времени немало поработала, чтобы возбудить ненависть к врагу. Теперь предстояло ненависть погасить, представить народы друг другу в их мирных заботах и неприятии войны. Важные задачи возлагались на культурное сближение, чему должны были содействовать созданные в обеих странах общества дружбы: «Финляндия – СССР» и «СССР – Финляндия». Уже в январе 1945 года, когда война с фашистской Германией еще продолжалась, в Финляндию была направлена большая культурная делегация, в которую входили писатель Леонид Леонов, кинорежиссер Всеволод Пудовкин, композитор Дмитрий Кабалевский и знаменитый Ансамбль песни и пляски Советской Армии, выступивший с концертами во многих финских городах. Высокий профессионализм ансамбля явился для многих финнов приятным сюрпризом, подобного уровня гастрольных концертов в Финляндии давно не было. По свидетельству журналиста и писателя М. Курьенсаари, после концерта в Хельсинки интеллигентного вида молодая супружеская пара тут же публично заявила перед всем залом, что впредь они никогда больше не будут называть русских пренебрежительным словом «рюсся». Это может показаться малозначащей деталью, но с таких деталей должно было начаться воспитание обоюдного взаимоуважения.

Сразу после войны стали усиленно переводиться на финский язык книги советских писателей. Если за весь предшествующий период (1917–1944) количество переведенных советских книг не достигло и двух десятков, то только в одном 1945 году в Финляндии было издано 37 книг советских авторов (или 15% из всей вышедшей тогда в стране переводной литературы). В следующем 1946 году было переведено 25 советских книг (9% всех переводимых изданий)¹. Эти два послевоенных года стали рекордными, в дальнейшем темпы убавились, но все же в течение 1945–1970 го-

дов в финских переводах вышло 158 советских книг (или 1,6% из всех переводных изданий за этот период). Советские книги выходили преимущественно в возникших вскоре после войны левых издательствах, тогда как прочие издательства отдавали предпочтение русской классической литературе XIX века и нашумевшим «самиздатовским» новинкам советского периода. Из русской классической литературы финский читатель тогда получил многие переиздания и новые переводы Достоевского, Гоголя, Гончарова, Лермонтова, Лескова, Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова.

Изменения происходили в самой финской литературе. Актуальной становилась антивоенная тема. Книги Олави Пааволайнена, Вяйнё Линна, Пааво Ринтала, Вейо Мери вызывали широкие дискуссии общенационального масштаба, в которых участвовали, кроме литературных критиков и самих писателей, представители самых разных слоев общества вплоть до отставных генералов. Следует учесть и то, что возобновило свою деятельность основанное еще в 1936 году левое литературное объединение «Кийла» («Клин»). За антимилитаристскую и антифашистскую деятельность некоторые леворадикальные авторы – Элви Синерво, Арво Туртиайнен, Ярно Пеннанен, Раоуль Пальмгрен, К.-М. Рюдберг – были во время войны арестованы и теперь вышли из заключения. Издавались их поэтические, прозаические, публицистические книги. Известность получила, в частности, книга Р. Пальмгрена «Большая линия» (1948), высветившая конструктивные идеи Ю. В. Снельмана о роли культуры в развитии нации.

Постепенно эти книги становились известными и в СССР, в том числе в Карелии, где вскоре после войны начал выходить на финском языке альманах, затем ежемесячный журнал «Пуналиппу» (ныне «Карелия»), значительная часть тиража которого поступала в Финляндию. Финской литературой интересовался также русский журнал «На рубеже» (затем «Север»), уже своим названием подчеркивавший повышенное внимание к литературам северных стран. Стали чаще появляться переводы из классической и современной финской литературы на русский язык, обзорные критические статьи и книжные рецензии.

Для этого требовались подготовленные специалисты, в которых, особенно на первых порах, ощущалась острая нужда. До 1937 года курс истории финской литературы читался студентам финского отделения Ленинградского педагогического института

¹ Сведения о переводах советской литературы приводятся по социологическому исследованию: *Salokoski J. Neuvostokirjallisuus ja Suomi. Sosiologinen pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopisto, 1972.*

им. Герцена и Карельского учительского института в Петрозаводске, заслуга в этом принадлежала доценту У.Н.Руханену. Но эта едва складывавшаяся вузовская традиция затем оборвалась в результате арестов (арестован был и У.Н.Руханен), и после войны пришлось все начинать сызнова.

В 1947 году при Петрозаводском университете было открыто финно-угорское отделение (в Ленинградском университете финно-угорская кафедра существовала с 1925 года); активную роль в этом сыграл член-корреспондент Академии наук СССР Д.В.Бубрих, крупный специалист по финно-угорским языкам. Отделения были небольшие, на первый курс в Петрозаводске в 1947 году набралось лишь три студента, да и в последующие годы число поступающих не превышало 5–7 человек. По ряду дисциплин остро не хватало подготовленных преподавателей, но уже в начале 1950-х годов была открыта аспирантура по финскому языку и литературе, вскоре появились первые молодые специалисты, ставшие университетскими преподавателями и исследователями. С середины 1950-х годов литературы Карелии и Финляндии впервые стали предметом планомерного академического исследования в Институте языка, литературы и истории АН СССР.

Примерно тогда же начались первые приезды в СССР и Карелию финских ученых в исследовательских целях. В числе первых были языковед и собиратель фольклора Пертти Виртаранта и фольклорист, исследователь «Калевалы» Вьяйне Кауконен, впоследствии удостоенный звания почетного доктора Петрозаводского университета. Это означало, что финские ученые вновь могли собирать в Карелии языковые и фольклорные материалы, знакомиться с ее культурой, выпускать на этой основе книги. Первые поездки карельских ученых в Финляндию для работы в библиотеках, архивах, музеях начались несколько позже, в 1960–1970-е годы.

Для исследователей чрезвычайно важен регулярный книгообмен, который налаживался с большим трудом. На первых порах для советских исследователей весьма кстати пришлось обширные фонды фундаментальной Выборгской библиотеки, к счастью, уцелевшей в войну. Часть ее фондов оказалась в библиотеке Ленинградского университета, часть в научных библиотеках Петрозаводска. Большим подспорьем оказались также центральная Библиотека Академии наук СССР и Библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где сохранилась, кроме книг, в полном виде вся финляндская периодика XIX – начала XX века (на фин-

ском и шведском языках), поскольку туда высылались обязательные экземпляры всех финляндских изданий вплоть до самых мелких брошюр и провинциальных газет. В советский период такое правило уже не соблюдалось. После Второй мировой войны частичный книгообмен с Финляндией осуществлялся через Академию наук СССР, но более или менее полного комплектования финской литературой нет ни в одной из центральных библиотек России, в том числе в специализированной Библиотеке иностранной литературы в Москве. Попутно отметим, что в Хельсинки имеется фундаментальная Славянская библиотека, русские фонды которой с особой полнотой комплектовались в период, когда Финляндия входила в состав России.

Со временем налажился обмен университетскими преподавателями. На финно-угорском отделении Ленинградского и Петрозаводского университетов лекции по финскому языку и литературе периодически читались финляндскими профессорами и преподавателями, а в Финляндию выезжали специалисты по русскому языку и литературе. Если в период автономии в Финляндии был всего лишь один университет, то в настоящее время их девять, и в некоторых имеются кафедры славистики с преподаванием русского языка и литературы. Профессор-славист Эрки Пеуранен из университета Ювяскюля в свое время проходил аспирантуру в Московском университете, защитил докторскую диссертацию о лирике Пушкина 1830-х годов, опубликовал ее на русском и финском языках. Профессор Пекка Песонен исследовал творчество Андрея Белого и возглавляет кафедру славистики в Хельсинкском университете. На упомянутых кафедрах работают и другие сотрудники, время от времени они издают свои труды, в том числе на русском языке.

У Петрозаводского университета установились постоянные контакты с университетом города Йюэнсуу, который в настоящее время является культурным центром финляндской Карелии. Университет в Йюэнсуу и возник в этих целях – аккумулировать в себе научные силы для изучения карельской культуры и для развития региона, именуемого в Финляндии Северно-Карельской губернией. Главными инициаторами создания университета были профессора-историки Хейкки Киркинен (первый его ректор), Вейо Салохеймо и профессор-литературовед Ханнес Сихво. Каждый из них является автором многочисленных работ по истории и культуре Карелии, причем их объединяет общая центральная идея, один

общий подход: Карелия в ее многосторонних исторических связях с Востоком и Западом, со славянским и германо-скандинавским миром. В частности, богаты исторической и историко-культурной информацией две книги Х.Сихво: «Открыватели Карелии» (1968) и «Образ Карелии в эпоху финляндской автономии» (1973). Коллективными усилиями многих исследователей подготовлен ряд капитальных изданий, в частности, пятитомный комплексный труд «Карелия» (1981–1984). Написанная Х.Киркиненем, П.Невалайненем и Х.Сихво «История карельского народа» издана также в переводе на русский язык в Петрозаводске (1998). Заслуживает упоминания книга П.Вирта-ранта «Этюды о карельской культуре», вышедшая двумя изданиями в Финляндии и в русском переводе в Петрозаводске (1992); в книге речь идет о культуре Республики Карелия.

Следует отметить одну характерную особенность книгоиздательского дела последнего десятилетия: финские исследователи очень заинтересованы в том, чтобы их труды, касающиеся финляндско-русских отношений, Карелии, Ингерманландии, выходили не только на финском языке в Финляндии, но и в русском переводе в России, для чего финская сторона выделяет деньги. Таким способом в российских издательствах вышло уже множество книг финских авторов, преимущественно исторического содержания. Новым здесь является именно желание установить непосредственный контакт с русским читателем, равно как и то, что это стало вообще возможно только в связи с исчезновением идеологических барьеров и противостояний.

В советский период идеологические барьеры были куда строже, но все же художественная литература издавалась по взаимной договоренности издательств обеих стран. Так, в 1970–1980-е годы три крупных московских издательства – «Художественная литература», «Молодая гвардия» и «Прогресс» – выпустили 10-томную «Библиотеку финской литературы» (потом вышли еще дополнительные тома, но без обозначения серии). Следует сказать, что «Библиотека», включающая литературу Финляндии XX века, является пока самым представительным ее изданием в России.

Финны сравнительно хорошо информированы о происходящем в сегодняшней России, в том числе в области культуры и духовной жизни. Для дополнительной информации и развития культурных связей в Петербурге создан специальный «Институт Финляндии», сотрудники которого обладают соответствующей научной подготовкой и владеют русским языком.

«Будем европейцами, но останемся финнами»

Случилось так, что вскоре после распада Советского Союза Финляндия на основе референдума 19 октября 1994 года вступила в Европейский Союз, и между этими событиями можно усмотреть некоторую связь. В предшествующие десятилетия, особенно в 1960–1970-е годы, в период президентского правления Урхо Каллеви Кекконена, в финской и западной печати много говорилось о чрезмерной зависимости внешней и внутренней политики Финляндии от восточного соседа. Имелось в виду даже нечто большее, чем межгосударственные договорные обязательства; предполагалось, что за многие годы бесконфликтного послевоенного сосуществования финское руководство слишком привыкло предугадывать пожелания Москвы и во избежание осложнений считаться с ними, проявляя при этом политическое искусство и поддерживая взаимное доверие. На фоне острой конфронтации двух политических систем в мировом масштабе советско-финляндские отношения квалифицировались Москвой как образцовые, а на Западе утверждали, что Москва хотела бы «финляндизировать» всю Европу, начав со Скандинавии. Политика «финляндизации» стала в западной прессе притчей во языцех. В самой Финляндии это могло кое для кого звучать обидно, одни остерегались усиления советского влияния, а другие, напротив, приветствовали его, в том числе в области идеологии и культуры.

Распад СССР и всего социалистического лагеря показал глубину идеологического кризиса, отозвавшегося так или иначе во многих странах мира, включая Финляндию. В изменившихся условиях, когда в самой России от прежней идеологии отказались на вполне официальном уровне и, как следствие, пытаются пересмотреть заново всю российскую и мировую историю, подобное же искушение возникает и в других странах, особенно в тех, где имелись близкие к советской идеологии левые культурные движения. Теперь это не только не осуждается со стороны восточного соседа, но, напротив, приветствуется и поддерживается.

Разумеется, далеко не все в развитии финской культуры после второй мировой войны можно объяснить одним советским влиянием – это был внутренний процесс, определявшийся потребностями финского общества. И левые влияния шли также с Запада. Скажем, левое студенческое движение, охватившее в 1960–1970-е годы и финские университеты, началось во Франции и было ис-

ключительно западным. Во второй половине XX века в Финляндии резко возросло количество студентов; полевевшее студенчество стало весомой культурной силой, именно из тогдашних студентов вышли так называемые «культурные радикалы» – писатели, журналисты, театральные режиссеры, артисты, кинематографисты, композиторы левых политических песен-зонгов. Молодежь участвовала в митингах и концертах в защиту Кубы, Вьетнама, Чили, организовывала помощь этим странам. Многие «культурные радикалы» происходили из буржуазной семей, конфликтовали не только с обществом, но и с родителями. Они хотели порвать с господствовавшей национал-шовинистической идеологией прошлых десятилетий, с ксенофобией и русофобией. В финских университетах появились профессора левых убеждений, повышенное внимание среди университетских дисциплин получила социология, наука об обществе и его структурах. Реакцией на прежние прогерманские и профашистские симпатии правых сил стало преодоление германофильства в милитаристском его восприятии; уже модернистское поколение 1950-х годов отдавало предпочтение англосакской культуре и английскому языку.

Значительным влиянием в Финляндии обладала компартия, она была представлена в 1970-е годы даже в правительстве. Компартия делилась на две фракции, из которых более радикальная называлась «тайстовской» по имени лидера Тайсто Синисало, а другая – «саариненской» по имени Аарне Сааринена. Первая фракция считала другую «ревизионистской», но обе поддерживали связь с КПСС, разногласия отражали раскол в мировом коммунистическом движении. В контакте с «тайсовцами» возникло леворадикальное культурное объединение «Союз работников культуры» со своим журналом, театром, творческими коллективами. Тогда вошло в обиход понятие «ангажированного», социально активного искусства, обращенного к массам. В частности, в театральной жизни весьма популярной стала драматургия Брехта, Бюхнера, Горького, Хеллы Вуолиёки; ставились и собственные агитационные пьесы.

Все эти совокупные процессы полевения в финской культуре, включая литературу, искусство, науку, университетскую жизнь и интеллигентскую среду, стали теперь, в период спада леворадикальных настроений, расцениваться как попытка некоего «реванша» тогдашних левых в их противостоянии с правыми, которые преобладали в 20–30-е годы, но которые в 50–70-е вынуждены

были отступить, отчасти даже при «попустительстве» властей. Ведь писатель Вяйнё Линна, чьи романы оказали столь сильное влияние на общественное мнение в понимании финских событий 1918 года и затем войны с СССР, был в конце жизни официально произведен в академики, его портрет красовался даже на государственной ассигнации стоимостью в 20 марок, а из культурных деятелей такой чести удостоивались только люди действительно выдающиеся, общенационально признанные.

Конечно, в исторических событиях и их оценке разобраться бывает непросто, теперь мы в этом достаточно убедились также в России, и к единому мнению по многим вопросам до сих пор никак прийти не можем. В финской истории события 1918 года и последующие советско-финляндские войны трудно сколь-нибудь окончательно и безоговорочно оценить уже потому, что сразу же возникает вопрос: а что было бы с независимостью Финляндии в случае победы финского революционного правительства в 1918 году или «териокского правительства» образца 1939 года? И когда нынешние полемисты утверждают, что национальным героем в упомянутых событиях был все-таки Карл Густав Маннергейм, а не Эдвард Гюллинг или Отто Куусинен, то совсем не прислушаться к этому невозможно. Но невозможно присоединиться и к тому продолжению, которое за этим следует: дескать, финская революция 1918 года была лишь результатом подстрекательства русских большевиков, и якобы ее участниками, рабочими и сельской беднотой, руководила лишь низменная зависть к имущим, и будто бы их вооруженное восстание можно безоговорочно считать противозаконным и преступным. Но ведь с такой упрощенной логикой можно дойти до утверждения, будто и крупнейшее крестьянское восстание финского средневековья, известное под названием «Дубинной войны», было противозаконным и преступным, а заодно придется осудить вообще все известные в мировой истории народные восстания и национально-освободительные движения: и восстание римских рабов под предводительством Спартака, и восстание русских крепостных крестьян во главе с Емельяном Пугачевым, и освободительную борьбу народов Африки и Азии с распадом колониальных империй.

В Финляндии гражданская война 1918 года вовсе не оценивалась столь однозначно, с безоговорочным осуждением восставшего народа, даже теми писателями, которые в принципе не одобряли кровопролития, но оставались гуманистами. Не случайно вышед-

ший сразу же после трагических событий роман Ф.Э.Силланпя назывался «Праведная бедность» (1919). Писатель не героизировал красных, но не героизировал и белых, в отличие, скажем, от В.А.Коскенниemi или его единомышленника Бертеля Грипенберга. Силланпя *сострадал* прежде всего бесправным и обездоленным, в этом была сила его таланта.

Острая полемика вокруг романов Вяйне Линна в 1950–1960-е годы, казалось бы, исчерпала саму эту тему – их общенародный успех заставил в конце концов притихнуть даже тех, кто их не принимал. По отношению к гражданской войне 1918 года был взят официальный курс на примирение сторон, памятники воздвигались всем жертвам, красным и белым.

Но в 1990-е годы романы Линна вновь стали предметом полемики. К ним возвращаются именно потому, что они очень популярны, успели оказать большое влияние на общество и продолжают оказывать.

Теперь стали вновь говорить, что Линна в своих талантливых романах все-таки слишком односторонен и тенденциозен, что они дают превратное представление о финской истории, преувеличивают роль социальных низов и недооценивают верхние слои общества, патриотическую интеллигенцию «старого закала», политическое руководство страны периода 1920–30-х годов, офицерскую элиту в армии. Писателю не могут простить того, что он показал социальную суть событий 1918 года, высмеял солдатским смехом пропагандистские лозунги военных лет, показал жестокость и безрассудство войны, лишив ее всякой романтизированной героики в прежнем понимании.

Наиболее очевидной попыткой ностальгически оправдать и даже возродить старые идеологические стереотипы более чем полувековой давности явилась статья Пентти Линкола¹ с выпадами не только против романов Линна, но и с реабилитацией ультраправого германофильства профашистского толка. Автор договорился до того, что считает поражение гитлеровского рейха во Второй мировой войне «несчастливым ее окончанием», в противном случае, дескать, Германия и сегодня продолжала бы быть центром мировой цивилизации. С такой точки зрения и гражданская война 1918 года

¹ Linkola P. Mietteitä ja muistoja sivistyneistöstä – näkökulma vuosisadan aatehistoriaan // *Hiidenkivi*. 2001. № 1. S. 6–10.

в Финляндии является для автора всего лишь «борьбой варварства против культуры». А всякое упоминание о демократии вызывает у автора нервический возглас: «Нет, нет и еще раз нет!». Линкола не без гордости вспоминает, что один из его именитых родственников удостоил личным приемом Гимmlера, когда тот тайно посетил в 1942 году Финляндию. С такой логикой получается, что одни только красногвардейцы были преступниками и варварами, а о преступлениях фашизма в статье нет и помину.

Статья Линкола вызвала резкие возражения, в том числе со стороны прежних «культурных радикалов» (Ёуко Тьюри, Юкки Кекконен и др.). Статья может показаться нарочито сочиненным курьезом, но она выражает в наиболее оголенном виде определенную тенденцию на сегодняшнем идеологическом распутье. Нынче левых обвиняют в крайнем упрощении истории, сведенной лишь к классовой борьбе трудящихся масс. Но правые перегибают палку к противоположной крайности, всячески превознося роль «элиты» в историческом процессе и пренебрегая инициативой и самой судьбой социальных низов.

Реальная история куда сложнее и не подчиняется примитивной логике. Ёуко Тьюри в своей полемической реплике «Зашоренная интеллигенция»¹, отвергая Линкола с его профашистским германофильством, считает, что именно заигрывание значительной части финской интеллигенции с нацизмом в 1930-е годы явилось одной из причин осложнения советско-финляндских отношений и последующих войн. Финляндия имела основание не доверять Сталину (теперь и у нас признано, что Зимняя война 1939–1940 годов началась по его приказу), но и Сталин, по мнению Тьюри, был вправе не доверять Финляндии как потенциальному союзнику нацистской Германии. Финляндское руководство, возможно, надеялось, что Гитлер в 1939 году довольствуется половиной Польши, но жертвой войны уже со стороны СССР оказалась и Финляндия. По словам Тьюри, люди с застарелыми германофильскими симпатиями никак не могут простить президенту Кекконену его усилий по установлению доверительных отношений с восточным соседом.

Со вступлением в Европейский Союз перед Финляндией возникли новые проблемы. Финны слишком долго и трудно шли к созданию независимого национального государства, чтобы теперь

¹ *Tyyri J. Sokaistu sivistyneistö // Hiidenkivi*. 2001. № 2. S. 45–46.

можно было позволить себе беспечально проститься хотя бы с малой частицей своего суверенитета. Вся современная финская культура и современный финский язык исторически еще очень молоды, чтобы не ощущать боязни, как они будут сохранять свою самобытность в условиях активной европейской интеграции, усиливающихся миграционных процессов и межнациональных влияний. Для вступления в Европейский Союз требовалось урегулировать культурно-языковой статус этнических меньшинств – финляндских саамов и цыган. С увеличением русскоязычных мигрантов (в том числе из среды ингерманландских финнов) возникает вопрос об их культурно-языковой адаптации.

Сам финский литературный язык со времен Элиаса Лённрота складывался в традиционно пуристском русле с избеганием чрезмерного количества иностранных лексических заимствований. Наверное, мало найдется в Европе таких современных литературных языков, в которых отсутствовали бы, например, столь распространенные интернациональные слова, как литература, университет, студент, география, грамматика, республика, артиллерия, кавалерия и т. д., а из новых – компьютер, брифинг, саммит, эксклюзивный и сотни других. Финны стараются заменить их своими финскими лексическими новообразованиями, хотя это становится все труднее с наплывом новой интернациональной лексики. В финской печати сегодня нередки утверждения, что для современного интеллигента, особенно представителя относительно небольшого народа, впору знать не один-два, а четыре-пять иностранных языков, что так или иначе отразится на родном финском языке. Уже сейчас раздаются жалобы на молодежный слэнг, в котором больше половины искаженных иностранных слов.

В последние годы в Финляндии появляются исследования, специально посвященные истории финской самобытности (так называемого идентитета), причем можно заметить, что авторы подчас из добрых побуждений либо отодвигают зарождение зрелой национальной идеологии в слишком далекую историческую глубь, либо, напротив, подверстывают под нее малоподходящие поздние явления. Примером последней тенденции является книга М.Виртанена «Наследники фенномании» (2001), в которой к этим наследникам отнесены, по ироническому замечанию рецензента

Х.Сихво¹, даже леворадикальные «тайсовцы» 1970-х годов, о которых Т.Вихавайнен в книге «Сталин и финны» (1998), напротив, утверждает, что они как раз мостили для Финляндии «дорогу к сталинизму»².

О культурных связях Финляндии с Россией более реалистическую точку зрения высказал, думается, Йоханнес Салминен, полагающий, что даже при нынешней духовной сумятице в России для финнов всегда остается неисчерпаемое классическое наследие русской художественной культуры. «В Хельсинки, – размышляет автор, – сегодня интересно жить именно потому, что это открытый город и для востока, и для запада. Испытываешь чувство свободы, когда не надо больше «стоять на страже у форпоста» – ведь «форпосты» всегда остаются при движении где-то позади, сколь бы героически за них ни дрались. Происшедший в России переворот – это для нас, финнов, новый серьезнейший вызов: способны ли мы без предрассудков вступить в контакт с людьми, наконец-то сбросившими с себя маску тоталитаризма? И что мы сами сможем им предложить?». И далее: «России предстоит трудное духовное выздоровление, но ее классическое наследие – это тот бездонный кладезь, из которого и мы, финны, можем черпать. Ни в коем случае мы не должны повторить ошибок XIX столетия, когда большая часть русской культурной жизни прошла мимо нас, то ли по причине нашей гордыни, то ли исключительно по неведению»³.

Современный мир стремительно интернационализируется, глобализуется, технологизируется, и все последствия этого трудно предугадать, хотя в Финляндии созданы специальные научные центры по прогнозированию национального будущего с учетом мирового развития.

От слишком далеких прогнозов реалистические умы воздерживаются, считая, однако, что в обеспечении будущего и в сохранении национальной самобытности в широко распахнутом ныне мире многое зависит от воли и культурного развития самой нации.

¹ Virtanen M. Fennomainian perilliset. Helsinki, 2001.

² Sihvo H. Sukupolvien perintö? // Hiidenkivi. 2001. № 5. S. 32–33.

³ Salminen J. Mts. S. 180, 182.

М. А. Витухновская

Бунтующая окраина или модель
для подражания: Финляндия глазами
российских консерваторов и либералов
второй половины XIX – начала XX веков

Модернизационные процессы, развернувшиеся в России во второй половине XIX – начале XX веков, внесли в жизнь страны существенные изменения. Одним из наиболее заметных явлений стало усиление национальной модернизации, проходившее в разных регионах страны с различной степенью интенсивности. Рост региональных национализмов, а также и национализма русского стал всерьёз влиять на самочувствие и бытие российского общества, именно с этого времени начал нарастать его разлом по национальным границам. Кроме того, со второй половины XIX века отношение к национальному вопросу и имперской проблематике стало одним из существенных «маркирующих» идеологических признаков; национальный дискурс сыграл существенную роль в окончательном размежевании российского интеллектуального сообщества на консервативную и либеральную части. И для той, и для другой группы отношение к имперской проблематике и национальным амбициям составлявших Россию народов стало важнейшим критерием и важнейшей состав-

ляющей их политических программ. Оказавшаяся к этому времени в высокой фазе национальной мобилизации, национально и государственно обособившаяся от России, Финляндия, естественно, давала повод для наиболее острых столкновений в среде российских интеллектуалов, провоцируя оба лагеря на противостояние.

В истории Финляндии вторая половина XIX века стала переломным периодом. Именно в это время полным ходом шло не только формирование финской нации, но и становление её государственных институтов, административного, экономического и социального организмов. Если воспользоваться определением Андреаса Каппелера, финны, бывшие в начале XIX века «малой» или «молодой» нацией, почти поголовно состоящей из крестьян и не имеющей собственной элиты, к началу XX века «имели все предпосылки и основания для формирования современной нации»¹. Финляндия к концу XIX века обладала многими атрибутами государственности – у неё были свой законодательный (сейм)² и исполнительный (сенат) органы, решавшие вопросы экономического и общественного развития, своя валюта, таможенный барьер на границе с метрополией, своя почта и даже – с 1878 года – свои войска. Господствующее положение финского языка было достигнуто в 1880-х годах. Помимо этого экономическое развитие Финляндии продвигалось весьма быстрыми темпами, что привело к заметному росту её благосостояния. Положение Финляндии внутри Российской империи оказалось, таким образом, совершенно исключительным – и не только в масштабах самой империи, но и в сравнении с устройством других многонациональных государств. Сложившаяся ситуация была воспринята как вызов имперски мыслящей частью российского общества и спровоцировала, начиная со второй половины XIX века, нарастание националистической антифинской риторики в периодических изданиях и – позже – на трибуне Государственной думы. В защиту Финляндии и её автономии выступали российские либералы.

¹ Каппелер, Андреас. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 161–164.

² Финляндский сейм в период российского правления был созван впервые в 1809 году, но далее на протяжении более чем пятидесяти лет не собирался. Он был вновь созван только при Александре II, в 1863 году.

Существует ограниченное число исследований, посвящённых целиком или частично отношению российских идеологов к финляндскому вопросу¹. Как российские, так и финские учёные, занимавшиеся этой проблемой, прежде всего фокусировали своё внимание на реальном политическом процессе и его идеологическом обосновании и интерпретации, их интересовали позиции российских политиков и идеологов по отношению к ключевым проблемам российско-финляндского противостояния. Поэтому естественно в фокусе исторических исследований оказывались те публикации и выступления, которые отражали отношение публицистов XIX – начала XX вв. к финляндской политике государства на разных её этапах и во многом провоцировали (это прежде всего касается националистических изданий) те или другие повороты этой политики. Многочисленные авторы, посвящавшие свои работы финляндскому вопросу, обсуждали правовое положение Великого княжества внутри империи, таможенные проблемы, вопрос о финляндских войсках, экономические и торговые взаимоотношения метрополии с автономией, и эти дискуссии достаточно основательно проанализированы в исторической литературе.

В гораздо меньшей степени историки интересовались тем, как российские общественные деятели понимали и воспринимали Финляндию и финнов как таковых², то есть какой «картиной Финляндии» они собственно говоря руководствовались, защищая автономию от нападков, или, наоборот, провоцируя власти на расправу с ней. Конечно, в статьях противников или защитников Финляндии (а точнее – финляндской автономии) присутствуют многочисленные аргументы как политического и экономического, так и исторического и, так сказать, нравственного характера, однако «за фасадом» этой энергичной риторики скрывались принципиально разные оценки Финляндии и даже различные чувства по отношению к ней, упрощённо говоря, – симпатия одних и глубокая неприязнь других. В основе ожесточённой полемики либералов и консерваторов лежало прежде всего совершенно различное понимание достоинств и недостатков Финляндии и финнов в контексте империи.

Противоположные «образы» Великого княжества, которые существовали в представлениях идеологов обоих лагерей, симпатия к нему либералов и антипатия консерваторов имели в своей основе различие их политических идеалов и представлений о будущем России. Говоря о Финляндии, и те и другие прежде всего думали о России, о том, какую модель развития они предпочли бы для своей родины и как эта модель соотносится с финляндским дискурсом. «Образ Финляндии», таким образом, существовал для российских мыслителей в неразрывной связи с тем «образом России», который возникал перед их мысленным взором и в разных случаях воспринимался либо как помеха на пути развития Российской империи, либо как один из стимулов к её движению вперёд. Если консерваторы и позже русские националисты воспринимали Финляндскую автономию как фактор, опасный для единства империи и, при определённом попустительстве, ведущий к её распаду, то для российских либералов это был единственный и благодатный уголок их страны, где царили те культура и демократия, которые они мечтали бы распространить на всю Россию. В глазах консерваторов Финляндия была помехой и врагом, в глазах либералов – образцом для подражания.

ет тезис о том, что российские идеологи воспринимали Финляндию как колонию, со всеми присущими этому образу характеристиками – страны дикой, романтической, первобытной природы и не тронутого цивилизацией, простого народа. На этом фоне, считает Хирвисахо, представители России выглядели как цивилизаторы, несущие в этот край современную культуру.

¹ Наиболее полной можно назвать работу: *Korhonen, Keijo*. Autonomous Finland in the political thought of nineteenth century Russia. Turku: Turun yliopisto, 1967, в которой автор рассматривает, как последовательно эволюционировал взгляд на Финляндию российской политической элиты на протяжении XIX века. Более ограниченному периоду посвящена статья: *Ошеров Е.Б.* Политика царизма в Финляндии в освещении русской печати (1890–1899) // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та им. О.В.Кууси-нена. Исторические науки. Т. 16. Вып. 7. 1968. С. 102–110; а также отдельные разделы книг: *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 110–114; *Полвинен, Туомо*. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904. СПб., 1997. С. 28–36, и *Schweitzer, Robert*. Autonomie und Autokratie. Die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen Reich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899) // Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe II. Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 19. Giessen, 1978. Отношению к «финляндскому вопросу» одного из либеральных изданий посвящена статья: *Pogorelskin, Alexis E.* Vestnik Evropy and the finnish question, 1885–1904 // Journal of Baltic studies. 1980. № 2. V. 11. P. 127–141.

² В качестве исключения мы можем назвать только одну из известных нам работ: *Hirvisaho Iida Katariina*. A Stepchild of the Empire: Finland in Russian Colonial Discourse. Los Angeles, University of California, 1997. Автор этой монографии выдвигает

После присоединения к России в 1809 году Финляндия более пятидесяти лет не часто попадала в поле зрения российских мыслителей. Причин этому было несколько. Прежде всего, в истории самого Великого княжества этот период не был отмечен никакими серьёзными подвижками. Край приходил в себя после кровопролитной войны, приспосабливался к новым условиям своего гражданского бытия, прояснял для себя вопросы национального самоопределения. Чеканная формула, предложенная Адольфом Иваром Арвидссоном: «Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами» была с энтузиазмом воспринята большей частью финской интеллигенции, однако для того, чтобы «стать финнами», единой национальной общностью, следовало проделать огромную работу, которая лишь начиналась. Финляндская автономия в первой половине XIX века ещё не сформировалась в своём зрелом виде, процесс национальной мобилизации был далёк от завершения, и поэтому, с точки зрения тогдашних национально мыслящих российских деятелей, она не представляла никакой опасности для империи. Кроме того, в России существовали гораздо более тревожные национальные регионы – полным ходом шло завоевание Кавказа, разворачивалось наступление на среднеазиатские области, значительное беспокойство доставляла империи Польша. На этом фоне мирная, лояльная, дисциплинированная Финляндия выглядела почти идиллически.

В российской публицистике и литературе этого времени господствовало благожелательное, романтическое представление о Финляндии. В произведениях Батюшкова, Баратынского, Булгарина, Одоевского, посвящённых этой недавно обрётённой окраине, предстаёт страна с суровой, дикой природой, населённая людьми простыми и примитивными, но смелыми и чтящими закон¹. Иида Хирвисахо отмечает в своём исследовании, что все эти авторы намеренно преувеличивают, в полном соответствии с эстетикой

романтизма, суровость и пустынную Финляндии, мрачность и неприветливость её природы и непритязательную простоту её населения, изображаемого как неких детей природы, находящихся в полной гармонии с окружающим их миром. Хирвисахо приводит знаменательную фразу Одоевского: «...финнов можно назвать народом древности, переселённым в нашу эпоху...»¹.

Характерное для этого времени описание национального характера финнов встречаем в очерке К.Грота «О финнах и их народной поэзии»². Хотя Грот не оговаривает специально, какой социальный слой является объектом его наблюдений, совершенно ясно, что он пишет о простом народе, финском крестьянстве. Этот интерес к традициям и нравам «простолюдинов» весьма симптоматичен – во многих странах Европы и в том числе в России середина XIX века ознаменовалась поисками национальных корней, усиленным интересом к народной культуре, жизни и быту крестьянства. Именно в этот период подробные и скрупулёзные описания народной жизни заняли значительное место в российской публицистике – и статья Грота, хоть и построенная на финском, а не русском материале, вполне вписывается в эту традицию. Так же проявляется в ней и неизменная симпатия к объекту описания. Финны, по мнению Грота, энергичны, решительны и мужественны, на редкость терпеливы, честны и верны данному слову, страстно привязаны к своей родине и сострадательны по отношению к ближним, гостеприимны. Финны недоверчивы к иноплеменникам, скрытны и молчаливы, но справедливы, отзывчивы на доброе отношение. Грот целиком соглашается с описанием финского характера, данным профессором Финляндского университета Валениусом: «...народ суровый, бедный, терпеливый в трудах, привыкший довольствоваться малым, гостеприимный, простой в своих нравах, сильно привязанный к вере, к уставам и обычаям предков, свято почитающий закон и правосудие, храбрый, твёрдый, преданный повелителям, готовый на всё, ради веры и отечества, упорный, мнительный, опасющийся быть предметом презрения или порицания, но воздающий любовью за любовь, кроткий, податливый, смиренный и чуждый всяких смятений»³.

¹ См.: Батюшков К.Н. Отрывок из писем русского офицера о Финляндии // К.Н.Батюшков. Опыт в стихах и прозе / Под. ред. И.М.Семенко. М., 1977. С. 95–103; Баратынский, Евгений. Финляндия; Эда // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 67–68, 165–180; Булгарин, Фаддей. Легняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839; Одоевский, Владимир. Саламандра // Одоевский Владимир. Повести и рассказы / Ред. А.Немзер. М., 1988. С. 244–328.

¹ Одоевский, Владимир. Саламандра. С. 244.

² Грот Я.К. О финнах и их народной поэзии // Современник. 1840. Т. 19. С. 5–101.

³ Там же. С. 11.

Забегая вперёд, отметим, что многие характеристики Грота совпадают с теми определениями, которые гораздо позже взяли на вооружение российские либералы. Ими постоянно отмечались глубокий патриотизм финнов, уважение к закону, честность и верность слову, благодарность, лояльность и толерантность. Именно набор этих национальных качеств позволял либералам доказывать (а консерваторам на определённых этапах – верить), что Финляндия, населённая таким мирным и законопослушным народом, отзывчивым на добро, не может быть источником никаких беспокойств для России. Как и Грот, либеральные публицисты апеллировали к неким имманентно присущим, по их мнению, качествам финнов, абстрагируясь от конкретной исторической ситуации, социальной эволюции и нарастающей национальной мобилизации.

Политический статус Финляндии внутри России также воспринимался весьма благожелательно авторами, касавшимися этого предмета. Кеййо Корхонен отмечает: «Тот факт, что царь (Александр I. – М. В.) даровал Финляндии некоторое количество прав было для русских едва ли особенно важным вопросом; права Финляндии были официально установлены коротко и без комментариев; часто они даже оставались целиком незамеченными»¹. Автономия Финляндии, её особый статус внутри России не вызывал у российских властей и основной части политических мыслителей ни недовольства, ни возражений, и мало кто в те времена обнаруживал в нём хотя бы намёк на угрозу для целостности России². По мнению Корхонена, «во время правления Николая I Финляндия, в особенности в политическом смысле, была главным образом забыта русским общественным мнением»³.

Пробуждение интереса к Финляндии следует отнести к началу 1860-х годов, когда царь-реформатор Александр II обратил свои взоры на эту окраину и дал здесь ход либеральным реформам, а главное – разрешил созвать сейм, не собиравшийся до этого более пятидесяти лет. Консервативные и либеральные мыслители оценили

¹ *Korhonen, Keijo. Autonomous Finland. С. 23.*

² Кеййо Корхонен отмечает, например, что декабрист Пестель был сторонником аннулирования финских привилегий и слияния Финляндии с империей (см.: *Korhonen, Keijo. Указ. соч. С. 26.*)

³ *Korhonen, Keijo. Autonomous Finland. С. 42.* Корхонен отмечает, что особенно положительно отразилась на восприятии Финляндии её лояльность и, более того, содействие русским войскам в годы Крымской войны.

этот поворот в жизни Великого княжества диаметрально противоположным образом – и тем самым положили начало тому противостоянию по финляндскому вопросу, которое с течением времени лишь нарастало, а к концу XIX – началу XX века привело стороны к неразрешимому конфликту¹. Именно в этот период сформировались не только политические позиции противостоящих сторон, но и те типичные для консерваторов и либералов «образы Финляндии», которым, собственно, и посвящена наша статья.

Общественное мнение 1860-х годов о Финляндии

В конце 1850-х – начале 1860-х годов в связи с началом нового царствования и либеральными реформами произошли серьёзные изменения не только в общественном бытии, но и в общественном сознании. Сами современники определяли период рубежа 50–60-х годов как «канунный»², имея в виду разлитое в воздухе ожидание перемен, для одних благотворных, для других – губительных. Почувствовав себя более свободными, общественные группы смогли открыто выражать свои позиции. В большой степени стимулом к этому послужили новые вызовы политической жизни страны, которые требовали отозваться и сформулировать свою позицию.

Нужно признать, что и в этот период Финляндия отнюдь не находилась на переднем фланге общественных интересов. Помимо Великих реформ, вызывавших общественное брожение, на повестке дня стояли и национальные вопросы, и самым серьёзным из них в начале 60-х годов был вопрос польский. Восстание 1863–1864 годов в Царстве Польском вызвало очень резкую реакцию почти во всех слоях российской общественности, и периодические издания ежедневно обсуждали польскую проблему. Собственно говоря, на первых порах и финляндские дела рассматривались идеологами через призму польских, поскольку наиболее прозорливые из

¹ Необходимо отметить, что консервативное крыло в этот период отнюдь не было однородным, и мнения различных консервативных изданий в отношении Финляндии могли сильно отличаться. Мы будем иметь в виду ведущий и наиболее популярный в тот период консервативный орган «Московские ведомости» и его редактора М.Н.Каткова.

² *Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С. 24.*

них предвидели возможность движения Финляндии по польскому пути – то есть по пути сепаратизма.

Главным финляндским событием, обсуждавшимся на страницах российской прессы, стало открытие сейма, состоявшееся 6 сентября 1863 года. Отклик на него в подавляющем большинстве изданий был на редкость благожелательным. Газета «Голос», близкая либеральному крылу правительства,¹ поместила целый ряд восторженных заметок об этом событии. Ликование либералов не в последнюю очередь было связано с их конституционными чаяниями для России, особенно оживившимися именно в правление Александра II. В этот период «даже в высших правительственных сферах в связи с созывом сейма 1863 г. незримо витал вопрос: “А мы?”»². Именно с этого периода возрожденный финляндский представительный орган правления становится для российского либерализма предметом восхищения и примером для подражания. Позже, когда империя начала наступление на особые права Финляндии, конституционное устройство Великого княжества стало одной из тех ценностей, которые российские либералы стремились сберечь в первую очередь.

Сам созыв сейма был в большой степени инспирирован польским восстанием. Власти стремились показать, что лояльные народы, в отличие от взбунтовавшихся поляков, могут рассчитывать на доброе к себе отношение и понимание их нужд. Либеральные «Отечественные записки» писали, что это событие «показывает меру тех преимуществ и прав, которыми могут пользоваться, под русским скипетром, завоёванные нами провинции, когда они ведут себя смиренно»³. Сама эта «смирность» финляндцев понималась либералами как гарантия против их возможного сепаратизма, залог преданности России и русскому престолу. «Враги России оболгали

¹ По утверждению В.Г.Чернухи, «Голос», учрежденный А.А.Краевским, «лишь отчасти выполнил свои функции официоза, поддерживая и пропагандируя некоторые из мероприятий правительственной политики, позволяя себе робкую оппозицию относительно других мер». У колыбели «Голоса» стояли люди так называемой «эпохи реформ», пришедшие на смену «николаевцам» в 1861 – начале 1862 гг. – министр внутренних дел П.А.Валуев, министр просвещения В.А.Головнин и министр финансов М.Х.Рейтерн (*Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70 годы XIX века. Л., 1989. С. 106).

² *Сунд Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 11.

³ Современная хроника России // Отечественные записки. 1863. Сент. Т. 150. С. 129.

финский народ, – писал «Голос». – По их словам, в этой стране, известной своей преданностью к царствующей династии и благодарной России за множество благодеяний, начали, будто бы, проявляться какие-то сепаратистские стремления». «Голос» был уверен, что это ложь и клевета, ибо благодетельствованная Финляндия «будет благословлять свою связь с Россией»¹.

С другой стороны, лояльность финнов связывалась либералами с их принадлежностью к «европейской цивилизации», воспитавшей в них черты гражданской личности и правовое сознание. Эти качества финляндского народа либералы ставили особенно высоко, и это их убеждение оставалось непоколебимым на протяжении десятков лет. «Голос» писал, что в результате связи с германо-скандинавским миром «очень рано были внесены в Финляндию все существеннейшие черты европейской цивилизации. [...] Под всеми этими влияниями развивалось в народе сознание человеческих прав, складывалась и крепла гражданская личность, возникало сознание политической свободы, являлся навык к самоуправлению». Все эти черты либеральные мыслители относили к числу идеальных для каждого народа – и именно этих свойств недоставало, по их представлениям, народу России, так же как и преимуществ финляндского общественного строя (читай – правового государства – *М. В.*), при котором «...государственные учреждения [...] обеспечивали страну от произвола власти, ограждали последнего финна от угнетений и несправедливости»². В другой статье в той же газете восторженно описываются приметы «тесной общественной организации» (мы бы назвали это основами гражданского общества), существующей в Финляндии. «Почти во всех городах, – отмечает неизвестный автор, – и даже в некоторых селениях Финляндии в настоящее время есть различные общества (перечисляются просветительные, врачебные, сельскохозяйственные, попечительские, литературные и т. д. общества, общества призрения нищих – *М. В.*), ...действия которых обнимают положительно всю Финляндию...»³.

Российские издания – как либеральные, так, впрочем, и консервативные, – неоднократно отмечали этническую и социальную неоднородность финского общества, а точнее – его «двухслой-

¹ Голос. 1863. 3 сент. № 230. Л. 1.

² Там же.

³ Голос. 1865. 20 нояб. № 321. Л. 2.

ность», деление на шведскую элиту и финские «низшие классы». Эти две категории населения, по наблюдениям публицистов, находятся в противостоянии друг к другу, финны «упорно продолжают отстаивать свой родной язык» (имеется в виду, конечно, финское националистическое движение в целом), а шведы стремятся этому противодействовать. Сравнивая в этом смысле Финляндию с Остзейским краем, автор передовой «Голоса» пишет: «хотя как в Финляндии, так и в Остзейском крае, о сепаратизме нет и помину, но нельзя не сознаться, что в этих провинциях иностранная пропаганда действует неутомимо, поселяя прискорбный антагонизм между разноплеменным народонаселением и стараясь произвести искусственную неприязнь ко всему русскому»¹. Ещё более определённо формулировали проблему консерваторы: М.Н.Катков, например, считал, что шведы, составляющие правящий класс в Финляндии, как и немцы Балтии, представляют собой потенциальную угрозу как «пятая колонна» недружественных России пограничных государств. Финские же финны, как и эстонцы и литовцы, неспособные к политической активности, подобной угрозы представлять не могут².

Таким образом, социальный портрет финского общества в российской публицистике усложнился, положительному образу лояльного финна был противопоставлен враждебный России швед. Эта позиция, как мы знаем, абсолютно соответствовала правительственному курсу на всемерную поддержку фенномании в противовес шведомании, который, как впоследствии стало ясно, потерпел неудачу³.

Итак, привычный для первой половины XIX века романтический образ Финляндии с её дикой природой и живущим в гармонии с ней простым и мужественным народом сменяется в 60-х годах XIX века иной картиной. Собственно говоря, господствующим

¹ Голос. 1865. 17 окт. № 287. Л. 1.

² См. об этом: *Korhonen, Keijo*. *Autonomous Finland*. С. 64.

³ Л.В.Суни отмечает: «Расчёты царизма на то, что поддержка фенномании будет достаточной платой для того, чтобы полностью и бесповоротно привязать её к колеснице самодержавия, всё же не оправдались. [...] Причины этому следует искать в идеологии и конечных целях самого фенноманского движения, которое стремилось не только к утверждению финского языка в общественной и культурной жизни страны, но и к созданию собственного финноязычного государственного органа в рамках автономной Финляндии» (*Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии. С. 71.).

в этот период (даже в консервативной печати) остаётся весьма положительный «портрет» финнов, однако его черты сильно видоизменяются. Вместо наивных и мужественных «детей природы» публицисты рисуют народ, воспринявший основы европейской цивилизации, обладающий выборными органами самоуправления и приверженностью гражданским и политическим свободам. В большой степени этот новый «образ Финляндии» был связан с общественной ситуацией в самой России, становлением либерального движения с его стремлением к конституционной монархии, новыми надеждами и чаяниями российского общества. Либералы страстно отметили появлявшиеся в консервативной прессе обвинения финнов в сепаратизме – по их мнению, благодарная России Финляндия не способна на измену¹. И если какая-то часть финляндского населения и могла вызывать какие-то сомнения в смысле преданности империи, то это была шведская элита, являвшаяся потенциальным носителем идей нелояльности.

Между тем, именно в этот период консервативная оппозиция впервые выступила против финляндской автономии. Вдохновителем и идеологом этого антифинского направления стал Михаил Никифорович Катков, популярный и очень влиятельный публицист, с 1863 года являвшийся редактором-издателем газеты «Московские ведомости». Катков не просто был выразителем настроений значительной части российского общества, – он сам влиял на общественное мнение и, более того – на власть. По свидетельству

¹ Позиция либералов и, в частности, газеты «Голос» в отношении Финляндии не всегда была только благожелательной. Например, преобразование монетной системы Финляндии, отдалившее её финансовое устройство от имперского, вызвало ряд критических статей «Голоса», который высказывал предположение, что «в Финляндии есть люди, может быть, небольшой кружок людей, которые не прочь осуществлять свои стремления к развитию экономической автономии княжества, даже и в ущерб интересам Русского Государства.» Газета с возмущением вопрошала: «Если Финляндия – отдельное государство, [...] в таком случае совершенно непонятно, на каком основании Великое Княжество Финляндское продолжает пользоваться даром, и даже с избытком, благами, которыми могут пользоваться только провинции, составляющие неразрывную часть могущественного государства... Если же Финляндия провинция Российской Империи, [...] то опять непонятно, каким образом эта провинция не признаёт у себя обязательным обращение русских бумажных денег...» И наконец автор передовой резюмирует: «...Финляндия есть не что иное как провинция, завоёванная русским оружием...» (*Голос*. 1866. 31 июля. № 209. Л. 1) Та же проблема продолжала обсуждаться в «Голосе» от 13 сентября 1866 г.

исследователя, «он, находясь вне правительства, диктовал ему программу, побуждая к решительным практическим действиям»¹. И хотя процитированные нами слова относятся к влиянию Каткова в польском вопросе, они свидетельствуют о силе его воздействия на властные структуры. Польский вопрос оказался тем «оселком», на котором Катков оттачивал свою позицию по вопросу национальных окраин. Если либералов национальный вопрос интересовал в малой степени, т. к. они считали, что главной задачей для России является проведение либеральных реформ, которые сами по себе помогут решить и проблемы окраин, то для Каткова он был одним из ведущих в его программе. Политические убеждения Каткова Кеййо Корхонен сформулировал как «русско-национальный империализм», публицист ратовал за сохранение России именно в качестве империи, причём империи русской. В.А.Твардовская отмечала, имея в виду статьи Каткова, посвящённые польскому вопросу: «Сохранение единства империи, в глазах Каткова, оправдывало любые средства – беззаконие, потоки крови, ряды виселиц, переполненные тюрьмы, тысячи высланных по малейшему подозрению в сочувствии к восстанию»².

В известном смысле, соединение «в одном флаконе» идей русского национализма и империализма было противоречивым по самой своей сути. Перед сторонниками империи в эпоху пришествия национализма стояла дилемма – выбрать в качестве идеала либо традиционную, наднациональную империю, либо – собственно нацию и Родину, понимаемую как национальная территория. И первое противоречило второму, ибо национальная территория есть суть национальное государство, которое при этом перестаёт быть надэтнической империей. В сосуществовании этих двух идей в мировоззрении Каткова и его единомышленников состояла его имманентная противоречивость. Однако стремление сохранить империю и при этом сделать её по духу русским государством было свойственно российским консерваторам-националистам вплоть до самого краха режима в 1917 году. «Националистические мотивы, – отмечает А.И.Миллер в своём исследовании по украинскому вопросу, – в русском общественном мнении постепенно становились всё более актуальными во второй половине века, чему

¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 30.
² Там же. С. 31.

способствовали господство национализма в Западной Европе того времени и конфликт сперва с польским, а затем и с другими национальными движениями в самой Российской империи»¹.

Националистические устремления всё яснее звучали и в статьях Каткова; он ратовал за безусловный приоритет русскости и русских в империи и поэтому был склонен враждебно относиться к любому проявлению национальной мобилизации или самостоятельности в регионах страны. Соглашаясь с тем, что Россия – многонациональная держава, он был готов признать права инородцев на культурную самостоятельность, однако исключал для них всякую возможность развития политического². Даже находящиеся в исключительном положении Польша и Финляндия должны быть всецело преданы империи, ибо, как писал Катков, «мы в России всегда знали и теперь знаем одно отечество – Россию – и один патриотизм – русский. Российская держава есть одно государство, в которое входят все её составные части, с включением и Царства Польского и Финляндии»³. Поэтому особое положение Финляндии с её самоуправлением и особыми правами встревожило его прежде всего.

Как только был созван сейм, Катков выступил с несколькими статьями, доказывавшими, что автономия Финляндии к добру не приведёт. Отношения Финляндии к России, писал он, «очень опасны, опасны не только тем, что могут вести к разным внешним замешательствам и затруднениям, а ещё больше тем, что они вносят во внутреннюю государственную жизнь такое начало, которое в своём развитии может расстроить самое цельное государственное тело». Ещё большая опасность, по мнению Каткова, заключалась в том, что на основе этих отношений может развиваться «одна из самых пагубных государственных форм» – федеральная. «Нет ничего противнее здравому политическому смыслу, как эта “федеральная” или “федеративная” форма, выдаваемая за идеал государственного устройства. [...] Для государства лучше, вследствие несчастной войны, утратить ту или другую из своих областей, нежели приобрести новую на основании [...] этой “федеральной” связи»⁴.

¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) СПб., 2000. С. 33.

² См. об этом: Корхонен, Кеййо. *Autonomous Finland*. С. 63.

³ Московские ведомости. 1865. 13 мая. № 103. Л. 1.

⁴ Московские ведомости. 1863. 10 сент. № 196. Л. 1.

Либеральные издания спорили с «Московскими ведомостями», утверждая, что, прежде всего, отношения Финляндии к России не федеративные, а во-вторых, даже если бы они были федеративными, это никак не грозило бы единству России. «Публицист, – писал автор “Голоса” под псевдонимом “Старина”, имея в виду автора статьи в “Московских ведомостях”, – боится призраков, создаваемых его собственным воображением, воображением очевидно расстроенным и болезненным. Ему представляется, будто федеративная форма может развиваться где-нибудь из ничего, из несуществующих зародышей. Где он видит условия, где он видит стремления к распаденю русской земли на федеративные части?»¹

Однако в многочисленных статьях, посвящённых Финляндии, «Московские ведомости» не уставали делиться своей тревогой по поводу перспектив финского сепаратизма и его первых признаков. И хотя на этом этапе антифинская риторика консерваторов была ещё очень мягка, ни одно событие, которое могло бы дать материал для усугубления этой тревоги, не осталось авторами газеты без внимания. Будь то конфликт в сейме по поводу возможности участия в его заседаниях представителей финского дворянства, находившихся на службе в России, или проект нового закона о печати для Финляндии – как эти, так и многие другие события давали почву для выявления в них «финляндского сепаратизма». Слова «Финляндия» и «сепаратизм» с этого момента постоянно соседствуют в словаре консерваторов, становясь почти синонимами.

Катковские «Московские ведомости» ввели в оборот ещё один тезис относительно Финляндии, весьма востребованный консерваторами в последующее время и ставший особенно популярным в конце XIX – начале XX века. Он впервые завёл речь о том, что Финляндия живёт и богатеет за счёт России, никак не участвуя при этом в общероссийских финансовых тяготах. Конечно, в начале 1860-х годов аргументация консерваторов по этому сюжету не могла быть сильно развёрнутой, т. к. Финляндия только начинала процесс экономической модернизации, приведший к сильному экономическому опережению ею России. В основе этого процесса лежал пакет либеральных законов, разработанных сеймом в 1860-х годах при одобрении российских властей, и целый ряд льгот, эти-

ми властями обеспеченных. Благодаря новому законодательству отменялись прежние меркантилистские предписания и открывались шлюзы в развитии промышленности, и, таким образом, политика меркантилизма сменилась политикой либерализации. Консерваторы были правы, отмечая, что начиная с 1860-х годов Финляндия пользовалась серьёзными таможенными и другими экономическими льготами, которые подчас работали в ущерб российским интересам. Начиная многолетнюю череду статей на эту тему, «Московские ведомости» писали: «Находясь под русскою державой, Финляндия не несла никакой государственной тяготы вследствие своего соединения с Россией (при какой другой державе было бы это возможно?) и пользовалась только удобствами этого соединения. Она была единственным уголком в целой Европе, где налоги не возрастали, и до сих пор нигде налоги так не легки, как в Финляндии. Она была обеспечена и ограждена даром под сению могущественной державы, с которою соединяла её судьба»¹. Интересно отметить, что временами с этой позицией Каткова сближались и либеральные издания, что свидетельствует несомненно о колебании их курса по отношению к Финляндии.

И всё же статьям в консервативной прессе 60-х годов было очень далеко до той истерической антифинской агитации, которая началась двадцатью годами позже. С одной стороны, это объясняется тем, что элементы финляндской государственности, экономической и культурной независимости и национальной мобилизации были ещё в этот период недостаточно развиты и не могли вызывать серьёзных опасений; с другой стороны, очень живы в сознании российского общества были представления о финнах как о честных, разумных и лояльных «инородцах». «Несмотря на некоторую аномалию своего положения относительно России, – утверждали «Московские новости», – Финляндия, слава Богу, никогда не была причиной серьёзных замешательств и затруднений для русского народа. [...] от великого княжества Финляндского Россия пока не видала зла; оно держалось мирно, законно и честно, не употребляя во зло своего особого положения. [...] Испытанная честность этой страны, её непритязательность, её спокойный нрав

¹ Голос. 1863. 15 сент. № 242. Л. 2.

¹ Московские ведомости. 1863. 26 сент. № 209. Л. 1.

мирят русское чувство с характером тех отношений, в которых она находится к России»¹.

Как можно заметить, сопоставляя либеральный и консервативный «образы Финляндии» уже на этом, раннем этапе, в основе их лежат совершенно различные программы и «картины мира» обеих сторон. Либералы, мечтавшие о вестернизации России, были счастливы обнаружить в её составе край, в котором реализация их идеалов уже началась. Их не пугали угрозы ни сепаратизма, ни либерализма, ибо национальный и имперский вопросы не казались им определяющими в судьбе России. «Положительный образ» Финляндии вызывал их симпатии и сам по себе, как идеал формирующейся демократии, правового государства с элементами гражданского общества, и, кроме того, как некая модель, которой Россия должна была бы следовать, двигаясь по пути модернизации.

У консерваторов была иная система ценностей и, соответственно, своя шкала измерений. С их точки зрения, всякая окраина, идущая по пути государственного и экономического обособления от России, была потенциальной угрозой единству и цельности русской империи. Достоинства этой окраины как таковые их волновали только в той мере, в какой они были бы в состоянии помочь избежать обострения ситуации. В случае с Финляндией к достоинствам относились всеми признаваемая законопослушность финнов, их честность и верность престолу, на которые уповали консерваторы. Пока ещё образ финна не превратился в консервативной прессе в ту фигуру хитрого нахлебника и подлого предателя, который сформировался в представлениях националистов через два десятилетия.

*1880-90е годы: новый «образ Финляндии»
в консервативно-националистической прессе*

Российское общественное мнение в 70-х и первой половине 80-х годов XIX века отвлеклось от финляндской проблематики. В конце 1860-х годов во внутренней политике страны и в частности в отношении к национальному вопросу вновь возобладало либеральное

¹ Московские ведомости. 1863. 10 сент. № 196. Л. 1. Интересно, что и в случае с Польшей Катков объясняет политику окраины особенностями национального характера населяющих её «инородцев».

направление, и разгулявшуюся консервативную прессу, в особенности Каткова заставили снизить тон. «Правительству, – отмечает В.Г.Чернуха, – понадобилось в конце 60-х годов [...] несколько акций, чтобы принудить Каткова снять со страниц газеты постоянное обсуждение национального вопроса»¹. В отчёте по III отделению за 1869 год «Московские ведомости» прямо обвинялись в стремлении «безнаказанно возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи» «Нравственное брожение в Финляндии и Прибалтийских губерниях, – продолжал главный начальник III отделения П.А.Шувалов, – равно как и чиновничья агитация в Северо-Западном крае, поддерживаются вследствие пропаганды «Московских ведомостей» и органов прессы»². С 1871 года Катков «перестал обсуждать национальный вопрос, «замолк» вплоть до 1882 г., обходя эту тему вовсе...»³.

Таким образом, накал полемики о Финляндии не то чтобы даже снизился, а исчез вовсе, т. к. один из оппонентов временно был лишён права голоса. Но и либералы не уделяли Великому княжеству много внимания, ограничиваясь спорадическими откликами на единичные события в финляндской жизни. Тон публикаций в либеральных органах оставался более или менее доброжелательным, однако если интеллигентский «Вестник Европы» не выражал никаких сомнений в положительном векторе исторического развития Финляндии⁴, то проправительственный «Голос» позволял себе время от времени более критический подход к событиям в Великом княжестве. Например, говоря о проекте закона о всеобщей воинской повинности, который должен был касаться и Финляндии, «Голос» достаточно резко комментировал негативную реакцию финской прессы на это нововведение. Как бы перенимая эстафету у молча-

¹ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. С. 175.

² Цит. по: Там же. С. 179–180.

³ Там же. С. 181.

⁴ Например, в одной из публикаций «Вестника Европы», приуроченной к началу заседаний сейма, подробно характеризуются политическое устройство Финляндии, её финансовая система, закон о цензуре и т. д. Постоянным подтекстом статьи являлась идея о превосходстве демократических учреждений Великого княжества в сравнении с Россией и стремление защитить автономию от «наших неразвитых «патриотов»». Автор уверен, что «полное объединение России с Финляндией может быть достигнуто не иначе, как улучшением наших условий до равной степени с финляндскими, а не низведением финляндских условий на наш уровень» (Вестник Европы. 1872. Кн. 3. СПб., 1872. С. 371–393).

щего поневоле Каткова, «Голос» с негодованием обвиняет финские газеты в неблагодарности и в желании переложить все тяготы на плечи России. «Они настолько свыклись, – пишет о них «Голос», – с мыслью, что спокойствие Финляндии должна выносить на своих плечах Россия, не щадя для этого ни крови своих сынов, ни трудовых заработков своих крестьян, что даже самая мысль о естественных обязанностях Финляндии им кажется странною»¹.

Однако позже, в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда Финляндия вновь продемонстрировала свою лояльность, «Голос» опять вернулся к благожелательной, профинской позиции, выражая полную убежденность в верности финляндцев России. Когда «Санкт-Петербургские Ведомости» в преддверии грядущих военных действий намекнули на то, что финляндцы должны были бы доказать свою лояльность посредством подачи адреса царю, «Голос» без обиняков выступил на их защиту, называя их народом, «безошибочно и честно относящимся к политическим условиям своей гражданской жизни». «Какого же ещё адреса требуют от него “Санкт-Петербургские ведомости”? – вопрошает “Голос”, – Какое полицейское свидетельство о благонадёжности финляндцев надо представить им, чтобы убедить их в готовности Финляндии безропотно нести “свою долю бремени”?»² Когда в разгар войны «Выборгская газета» выступила с горячо пророссийской статьёй, разстроганный «Голос» писал: «Наша северная окраина относится к войне и её всевозможным осложнениям, по-видимому, с не меньшей страстностью и готовностью к борьбе, как и вся Россия»³. Так Финляндия вновь получила «мандат» благонадёжной и лояльной окраины, достойной доверия российских властей.

Однако в первой половине 1880-х годов ситуация начала меняться коренным образом. Нетрудно понять, что основной причиной этого стало наступление нового царствования и, как следствие этого, кардинальное изменение внутривнутриполитического курса. Одной из главных своих задач Александр III и его окружение считали пересмотр основных реформ предыдущего царствования; идейный руководитель царя К.П.Победоносцев в первой же своей программной

¹ Голос. 1871. 29 янв. № 29. Л. 1.

² Голос. 1877. 20 янв. № 20. Л. 2.

³ Голос. 1877. 17 июля. № 156. Л. 1–2.

речи назвал реформаторов 60-х годов болтунами¹. Конституционные чаяния следовало забыть; к 1883 году оформилась теория «народного самодержавия», в основе которой лежала идея о единении царя с народом при посредстве российского дворянства; политический курс приобретал всё более националистическую окраску. По определению Ричарда Уортмана, идейной основой нового царствования, как, впрочем, и периода правления Николая II, стал национальный миф, идея о совершенной отдельности России от Европы по своему типу. «В основу исторической парадигмы, – пишет Уортман, – была положена [...] заимствованная у славянофилов идеализированная картина XVII в. – эпохи, когда царь правил в единстве и в гармонии с “землёй русской”»². Победоносцев писал теперь не о Российском государстве, а о «земле русской», собирателем и правителем которой представлялся царь. «Александр представал воплощением нации, самым русским – а не самым европейским – из всех русских»³. Сам император писал в письме к императрице, что его коронация доказала «всей изумлённой и испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая, святая православная Россия...»⁴. Именно в царствование Александра III распространилось в качестве положительной оценки определение «истинно русский».

Такое направление было с ликованием воспринято консерваторами и националистами, настроения которых обобщил М.Н.Катков: «Из долгих блужданий, – писал он, – мы наконец возвращаемся в нашу родную, православную, самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение»⁵. Как нетрудно догадаться, «печать молчания» с уст Каткова была снята; более того – он стал одной из наиболее влиятельных фигур первой половины царствования. «Влияние Каткова на Александра III и правительственную политику 1880-х годов было столь значительным, – отмечает Б.В.Ананьич, – что в бюрократических кругах не без основания рассматривали

¹ См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 373.

² Уортман, Ричард. «Официальная народность» и национальный миф Российской монархии XIX века. // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. / Сост. Мазур Н.Н. Москва-Венеция, 1999. № 3 (11). С. 238.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Там же.

⁵ Московские ведомости. 1885. 22 апр. (Цит. по: Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 179.)

Каткова, Победоносцева и их единомышленников как второе правительство, существовавшее рядом с законным»¹. Важную роль сыграли позиция Каткова и публикации в «Московских ведомостях» по национальному вопросу, приобретавшему всё более важное значение. Сам Катков с гордостью писал: «я поднял знамя государственного единства и русской национальной политики»².

Огромную роль в этом «подъёме знамени» сыграла «раскрутка» финляндского вопроса. Всё возраставшая активность националистической прессы объясняется прежде всего расхождением «курсов» метрополии и окраины. Финляндия шла по пути формирования демократического буржуазного государства европейского типа, с либеральной экономикой и выборным самоуправлением. Экономика Финляндии проделала огромный путь в сторону модернизации, в автономии были созданы элементы гражданского общества, значительных достижений добилось Великое княжество в области просвещения. Между тем метрополия заметно отставала в области экономической и ещё более – в области создания демократических и просветительских институтов. Более того, при Александре III контрреформы уничтожали те ростки либерализации и демократизации, которые существовали в конце царствования Александра II. Противоречия между метрополией и окраиной нарастали и приводили к дестабилизации империи. Как справедливо отмечает Рональд Суни, «сохранение автократического типа правления наряду с проведением конституционных или либерально-демократических реформ в отдельных регионах оказалось сильнейшим дестабилизирующим фактором для территориально-протяжённых империй (к которым относилась и Россия – *М. В.*). В России привилегированный статус Великого княжества Финляндского или дарование конституции независимому государству за пределами империи – Болгарии, постоянно напоминали царским подданным о нежелании верховной власти даровать схожие институты России»³ Как точно сформулировал другой исследователь, «автономная Финляндия с ее всеобщим избирательным правом,

¹ Власть и реформы. С. 381.

² Вождь реакции 60–80-х годов. (Письма Каткова Александру II и Александру III) // Былое. 1917. № 4. С. 21.

³ Суни, Рональд. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 23.

сравнительно большими экономическими успехами, достигнутыми в трудных природных и исторических условиях, была живым отрицанием Российской империи...»¹.

Итак, Финляндия становилась для властей предрержащих и националистической прессы весьма тревожным фактором – быстро модернизирующаяся окраина была близким и живым соблазном для российских либералов, демонстрировала свою независимость от метрополии и никак не собиралась вписываться в схему национальной империи. Кроме того, развивающаяся Финляндия несла в себе угрозу для империи, ибо, как справедливо отмечает уже цитированный нами Рональд Суни, «успехи модернизации создают условия для провала империи» Он поясняет, что пафос империи, её оправдание заключается в том, что она несёт цивилизацию подвластным народам. «Нуждаясь в оправдании права иностранцев управлять народами, которые стали преобразовывать себя в нации, – продолжает Суни, – имперская элита пользовалась идеей модернизации младших и нецивилизованных народов в качестве главного средства легитимизации имперского порядка...»². Финляндия в эту схему никак не вписывалась, напротив – именно от неё либералы ждали цивилизационного воздействия на Россию. Всё сказанное помогает понять, в чём заключались главные причины начавшегося во второй половине 80-х годов и продолжавшегося вплоть до самой революции «похода на Финляндию», организованного консервативно-национальными силами и поддержанного властью.

«Поход на Финляндию» возглавил М.Н.Катков. По подсчётам Л.В.Суни, только за 1880–1889 годы в «Московских ведомостях» было опубликовано более 200 статей по финляндской тематике³. Какие бы явления ни обсуждались в этих статьях – торговые или таможенные привилегии Финляндии, открытие в Великом княжестве памятника на месте сражений шведов и финнов с русскими войсками, особое положение финляндских войск – основная мысль их сводилась к тому, что благодетельствованная Россией Финляндия платит ей чёрной неблагодарностью, стремясь к обособлению и существованию за российский счёт. Практически все статьи «Московских ведомостей» являлись вариациями следующего тези-

¹ *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 45.

² Там же. С. 24.

³ С 1887 года «поход» продолжался уже без Каткова, скончавшегося 20 июля 1887 года.

са: «Имея своё управление и свою монетную систему, будучи отделена от Империи таможенной границей, Финляндия находится почти только в личном соединении с Россией. Не желая участвовать в общей жизни Империи, уклоняясь от исполнения общегосударственных повинностей, не принимая участия в погашении долговых обязательств государства, не разделяя наших затруднений [...], вообще обособляя себя от России, Финляндия желает жить за счёт России. Справедливо ли это?»¹.

Обвинение Финляндии в нахлебничестве по отношению к России было вызвано многочисленными льготами, предоставленными ей в правление Александра II и явившимися одной из причин, обусловивших её экономический рост. Ряд этих льгот, – например, таможенные привилегии², – вызывали возмущение Каткова, бывшего, помимо прочего, ярым сторонником системы протекционизма³. В задачу националистов входило показать, что только эти льготы и являлись основанием для столь быстрого развития финляндской экономики; без них, то есть без великодушной помощи России, Великое княжество не смогло бы пройти столь быстрый и результативный путь развития. «Ни с одной частью Империи столько не нянчились, как с Финляндией, – отмечалось в статье “Нового времени”. – Не спорим, русская косность заслуживает не только больших упрёков, но и “хорошей трёпки”. Однако дерзаем заявить, что если бы одна из русских губерний получила хотя бы часть тех невероятных милостей и льгот, которыми в таком изобилии наделялась Финляндия, эта губерния несомненно бы пышно расцвела. Если бы любая часть России была временно избавлена только от воинской повинности и сбережения от этой льготы были обращены на её народные школы, железные дороги и т. п., то можно ли сомневаться, что результаты не уступили бы результатам Финляндии»⁴.

¹ Московские ведомости. 1884. 26 июня. № 176.

² О финляндских таможенных привилегиях см.: *Корнилов Г.Д.* Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. Л., 1971.

³ В.А.Твардовская отмечает, что центре внимания Каткова были вопросы русского экспорта и импорта, и он считал, что причина экономического отставания России лежала в её неразумной таможенной политике. (*Твардовская. В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. С. 86).

⁴ *Абов, Георгий.* Забываемые причины финляндских успехов // Новое время. 1895. 15 марта. № 6840. Л. 2. Под псевдонимом Георгий Абов скрывался М.М.Бородкин.

Финляндия воспринималась национал-консерваторами как окраина, воспользовавшаяся богатствами метрополии, при этом отказывающаяся принять во внимание её национальные интересы, демонстрирующая отсутствие должного уважения или хотя бы элементарной благодарности, в которой так были уверены деятели всех направлений в 1860-х годах. Более того, подчёркивалось в консервативной прессе, финны платят за добро чёрной неблагодарностью, чураясь России и публично репрезентируя свою национальную обособленность. Раздражение Каткова и его единомышленников вызвало выросшее национальное самосознание и самостоятельность финляндцев, проявлявшиеся в упорном отстаивании своих интересов. Катков, обладающий, как всякий националист, обострённым «национальным» чутьём, вдруг обнаружил вполне оформившийся, развитый, находящийся в пассионарной фазе финский национализм, намеренный противостоять национализму русскому.

Итак, Финляндия воспринималась консерваторами уже не как лояльная окраина, а как враждебный инородческий регион, задумавший бунт. Созревание финского национализма в 1870 – начале 1880-х годов как-то выпало из поля зрения российских консерваторов, и национальная мобилизация Финляндии застала их врасплох. «Враждебное отношение “великого княжества” Финляндии к Российской Империи почему-то теперь именно всё более обостряется»¹ – писал Катков. П.И.Мессарош, побывавший в Финляндии впервые в 1870 году, и вторично появившийся там в 1895 году, был поражён «переменами, произошедшими в течение этих 25 лет во взглядах крестьянского населения края. Мы увидели, – продолжал Мессарош, – что в эти 1/4 века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры...»². Действительно, многие действия финнов как политического, так и пропагандистского характера, демонстрировавшие оформившееся национальное самосознание, рассматривались в России как проявление намеренной враждебности, а сами финны – как вкравшиеся в доверие и обманувшие его.

В статьях «Московских ведомостей» резко изменились характеристики финляндцев. Если прежде Катков писал о «честности этой страны, её неприязнительности, её спокойном нраве», то теперь он и его сподвижники обнаруживают в финляндцах совсем другие каче-

¹ Московские ведомости. 1885. 16 окт. № 287.

² *Мессарош П.И.* Финляндия – государство или русская окраина? СПб., 1897. С. 3.

ства. Либеральный «Вестник Европы» привёл несколько характеристик, данных финским обитателям на страницах «Московских новостей»: например, они «с назойливым попрошайничеством, которому могли бы поучиться у них даже наши цыгане, старались выконючить у милостивого государя как можно больше подачек, выгод и льгот, прав и привилегий»; кроме того, финляндские сепаратисты прибегают к помощи «шулерских подтасовок и передержек»; «сепаратистская интрига извивается ужом и жабой, не брезгает никакими приёмами», «сенатору Мехелину понадобился подмен слов, чтобы не сказать – подлог...»¹. Сам Катков писал более тонко, не позволял себе прямых резкостей, но подтекст его иронических характеристик весьма прозрачен, например: «“Бедные” финляндцы были в особой моде в то время, когда издавалось Положение, расширявшее их торговые привилегии; на самых убогих клавирах разыгрывался тогда известный романс “лайба плыл, ветер был”...»². Ещё один фрагмент, столь же насыщенный иронией: «наши добрые соседи (финляндцы. – М. В.) сумели под шумок прекрасно устроить свои дела...». Из той же статьи: «Финляндия отлично понимает свои выгоды и умеет ими пользоваться. Мы же, к сожалению, плохо их понимаем и ещё хуже ими пользуемся»³. И наконец: «Финляндцам незаслуженные привилегии вскружили голову, и ими обуяла весьма обыкновенная психическая болезнь, именуемая манией величия»⁴.

Цитирование можно было бы продолжить. Но уже из приведенных фрагментов вполне ясно видно, какими представляет финляндцев националистическая пресса. Это – неблагодарные, действующие исподтишка, при помощи хитрости и прямого обмана, настроенные враждебно к России и русским интересам, нахрапистые, алчные, но прикидывающиеся кроткими инородцами. Это – интриганы и попрошайки, не брезгающие никакими приёмами. Эти их качества особенно видны на фоне русской широты души и неумения отстаивать свои интересы. Пользуясь этим, финляндцы обвели доверчивую метрополию вокруг пальца, превратившись «в такую муху, от которой лошади спадают с тела»⁵ (под лошадьё здесь подразумевается

Россия). Этот «групповой портрет» финляндцев сохранялся в националистической консервативной прессе без изменений вплоть до краха империи. Нужно отметить, что с небольшими вариациями подобный же набор качеств приписывался и некоторым другим «инородцам», находившимся в высокой фазе национальной мобилизации. Ещё прежде финнов в общественном сознании сформировался отрицательный образ поляка – они уже в первой половине XIX века получили ярлык «неблагодарных поляков» и, по определению Пушкина, «кичливых ляхов»¹.

Как мы уже говорили, в националистической литературе появилась тенденция обосновывать высокий экономический рост Финляндии исключительно её нахлебнической ролью по отношению к России. По мысли националистов, если бы не постоянная, в ущерб себе, помощь метрополии, финляндский народ, слабо одарённый от природы, был бы не способен совершить такой скачок. Газета «Новое время» писала: «Каждому финляндцу следует и на утренней, и на вечерней молитве вспоминать, что он сын страны самой бедной, самой непроизводительной в Европе, и гражданин народа, в расовом отношении одарённого весьма малою, скудною интеллигенциею...»². В более поздний период фразеология националистов в этом смысле стала ещё более откровенной: «Финский народ гораздо уродливее и плоше русских», «финляндцы тупее русских, глупее их, узки и пьяницы»³. Как нам представляется, пассажи такого рода объяснялись не только стремлением ещё раз показать, «кто в доме хозяин», принизить завоевания Финляндии, но и комплексом национального унижения, которым болела именно в связи с Финляндией значительная часть русских националистов. Они были не в силах признать, что маленькая и бедная природными запасами окраина смогла экономически обогнать метрополию, опираясь, вкупе с уже упоминавшимися экономическими льготами, на своё либеральное законодательство, разумное самоуправление и рациональное хозяйствование. В противовес им, либеральные издания, о которых пойдёт речь далее,

¹ Вестник Европы. 1889. Кн. 7. Т. 4. С. 449.

² Московские ведомости. 1883. 10 марта. № 70.

³ Московские ведомости. 1884. 18 июня. № 168.

⁴ Московские ведомости. 1885. 31 авг. № 241.

⁵ Московские ведомости. 1883. 19 марта. № 79.

¹ В стихотворении «Клеветникам России» (1831) Пушкин писал: «Кто устоит в неравном споре: кичливый лях иль верный росс?».

² Цит. по: Вестник Европы. 1885. Кн. 9. С. 420.

³ Ковалевский П.И. Основы русского национализма. СПб., 1912. С. 38; Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1912. С. 166 (Цит. по: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 323).

с восхищением и гордостью оценивали успехи Финляндии, полагая, что при соответствующих условиях подобный же путь развития способна пройти и Россия.

Примечательно, что иногда на страницах консервативно-националистической прессы обобщённый негативный взгляд на финляндцев сменялся более дифференцированным подходом, однако теперь это не было разделение, как раньше, на лояльных финнов и нелояльных шведов. Водораздел проходил по другой линии – противопоставлялись друг другу, с одной стороны, лояльный «простой» народ, с другой – группа «мутящих воду» националистов. Традиционный приём русских консерваторов, стремившихся и в российском обществе увидеть преданных властям «простых людей» и злокозненных «агитаторов», был применён и к Финляндии. Антирусские демонстрации, писали «Московские ведомости», имея в виду установку в Финляндии монументов в память о войне 1808–09 гг., нужны «не финскому населению, по природе своей мирному, покойному и чуждому всяких искусственных национально-политических идей; они нужны нескольким честолюбивым интриганам, замышляющим составить себе, под видом финского “патриотизма”, “политическую” карьеру...»¹. В какой-то степени катковская газета была права – в этот период, если воспользоваться концепцией эволюции национальных движений М.Хроха, финское национальное движение переходило от фазы Б (фаза национальной агитации) к фазе В (массовое национальное движение)², и роль интеллигенции в национальном становлении Финляндии была очень значительна. Однако уже в самом ближайшем будущем массовые выражения протеста против политики русификации, проводившейся генерал-губернатором Н.И.Бобриковым, заставили русских националистов

¹ Московские ведомости. 1885. 16 окт. № 287.

² *Hroch, Miroslav*. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller european nations. Cambridge, 1885. Повсеместно признанная в современной науке концепция Мирослава Хроха утверждает, что большинство европейских национальных движений прошли три фазы: первая – фаза А, в ходе которой пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору определённой этнической группы. Следом за ней идёт фаза Б – развитие национальной агитации. И, наконец, фаза В, последний этап, когда национальное движение становится массовым.

отказаться от понимания финского народа как простого объекта националистической агитации.

Мы не будем здесь касаться той широкой и многолетней дискуссии о статусе Финляндии внутри империи, которая, собственно говоря, являлась «гвоздём программы» националистов и была всерьёз начата Катковым именно в середине 1880-х годов. Суть их позиции заключалась в том, что финляндская автономия не имела должных государственно-юридических оснований для своего особого статуса и опиралась только на дарованное Александром I право существовать по прежним шведским законам и установлениям. Поэтому при необходимости, как полагали националисты, Россия вполне может отменить все эти юридические нормы и лишить край его автономных прав. «Особое политическое устройство, – писали «Московские ведомости, – все (финляндские. – М. В.) автономные учреждения – только великодушный дар Императора Александра, а вовсе не результат взаимного соглашения княжества и Империи как двух равноправных контрагентов, а именно это и стараются всегда доказать финляндские публицисты! [...] Но [...] за «явное непочтение» и неблагодарность к дарителю – *дар отбирается!*»¹ Напоминания о том, что «дар» можно отобрать, выполняли вначале функцию запугивания финляндцев, а впоследствии констатировали реальные действия русских властей в так называемые «периоды угнетения»².

Итак, к концу 1880-х годов сформировался новый «образ Финляндии» в консервативно-националистической прессе. Нежелание автономии вписываться в парадигму национальной империи, стремление к самостоятельности, следование своим курсом модернизации было расценено как предательство. Финляндия понималась идеологами националистического толка как отступник, обманувший доверие метрополии и использовавший её щедрые дары для своих нужд, игнорируя интересы империи. Экономический и культурный расцвет края, который консервативная пресса, в противовес либеральной, старалась игнорировать, не был бы

¹ Московские ведомости. 1885. 31 авг. № 241.

² «Периодами угнетения» (*sortokaudet*) в финской историографии называются те периоды последнего царствования, когда российские власти вели массированное наступление на автономные права Финляндии. Первый «период угнетения» датируется 1899–1905 гг., второй – 1908–1917 гг.

возможен без помощи метрополии, поскольку людской и природный ресурс Финляндии признавался весьма скудным. Если рассматривать позицию российских консерваторов через дихотомию «свой – чужой», то становится совершенно ясно, что Финляндия и финны воспринимались ими как чужой, враждебный край и народ, сосуществование с которым в составе единой империи может быть возможно только в том случае, если он откажется от своих претензий на самостоятельность. «Поход» консерваторов на Финляндию в российской прессе имел вполне сознательную цель – спровоцировать реальные политические действия, направленные на «усмирение» края и лишение его национальных амбиций.

1880–1890-е годы:

формирование либерального «Образа Финляндии»

С начала правления Александра III число либеральных деятелей во властных кругах начало резко сокращаться и постепенно сошло на нет. Соответственно исчезла как явление и правительственная либеральная пресса, игравшая столь важную роль в годы правления Александра II. В начале нового царствования, по словам исследователя, «либеральное движение едва дышало, сосредоточиваясь в нескольких столичных домах да держась за угасающий “Вестник Европы”»¹. Однако в модернизирующейся стране, быстро шедшей по пути капитализации, либеральную мысль сдержать было невозможно. Более того – внутривластный курс Александра III, входивший в грозное противоречие с изменившимися потребностями общества, вызывал сильное раздражение во всё более широких общественных кругах. И.И.Петрункевич вспоминал: «Александр III был чужд пониманию нужд России и бессознательно сеял и возбуждал все элементы революционной стихии...»².

Либеральная мысль подспудно развивалась теперь в нескольких социальных слоях – одним из центров либерализма стало земское движение, другим – набирающая силу интеллигенция.

¹ Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 80.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Т. 21. Берлин, 1934. С. 285.

Антифинская кампания, начатая консервативными изданиями, не могла не вызвать возмущения в либеральных кругах. Первым на защиту Финляндии встал журнал «Вестник Европы», который, хоть и не мог сражаться с консервативными изданиями «на равных» (журнал выходил ежемесячно, а газеты «Московские ведомости», «Новое время» и «Свет» – ежедневно), однако «вёл» финляндскую тему систематически. Именно на его страницах формировался либеральный «образ Финляндии».

В основе этого образа лежало диаметрально противоположное консервативному представление о перспективах и будущем России. Идеалом либералов были западноевропейские демократии с их конституционным правлением, сформировавшимися основами гражданского общества, правовым сознанием народов и благоустроенным бытом. Финляндия была для них ближней, «подстоличной» Европой, Европой домашней, доступной, но при этом обладающей всеми основными внешними (и не только внешними) свойствами Европы «настоящей». Уже в начале XX века, выражая общее мнение российских либералов, А.И.Куприн писал, например, о Хельсинки: «Так близко от С.-Петербурга – и вот настоящий европейский город»¹. Финляндия стала для российских либералов Европой в миниатюре, той развитой, благоустроенной, просвещённой Европой, которая была их общественным и политическим идеалом, которая, с их точки зрения, должна была стать моделью для развития России. Именно с этих позиций либеральная пресса вела защиту Финляндии от наступления российской власти.

Либералы не видели проблемы там, где её обнаруживали националисты, по мнению которых, маленькая Финляндия развивалась за счёт метрополии, принося России многочисленные убытки. Для либеральных изданий был важен, наоборот, результат – расцвет Финляндии, который, по их мнению, был достигнут прежде всего собственным трудом «культурного края», как называли Финляндию в либеральных кругах. «Кому обязана была Финляндия быстрым движением своим вперёд, умственным и материальным, – писал «Вестник Европы», – шведскому ли «пришлому дворянству» или совокупности всех сословий, – это вопрос, в рассмотрение которого мы теперь не входим; несомненно только одно

¹ Куприн А.И. Немножко Финляндии // Собр. соч. Т. 6. М., 1958. С. 614.

– что элементы движения были *местные* и что охрана, данная ему Россией, имела преимущественно пассивный характер. «Некоторой культурной высоты» Финляндия достигла сама, собственными силами»¹. В ответ на утверждения консерваторов о том, что финляндцы менее даровиты и их культура ниже русской, «Вестник Европы» возражал: «Для потребностей ежедневной жизни, для устройства хорошей администрации, правильного государственного хозяйства финская интеллигенция, в союзе и взаимодействии с шведской, оказывается достаточно сильной и умелой»².

Несколько позже в либеральных органах начали публиковаться аналитические статьи о причинах финляндских успехов³. В них обстоятельно, с цифрами и фактами в руках доказывалось, что причиной быстрого экономического развития Финляндии являлось прежде всего разумное хозяйствование, благоприятная «форма правления», высокий уровень народного просвещения и общественного мнения. Поворотным моментом в жизни Великого княжества был, по мысли автора наиболее объёмной публикации, сейм 1864 года, разработавший меры по развитию экономики и давший толчок к развитию самосознания и общественной инициативы⁴. Публицист широко пользуется распространённым приёмом либеральной прессы и сравнивает жизнь крестьян Финляндии и внутренних губерний России: «Живут финские крестьяне чисто; одеваются хорошо и опрятно; по нашим понятиям их достаток можно назвать большим. Во внутренних губерниях таким достатком располагают только богатые мужики, да и то живут с меньшими удобствами...». В Курской губернии, продолжает публицист, несмотря на несравненно лучшие климатические и природные условия, доход хозяина в среднем в 2,5

раза ниже, чем в Финляндии¹. Продолжая сравнение, автор статьи констатирует, что дорожная сеть Финляндии более насыщена, чем российская². При помощи подобных сравнений либеральные авторы очень убедительно показывали, насколько эффективнее оказался общественный строй Финляндии в сравнении с российским. «В Финляндии, – резюмирует автор статьи, – существует большая гармония в соотношениях всех учреждений страны. Земледелие, торговля, промышленность и народное просвещение – всё взаимодействует в самом желательном и благотворном смысле, благодаря большой продуманности законодательства и полного согласования интересов всего населения при возникновении новых учреждений. Это объясняется тем, что в стране всё создаётся по почину и под строгим контролем самого общества, а не в канцеляриях»³.

Итак, в либеральной прессе постоянно противопоставлялись финляндские достижения и российская отсталость. «В Финляндии менее двух миллионов жителей, – писал «Вестник Европы», – почва скудна, народ не слишком одарён от природы; сравним её, однако, с русской губернией такого же населения, но в несравненно более благоприятных климатических и почвенных условиях, например хоть с Черниговской губернией. Где в последней университет, масса учебных заведений, газет, отличные дороги, фабрики, производительность которых известна в целом мире, где благоустроенные города, освещённые газом, порядок и уважение к закону?»⁴ В этом небольшом фрагменте в сжатом виде показаны, пожалуй, все основные достоинства Финляндии, которые так ценились либералами и которые они намеревались прежде всего защищать от российских «нивелировщиков».

Прежде всего это были традиции народного представительства – финляндский сейм. В Финляндии, по мысли либералов, уже было то, что предстояло путём больших усилий возвращать в России – традиции конституционализма, развитое правовое сознание, законопослушность. Хотя сейм и понимался как устаревшее устрой-

¹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. Кн. 9. С. 422.

² Там же.

³ Часть профинских публикаций в российской прессе была инспирирована финляндскими активистами, объединившимися с этой целью с русскими либеральными журналистами. Как отмечает Вильям Копланд, «защита финнами их автономии против русского шовинизма была целиком в согласии с политической философией русских прогрессивных деятелей, которые были рады получать очень тщательные и информативные статьи по “финскому вопросу”». (*Copeland, William R. The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, Suomalainen tiedeakatemia, 1973. С. 89.*)

⁴ *Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир Божий. 1898. № 12. СПб., 1898. С. 7.*

¹ *Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии. С. 11.*

² Автор статьи приводит следующие цифры: на каждого финляндца приходится 10 метров грунтовых дорог, столько же – шоссе и около 1 метра железной дороги, а в Курской губернии – менее 0,5 метра железных дорог, столько же шоссе и не более 6 метров прочих дорог. (Там же. С. 13).

³ *Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии. С. 14.*

⁴ Вестник Европы. 1889. Кн. 6. С. 850.

ство, тем не менее он «при всех своих недостатках даёт возможность населению принимать деятельное участие в законодательстве»¹. Давнее участие в выборной системе управления привило финляндцам уважение к закону – «Культ законности доведен в Финляндии до чисто религиозного значения и всеми мерами поддерживается в народе, как основа всего». С этим связано и формирование в Финляндии основ гражданского общества – тот же автор отмечает, что «каждый финляндец привык считать общественные дела одинаково важными со своими личными»². По представлениям либералов, воспитание в каждом человеке гражданина, подчиняющегося неписанному, но строгим нравственным установкам, сознательно и целеустремлённо стремящегося к общественному благу – важнейшая задача демократического государства и важнейшее условие его существования. Эти свойства либеральные деятели также обнаруживали у финляндцев.

Крайне важной чертой финляндского общества либералы считали его просвещённость и грамотность. Их, удручённых состоянием школьного дела и просвещённости народа в своей собственной стране, восхищал огромный престиж образования, грамотности, культ школы, который существовал в Финляндии. Журнал «Мир Божий» несколько раз публиковал основательные статьи, анализирующие финскую систему просвещения. По мнению автора этих публикаций, «финляндцы могут сказать, что своим теперешним благоденствием они обязаны школам»³. Либералы, особенно ценившие просвещение народа как фактор модернизации страны, считали, что львиная доля финляндских успехов была результатом системы просвещения, которую необходимо изучать. По их мнению, в основе школьного дела в Финляндии лежало два принципа: школьное образование нужно не только само по себе, а для того, чтобы вооружить народ для борьбы за существование, и поэтому должно быть массовым, а кроме того, нельзя ограничиваться простым преподаванием грамоты, а следует углублять образование, чтобы «вырабатывать развитых людей и хороших граждан»⁴. Иными словами, результатом просветительской програм-

¹ Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии. С. 21.

² Там же.

³ Фирсов В. Народные школы в Финляндии // Мир Божий. 1897. № 8. С. 61.

⁴ Там же. С. 64.

мы должно стать воспитание сознательного, самостоятельно мыслящего гражданина. Такая установка целиком противоречила тем принципам, которые пытался вводить в российскую образовательную систему К.П.Победоносцев, вдохновитель создания сети церковно-приходских школ в стране, считавший, что «простому человеку» нельзя прививать умения самостоятельно, логически мыслить¹. Финская школа, по мнению либералов, выгодно отличалась от российской, и не только качественно, но и количественно – в статьях приводятся цифры, показывающие размах просветительской сети в автономии, и постоянно проводятся сравнения с отдельными российскими губерниями.

Финляндской школе посвящено в либеральной литературе много похвал и в последующий период. Очень показателен в этом смысле фрагмент брошюры Григория Петрова: «На русского человека, привыкшего видеть школу свою замухрышкой, отодвинутой как говорится на задний двор к музыкантам, финляндская школа производит впечатление щёголя-барина в сравнении с оборванцем» Петров, говоря об обилии школ в Финляндии, приводит разнообразную статистику, сравнивая число школ на душу населения с российским, качество финляндских школ в сравнении с российскими, распорядок школьных занятий². Ему вторит А.Куприн: «О поголовной грамотности финнов все, конечно, слышали, но, может быть, не все видели их начальные народные школы. Мне привелось осмотреть довольно подробно новое городское училище... Это дворец, выстроенный года три-четыре назад, в три этажа, с саженными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной школьной гигиены»³.

Наконец, в либеральной прессе высоко оценивались внешние, бытовые черты «европейскости», которые так ценили русские в Европе и которых многим из них так не хватало на Родине. В либеральных изданиях разных лет неизменно отмечалась высокая бытовая культу-

¹ Победоносцев, например, писал: «Можно себе представить, что случилось бы с массой, если б удалось, наконец, нашим реформаторам привить к массе веру в безусловное, руководительное значение логической формулы мышления. В массе исчезло бы то драгоценное свойство устойчивости, с помощью коего общество успевало до сих пор держаться на твёрдом основании» (Победоносцев К.П. Народное просвещение // Победоносцев К.П.: Pro et Contra. Антология. СПб., 1996. С. 127).

² Петров Г.С. Страна болот (Финляндские впечатления). М., 1910. С. 58–60. С. 58–60.

³ Куприн А.И. Немножко Финляндии. С. 619.

ра финнов, чистота, грамотность и честность народа. Эти черты до такой степени считались неотъемлемым свойством финнов, что приписывались всему народу в целом. Например, в учебнике географии Мостовского говорилось: «Финны, все без исключения, грамотны и религиозны, честны и гостеприимны». В самый разгар «периодов угнетения» в публикациях, направленных на защиту финляндской автономии, неоднократно подчёркивалось, что российская власть производит нападение на *культурный край*, *культурный народ*, тем самым усугубляя вину имперской власти перед Финляндией¹.

* * *

Имперско-национальные амбиции консерваторов, идеализированный националистами образ великой России не вызывал никакого понимания в среде либералов и подвергался в их изданиях ироническому комментированию. «Вестник Европы» почти пародирует рисуемый в националистической прессе портрет России – это «колоссальная фигура, раскинувшаяся “от финских хладных скал до пламенной Колхиды” – фигура, всё преобладающая и преодолевающая одною своею колоссальностью. Она является то в образе благодетельной волшебницы, то в образе богатыря, одним своим видом наводящего ужас на супостатов, то в образе няни, окружённой малолетками, балующей или карающей их “по усмотрению”»². Не протяжённость державы являлась ценностью для либералов, а её благоустройство, разумная организация её бытия, – то, что они так ценили в Финляндии. Поэтому великодержавные воззрения консерваторов, их угрозы Финляндии не вызывали у либералов ничего, кроме негодования и иронии. «Презрительное, высокомерное отношение к Финляндии, – говорилось в «Вестнике Европы», – только одна из форм той «мономании вели-

¹ Приведём в качестве примера фрагмент брошюры Григория Петрова. Он пишет: «В стране всё маленькое: и города маленькие, и достатки края маленькие, но благоустройство большое. О наших русских нестроенности, разрухе, неприбранности, нечестности, распущенности здесь нет и помину. [...] Улицы широкие, чистые, хорошо мощёные. Во дворах чистота. В домах уютность. В гостиницах и на почтовых станциях, при остановке, безупречная опрятность, свежая пища, все удобства и общая дешевизна. При этом поражающая русского добросовестность» (Петров Г.С. Страна болот. С. 26).

² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. Кн. 9. С. 424.

чия», признаки которой опять начинают обнаруживаться в нашем обществе»¹ «Нет более низкопробного, жалкого хвастовства, – говорится в той же статье, – чем хвастовство грубой силой. Угрозы, расточаемые газетой («Новым временем». – М. В.) по адресу финляндцев, могут быть сведены к двум словам, часто раздающимся на площади, в толпе, при встрече самонадеянного силача с неопасным, смиренным прохожим: **берегись, расшибу!**»²

Из последнего фрагмента абсолютно ясно, на чьей стороне находится автор статьи³, – это «неопасный, смиренный прохожий», Финляндия, ставшая жертвой расхорившегося «самонадеянного силача» – России. Именно таким выглядел в глазах либералов символический образ столкновения метрополии и окраины – грубая сила против сдержанного разума. И если попытаться посмотреть на позицию либералов через призму дихотомии «свой – чужой», станет абсолютно ясно, что в качестве «своей» они воспринимали либеральную, законопослушную, «смирную» и интеллигентную Финляндию. Финляндия представала перед либералами как идеал, к которому следует стремиться России, а её достижения в области политической, экономической и общественной жизни – как особая ценность, которую следует охранять от грубого насилия русификаторов. Особенно поэтому возмущало либералов полное равнодушие консерваторов к достижениям Финляндии, которые они готовы были в одночасье разрушить. «Нашим доморощенным «националистам», – писал «Вестник Европы», – нет никакого дела до населения Финляндии; им совершенно всё равно, во что обойдётся ему нивелировка, составляющая единственную цель их усилий. Им, по-видимому, даже досадно, что наши соседи позволяют себе быть более счастливыми, чем мы сами – или, во всяком случае, счастливыми на свой собственный лад, не по излюбленному патриотами «шаблону». ...они готовы принести в жертву, с лёгким сердцем, благосостояние Финляндии, лишь бы только им перестали колоть глаза её порядки»⁴.

¹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. Кн. 9. С. 425.

² Там же. С. 421.

³ Им был предположительно К.К.Арсеньев, писавший в «Вестнике Европы» на финские темы (см.: Pogorelskin Alexis E. Vestnik Evropy and the finnish question, 1885–1904 // Journal of the Baltic studies. 1980. № 2. Т. 11. Р. 129).

⁴ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1889. Кн. 6. С. 851.

1898–1910:

«финноманы» и «финнофобы» в открытом столкновении

Из сказанного ясно, что к концу XIX века в России сформировалось два непримиримо враждебных лагеря – консервативно-националистический «финнофобский» и либеральный «финноманский». Нет сомнений, что оба лагеря не были совершенно однородны, внутри каждого из них существовали противоречия по «финляндскому вопросу»¹. Однако расхождения в деталях, существовавшие внутри каждой из этих групп, не отменяли принципиальной близости тех позиций, вокруг которых объединялись все представители той или другой, условно говоря, партии. И если национал-консерваторы призывали к ограничению или отмене особых прав автономии, либералы, в противовес им, отстаивали неприкосновенность особых прав Великого княжества. Дискуссия шла в прессе постоянно, то вспыхивая, то затихая, газетные и журнальные статьи подкреплялись выходом в свет специальных изданий, посвящённых финляндской проблематике², однако все эти десятки, если не сотни публикаций были своего рода артиллерийской подготовкой к схватке на арене реальной политики. Практическое решение власти «финляндского вопроса», переход к политике силы начался с назначения в 1898 году генерал-губернатором Финляндии Н.И.Бобрикова, стоявшего на консервативно-националистических позициях. Ликую-

щие единомышленники Бобрикова воспринимали его назначение как подготовку большой «показательной порки» Финляндии. «Начинающийся в Финляндии новый период, – писали “Московские новости”, – безусловно повлияет благотворно на население других окраин, сепаратисты которых всеми силами подстрекали к враждебному России отделению, ссылаясь на пример “независимого финляндского государства”...»¹.

Период правления Бобрикова в Финляндии достаточно полно исследован в монографии Туомо Полвинена². В это время националисты наступали на всех фронтах, и итогом их деятельности стали т. н. Февральский манифест (обнародован 3 февраля 1899 г.), сводивший роль финляндского сейма до совещательного органа, Устав о воинской повинности (утверждён 29 июня 1901 г.), приведший к расформированию основных частей финляндских войск, и т. н. манифест о языке (подписан царём 7 июня 1900 г.), в соответствии с которым следовало постепенно переводить делопроизводство Великого княжества на русский язык. За короткий срок генерал-губернаторства Бобрикова было принято и несколько более мелких, но чувствительных для финляндцев постановлений, например – запрещение хождения финских почтовых марок с гербом Финляндии – львом (с 23 июля 1899 г.), и чуть позже – запрещение вообще использовать герб Финляндии на почтовых отправлениях; произошли кадровые перестановки.

Действия Бобрикова и его сподвижников вызвали в Финляндии и российских либеральных кругах глубокое возмущение и одновременно с этим – ликование националистов, мечты которых о «выкорчёвывании сепаратизма», с их точки зрения, начали сбываться. Либералы, напротив, считали, что напористый и бескомпромиссный курс Бобрикова лишь провоцирует антагонизм финляндцев по отношению к России³. Действительно, испробовав различные мирные формы протеста, финляндские национальные активисты предприняли невиданную ранее в крае акцию террора – 16 июня 1904 года Н.И.Бобриков был смертельно ранен в сенате чиновником Эугеном Шауманом. «Умиротворения» края не про-

¹ Например, как отмечает Туомо Полвинен, «Союз “Московских ведомостей” и “Нового времени”, выказывавший уже в 1894 году признаки распада, прекратился год спустя открытым разрывом...». По мнению исследователя, позиции обеих газет разошлись и позже, например, по вопросу об отношении к автономному положению Финляндии – «Новое время», в отличие от «Московских ведомостей», не покушалось на автономию края. (Полвинен, Туомо. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 31–33).

² По свидетельству И.Соломеша, было опубликовано в целом около 90 различных книг и брошюр антифинляндской направленности на русском и шести иностранных языках. (Соломеш И.М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. С. 8). Назовём некоторые из этих изданий: Бородкин М.М. Финляндский вопрос. СПб., 1905; Он же. Из новейшей истории Финляндии – время управления Н.И.Бобрикова. СПб., 1905; Он же. Итоги столетия. Харьков, 1909; Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891; Он же. Чего достигли и чего домогаются вперёд достигнуть финляндцы по пути отпадения их от русской государственной власти. М., 1898; Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина? СПб., 1910; Ордин К. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1–3. СПб., 1889.

¹ Московские ведомости. 1898. 29 авг.

² Полвинен, Туомо. Держава и окраина.

³ Таково было мнение не только либералов, но и наиболее реально мыслящих государственных деятелей, таких, например, как С.Ю.Витте.

изошло, напротив – к моменту начала первой русской революции Финляндия напоминала растревоженное осиное гнездо.

Спровоцированный «бобриковщиной» протест российских либералов и финляндских активистов привёл к их сближению. В это же время произошла консолидация российских либералов¹ и оформление их в самостоятельную политическую силу, готовую перейти от идейной борьбы к активным действиям. В Германии, в Штутгарте, начал издаваться политический журнал «Освобождение», программа которого сводилась к двум фундаментальным лозунгам – конституция и полновластный парламент². Журнал нужно было нелегально ввозить в Россию, и именно на этой основе финские и российские либеральные деятели впервые начали действовать совместно. Журнал доставляли через Финляндию при непосредственном участии финских активистов³.

В 1904 году была создана первая либеральная политическая организация – «Союз Освобождения»⁴. В этот момент российские либералы более чем когда-либо сблизились с финляндскими национальными деятелями, в которых они видели идейных единомышленников, имевших при этом гораздо больший политический опыт. Кроме того, инспирированный «сверху» «поход на Финляндию» обострил интерес либералов не только к финскому вопросу, но и к национальной проблематике в целом. Стало ясно, что защита финских прав и прав национальных меньшинств в России должна стать одной из составляющих либеральной программы. Следовало серьёзно изучить «финляндский вопрос», и в 1903 для этой цели был создан комитет, состоящий из трёх человек – В. фон Дена, И.В.Гессена и князя Петра Долгорукого. Результатом контактов с финляндцами, визитов в Хельсинки и переговоров стало осознание

необходимости совместных действий¹. В частности, вождь финских конституционалистов Лео Мехелин, по просьбе П.Долгорукого, взялся написать меморандум о положении Финляндии и проект российской конституции. Проект конституции был представлен на съезде «оппозиционных и революционных партий», проходившем в Париже с 30 сентября по 9 октября 1904 года; в организации этого съезда большую роль сыграл финский общественный деятель К.Циллиакус. Проект конституции был опубликован и использовался в дальнейшем как один из ориентиров в конституционной деятельности в России². Связи российских либералов и финских конституционалистов оставались близкими и в дальнейшем – П.Н.Милуков говорил позже, что «во время первой революции между демократической русской общественностью и финляндскими деятелями существовали наилучшие отношения»³.

Итак, усиление националистического курса, форсированное давление на Финляндию привело к сближению финляндских деятелей и российских либералов. Одновременно с этим шёл процесс роста социал-демократической партии Финляндии, которая в свою очередь сотрудничала с рабочими партиями в России. Все эти обстоятельства, а также инспирированный деятельностью Бобрикова рост протестных настроений в Великом княжестве не могли не сказаться в ходе первой русской революции, когда в Финляндии, в целом сохранявшей нейтралитет, в конце октября – начале ноября 1905 г. вспыхнула «большая забастовка» и была создана национальная гвардия. На наиболее массовом митинге в промышленном центре Тампере были оглашены пожелания остаться в составе России при условии, если «лучшие представители русского народа возьмут в свои руки правительство Российской империи...»⁴. Как и в самой России, революционное давление в Финляндии дало свои плоды – 22 октября 1905 года царём был подписан так называемый «ноябрьский манифест», кото-

¹ В литературе традиционно указывается на два источника формирования единого русского либерального движения: это земские деятели и либеральная интеллигенция.

² *Гоголевский А.В.* Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. С. 93.

³ В центре всего дела находились с российской стороны – Дмитрий Протопопов и Пётр Струве, а с финской – Андрей Ингельстрём, Арвид Неовиус и Конни Циллиакус. Журналы переправлялись частично через Хельсинки, но более часто транспортировка шла через Куоккалу, Терйоки и Мустамяки, расположенные ближе к российской границе (см.: *Copeland, William R.* The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, 1973. С. 92–94).

⁴ Учредительный съезд «Союза Освобождения» прошёл нелегально 3–5 января 1904 года.

¹ См. об этом подробно: *Copeland, William R.* The uneasy alliance. С. 163–195. Исследование Копеланда показывает, что альянс между финляндскими деятелями и российскими либералами был нелёгким и часто переговоры наталкивались на различное понимание политических перспектив.

² См. об этом: *Westerlund, Lars.* Enligt uppmaning af ryska liberaler. Abo, 1987 или: *Osmo, Jussila.* Suomen ja venäjän perustuslaillisten suhteet 1900-luvun alkuvuosina // Scripta historica. VIII. Oulun historiaseuran julkaisu. Oulu, 1983.

³ *Милуков П.Н.* Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859–1929. Париж, 1930. С. 210.

⁴ История Финляндии / Пер. и ред. Л.В.Суни. Петрозаводск, 1996. С. 107.

рым было приостановлено действие февральского манифеста 1899 года, закона о воинской повинности 1901 года и некоторых других постановлений, ущемлявших права Финляндии. Вместе с тем, манифест дал толчок к модернизации системы управления автономией – сословный сенат должен был быть заменён парламентом, избранным на основе всеобщего и равного избирательного права¹. Сенат также должен был издать манифест об отмене предварительной цензуры. К 1906 году на основе ноябрьского манифеста в Финляндии сформировалась самая радикальная в Европе того времени представительная система – однопалатный парламент, избираемый на основе всеобщего и равного избирательного права, причём женщины получили право избирать и быть избранными.

Так окраина вновь обогнала метрополию. И хотя в самой России произошли неслыханные перемены и 17 октября 1905 г. царём был подписан манифест, в соответствии с которым обществу были дарованы «высочайшей милостью» свободы совести, слова, собраний и союзов, а также первое в истории России выборное законодательное учреждение – Дума, всё же финские привилегии оказались гораздо более широкими. Особенно остро преимущества финляндского общественного устройства либералы почувствовали после третьеиюньского переворота, когда в результате нового цензового избирательного закона идея народного представительства в России была по сути дела профанирована. По словам исследователя, «в очередной раз Россия безнадежно запаздывала»².

По мысли либералов, Финляндия являлась оазисом конституционализма и права в стране, только начинавшей свой путь в этом направлении, поэтому этот край и следовало с такой энергией защищать; с другой стороны, именно Финляндия должна была стать лучшим и ближайшим образцом для российского общества. П.Н.Милюков подчёркивал чуть позже в своей думской речи: «И если, господа, мы хотим пожелать нашей стране добра, то мы должны желать, чтобы она шла тем же путём, каким шла Финляндия, чтобы интеллигенция страны создавала те взгляды, которые

¹ Манифест также предписывал сенату дать предложения по проекту конституции, которая предоставила бы парламенту право осуществлять контроль за законностью деятельности членов правительства и гарантировала бы гражданские свободы.

² Власть и реформы. С. 555. Автором раздела, посвящённого третьеиюньской системе, является В.С.Дякин.

будут верой и догматом народа и за которые страна готова умереть»¹.

Пожалуй, наиболее образно эту мысль выразил уже неоднократно упомянутый нами Г.С.Петров. В «Стране болот» он пишет: «В самой, так сказать, передней России, у дверей самого Петербурга, в двух часах езды от берегов Невы начинается живой конституционный соблазн для русского обывателя. Стоит бодро крепьш-Финляндия, и под ней, как в объявлениях, объяснение:

– Я ем Геркулес.

– Имею самоуправление. У меня сам народ чрез своих выборных является хозяином своего маленького края.

И рядом с таким цветущим, завидным внутренним благоустройством Финляндии, как захудалый, заброшенный больной, тянется Россия, обнищавшая, чумахая, растрепанная, ободранная, неученая, поротая, забитая умственно, с пригнетенною волею. На бодрое заявление Финляндии:

– Я ем конституционный Геркулес.

Старая, бесправная, доконституционная Россия грустно может сказать только:

– А меня кормили березовою кашею»².

Новые привилегии, полученные Финляндией, подлили масла в огонь в споре правых и либералов. Правые, и без того взбешённые революционными переменами в России, восприняли поворот финляндских дел как сильный откат назад, потерю завоёванных позиций. Вместе с тем революция показала, что по «неверному пути» Финляндии начинают двигаться всё новые и новые «иногородцы», принявшие активное участие в революционных событиях и продемонстрировавшие рост национальных амбиций³. Становилось ясно, что национальный вопрос выходит на одно из первых мест по важности в российской современности и что Финляндия с её осо-

¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. 1908 г. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1908. С. 426.

² Петров Г.С. Страна болот. С. 13–14.

³ Андреас Каппелер пишет о переменах, происходивших в связи с первой русской революцией: «Национальные движения получили теперь несравненно более благоприятные возможности для того, чтобы нести в широкие массы свои политические программы и строить национальное общество. Было основано множество новых организаций и партий, расцвела пресса на национальных языках, более частыми стали национальные манифестации» (Каппелер, Андреас. Россия – многонациональная империя. С. 246).

бым статусом и передовой системой управления является пагубным соблазном для остальных окраин. «Положение дел всем ясно, – говорил представитель крайней правой Н.Сергеевский на открытии Русского окраинного общества. – Непокорённые инородцы и недозавоёванные окраины едва не одержали полной победы над ослабевшим русским человеком»¹.

Эта речь была произнесена уже в 1908 году, когда царизм вновь сделал резкий поворот вправо, удовлетворявший националистов, однако в 1906 году исход событий представлялся им ещё в мрачном свете. Тогда, решив, что власть неспособна справиться с ситуацией, правые объединились в многочисленные националистические организации и стали создавать свои органы печати. Так, в начале 1906 года была создана еженедельная газета, специально вся целиком посвящённая проблемам национальных окраин и соответственно называвшаяся «Окраины России»². Через два года сотрудники этой газеты вместе с единомышленниками создали т. н. Русское окраинное общество, призванное выполнять те же задачи³. Своё предназначение как газета, так и Общество видели в охране русских государственных интересов на национальных окраинах. Пробиваясь к сознанию массового читателя, стремясь привлечь его в свой лагерь, газета в мрачных тонах рисовала угрозу России со стороны «инородцев», создавала поистине фронтовое ощущение, внушала мысль о необходимости построения массовой обороны. «Что же! – писал обозреватель газеты. – Недалеко время, когда нас и из дому, пожалуй, погонят...»⁴.

У читателя «Окраин России» и дружественных ей газет создавалось впечатление, что Россия окружена врагами, как внешними, так и внутренними. «Враг на окраинах, – цитировала газета речь Н.Сергеевского, в которой предлагалась концепция национальной политики, – поднял голову потому, что завёлся враг внутренний»⁵.

¹ Окраины России. 1908. 3 мая. № 18. С. 267.

² Среди сотрудников «Окраин России» были бывшие сподвижники Бобрикова – В.Ф.Дейтрих и М.М.Бородкин, националисты Н.А.Зверев, А.М.Золотарёв, А.С.Будилович, И.И.Булатов, П.А.Кулаковский (издатель), П.Г.Бывалькевич (редактор), А.А.Ширинский-Шихматов, Ф.Д.Самарин и др.

³ «Русское окраинное общество» было учреждено 17 февраля 1908 г.

⁴ Лялин М. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. 1908. 8 марта. № 10. С. 149.

⁵ Окраины России. 1908. 3 мая. № 18. С. 266.

Кто такие «враги на окраинах», становится ясно из той же речи: «Те инородцы, которые не захотят быть нашими братьями в составе единой всероссийской семьи, должны считаться нашими врагами, открытыми и смертельными»¹. Внутренние враги – либералы, которые по мнению газеты проникли во все поры государства, особенно в печать: «Школа извращена, печать совершенно оеврейлась, власть оакадетилась»².

Следуя логике Сергеевского, одним из главных внешних врагов России следовало считать Финляндию – край, отказывавшийся находиться на равных основаниях «в составе единой всероссийской семьи». Отношение националистов к Великому княжеству, и раньше далёкое от идиллического, стало прямо враждебным и даже воинственным. «Окраины России» писали о финляндцах: «...первая современная их заповедь, очевидно, говорит: пора перестать церемониться с русскими!»³ Националистической прессой постоянно подогревалось ощущение угрозы для России со стороны Финляндии: «Пусть Лео Мехелин продолжает нас дурачить, пусть вооружается “Войма”» и красная, и белая гвардия, пусть идут на Петербург, пусть бьют и режут верных слуг России и Государя [...] Авось носители власти проснутся, а если они не проснутся, то проснётся русский народ»⁴.

Революционные события и участие в них Финляндии добавили новые краски в её «портрете». Теперь правые видели в Великом княжестве прямо враждебную окраину, находящуюся вблизи самой столицы. Финнам постоянно припоминали укрывательство русских революционеров и создание собственных вооружённых отрядов; «Окраины России» писали: «Близость к столице делает Финляндию излюбленным местом всяких политических преступников, которые здесь чувствуют себя превосходно. Недаром же Гапон избрал её местом своего жительства, а многие политические убийцы выезжали на свои подвиги прямо из Финляндии. [...] Большая часть прокламаций и воззваний печатается в Финлян-

¹ Окраины России. 1908. 3 мая. № 18. С. 267.

² Лялин М. Указ. соч. С. 148.

³ Окраины России. 1908. 26 января. № 4. С. 51.

⁴ Речь Н.Д. Сергеевского на третьем Бобриковском обеде // Окраины России. 1908. 9 февр. № 6. С. 87. Союз «Войма» (по-русски «Сила») был организован финскими национальными активистами после всеобщей стачки; формально это был спортивный союз, а в действительности он занимался военной подготовкой.

дии...»¹. Описываемые в правой публицистике факты действительно имели место однако если подобные же проявления революционной активности на территории России, как правило, приписывались неким враждебным силам, интеллигенции, инородцам, а русский народ выступал при этом в качестве пассивного объекта их развращающего влияния, то для Финляндии таких градаций больше не делалось. В начале века правая пресса традиционно писала о враждебности финского народа в целом, не разделяя его на «агитаторов» и лояльную массу.

Как власти, так и сочувствующие им правые были помимо прочего озабочены тем, что враждебная Финляндия, расположенная в жизненно важном регионе империи, в случае войны, приближение которой было всё более очевидным, может представлять серьёзную опасность. Теперь вопрос шёл уже не только о справедливом перераспределении доходов и об угрозе сепаратизма, а и о безопасности России. Именно этот подход к проблеме, а также прогрессирующее отдаление окраины от метрополии и плохо скрываема, часто декларируемая в финской печати и общественной жизни недружественность по отношению к России стали главной причиной новой антифинской кампании, которая получила в финской историографии название «второй период угнетения».

* * *

Новая расстановка сил в российско-финляндской коллизии подстегнула как националистов, так и либералов, вывела их противостояние на следующий виток. Принципиально новым явлением стал выход дискуссии на думскую арену, где не только сталкивались идеологии, но и творилась реальная политика. Теперь от того, кто победит в дискуссии, зависела действительная судьба Финляндской автономии, и эта судьбоносность дебатов придавала им неслыханный ранее накал.

Оба лагеря – и националисты, и либералы – серьёзно эволюционировали. Манифест 17 октября инициировал возникновение партийной системы, и теперь как на консервативном, так и на либеральном фланге оформилось по нескольку партий. Как мы уже

говорили, всё более радикализировавшиеся и бравшие националистический уклон консерваторы генерировали спектр партий от умеренно до крайне правых.

К либеральному лагерю историки традиционно относят партию кадетов, классическую либеральную партию – в её программе значилась замена самодержавного строя конституционно-правовым государством с всенародно избранным парламентом и ответственным правительством, требование ликвидации помещичьего землевладения, защита прав и свобод личности. Конечно, круг российских либералов был намного шире, чем наличный состав кадетской партии, – к началу XX века в России сформировался широкий слой людей, исповадовавших идеалы либерализма и видевших в качестве образца для России западные демократические режимы.

Наиболее ярые схватки по финляндским делам происходили в III Думе, где национальный вопрос «стал по существу главным объектом деятельности думского большинства»¹ Обычно при голосовании по финляндскому вопросу союз правых и октябристов побеждал либеральное крыло. Сначала, в 1908 году, Думой был принят новый порядок представления финляндских дел – ранее все вопросы поступали напрямую от генерал-губернатора к царю, а теперь они шли в Совет министров, который давал по финским делам заключение. С точки зрения финляндцев, этот порядок лишал их персональной унии с Россией и низводил Финляндию на положение одной из российских провинций. Дискуссия по другому вопросу развернулась в Думе в мае 1910 года, в центре её был порядок принятия законов, касавшихся одновременно и Финляндии, и всей империи. Столыпин и особый русско-финляндский комитет предлагали практически все касавшиеся Финляндии законы принимать в России, – таким образом, роль финского парламента должна была быть сведена к чисто совещательной. В ходе думских дебатов по этому вопросу обнажились, как никогда ранее, непримиримые противоречия либералов и правых по финляндскому вопросу.

Задавший тон всей дискуссии премьер-министр П.А.Столыпин так очертил сложившееся противостояние: «...нам будут указывать, конечно, что этим путём бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру и народное просвещение. Я вам отвечаю, что независимо от финляндского правосознания существует

¹ Окраины России. 1906. 4 июня. № 14. С. 245.

¹ Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. С. 21.

ещё другое правосознание, правосознание русское; [...] Разрушите, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, – презрение к нашей родине»¹. Здесь, по сути дела, в очень сжатом виде, показана суть всех последующих дискуссий, суть непримиримого противостояния между либералами и правыми: если первые стояли на защите «культурного края», считая его сохранение более важным, чем российские имперские амбиции, то вторые выступали за «русское правосознание», отстаивая, в своём понимании, достоинство России, её власть распоряжаться по своей воле на всех национальных окраинах. Противостояние на этом этапе принимало уже неразрешимый характер – никаких компромиссов между первыми и вторыми быть не могло.

В думской дискуссии ярко вырисовываются те «образы Финляндии», которые к тому времени уже прочно сформировались в сознании противоборствующих сторон. Главный аргумент либералов был таков: если предложенный закон будет принят, российские власти получат возможность прийти в Финляндию со своими порядками, в результате чего особый, налаженный строй этой уникальной окраины будет разрушен и сама автономия будет низведена до уровня российской губернии.

Особенно ярко эта мысль была сформулирована в речи кадета В.А.Маклакова, с горечью предсказывавшего результаты «нивелировки» Финляндии: «Да, Россия победит. Ещё несколько времени – и Финляндия превратится в Архангельскую и Вологодскую окраину с управлением наших типичных администраторов, место школы займёт монополия, и приплачивать за Финляндию придётся гораздо больше, чем теперь приплачивается. Можно этим не смущаться, но этого нельзя отрицать. А я вам скажу, что если можно этим не смущаться, то есть люди, которые этому будут радоваться. Да, привилегированное положение Финляндии, её культура, её свобода, её порядки давно уже во многих возбуждали досаду. Есть не высокое чувство, но слишком человеческое, слишком естественное, которое побуждает отнимать у других то благо, которого нет у себя; и те, кто не в состоянии улучшить то, что есть плохого у нас, по крайней мере, умеют испортить то, что есть хорошего у других. [...] И потому многие бу-

¹ Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчёты. 1910. Сессия третья. Ч. 4. СПб., 1910. С. 2042.

дут радоваться разгрому финляндской культуры, будут злорадствовать этому, вымещая на ней своё собственное унижение»¹.

Мы вновь сталкиваемся в речи Маклакова с тем образом противостояния Финляндии и России, о котором уже упоминали, – грубая, тупая сила стремится разгромить оазис культуры и свободы, который раздражает её своим благополучием. Маклаков не случайно сравнивает это действие правых с крестьянскими погромами помещичьих усадеб во время революции – здесь тот же образ, озлобленная тёмная толпа громит очаги культуры, вымещая на них собственное унижение. В этом фрагменте речи Маклакова совершенно отчётливо видно, что кадеты ощущали Финляндию совершенно близким для себя, родным по духу, «своим» миром – и, в противовес этому, националистическую власть и её правых союзников – органически чуждыми себе, своими антагонистами².

Аргументы правых о недружественности Финляндии России и о её роли нахлебника и захребетника России либералы отвергали. Недружественность Финляндии объяснялась по их мнению неумелой политикой России по отношению к ней. П.Н.Милуков говорил: «Население (Финляндии. – М. В.) спокойное, почти флегматичное, законопослушное. [...] Конечно, это народ, дорожающий национальной культурой, своей особенностью и политической самостоятельностью, конечно, это народ, умеющий защищать свои интересы. [...] Если бы мы теперь его вывели из себя и довели его до белого каления, разве можно ему ставить это в вину? Можно только удивляться той сдержанности, с которой он проявил свой протест и с которой вёл свою массовую борьбу [...] Ведь если Финляндия раздражена, это доказы-

¹ Государственная дума. Третий созыв. С. 2132.

² Эта же мысль звучала и во многих других думских речах представителей разных левых фракций – помимо кадетов это были прогрессисты, социал-демократы, трудовики. Например, трудовик А.А.Булат говорил: «...финляндский вопрос это лучшее доказательство того, как в настоящее время наше Правительство и его потакатели из центра и справа заботятся о благе народа: внутри России нет никаких свобод, в России всякое стремление трудового народа к улучшению своего быта, стремление к просвещению подавляется, – а потому не только не надо давать населению России возможности улучшать эти стороны своей жизни, нет, нужно взять в тиски и свободную Финляндию, которая, благодаря своей конституции, благодаря своей свободе достигла высшей степени культуры и процветания, которое только возможно при её суровом климате; нужно и там всё подавлять, чтобы и эту страну разорить и привести к одному знаменателю с Россией, словно наше правительство не может вынести, чтобы какой-нибудь народ свободно дышал и не был угнетён экономически и духовно» (Государственная дума. Третий созыв... С. 2101–2102).

вает только наше неискусство...»¹. Стоит только, по мысли либералов, смягчить финляндскую политику – и все сомнения в лояльности Великого княжества отпадут, ибо «мирная и дружественная Финляндия, – лучший оплот в военном отношении для России»².

Отвергали думские либералы и старый тезис националистов о том, что Финляндия не могла бы развиваться без российского финансового участия. Прогрессист ... А.М.Масленников утверждал, что, напротив, Финляндия стоила бы России намного дороже, будь она простой губернией на общих основаниях, – и в случае «нивелировки» её положения внутри России ей придётся «приплачивать» намного больше. Он говорил, в частности: «Я позволю себе спросить вас: если бы Александр I не дал конституционного строя Финляндии, если бы в Финляндии он ввёл тот порядок управления, который существовал тогда во всей России, если бы Финляндия была в том же положении, как Архангельская, Вологодская или другие губернии, скажите, сколько пришлось бы государственному казначейству нести расходов на эту страну? Ведь каждый из вас, [...] конечно признает, что та культура, которой достиг финляндский народ, явилась результатом тех учреждений, которыми он пользуется. Если бы в этой Финляндии, в стране бедной по природе, был не тот культурный народ, который создан в эти 100 лет, а тот, который вообще существует на наших отдалённых окраинах, то я думаю, что счёт [...] был бы иной, и если мы ничего не получаем теперь, то тогда мы приплачивали бы очень много за то, что Финляндия числится частью нашей страны»³ Масленникову вторил прогрессист ... В.С.Соколов 2-й, который иронизировал над убеждённой правых, что все окраины живут за счёт внутренней России. «Если вы подсчитаете, – говорил Соколов 2-й, – что стоит содержание всех учреждений Финляндии, что стоит содержание школ и других заведений, сколько Финляндия на это расходует, – если вы в финансо-

вом отношении вполне сравниваете Финляндию с Россией, то возникает вопрос: не придётся ли впоследствии нам приплачивать, посылать туда деньги из русского казначейства?»¹.

Защита Финляндии в III Думе была беспрецедентно массовой – левые выступали против националистов широким фронтом, за выступлениями кадетов следовали речи социал-демократов, трудовиков, прогрессистов. Выступления были окрашены эмоционально, в них слышалась горечь и неистовое желание отстоять Финляндию – этот единственный и драгоценный уголок, где «народ свободно дышит и не угнетён экономически и духовно». Особую драматичность речам левых фракций придавало ясное ощущение, что их дело заведомо проиграно и разгром Финляндии неизбежен. Отсюда – то подчёркнутое тепло, которое звучало в их речах, выглядевших подчас как прощание с Финляндией. Социал-демократ ... И.П.Покровский 2-й констатировал: «Правительство не может терпеть рядом с собой страну, входящую в состав Российского государства, страну с действительным демократическим народным представительством, [...] где действительно, а не фиктивно существуют гражданские свободы, страну, где народное образование проникло в глубь, в деревню, страну, где культура дошла до глубины лесов и деревень»². Трудовик крестьянин Г.Е.Рожков говорил о Финляндии с нежностью, как о безвинно приговорённой жертве: «Всякий человек, который хоть чуть имеет человеческую жалость, никогда не даст своего согласия на данный законопроект. Господа, если кто ездил, хотя по железной дороге в Финляндию, то он видел, что, как только переезжаешь границу, является какой-то другой свет»³ Кадет генерал А.Ф.Бабянский выражал своё

¹ Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчёты. 1910. Сессия третья. Ч. 4. СПб., 1910. С. 2079. В другом месте Милуков говорил: «Но путь насилия – есть путь по покато́й плоскости. Насилие вызывает сопротивление, а сопротивление усиливает насилия. Так везде бывает: это заколдованный круг. В Финляндии это приняло только особую форму, соответствующую национальному характеру: форму сдержанного протеста и солидарного пассивного сопротивления» (Государственная дума. Третий созыв. С. 2081.)

² Из выступления... Н.Я.Ляхницкого // Государственная дума. Третий созыв. С. 2304.

³ Государственная дума. Третий созыв. С. 2395–2396.

¹ Государственная дума. Третий созыв. С. 2186.

² Там же. С. 2390.

³ Там же. С. 2299. Рожков продолжал свою трогательную речь так: «Посмотрите на железную дорогу, на станции; вы видите начальника станции, да сторожа у колокольчика, больше никого; ни шпиков, ни жандармов, ничего нет. Я был, господа, в городе в праздник; признаюсь, сколько я ни следил, я не видел ни одного нищего, я не видел ни одного пьяного. [...] И вот, господа, они сами себя воспитали; в этом воспитании наше правительство никакого участия не принимало. Теперь, господа, вы видите, что делается у нас. Выходите вы из Таврического дворца и вы через каждые 20 сажень видите городского в форме, вы видите около каждых ворот дворника, – это тоже полицейские; вам на каждом шагу встречаются то с подклеенной бородой, то в парике – шпик; вы встречаете извозчика, думаете, что это извозчик, а это тоже шпик. У нас на каждом шагу вы встречаете нищих; Вы видите у нас всё то, чего вы не видите в Финляндии. У нас полная безграмотность; [...] Вот это воспитание нашего правительства» (С. 2299–2300).

восхищение: «Маленькая Финляндия, далеко выдвинутая к северу, [...] стяжала уважение и, скажу, удивление всего мира»¹.

Право-националистическое большинство Думы не скрывало удовлетворения. Националисты выступали реже, чем левые, ибо соотношение сил было уже ясно и судьба законопроекта предreshена. В их речах сквозила открытая неприязнь к Финляндии как к чуждому, враждебному организму, как к врагу, который не заслуживает милости. Представитель крайней правой Н.Е.Марков 2-й, говоря о том, что Финляндия «стала одним сплошным революционным корпусом», беспелеяционно заявлял: «Этих финляндских социалистов придётся усмирять, усмирять старым русским способом, который, к сожалению, давно уже не применяется; таким точно способом, каким Господин Великий Новгород усмирять предков, – тем же способом нужно поучить и потомков»². Националистам вторили октябристы, облекая, по сути дела те же мысли в более мягкую форму. В.К.Фон-Анреп говорил, например: «Можно ли допустить, что в течение длинного ряда лет национальное чувство русских граждан было унижаемо в территории, принадлежащей тому же государству? [...] Финляндия отвергает закон, в котором нуждается вся страна, и нет способа это исправить, кроме, может быть, просьб, уступок, торговли. Но разве может быть торг, разве могут быть какие-то уступки там, где задеты действительные государственные интересы? [...] Нужно прямо и открыто сказать, не робея перед либеральными тенденциями, не стесняясь общечеловеческими тенденциями о всеобщем праве, о всеобщем равенстве и справедливости, сказать, что высшая справедливость – сохранять государственные интересы прежде всего»³. Беспартийный крестьянин Д.П.Гулькин, примыкавший к правым, открыто выражал культивированную правой прессой обиду на Финляндию: «Я не могу голосовать против данного законопроекта [...], ибо достаточно многомиллионное русское крестьянство опекало финляндцев, как малолетних детей, в течение ста лет, а когда мы ныне просим у них руку помощи, они нами гнушаются. [...] мы много перенесли за 100 лет, значит мы стратотерпцы, а финляндцы жили

себе и культуризировались, как у Бога за печкой»¹. Наконец, ... В.М.Пуришкевич, как бы подводя черту под дискуссией, говорил: «...Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благоденствием России, эта Финляндия отплатила ей чёрной неблагодарностью. ...мы должны быть сильны, и это один из главных поводов, одна из главных причин того, что самые серьёзные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины»².

Описанная нами дискуссия имела вполне предсказуемый результат – закон был принят, и торжествующий Пуришкевич воскликнул: «Finis Finlandiae!» («Конец Финляндии!»). Именно так – как сокрушающий удар по Финляндии – был этот закон воспринят и правыми, и левыми. Примечательно в связи с этим, что сама Финляндия воспринималась и той и другой стороной как некий одушевлённый объект, о ней говорили как о человеке, вызывающем симпатию или антипатию, любовь или ненависть. Отношение к Финляндии приобрело оттенок иррациональности, которая исключала прагматический, рациональный подход к вопросу. Так можно трактовать и восклицание Пуришкевича – в его глазах был приговорён к гибели не некий политический организм, а ненавистный враг, не заслуживающий снисхождения. Сама дискуссия по финляндскому вопросу напоминала процесс судебного разбирательства – с присущими этой процедуре прокурорами, адвокатами и высоким эмоциональным накалом в зале суда.

Принятием закона «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного характера» финляндская эпопея, конечно, не завершилась. Великое княжество было слишком защищено законодательно, чтобы один, хотя бы и столь принципиальный закон мог коренным образом изменить его положение. В период до 1914 года был принят ещё ряд законов, направленных против автономии Финляндии, а к 1914 году на рассмотрение царя поступила целая программа мер, которая получила в финляндской прессе название «программа русификации»³. Как отмечает И.Соломещ, «генеральная линия на уничтожение автономных институтов княжества сохранялась». Однако «война по-

¹ Государственная дума. Третий созыв. С. 2339.

² Там же. С. 2372.

³ Там же. С. 2000–2003.

¹ Государственная дума. Третий созыв. С. 2415.

² Там же. С. 2237.

³ См.: Соломещ И.М. Финляндская политика царизма. С. 14.

ставила царское правительство перед необходимостью решать более неотложные задачи, чем пересмотр финляндского законодательства. Программа 1914 г. осталась лишь демонстрацией настроений царизма и его политическим ориентиром»¹ Уничтожение финляндской автономии, инспирированное националистической прессой и начатое в конце XIX века, не состоялось.

Заключение

Финляндия пребывала в составе Российской империи чуть более ста лет. За это время «образы Финляндии», запечатлевшиеся в представлениях российских мыслителей, приобретали разные очертания – в зависимости как от ситуации внутри России, так и от собственно финляндских дел, а также в соответствии с идеологическими схемами разных групп российских мыслителей. Если в первой половине XIX века российское общественное мнение было единодушно в том, что Великое княжество – миролюбивая, законопослушная окраина, не лишённая экзотической романтики, то по мере усиления национальной мобилизации финнов этот тезис претерпевал серьёзные изменения. Обособленная политически, быстро модернизирующаяся, демонстрирующая высокое национальное самосознание окраина вызывала в разных слоях российского общества противоположные подходы. Консерваторы, всё более склонявшиеся к националистической парадигме российского развития и начинавшие понимать Россию как будущее национальное государство русских, воспринимали Финляндию как серьёзное препятствие на этом пути, не только не укладывающееся в общую схему «национальной империи», но и угрожающее целостности государства и авторитету его властных структур. В модель будущей России, нарисованную национал-консерваторами, Финляндия в её настоящем виде абсолютно не вписывалась. Поэтому отношение идеологов этого лагеря к Великому княжеству год от года становилось непримиримее и чисто умозрительные вначале рассуждения в националистической прессе переросли в травлю Финляндии и инспирирование антифинляндских мероприятий правительства.

¹ Соломещ И.М. Финляндская политика царизма. С. 18.

Либеральное крыло тоже имело свою модель развития России, которая разительно отличалась от конструкций консерваторов, – оно связывало будущее России с торжеством идеалов либеральной западноевропейской демократии. По мысли либералов, в России должно было быть создано конституционно-правовое государство со всенародно избранным парламентом и ответственным правительством, произведена модернизация экономики, сформированы гражданское общество и система защиты прав и свобод личности. Финляндия была для них единственным уголком империи, в котором все эти идеалы реализовались, оазисом права, конституционности и европейской культуры. Это был, по их мнению, совершенно особый, драгоценный регион России, который должен был стать лучшим и ближайшим образцом для российского общества. Поэтому все свои силы либеральные органы печати направили сначала на пропаганду достоинств Финляндии, а потом – на реальную защиту финляндских автономных прав от надвигающегося на них «похода». Столкновение либералов и националистов на думской арене стало кульминацией этого противостояния.

Обобщая, можно сказать, что «образы Финляндии» являлись лишь частями тех «образов России», которые были главной составляющей либеральной и национал-консервативной идеологий. Непримириемое противостояние обоих лагерей по финскому вопросу стало ярким свидетельством того, насколько расколотым оказалось общественное мнение России в целом накануне революции. Финский вопрос, как в капле воды, отражает ту страшную поляризацию, которая раздирала российское общество – ни единства, ни консенсуса, ни примирения здесь быть уже не могло. Жребий Финляндии был – пасть под ударами националистов или получить из рук либералов мандат на сохранение автономии. Новые силы, вышедшие на историческую арену, смешали карты, и самые смелые мечты финляндских национальных деятелей реализовались – 31 декабря 1917 года Советское правительство России признало независимость Финляндии.

И. М. Соломещ

От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу

Складывание и стереотипизация образа Финляндии и финнов в российском разножанровом тексте XIX века – тема далеко не новая. Применительно к художественной литературе наилучшим образцом литературоведческого и художественного анализа по-прежнему остается монография Валентина Кипарского¹. Задолго до появления интердисциплинарных исследований по теории и практике межкультурной коммуникации профессор Кипарский на примере истории формирования образа Финляндии и финнов в российской беллетристике и публицистике сделал несколько принципиально важных замечаний о характере и особенностях формирования представлений о народе-соседе. Как правило, эти представления основывались на личных впечатлениях путешественников или жителей приграничных местностей, распространявшихся устно или письменно. Очень редко возможность познакомиться с соседом переставляется *всему народу*. Так происходит, например, когда один народ на время оказывается под властью другого. В этом случае представления первого оказываются нега-

© Соломещ И. М., 2004.

¹ Kiparski V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.

тивными априори. И, напротив, в случае, когда один народ приходит на помощь другому – представления априори позитивные. Но в обоих случаях контакты осуществляются преимущественно на уровне причастных чиновников, военных и т. д. Во время войн и конфликтов народы, как правило, не видят друг друга иначе, как сквозь призму пропаганды. Эта картина фиксируется и для последующих поколений, если, конечно, пропаганда эффективна и если не происходит резкой смены политического курса¹.

Учитывая крайнюю жанровую размытость публикаций XIX века, можно было бы развить эту мысль В.Кипарского следующим замечанием: было бы наивно полагать, что точки зрения, изложенные в прессе, политически окрашенной по определению, равно как и в научно-популярной литературе, тождественно отражают истинные представления народа о соседе. Речь, таким образом, может идти лишь о некоторой степени приближения к составлению адекватной картины. Вот почему объектом нашего внимания стал хронологический отрезок «от Гагарина до Ордина», то есть от этапа конституирования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи до этапа политического оформления так называемого «финляндского вопроса». Дебаты рубежа XIX–XX веков являют собой более прозрачную картину – хотя бы в силу большей частотности публикаций², равно как и большей степени их политической и идеологической артикулированности.

Исходя из того, что тексты, с большей или меньшей степенью относительности причисляемые к историческим трудам³ и в целом вписывавшиеся в рамки полемики по финляндскому вопросу, неоднократно, в том числе в разной историографической ситуации,

¹ Kiparski V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. S. 8–9.

² Практически исчерпывающий перечень см.: Колари В., Суонсюрья Я. Политическая история Скандинавских стран и Финляндии в XIX и XX веках: Указатель литературы на русском языке. Тампере, 1973.

³ По нашему мнению, историографию в строгом понимании трудно (и не обязательно надо) вычленивать из «литературного» наследия XIX века. В этом смысле в жанровом отношении наиболее показателен пространный историко-географический сборник «Северо-Западные окраины России. Великое княжество Финляндское» / Под ред. П.П.Семенова[-Тянь-Шаньского]. СПб., 1882, вышедший в серии публикаций под общей рубрикой «Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении».

попадали в поле зрения исследователей¹, попробуем реконструировать контуры процесса формирования историографического образа Финляндии и финнов, определить обстоятельства, влиявшие на этот процесс.

В процессе формирования образа Финляндии в России в принципе нет ничего уникального – с точки зрения как механизмов, так и исторического контекста. В XIX веке экзотическую Финляндию, европейскую периферию «открывали» для себя многие народы². Как известно, первые, весьма разрозненные и фрагментарные сведения о финнах и Финляндии можно найти уже в публикациях XVIII века. Но в них Финляндия отнюдь не выступает как самостоятельный предмет исследований. Финляндия рассматривается в контексте русско-шведских отношений, что вполне соответствовало геополитическому статусу этой страны, в принципе сохранившемуся вплоть до 1870-х годов.

Финляндия как некое аморфное историческое пространство довольно долго оставалась для россиян неведомым краем, несмотря на очевидное географическое соседство. И лишь в начале XIX века начался тот процесс, который мы можем определить как складывание образа Финляндии как страны и финнов как народа.

Первые публикации XIX века были выдержаны в жанре главным образом путевых заметок. Коль скоро речь идет о периоде знакомства в широком смысле, Новая Финляндия, *terra incognita* для российской элиты, обращала на себя внимание своей загадочностью. Эффект особенно усиливался тем обстоятельством, что эта загадочная страна, как оказалось, находится в непосредственной близости от Санкт-Петербурга. Интерес российского наблюдателя довольно редко имел политическую окраску. Скорее приходится говорить об эстетическом, этнографическом, романтически окрашенном интересе. В результате довольно быстро зафиксировался образ суровой природы, в условиях которой живут эти мол-

чаливые, суровые, упорные и, в общем-то, по-прежнему загадочные, но совсем не опасные финны. С легкой руки поэтов К.Батюшкова и А.Пушкина сформировалось несколько патерналистское отношение к финнам как к народу.

Однако было бы ошибкой снисходительно пренебрегать линией, проложенной от П.Гагарина¹ до Ф.Булгарина². Во-первых, это как раз и был процесс «поиска наощупь» места Финляндии как нового элемента в российской имперской системе координат «свой – чужой». Во-вторых, именно благодаря такого рода литературе просвещенный читатель составлял себе представление о Финляндии. Наконец, в-третьих, именно тогда закладывались основы для многих долгоживущих стереотипов. С довольно экзотического по жанру сочинения П.Гагарина началась романтикомифологизированная традиция описания Финляндии – непременно иллюстративными атрибутами становятся лес, скалы, загадочность. В целом образ Финляндии на этой стадии можно оценить как нейтрально-позитивный, не несущий угрозы.

Внутри хронологического отрезка в три десятилетия – от П.Гагарина до Ф.Булгарина – типологически вполне укладываются даже публикации, которые формально следовало бы относить к сугубо военной истории, жанр которой вряд ли подразумевает существенный вклад в формирование образа другого народа³. Заметим попутно, что работа А.И.Михайловского-Данилевского примечательна тем, что последняя русско-шведская война называется «финляндской». Это не вполне типичное для российского восприятия, но абсолютно тождественное традиционному финскому наименованию войны определение. Начало процесса складывания концепта Финляндия как вновь обретенной имперской провинции можно отнести непосредственно к периоду последней русско-шведской войны, и это прослеживается через смысловое преодоление дихотомии понятий «Новая Финляндия» и «Старая Финляндия».

¹ См., напр.: *Бородин М.М.* Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902; *Такала И.Р.* Русские немарксистские труды по истории Финляндии // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991. С. 107–114. Надлежащие историографические обзоры, как правило, можно найти в большинстве российских монографических исследований по истории Финляндии.

² См., напр.: *Halmesvirta A.* The British Concept of the Finnish 'Race', Nation and Culture. Helsinki, 1990. Эта работа представляет значительный интерес в методологическом плане.

¹ *Gagarin P.* Les treize journées ou la Finlande. 1809; Нечто о Финляндии в 1809 г. (Заимствовано из сочинения «Тринадцать дней или Финляндия» кн. Гагарина) // Русский вестник. 1809. № 8. С. 351–390.

² *Булгарин Ф.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. В 2 т. СПб., 1939.

³ См., напр.: *Сухтелен П.К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. СПб., 1832; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841 (переиздана в 1849 г.).

Вместе с тем со временем начинается комментированная публикация официальных документов, касающихся статуса Финляндии как части империи¹, а также военно-исторические очерки нового качества, в которых все более подчеркивается стратегическое значение Финляндии для обороны империи². С одной стороны, Финляндия рассматривается как часть империи. С другой стороны, она выступает уже как некая целостность, в рамках которой под военно-стратегическим углом зрения, заметно актуализировавшимся в связи с Крымской войной, можно рассматривать значение ее различных провинций. В том же ракурсе рассматривается и юридический статус Великого княжества.

Середина века приносит и качественно новый интерес к литературной, научной и культурной жизни в княжестве. Этапным событием можно считать выход в свет в 1845–1850 годах «Финского Вестника» (с 1848 г. – «Северное обозрение»), имевшего осмысленную и четко сформулированную концепцию – познакомить российского читателя с Финляндией. Ведущей фигурой этого проекта стал Ф.А.Дершау, автор очерка, внесшего заметный вклад в формирование позитивной традиции изображения Финляндии и ее жителей³.

Но до появления некоей четко прослеживаемой традиции в историографической интерпретации Финляндии и финнов было еще далеко. Вплоть до середины XIX века прошлое Финляндии продуцировалось, как правило, в более широком контексте истории российско-шведских отношений. Отсюда логически вытекала историографически объектная, но не субъектная роль Финляндии. В соответствии с видением ситуации, отраженном, в частности, в работах Ф.Булгарина и Ф.Дершау, завоевание Финляндии стало логическим следствием политики, начатой Петром Великим⁴. Россия должна была завоевать Финляндию, чтобы обезопасить столи-

цу империи от внешней опасности. (Заметим попутно, что эта опасность никоим образом не отождествлялась с Финляндией как таковой)¹.

Вторая половина XIX века приносит целый ряд публикаций, рассматривавших, в строго историографическом смысле, более широкий спектр проблем истории Финляндии. По-прежнему главный интерес привлекали русско-шведские войны нового времени, однако угол зрения несколько менялся. Финляндия выступает уже как некая целостность – не только и не столько географически очерченный плацдарм, но этно-историческое пространство, судьба которого решалась в войнах двух заведомо более могущественных соседей². Неудивительно, что в таком контексте на авансцену выходят такие персонажи, как Г.М.Спренгтпортен и участники Аньяльской конфедерации – значимые и противоречивые «контактные фигуры» истории России и Финляндии. Неоспорима двоякая роль этих публикаций: вводя в научный оборот большой комплекс источников, они подспудно и не обязательно преднамеренно закладывали традицию политизации и идеологизации толкования истории Финляндии. Ближайший опыт показал, что в рамках российского имперского дискурса академический интерес может вполне органично дополняться политически мотивированным интересом.

То, что этот процесс не случаен, а отражает более широкий политический контекст развития Российской империи, в 1889 г. окончательно фиксирует выход в свет труда К.Ордина³, само название которого – «Покорение Финляндии» – давало исчерпывающий ответ на вопрос о природе и характере взаимоотношений метрополии и «Финляндской окраины». С точки зрения процесса фиксации образа Финляндии и ее обитателей работа К.Ф.Ордина стала кульминационным пунктом. Образ чужого применительно к Финляндии совмещается с маркером врага, угрозы. Финляндский

¹ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. Конституции Швеции и Финляндии. СПб., 1862; Лундаль Б. Изображение порядка судопроизводства в Великом княжестве Финляндии. Гельсингфорс, 1852; Он же. Руководство к законам Великого княжества Финляндии. Гельсингфорс, 1857.

² Федоров Ф.А. Финляндия в нынешнем ее состоянии, с описанием достопримечательных событий настоящей войны, до этого края относящихся. СПб., 1855; Гагемейстер. Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876.

³ Дершау Ф. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842.

⁴ См. также эпиграф к труду К.Ф.Ордина.

¹ Спустя век эта же аргументация будет воспроизведена в официальной советской риторике накануне Зимней войны и надолго закрепится в советской историографии в качестве одного из незыблемых аргументов.

² См., напр.: Штилевская Н.С. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии, 1741, 1742 и 1743 гг. // Военный журнал. 1858. № 2, 4; Брикнер А.Г. Война России со Швецией в 1788–1790 годах // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 141–144.

³ Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: В 2 т. СПб., 1889.

вопрос был лишь одним в ряду многочисленных «вопросов», перед которыми объективно стояла, или же искусственно конструировала империя. В этом смысле все акценты были расставлены предельно четко, и Финляндия окончательно нашла свое место в иерархии угроз и опасностей, в изменившемся контексте большой европейской политики. Уникальность ситуации с финляндским опросом заключалась, пожалуй, в том, что с подачи К.Ордина Финляндия воспринималась и как внутренняя угроза (поскольку Финляндия – неотъемлемая часть империи), и как внешняя угроза. Появляется ярлык сепаратизма, который начинает отождествляться с финнами (финляндцами) как нацией в целом.

Автономный статус Финляндии обычно интерпретировался в тех же категориях, что положение Польши. Автономия как нечто дарованное императором – великим князем, а, следовательно, отнюдь не самоочевидное. Этим объясняется, в частности, тот факт, что на практике вплоть до времени появления так называемого финляндского вопроса не наблюдалось сколько-нибудь заметного подлинно академического, лишнего утилитарного подтекста, интереса к особенностям финляндского законодательства, административного устройства, то есть наследию шведских времен. И лишь с появлением финляндского вопроса эти сюжеты начинают занимать все более заметное место как в периодической печати, так и в научных публикациях. Иными словами, «период романтического знакомства» растянувшийся на несколько десятилетий вплоть до 1870-х гг., подходил к концу.

Однако этому предшествовали существенные изменения в российской идеологии, хотя эти изменения и не обязательно оказывали немедленное влияние на трансформацию представлений о Финляндии. В частности, размышления об исторических судьбах Финляндии и ее месте в составе империи неминуемо оказывались в повестке дня полемики западников и славянофилов, при том общем замечании, что финляндские дела в общеимперском контексте еще долго не представляли собой проблему первого плана.

Славянофильский подход к Финляндии, равно как и в отношении других порубежных районов империи с их инородческим и иноверческим населением, довольно долго оставался окрашенным неким романтическим мессианством. По замечанию К. Корхонена, речь идет о некоем патерналистском сляфянофильском дискурсе, ключевыми элементами которого становятся (как, впрочем, и в

случае с В.Белинским, компромиссной фигурой между западниками и славянофилами) рассуждения о преданности и верности, миролюбии и терпимости¹. В любом случае Финляндия и финны не воспринимаются как угроза, пусть даже и потенциальная, вплоть до конца 1870-х гг.

В середине века, с всплеском, так сказать, туристического, познавательного интереса к Финляндии, славянофилы, как это видно на примере «Летней прогулки» Ф.Булгарина, относились к Финляндии и финнам с вполне заметной симпатией и теплотой, не лишенной, впрочем, патерналистской окраски. Финны испытывают чувство глубокой признательности к России и ее императору, которые великодушно сохранили их законы и привилегии. Этим обстоятельством, наряду с некими национальными чертами характера, объясняется то, в Финляндии невозможны никакие революционные выступления². Такая постановка вопроса позволяет сделать вывод, что проблема лояльности стала приобретать вполне конкретное содержание – лояльность на случай возможных революционных брожений. В этом смысле Финляндия выглядела очень привлекательно по сравнению с той же Польшей. В этой связи обращают на себя два обстоятельства. Во-первых, в интерпретации как Ф.Булгарина, так и Ф.Дершау познавательный интерес теперь уже накрепко увязывается с практическими соображениями сугубо политического свойства. Во-вторых, по-прежнему практически не уделяется особого внимания политическому статусу княжества – проблема эта по большому счету все еще не актуальна.

Примечательно, что как Ф.Булгарина, так и Ф.Дершау в дальнейшем в российской прессе упрекали за излишне не критичное увлечение Финляндией³. Как минимум, их работы не остались незамеченными, что свидетельствует о резко возросших осведомленности и интересе к Финляндии.

Своеобразным промежуточным итогом периода знакомства с Финляндией стала публикация А.Милюкова, формально по-

¹ Korhonen K. *Autonomous Finland in the Political Thought of Nineteenth Century Russia*. Turku, 1967. P. 31–32. В этой же монографии читатель найдет исчерпывающий обзор связанной с Финляндией полемики в российской общественно-политической мысли.

² Булгарин Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 373–379.

³ Подробнее см.: Korhonen K. *Op. cit.* P. 34–37.

прежнему выдержанная в жанре путевых заметок¹. Автор сетовал на непонимание того обстоятельства, что у Финляндии нет собственной политической истории: сначала эту историю творили шведы, затем русские. Свои политические институты финны получили от других народов. Благодаря шведам эти полудикие племена превратились в щедрый и гостеприимный народ. Эти рассуждения, эволюционно-этнографические по своей риторике и в целом благоприятно-снисходительные по эмоциональной окраске, найдут свой логический отзвук в труде Н.Я.Данилевского², который, базируясь на идее применимости дарвинизма к этнической и социальной истории, распределит нации и народности по степени их исторической зрелости и способности творить собственную историю. Примечательно, что в понимании Н.Я.Данилевского опасность сепаратизма по-прежнему исходит от шведов, но не от финнов. Последние не имеют способности к образованию собственной государственности.

К всеобщему удовольствию в России, 1848 год не привел к каким-либо серьезным проблемам ни собственно в Финляндии, ни в ее взаимоотношениях с метрополией. То же можно сказать и о периоде Крымской войны. Куда более тревожными, с точки зрения империи, были признаки зарождавшейся политической жизни в княжестве. Но и вновь, как, например, в случае с конфликтом Й.Снелмана и шведоманов, проблема рассматривалась исключительно под углом зрения наличия или отсутствия опасности для общегосударственных интересов. Фенноманию как финское национальное движение следует поддерживать и поощрять в противовес западным веяниям, опасным для России. Именно в этом русле лежали и рассуждения П.Плетнева и Я.Грота, ставшие достоянием читающей публики значительно позднее, когда финляндский вопрос уже вовсю будоражил сознание политической элиты России³.

В период реформ Финляндия стала объектом принципиально нового типа интереса в России. Новизна подходов обнаруживается главным образом со стороны российских либералов. Помимо явно прагматического интереса к законодательному и административному устройству княжества, можно выделить наблюдение (но от-

нюдь не открытие), сделанное профессором А.Лохвицким в начале 1860-х годов. В Финляндии живет не одна, а две нации – правящая (шведы) и собственно финны. Последние по своей природе намного более близки к русским, чем к шведам. (Отсюда, в частности, логический вывод, что финское национальное движение еще более тесно сплотит Финляндию с Россией)¹. Новизна здесь заключалась не в интерпретации этнических и социально-политических различий между шведами и финнами с точки зрения российских интересов – такая схема рассуждений вполне лежала в общем русле понимания ситуации, распространенном среди российской политической элиты. А.Лохвицкий приходит к этому заключению, проанализировав предварительно государственно-правовой статус Великого княжества и констатируя, что, по сути, Финляндия соединена с Россией лишь общим тронem.

Можно ли считать 1863 год поворотным пунктом с точки зрения представлений о Финляндии в России? В известной степени да, хотя бы потому, что отныне и впредь ключевыми параметрами в делаемых оценках становилось наличие или отсутствие угрозы со стороны Финляндии единству и неделимости империи. В очередной раз приходится констатировать, что дело тут было лишь в последнюю очередь в самих финнах. Куда более значимым был польский фактор. Показательна одна из реплик Каткова. Даже в его кругу представление об угрозе по-прежнему еще не было напрямую связано с финнами. Катков, вполне допуская, что финляндский сейм может быть использован как прикрытие для сепаратизма, настаивал, что некая угроза исходит лишь со стороны меньшей из двух наций, проживающих в княжестве. Под сепаратизмом, ярлык которого к концу периода финляндской автономии накрепко приклеится к финнам, Катков понимал в большей степени внутренний сепаратизм, главная опасность которого – в его дезинтегрирующем по отношению к России потенциале².

Таково было то поле, на котором вскоре вырос финляндский вопрос. С точки зрения процесса формирования стереотипизированного образа Финляндии и финнов 1870-е годы, своеобразное предгрозовое затишье, не внесли ничего принципиально нового. Контуры

¹ Милоков А. Очерки Финляндии. Путевые записки 1851–1852 г. СПб., 1856.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. 20–26.

³ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. В 3 т. СПб., 1886.

¹ Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 238–245.

² Об этом неоднократно писалось в передовицах «Московских ведомостей» на протяжении 1864–1865 годов. См. также: Korhonen K. Op. cit. P. 63–65.

опасности, исходящей из Финляндии и от Финляндии, были обозначены, и образ «другого/чужого» оказался совмещенным с пониманием «угрозы». Однако вплоть до К.Ордина «финляндец-чужой» не интерпретировался как «финляндец-враг». Образ врага, безусловно, в инструментальном отношении наиболее гибкий¹, все же подразумевает фиксацию существующих на данный момент отношений между «нами» и «ими» как противоположных и бескомпромиссных, а таковой ситуация станет лишь на рубеже веков.

Таким образом, можно заключить, что формирование общего фона восприятия Финляндии проходило в рассматриваемый период по схеме, подразумевающей, прежде всего, освоение образа Финляндии через разграничение «своего-чужого» на пути к разграничению «друг-враг». При этом российский имперский дискурс прошел путь от Финляндии, условно говоря, Гагарина (диковинная страна) к Финляндии Ордина (неотъемлемая часть империи). Начало периода не воспринимало Финляндию как целостность, а финнов, этот загадочный и чудной народ – как нацию. Конец периода знаменуется тем, что финляндская проблема обретает для империи самостоятельную значимость. «Финляндия Ордина» одновременно и окончательно совмещала в себе черты как «своего» (давний трофей русского оружия), так и «чужого» (угрожающе претендующее на сепаратную бытность).

¹ О соотношении употребляемых понятий см., например: *Neumann I., Welsh, J.M. The Other in European Self-Definition: an addendum to the literature on international society // Review of International Studies. 1991. № 17. P. 327–348; Harle V. 'Viholliskuvan', 'vihollisen' ja toisen käsitteistä sekä niiden keskinäisestä suhteista // Poliitikka. 1994. № 36: 4. S. 229.*

М. В. Лескинен

Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в.

Период 1870–1910 гг. в российской научной и общественной мысли характеризуется ростом интереса к систематизации и популяризации различного рода сведений, относящихся к изучению многочисленных народностей Российской империи, их истории и культуры, а также характера (нрава) народов. Этнографическая наука находилась в это время на этапе активного собирания собственной источниковой базы и определения предметного поля и выработки понятийного аппарата дисциплины. Тогда же появляются первые этнографические коллекции и музеи, резко возрастает число и уровень краеведческих изысканий¹. Особо необходимо отметить деятельность Русского географического общества (РГО), основанного в 1845 году, одно из отделений которого – статистики и этнографии – занималось организацией первых этнографических исследований. Кроме того, РГО поддержал обширную программу изучения специальной отрасли – «психической этнографии», – выдвинутую одним из первых русских этнографов, руководителем

© Лескинен М. В., 2004.

¹ *Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 21.*

отделения этнографии (ОЭ) РГО Н.И.Надеждиным¹. Ученый предложил рассмотреть материальную культуру и быта народов от анализа их духовного склада, под которым он понимал умственные и нравственные способности, силу воли и характера, чувство человеческого достоинства². Следует подчеркнуть, что термин «умственные и нравственные способности» имел вполне определенное лексическое значение и не содержал в себе, как утверждается некоторыми современными исследователями, оценочного суждения или уничижительного оттенка³. Под «умственными способностями» подразумевались объективные способности, а под «нравственными» – такие особенности проявления темперамента и выражения чувств, которые обусловлены идеалом, во-первых, и нормативной сферой этнической культуры, во-вторых, а также те, которые оцениваются общностью и церковью как недостойные (страсти).

Поскольку изначально этнография рассматривалась как часть географической науки, то первостепенной виделась задача именно описания народов, а не анализа или реконструкции их самосознания. Но благодаря Программе Надеждина идея о психическом своеобразии разных народов, о существовании этнического склада или «национального характера» надолго стала одним из основных научных представлений об этносе, его субъективных и объективных признаках и историческом процессе его формирования, оказав

¹ Надеждин Н.И. (1804–1856) – один из основоположников российской этнографии как самостоятельной научной дисциплины. Ввел термин «этнография» и «психическая этнография».

² Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 16.

³ Наиболее полное значение этих определений мы находим у В.Даля – его почти дословно воспроизводит в своих этнографических работах Надеждин. Речь вовсе не шла о наличии или отсутствии интеллектуальных качеств или способности к обучению, либо о высокой моральной чистоте, или склонности тех или иных общностей к аморальному поведению. Характеристика этих двух качеств рассматривалась как одна из ключевых при собирании сведений о быте народов. В основе этих определений находилось представление о нраве как об «одной половине или одном из двух основных свойств духа человека: ум и нрав образуют дух (душу). Ко нраву относятся: воля, любовь, милосердие, страсти, а к уму: разум, рассудок, память». При этом «нрав природный, естественный» противопоставляется «выработанному, сознательному». Определение «нравственный» противопоставлялось и умственному, и плотскому началам человека. Под словом «нрав народа» понимались «свойства целого народа ... не столько зависящие от личности каждого, сколько от условно принятых, житейских правил, привычек, обычаев. См. *Даль В.И.* Словарь живаго великорусскаго языка. СПб.; М., 1882. Т. 2. С. 558.

глубокое влияние на традиции российской школы этнологии¹. Другой известный ученый, также руководивший этнографическим отделом РГО – К.Д.Кавелин – в своей работе «Задачи психологии» предвосхитил идею В.Вундта о возможности научного анализа психологии народов (труд немецкого ученого увидел свет в 1886 г.², а книга русского либерального историка – в начале 1870-х гг.). К.Д.Кавелин рассматривал этническую психологию как равноправную часть психологии общей и предлагал использовать в качестве источника фольклор, мифологию, обрядность и т. д.

С 1847 г. в рамках РГО начинается сбор материалов по надеждинской программе изучения этнографического разнообразия населения Российской империи³. Таким образом, идея об объективных отличиях психологического склада народов, о существовании «национального характера» надолго стала одной из основополагающих в представлениях об этносе, его субъективных и объективных признаках и процессе его формирования, оказав глубокое влияние на российскую школу этнологии⁴. Изучая историю самосознания великорусского народа, крупный русский правовед и историк был убежден, что слово «народность», содержание которого совпадает с современным определением «этничность», «выражает ... нечто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцем, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чем один народ отличается от другого, несмотря на видимые сходства и безразличие. Словом, национальность становится выражением особенности нравственного, а не внешнего, физического существования народа»⁵.

¹ Имеется в виду своеобразие предмета и методов российской этнологии (вплоть до 90-х гг. XX в. называемую этнографией) в отличие от традиций американской – культурной антропологии или английской – социальной антропологии.

² В.Вундт – немецкий ученый, автор «Психологии народов» в 10-ти томах. На русский язык его книга была переведена лишь в 1912 году под названием «Проблемы психологии народов». См.: *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999. С. 51–53; *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983. С. 114–118.

³ *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 1999. С. 51.

⁴ Имеется в виду своеобразие предмета и методов российской этнологии (вплоть до 90-х гг. XX в. называемой этнографией) в отличие от традиций американской – культурной антропологии или английской – социальной антропологии.

⁵ *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт Древней Руси // *Кавелин К.Д.* Собр. соч. В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. С. 62.

И Надеждин, и Кавелин, возглавляя этнографическое отделение РГО, настойчиво подчеркивали, что при описании изучаемых народов необходимо руководствоваться сравнительными и историческими методами исследования.

Период развития этнографии в течение двух пореформенных десятилетий, характеризующийся изменением ситуации в российской науке, педагогике и культуре, привел и к тому, что в последней четверти XIX – начале XX вв. были созданы многочисленные этнографические журналы и серийные издания по «народоведению»¹.

Первые работы и публикации такого рода принадлежат ученым – историкам, филологам, географам, и деятелям народного просвещения – «любителям родной старины». Представления о «духе народа» не в философском (как у французских просветителей, И.Г.Гердера, Г.Гегеля или Н.Я.Данилевского), а в сугубо практическом значении обусловили формирование отличительных черт российских этнографических «предпочтений»: в центре внимания научных интересов находились те сферы народной жизни, которые связаны с выражением или установлением нравственных и общественных норм (коллектив, семья, обычное право и т. п.). В условиях активизации общественной жизни после реформ 1860–1870 гг. большое внимание уделялось в первую очередь «отечествоведению»².

¹ Токарев С.А. История русской этнографии. С. 214. «Народоведение» – букв. перевод термина «этнография» на рус. яз.

² Изучением этнографии занималось одно из четырех отделений Российского географического общества – этнографии, антропологии и исторической географии. В 1887 г. Совет РГО счел необходимым выделить в особый курс «отечествоведение», по которым понималось изучение географии и народоведения Российской империи, «дав особое специальное развитие характеристике и сравнительному и самому разностороннему описанию отдельных естественных и культурных областей, на которые распадается наше обширное отечество» (Мнение Совета РГО о постановке преподавания географии в университетах // Известия РГО. Т. 23. Вып. 6. СПб., 1887. С. 722). Это является отражением еще двух отличительных черт российской этнографической дисциплины: она находилась в тесной связи с географией и страноведением и изначально не разделяла «родиноведческое» изучение своего народа и сравнительное изучение чужих, главным образом внеевропейских народов, присущее европейской этнологии и отсутствующее в американской антропологии. (Handbook of Social and Cultural Anthropology / Ed. J.J.Hinigman. Chicago, 1973; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 287). Эти два направления во французской, немецкой и английской науке не только имели различные истоки, но вплоть до середины XX в. подразумевали различные предметы и методы исследования. В России к середине XIX века изучение «своих» народов (живущих на территории Российской империи) и «других» строилось на

Разнообразие этнических культур и религиозных традиций народов, населяющих Российскую империю, многовековое сосуществование и взаимовлияние многих из них давало также богатейший материал для сопоставительных и методологических этнологических изысканий¹. Это приводило к тому, что материальная культура вызывала гораздо меньший интерес как среди ученых, так и в кругу читателей², что не могло не повлиять на выбор объекта полевых и теоретических исследований и, в свою очередь, отразилось на общем уровне первых этнографических работ. За редким исключением, подавляющее большинство таких публикаций (в том числе и переводы книг иностранных ученых-антропологов) было ориентировано на читателя-неспециалиста. Необходимо учитывать и то, что собственно профессиональных этнологов до 80-х гг. XIX в. было немного, а собиранием и анализом информации занимались как ученые (географы, историки, литературоведы и др.), военные (большой вклад внесли в российскую этнографию офицеры военных министерств и других военных ведомств), так и любители родной истории. В частности, подавляющее большинство участников сбора этнографических материалов по программе Надеждина составляли священники, провинциальная интеллигенция – т. е. грамотная прослойка патристически настроенных и интересующихся этнографией людей³.

схожих принципах, иначе говоря, восприняв традиции *Völkerkunde* и *Volkskunde* в изучении этносов из немецкой школы этнологии, российская этнография постепенно адаптировала именно концепцию *Volkskunde*, а затем начала применять ее в своеобразном виде к исследованию других народов империи. Об этом см.: Фермолен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия *Völkerkunde* (1771–1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4; Токарев С.А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Токарев С.А. Избранное. В 2 т. Т. 1. С. 69–101.

¹ Адекватное представление о задачах и методах этнографических исследований в России может дать редакционная статья председателя Отделения этнографии РГО в журнале «Живая старина» В.Ламанского: Ламанский В. От редактора // Живая старина. 1890. № 1. С. XI–XLVI.

² Токарев С.А. История русской этнографии. С.364.

³ Такое положение долго оставалось неизменным. Конечно, с течением времени все большее значение играли профессиональные этнографы, но вплоть до включения этнографии в историческую науку собирание этнографических данных любителями все же доминировало. В 1897 году князем Тенишевым было создано Этнографическое Бюро в Петербурге и разработан вопросник-программа, высоко оцениваемый и поныне. Участники этого проекта со всей страны присылали свои сведения по выданной рубрикации, лучшие из которых высоко оплачивались. (Тенишев В.Н. Деятельность человека. СПб., 1897. С. 48–83). См.: Фирсов Б.М. «Крестьян-

Многие материалы публиковались в специальных и популярных журналах. При этом надо отметить, что в новой «Программе РГО для собирания сведений по этнографии» (1890), которая представляла собой подробнейший вопросник для интервьюера, неизменным оставался наряду с темами «физические свойства, наружность», «язык, народные предания и памятники», «домашний быт» раздел «Умственное и нравственное развитие» (народа. – М. Л.)¹.

Необходимо учитывать и то, что гуманитарным дисциплинам в российском обществе пореформенного периода предназначалась особая роль. Этнография должна была служить не только задачам исторического и культурного просвещения народа. Она рассматривалась также как отрасль знаний, имеющая конкретное практическое значение. Это было связано не только с тем, что на начальном этапе своего возникновения как отдельной отрасли знаний она не была отделена от статистики, демографии и природоведения, но и с распространением в обществе (и особенно среди ученых и педагогов) идей т. н. «органического труда». Один из авторов очерков о Финляндии (1863) утверждал, что «*этнография – наука при современном стремлении в нашем отечестве к улучшениям, обращающая на себя всеобщее внимание и при тщательном ее изучении на практике, – представляющая огромное поле как недостатков, нужд и злоупотреблений, так и средств к их искоренению*»².

Все это приводит к тому, что в 1870–1900 гг. параллельно с ростом значения народоведческой проблематики в научных исследованиях возникает необходимость их популяризации в широких кругах. Эту цель преследовали различные журналы и серийные издания, как научные («Живая старина», отчеты, публикации Русского географического и исторического обществ), так и научно-популярные и энциклопедические («Народы земли», «Русская земля. Сборник для народного чтения», «Природа и люди», «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом,

ская» программа В.Н.Тенишева и некоторые результаты ее реализации // Этнографическое обозрение. 1988. № 4.

¹ Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // Живая старина. 1890. № 1. Р. 2. С. XLVIII.

² Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса / Сост. Вл.Сухаро. СПб., 1863. С. 1.

племенном, экономическом и бытовом значении», «Естествознание и география» и др.). Авторами и редакторами этих публикаций были видные ученые, педагоги, деятели просвещения¹.

Основными источниками нашего рассмотрения стали очерки, целью которых была целенаправленная популяризация (т. е. упрощенное и краткое изложение в доступной форме) сведений, накопленных к тому времени как серьезными учеными-исследователями, так и краеведами-любителями о природе и населении Финляндии. Задачей этой «познавательной» литературы было ознакомление широкого круга читателей «из народа» – в первую очередь учащихся земских и церковно-приходских школ, народных училищ, городских образованных слоев, солдат и инородцев – с образом жизни, бытом и нравами различных народов России и мира. Эти работы выходили большими тиражами, многократно переиздавались, некоторые были неплохо иллюстрированы. К сожалению, их идеологическое значение и роль в процессе формирования представлений об истории, культуре, жизни и быте народов России и других стран в массовом сознании мало изучены. Между тем именно эти издания, а не гимназические учебники или серьезные научные труды служили важнейшим источником для формирования этнокультурных стереотипов в российском обществе второй половины XIX века². Подтверждают это данные, приведенные в работе П.Н.Миллюкова: литература историко-географического характера составляла 8,9% всей приобретаемой литературы и занимала третье место после традиционно излюбленных духовных книг и беллетри-

¹ Например, Е.Н.Водовозова – выдающийся педагог-общественник – автор цикла очерков для народа в изданиях «для народных библиотек» «Как люди на белом свете живут», Н.И.Березин – преподаватель известного Тенишевского училища в Петербурге, автор нескольких очерков в энциклопедическом издании «Народы земли», издаваемом известным ученым А.Я.Острогорским, и после его смерти главный его редактор или известный ученый и путешественник П.П.Семенов-Тяньшанский – редактор энциклопедического популярного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

² Косвенным подтверждением этому являются исследования книжного спроса населения России. На протяжении 1886–1895 гг. известный Петербургский Комитет грамотности и его деятели неоднократно публиковали результаты работы по изучению книжного спроса русского народа.

стики¹. Не до конца выявлено и место этих работ в масштабе структурировавшейся национальной (и имперской) идеи и в ряду конфессионально-патриотических концепций русской педагогики.

Популярные этнографические очерки, как правило, не претендовали на научное обоснование и объяснение истоков тех или иных особенностей происхождения антропологических типов, классификации их языка, материальной и духовной культуры. Их главной задачей было доступное и обобщенное изложение. (Характерно в этом смысле название серии очерков Е.Н.Водовозовой «Как люди на белом свете живут»). Они написаны просто, ясно, часто иллюстрированы. Весь довольно многочисленный круг таких текстов можно разделить условно на две части. Первые написаны учеными, которые в той или иной степени стремятся обосновать этническое своеобразие особенностями исторического развития, географическими и климатическими условиями (идеи географического детерминизма в разной степени и с некоторыми уточнения разделяли и С.М.Соловьев, и В.О.Ключевский). Вторая группа очерков представляет собой обработанные путевые заметки или компиляцию ранее изданных научных работ, воспоминаний или путеводителей. Это приводит к тому, что ряд сведений или текстовых фрагментов заимствуется из других источников, часто в абсолютно неизменном виде. Если в изданиях первого типа акцент сделан на научном объективизме (впрочем, понимаемом достаточно разноречиво), на изложении конкретных фактов географии, истории и культуры, то для второго характерны такие черты, как непосредственность и живость авторского восприятия иной культуры; неосознанная замена конкретных сведений и наблюдений собственными суждениями и оценками, выдаваемыми за обобщенные. Именно такие издания «для народа»², анализируемые в

¹ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 357. О круге чтения русских см. также: Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX в. В 2 т. Т. 1. М., МГУ, 1998. С. 241–242; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 297–298.

² Характерны в этом отношении обозначения аудитории, на которую ориентировались эти издания. Например: «чтения для народа», «сборник для народного чтения», «для ученических библиотек, в бесплатные народные библиотеки и читальни, для публичных народных чтений», «для приходских библиотек» и т. п. Характеристика этой литературы и ее связь с государственной идеологией рассмотрена в книге: Brooks J. When Russia Learned to Read: Literary and Popular Literature. 1861–1917. Princeton, 1985.

совокупности, могут предоставить однородную и весьма важную картину представлений о «чужом». Некоторые из этих работ демонстрируют этнокультурные стереотипы авторов и их социального круга, но именно они, как можно предполагать, были более понятны и близки той специфической читательской аудитории, на которую рассчитывались¹.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что популярная литература для широких народных масс, становясь явлением одновременно научно-популярной и массовой культуры, отражает двойной стереотип: во-первых, в определенном смысле тиражирует общепринятые в среде специалистов представления о предмете этнографического изучения, набор основных сведений о различных народах и их интерпретацию (давая возможность реконструировать научный уровень эпохи). Во-вторых, поскольку выбранные нами для анализа книги издавались большими тиражами и поступали в народные, гимназические и приходские библиотеки, можно утверждать, что их вторичной целью являлось формирование определенного («политически корректного») образа «своего чужого» не только в представлениях русских, но и других многочисленных этносов, населявших Российскую империю. Это важно, поскольку в перспективе может послужить материалом для воссоздания сниженного, адаптированного для массового потребителя комплекса взаимных этнокультурных характеристик разных народов².

Народоведческие популярные очерки характеризовались следующими чертами: они содержали историко-географическое описание региона проживания народности; акцент делался на жизни и быте главным образом низших слоев населения, в особенности крестьянства. Причина в том, что русская этнография рубежа XVIII–XIX вв. складывалась под влиянием традиций немецкой

¹ Рональд Суни, рассматривая «народное» национальное самосознание Российской империи, предупреждает о методологической проблеме, возникающей при анализе популярной литературы: «Репрезентация популярной литературы не обязательно отражает даже взгляды автора, а, скорее, его идеальные представления о том, что хотят читать крестьяне. ... При анализе популярной литературы как исторического источника должны быть учтены рамки формы, жанра, литературные стереотипы и цензура» (Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 50).

² В избранных нами для изучения очерках особо отмечается своеобразие читательской аудитории: например, серия «книги для народа», «рассказы о родной стране и ее обитателях», «сборник для народного чтения» и т. п.

школы этнологии – *Volkskunde*¹. Отчасти это было вызвано и господством социологического подхода в гуманитарных исследованиях, а также популярным в пореформенном российском обществе убеждением в том, что носителем этнического и культурного своеобразия народа и его исторических традиций является крестьянство. Именно эта социальная группа представлялась олицетворением этнических, конфессиональных и культурных (в социально-антропологическом значении слова) традиций народа, определяла его собирательный образ. «Для ознакомления же с отличительными чертами той или иной народности необходимо обращаться к крестьянству, сельской массе, которая лучше сохраняет своей народный характер, свои природные черты», – так пишет один из авторов десяти томного издания «Русская земля» (Сборник для народного чтения)².

В центре нашего внимания будут находиться в первую очередь характеристика «умственного и нравственного развития» народа (жителей) Финляндии. Необходимо подчеркнуть, что авторы придерживаются того плана характеристики, который предложен в «Программе РГО». В ней, в частности, указано на необходимость «обращать внимание на те только свойства и склонности ума и характера, которыми резко отличаются жители известной местности от их соседей, а не помещать то, что составляет общую принадлежность целого племени или народа»³.

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // Этнографическое обозрение. 1988. № 4. С. 3–12.

² Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения. В 10 т. / Сост. Я.И.Руднев. Т. 6. М., 1904. С. 5.

³ Это положение нуждается в комментарии. В современной этнологии различается два исследовательских подхода к изучению этнической культуры: *emic* и *etic* (*Barry H. Description and uses of Human Relations Area Files // Handbook of cross-cultural psychology. Boston, etc., 1980. Vol. 2. Methodology / Ed. By Triandis H-C, Berry J.W. P. 445–478*). Необходимо отметить, что представления людей о «других» еще в античности, а в науке вплоть до XX в. (и в европейской, и в американской антропологии, и в российской этнографии) господствовал т. н. псевдо-*etic* подход к изучению народов. Он объяснял различия между культурами (в широком смысле слова) климатом и окружающей средой и исходил из сравнения их со «своей» культурой в качестве эталона, образца. Эта присущая всякой социальной или этнической общности точка зрения приводит к длительному господству идей конфессии-, этно и культуроцентризма. Псевдо-*etic* подход отличает, таким образом, и рассматриваемые нами очерки о финнах и Финляндии.

Там же подчеркивается, что «прежде ... нужно определить важнейшую черту характера, живость и вялость его», ответить на вопросы: «восприимчивы ли к разным впечатлениям жители ... или ... отличаются особой сдержанностью в выражении своих чувств?», «насколько выражается способность понимания, переимчивость и стремление усвоить знание?», «замечается ли в народе склонность к развитию себя грамотности?». Ставится задача теоретического свойства: определить причины формирования особенностей национального характера: «Необходимо указывать на те обстоятельства, под влиянием которых принято то или другое направление склонности народа, и вообще сложился весь его характер. ... подобные объяснения и указания должны основываться на фактах, а не одних умозаключениях»¹. Убежденность в том, что выявление черт «национального характера» (в этот период активно применяется в качестве синонимичного термин «нрав народа»²) как возможно, так и что они имеют внешнее выражение, была присуща не только этнографии, но и гуманитарной науке в целом. В настоящее время проблематикой такого рода занимается этническая и социальная психология³. Анализируемые нами историко-географические очерки в полной мере отражают точку зрения этнографов конца XIX в., считавших, что национальный характер («нрав народа») может быть объяснен историей и геополитиче-

¹ Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // Живая старина. 1890. № 1. С. XLVIII.

² Термин «нрав» подразумевает широкое значение и трактовку характера человека или народа. Это и темперамент, и характер; во множественном числе – «нравы» означает «обычай», «традиции». *Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. СПб; М., 1882. Т. 3. М., 1890.*

³ Вопросами «духовной и нравственной жизни» занимаются также историческая и социальная антропология, культурология и психология. Общепринятыми стали представления, идущие от работ М.Вебера, предложившего изучение типа мышления как «идеальной модели», еще ее называют «этосом», «габитусом». От французской «Школы анналов» ведет происхождение широко употребляемый в российских исследованиях термин «менталитет». В целом эти термины подразумевают иное, нежели в позапрошлом веке, представление о «национальном характере». Наиболее существенное отличие состоит в том, что набор черт, воспринимаемых этнической (социальной) общностью как автохарактеристика или как характеристика «другого», есть субъективное представление, в то время как целью объективного научного знания является определить не сумму уникальных качеств, а их структуру и историко-культурную обусловленность.

скими условиями. Как следствие этого типичные черты того или иного народа задаются в обобщающем образе одного человека. Так человеческое измерение этноса, с одной стороны, делает его более понятным для читателя, как бы приближая к нему, а с другой, выдает черты общие за индивидуально-присущие. При этом характерные приметы «обобщенного представителя» не всегда подтверждались какими-либо конкретными примерами. «Набор» специфических качеств в очерках различных авторов довольно устойчив, повторяется с незначительной степенью вариации что позволяет реконструировать образ «другого» без особых затруднений.

Остановимся на следующих проблемах: 1. Какие черты финского народа выделяются авторами как этнически-исключительные – т. е. систематизирую информацию, которая дается как объективно-научная. 2. Поскольку задача изданий подобного рода – показать отличия этого народа от собственного, то сравнение русского и финна заложено как явно – в структуре изложения, так и опосредованно – в невербализованном противопоставлении своего/чужого. Это позволяет выявить элементы представлений русских авторов не только о финнах, но и о себе (русских) и, таким образом, установить черты этнического стереотипа и автостереотипа. 3. Необходимо также объяснить по мере возможности набор характерных свойств и качеств финна, которые описаны как типичные для этого этноса.

В описании географического положения, климата и природных ресурсов превалирует представление о суровости условий жизни и сложностях хозяйствования на территории Финляндии. Важно отметить, что эта особенность рассматривается многими авторами как главная причина такой своеобразной черты финского национального склада или характера, как суровость, молчаливость и угрюмость: *«Зависимость человека и условий климата и почвы видна всего лучше в Финляндии, этой стране труда, дикой и угрюмой, хотя и не лишенной своеобразной прелести. Человек здесь вполне отражает природу и носит на себе все ее ярые и мрачные краски»*¹.

Сам по себе географический детерминизм, т. е. убеждение в зависимости исторических судеб страны и характера населяющего ее народа от геополитического положения, климата и т. п. – характерная черта научной мысли XIX века и потому подобная причинно-следственная обусловленность не вызывает удивления. Любопытно другое: в очерках, посвященных иным государствам и их народам (в частности, очерки о Швеции, Норвегии), аналогичные условия проживания не интерпретируются как определяющие мрачность или суровость нравов их жителей, в то время как наиболее часто повторяющимися определениями финна выступают прилагательные «угрюмый», «мрачный» и «молчаливый». В этом сходятся почти все без исключения авторы. Причем именно темперамент и «легкость» характера являются качествами, маркирующими принадлежность к другому «племени финского народа»: *«... финны по наружности, языку и даже по характеру не представляют однородной массы. Они делятся на собственно финнов и тавастов, живущих на юго-западе Финляндии, и карелу, которая занимает северо-восточную Финляндию, заходя в Озерный край»*¹.

В некоторых случаях (они скорее исключение, нежели правило), различие между карелами и финнами (которые обозначаются как тавасты или финны-тавасты) объясняется не географическими, а геополитическими различиями: *«Тавасты носят на себе следы шведского, а карелы – русского влияния»*². Карелы называются частью финского народа, но более мягкий и умеренный климат региона, в котором они проживают, по мнению авторов, способствует формированию в их натуре противоположных финнам-тавастам качеств, находящих отражение во внешности и темпераменте: они легкие, веселые, жизнерадостные и общительные. Важно отметить, что и вероисповедание, и историческая близость к русским как этноформирующая черта не рассматриваются: *«В то время как таваст – настоящий финн – по природе угрюм и мрачен, как и нагорные леса его родины, карел – его родной брат – жив и подвижен, как светлые воды, обильные в его родине, при этом они различаются между собой не столько по типу, сколько по строю харак-*

¹ Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Т.2. С. 54.

¹ Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Т.2. С. 54.
² Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 10. С. 11.

тера... Симпатичная, добродушная, со светлыми добрыми глазами фигура карела дышит такой жизнью, что человек, знающий финнов только по маймистам и вейкам Петербурга, не узнает в разбитном и веселом кареле настоящего финна. Он не угрюм и молчалив, а весел и болтлив, любит хорошо провести время, поплясать и попеть, в нем нет особенной финской осмотрительности и самоуглубления, напротив, он весь нараспашку, как русский мужик (выделено мной. – М. Л.), он легко сходится, приятен в дружбе, не зол и не верует в роковую судьбу, как его сосед-таваст. При живости характера карел сообразителен, быстро принимается за всякое дело, но зато скоро теряет и терпение. В отношении к другим он чрезвычайно мягок, любезен и обходителен. Простота, доброта и благодушие ... могут в сочетании дать симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встречающееся меж карелами, чем между финнами Центральной и Западной Суоменмаа»¹.

В этом отрывке описаны черты не только финнов и карел, но и упомянуто качество и русского крестьянина («душа нараспашку»). Резкое противопоставление карел и финнов-тавастов, в свою очередь, является аргументом для подтверждения историко-культурных различий двух регионов Финляндии. Он завершает предыдущий пассаж в тексте, в котором рассказывается о том, что западная часть финнов – тавасты – подверглась сильному влиянию шведов, а восточная – карелы – соответственно, русских. Следовательно, несложно сделать вывод, что воздействие шведов (этническое, политическое и иное) трактуется как не столь благоприятное для судеб западного финского племени (тавастов), как русское – для восточных (карел). Это позволяет говорить о том, что несмотря на сравнение, представляющееся очевидным, двух финских

¹ Русская земля. С. 62–63. Аналогичное сравнение карел и финнов-тавастов приводит в своем очерке Е.Водовозова, согласно которому финна отличает серьезность, задумчивость, самоуглубленность, молчаливость, которая в своих крайних проявлениях выражается в подозрительности, мстительности и злопамятности. Любопытно, что целый ряд качеств финнов описывается через отсутствие некоторых черт: так, ему не свойственны живость манер и жестикуляции, энтузиазм, ни быстрота ума и сообразительность, ни ловкость и легкость движений, при этом эти черты не интерпретируются Водовозовой как негативные, они лишь противопоставлены свойствам и природе карел, с их большей подвижностью и предприимчивостью, но меньшим упрямством и трудолюбием. Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 10. С. 11, 13.

племен, по сути речь идет об отличиях более глобального свойства – шведской (оцениваемой негативно) и русской (с позитивной оценкой) моделях отношения государства-завоевателя к покоренному иноэтничному населению.

Внешние черты (согласно современной антропологической науке, не должны содержать какой-либо оценочности) в духе литературных романтических и просветительских канонов связываются с чертами характера человека. Противопоставление карел финнам-тавастам осуществляется в категориях мы / они со всеми присущими этой главной этнокультурной оппозиции качествами. Иначе говоря, карелы предстают как «свои чужие», т. е. более близкие русским, чем финны Западной Финляндии. При этом их православное вероисповедание не указывается как основание для такого приближения. Качества характера и темперамент «тавастов» и карел описываются в таких определениях, как живость, подвижность / медленность, угрюмость; добродушие, любезность / мрачность, закрытость; веселость, болтливость / угрюмость, молчаливость; открытость, легкость в общении и дружбе / осмотрительность и самоуглубление; не зол и не верует в роковую судьбу / зол, верует в роковую судьбу; сообразительность, быстрота реакций / терпение, стремление довести начатое до конца¹. Нетрудно заметить, что свойства, указанные в данных культурных оппозициях, связаны с внешними проявлениями человека, с его обликом и, согласно непроговоренной установке, точно соответствуют типу темперамента и некоторым чертам характера. С другой стороны, такое описание строго соответствует этнографическим программам сбора сведений, не предполагавшими непосредственного контакта с представителями народности. Характеристика основана только на материалах внешнего (т. н. «невключенного») наблюдения. Однако явным отступлением является то, что такое сравнение осуществляется не с русскими, а с более «знакомой» читателю финской народностью – карелами. Это

¹ Аналогичное противопоставление карел и финнов – в книге Протасова: «Карелы – противоположность тавастам и по внешности. И по характеру». (Протасов. Народные чтения. Финляндия. СПб., 1899. С. 18). Подробнее об этом см.: Лескинен М.В. Представления о национальном характере финнов и карел в русских популярных очерках // XV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докладов. Ч. 2. М., 2004. С. 317–320.

приводит к тому, что отличающие их черты не имеют резко полярного характера; оценка их может интерпретироваться не как оппозиция плохой / хороший, а как далекий / близкий; неизвестный / понятный. Карел показан как тип финна, более открытого к общению и диалогу, а потому более «приятный», располагающий к себе. Но это вовсе не ведет к его идеализации.

В то же время этническое своеобразие финнов-тавастов и карел выводится – согласно etic-представлениям – из обусловленности внешнего облика, характера и темперамента народа географическим положением и климатом. Им присуща разность природных начал: *«Таваст угрюм, серьезен и молчалив; он редко поет ... Таваст любит молчать, забившись в свою скорлупу. Вся его фигура, – неладно скроенная да плотно сшитая, несколько грузная и аляповатая, – гармонирует с его душевным настроением»*¹.

В качестве подтверждения упоминается любовь карел к пению и сказительству как проявление легкости и веселости нравов (аргументом является собирание рун «Калевалы» именно в Карелии), отсутствующая у тавастов: *«Говорит он мало и не поет вовсе. Там где русский, работая, распевал бы на раздолье веселые песни, там таваст молча будет постукивать топором, да потягивать свою длинную висячую трубку»*². Вместе с тем некоторые авторы призывают не путать настоящих финнов (т. е. тех, которые живут в Финляндии), с финнами, населяющими приграничные губернии европейской России – переселенцами из Финляндии и финнами-ингерманландцами. Их называют чухонцами³.

¹ Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. С. 66.

² Протасов. Народные чтения. Финляндия. СПб., 1899. С. 17.

³ В российской научной и художественной литературе второй трети XIX века этноним «чухонцы» не нес негативного, пренебрежительного оттенка. Так, в народоведческих работах и популярных очерках 1840–50 гг. он использовался в качестве наименования финнов в северо-западных губерниях Российской империи (См., например: Дершау Ф. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842; Луганский В. Чухонцы в Питере // Финский вестник. 1846. № 8), т. е. употреблялся как «название эстонцев, а также карелофинского населения окрестностей Петербурга» (Чухонцы // БЭС. М., 1999), в отличие от простонародного словоупотребления (См., в частности: Агеева Р.А. Об этнониме «чудь», «чухна», «чухарь» // Этнонимы. М., 1970).

Сравнение финнов с другими родственными народами (карелами, эстами) – *«таваст не похож на карела во всех отношениях (многие из ... питерских чухон похожи на них...)»*¹ – призвано привести читателя к следующей градации: наиболее близки русским по характеру и образу жизни карелы, наименее – эсты. Отдельно выделяются чухонцы, конкретное определение которых отсутствует. Так или иначе, «чухонцами» авторы называют финнов, живущих в Петербурге и на северо-западе империи. Чухонцы описываются как «свои», но «испорченные» (городской и столичной жизнью крестьяне и ремесленники) финны: *«Столичный житель оставит совершенно ложное понятие о финнах, если будет судить о них по чухонцам, живущим вблизи Петербурга в деревнях Парголово, Токсове, Юках, Матусове (они были заселены финнами-ингерманландцами. – М. Л.)»*. Далее следует негативная характеристика: *«там вы беспрестанно встречаете оборванных, пьяных чухонцев... при въезде в деревню вас обступит толпа оборванных мальчишек, просящих милостыню». «Совсем другое дело вы встречаете в Финляндии. В продолжение всего путешествия нам не случилось встретить ни одного пьяного, ни одного нищего, ни одной хромой или захудалой лошади»*².

Отсутствие в Финляндии привычных для русских наблюдателей социальных и нравственных контрастов, которые бросаются в глаза при первом же знакомстве со страной, подчеркивается многими авторами. Это чисто внешнее отличие образа «своего» – русского крестьянина и «другого» – финна – довольно типично для историко-этнографических описаний Финляндии.

Характеристика финнов-тавастов (далее финнов) дается на основании первичных впечатлений межкультурного контакта; среди них отсутствуют качества, которые нашли бы свое проявление в ситуации более тесного взаимодействия – труда, вербального общения, не выделены и те черты, которые бросаются в глаза путешественникам, – связанные с особенностями быта, культурой пищи или ведения хозяйства. Упоминания о финской

¹ Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. С. 66.

² Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованием: Учеб. пособие для учащихся / Сост. Д.Семенов. Т. 2: Финляндия. СПб., 1866. С. 212.

бане, пристрастии финнов к кофе или о высоком качестве дорог более похожи на маргиналии и особого внимания не удостоиваются. Это вызвано тем, что, во-первых, никто из рассмотренных авторов не указывает на личное знакомство с Финляндией (за исключением Г.Петрова), а основывается в изложении исключительно на известных научных работах и публикациях в прессе. Кроме того, вероятно, такой «отстраненный» анализ призван подчеркнуть «объективность», «научность» приводимых сведений.

В перечне типичных свойств финна превалируют добродетели человека традиционного крестьянского общества, но особенно выделяются качества, свидетельствующие об отличиях финнов от русских в отношении к работе и в практике социального общения. В первом они отличаются трудолюбием, усердием, честностью, добросовестностью, настойчивостью в достижении цели; во втором заметна также их честность, исполнение обязательств и гостеприимство, но деятельное, а не эмоциональное. Каждая из этих черт, впрочем, могла бы быть отнесена к характеристике крестьянства любой другой национальности, что и подтверждает знакомство с описанием других народов Российской империи в тех же серийных изданиях, где опубликованы и финляндские очерки. Но в глаза бросается определенное стремление абсолютизировать честность финнов в труде и в обязательствах между людьми. «Честность» – наиболее частая характеристика отношения финна к труду, к данному обещанию, к соблюдению законов гостеприимства¹. Более того, именно она отмечается некоторыми авторами как главная отличительная черта финского народа, сущность его национального характера: «*Но чем финны по справедливости стяжали славу и известность во всем свете – это своей безукоризненной честностью*»².

Необходимо отметить некое восторженное удивление, с которым описывается природа этой честности – это честность не

¹ См.: Протасов. Указ. соч. С. 18; Великое Княжество Финляндское. С. 14; Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 10, С. 18, 21.

² Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ. С. 21.

от страха перед наказанием и не от стыда перед обнаружением возможного обмана, а внутренне присущее характеру финна качество, опирающееся на его чувство собственного достоинства и самоуважения. Основа такого самосознания – свободный труд, хотя и чрезвычайно тяжелый и неблагодарный в условиях суровой природы: «*Суровая, бесплодная родина приучила его к труду, и он в поте лица своего добывает хлеб...*»¹. Так, Д.Семенов констатирует: «*Финны и шведы не ходят по миру. Этот факт доказывает, как высоко финляндцы ценят труд. Честность финнов известна также всему миру. Не было примера, чтобы ваша вещь, потерянная во время путешествия, не нашлась. ... Чтобы ни запродавал финн в долг, на какую бы сумму ни ссудил деньгами, он никогда не потребует расписки или какого-либо документа. Единственное ручательство для него – ваше честное слово. Но если вы раз не сдержали аккуратно ваше честное слово, вы теряете навсегда его доверие. Гостеприимство финна не имеет границ; дом его открыт для каждого странника. Если финн возьмет с вас плату за свою хлеб-соль, то самую ничтожную и притом с такую стыдливостью, как будто он делает какое-нибудь преступление*»².

Отсутствие у финнов распространенного в России правила «брать на чай» отмечается всеми без исключения очеркистами. Это устойчивое и явно стереотипное представление возникло еще в начале XIX века и, по мнению Т.Тихменева-Пеуранен, «рождается ... из общения с финскими возчиками, не бравшими “на чай”»³. Исследовательница считает, что «миф о финской честности» связан с межкультурным недоразумением и является примером включения «чужого» в «свое»: возчики не брали денег сверх установленного в связи со штрафами, и, таким образом, русские имели дело в действительности не с чертой финского национального характера, а с соблюдением закона⁴. Впервые это предполо-

¹ Протасов. Указ. соч. С. 17–18.

² Семенов Д. Отечествоведение. С. 213.

³ Тихменева-Пеуранен Т. Восприятие русскими путешественниками Финляндии в первой половине XIX века // Россия и Запад: диалог культур. Материалы второй международной конференции. М., 1996. С. 522.

⁴ Тихменева-Пеуранен Т. Указ. соч. С. 522–523.

жение высказал Я.К.Грот. Представляется, однако, что при оправданности такого объяснения для отдельного конкретного случая оно не может быть использовано для ответа на вопрос о том, почему подобное представление и почти через 80 лет (да и позже, вплоть до краха Российской империи) было не только широко распространенным, но и являлось одним из неизменных и позитивно маркированных качеств финна в глазах русских. На наш взгляд, в этом случае мы имеем дело не с мифом, а с этническим стереотипом¹ со всеми его признаками. Одним из подтверждений этого является и то, что Т.Тихменева-Пеуранен видит истоки этого «мифа» в недоразумении, возникшем в результате т. н. «cultural misunderstanding», в то время как представление о финской честности в работах конца XIX – начала XX вв. подтверждается разными фактами и подается как общеизвестное и бесспорное, т. е. является стереотипом. Этнические стереотипы, как известно, возникают как следствие иного, более обширного поля межкультурного взаимодействия, нежели отдельные эпизодические контакты², и, в отличие от создания образа «другого», непременно основаны на опыте общения или совместного действия³. Столь важная для характеристики финнов черта, как честность (все без исключения авторы очерков пишут об этом), можно полагать, свидетельствует об удивлении русских не столько этим качеством вообще, сколько его повсеместным распространением в крестьянской среде. В данном случае это скорее всего исходит из негативно окрашенных автостереотипом представлений определенного социального слоя (к которому

¹ В данном случае мы имеем в виду ментальные стереотипы в значении, принятом в социальной антропологии и этнопсихологии – упрощенные, схематизированные и эмоционально окрашенные, чрезвычайно устойчивые черты «другой» этнической группы, легко распространяемые на всех ее представителей: *Triandis H.C.* Culture and social behaviour. N.Y., 1994; *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999).

² Механизм психологических и социальных истоков процесса этнической стереотипизации см.: *Berry J.W., Poortinga Y. H., Segall M.N., Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and Applications. N.Y.: 1992, *Matsumoto D.* Culture and Psychology. N.Y., 1996. *Бороноев А.О., Павленко В.Н.* Этническая психология. СПб., 1994; *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 2003; *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

³ *Чеснов Я.В.* Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

принадлежат авторы) о русском крестьянстве¹. В действительности мнение о нем как о хитром, скуповатом и при случае способном на воровство (которое не осуждается членами своего коллектива)² порождено социальным заблуждением и незнанием особенностей функционирования коллективистских обществ. Русское крестьянство, с его крепостнической историей, православными идеалами и общиной, создало иные формы социальной практики, выражающиеся в этосе³. А сравнение «своего» как привычного и известного с незнакомым («другим») приводит к поверхностному взгляду в авторской оценке. Однако в данном случае важнее всего то, что это сравнение вновь строится не по этноцентристской модели, с присущей ей идеализацией образа «своего».

¹ В книге Б.Н.Миронова дан краткий анализ восприятия крестьянской жизни народниками-интеллигентами разночинного происхождения. Автор указывает на высокую степень идеализации русского народа, порожденную незнанием крестьянского быта и жизни деревни. Он приводит, в частности, слова Короленко «Одна черта была присуща ... всему моему поколению: мы создавали предвзятые общие представления, сквозь призму которых рассматривали действительность... В этот период перед нами стоял такой общий и загадочный образ народа ... Эта романтическая призма стояла постоянно между мной и моими непосредственными впечатлениями» (Цит. по: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 321). Но даже дворяне-помещики, много лет живущие в своих усадьбах, в общих рассуждениях о «крестьянине вообще» чаще всего руководствовались его «книжным образом». См.: *Пытин А.* История русской этнографии. В 3 т. Т. 1. СПб., 1890. С. 24–30.

² Такие черты русского часто встречаются в очерках, посвященных другим народам России и Европы.

³ *Козлова Н.Н.* Социально-культурная антропология. М., 1999. Рассматривая типы социальной практики и менталитета различных социальных групп, Н.Козлова отмечает в традиционном обществе – обществе «личных связей» – некоторые черты крестьянского типа и типа «джентельмена». Одним из отличительных свойств второго является самоконтроль (внутренний и внешний). Преувеличенное для стороннего наблюдателя (в данном случае русского) проявление честности маркируется именно потому, что это качество в традиционном обществе, в том числе и в российской культуре второй половины XIX в. отличает иные социальные группы. Можно полагать также, что причина столь щепетильного отношения к своим обязательствам в отношении другого связана с принадлежностью финской культуры к т. н. индивидуалистическим обществам, в отличие от культуры российской – коллективистской. Личная, а не общая ответственность порождает и иные типы общественных и личных связей.

Что же касается необыкновенного, согласно российским авторам, финского трудолюбия, особенно бросающегося в глаза на фоне тяжелых, «неблагодарных» природных условий, то оно так же, как и другие определения, содержит в себе элементы скрытого, хотя иногда и неконкретного, противопоставления. Например: «Ходит и работает он медленно, как бы нехотя, но зато уж никогда не бросит дела недоконченным, доделает его до конца»¹ или «он делает все обдуманно; предприняв какое-либо намерение, он терпеливо, твердо идет к своей цели...»². Особенность иного отношения к труду в среде русского крестьянства фиксировалась наблюдателями в XIX и XX вв., но историко-культурное объяснение она получила в трудах последних десятилетий³. Существуют различные гипотезы, объясняющие формирование этнокультурных моделей взаимодействия человека с природой и обществом (в данном контексте их разбор не совсем уместен), но можно констатировать главное: труду в системе ценностей русской культуры, – как пишет К.Касьянова, – отводится явно подчиненное место, и его «невозможно перевести в другой разряд, не нарушив целостности всей системы»⁴. Именно поэтому, на наш взгляд, выделяемая авторами особая честность финнов в отношении к работе, выраженная в трудолюбии и добросовестности (ее качества и добротности, как мы бы сказали сегодня), отмечается как позитивное качество финского национального характера. При этом он скрыто противопоставлен не лени русским, а иному отношению их к труду. Иначе говоря, речь идет не о формальном, а о содержательном сравнении. Наиболее эмоционально данное несходство выражено в работе Г.С.Петрова: «Секрет разницы в другом. Есть труд и есть труд. Труд грубый, труд вола и битюга, труд надорванной клячи и труд разумный, труд просвещенный. Есть еще

¹ Протасов. Указ. соч. С. 17–18. Аналогичные характеристики см. в: Народы России. Вып. 2. Живописный альбом. СПб., 1878. С. 103, 108; Народы Земли.

² Великое княжество Финляндское. Издание ж. «Мирской вестник». СПб., 1872. С. 14.

³ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX в. В 2 т. Т. 1. М., МГУ, 1998. С. 241–242; Коваль Т. Трудовая этика в православии и протестантизме. М., 1997. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. См также: Милов В. Великорусский пахарь. М., 1999.

⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

труд скованный, крепостной, труд безвольный, чужеголовый... Труд гнетущий. И есть труд бодрый, бодрящий. Труд свободный, самостоятельный. Труд живой, творческий. ... тут, в характере труда, между финляндцами, за все время их присоединения к России, и нами до самых последних дней – большая разница»¹.

Культура (в узком значении этого слова) финнов, понимаемая как норма общения и быта, воспринимается авторами очерков как результат, с одной стороны, особого статуса Финляндского княжества в составе самодержавной империи (что приводит к экономическому процветанию) и, с другой – как следствие характера и внутренней самоорганизации финна, причем не абстрактного финна (несмотря на описание именно такого – обобщенного – образа народа, без разделения на сословия или имущественные группы), а именно как финна-труженика. Таким образом, отмечая положительные черты финляндской социальной и культурной жизни (в центре внимания находится главным образом земледелец-крестьянин), многие авторы пытаются найти и обосновать причины этих явлений. Одни видят истоки в присущем финнам трудолюбию, другие приписывают решающее значение их «чистоте нравов», которая тем больше, чем дальше расположена местность от моря². Автор данного утверждения убежден, что «богатство и роскошь по большей части только портят нравы»³, а потому их отсутствие положительно влияет на нравственные качества. Отношение к богатству как к излишеству, роскоши противопоставляется достатку как необходимому для жизни человека уровню благосостояния, и именно такой достаток заметен в Финляндии. Не отсутствие резких имущественных и социальных контрастов приписывается Финляндии, а «достойная» бедность: «здесь скорее нет особенного блеска вверху, но зато нигде не встретите и возмущающей вас тьмы внизу»⁴. Благосостояние «края озер» связывается не с отсутствием пороков, присущих современной российской действительности, но с его благопристойным видом: «бедность и нужда народных масс дают себя

¹ Петров Г.С. Страна болот (Финляндские впечатления). М., 1910. С. 30–31.

² Протасов. Указ. соч. С. 19.

³ Там же.

⁴ Петров Г.С. По Скандинавии // Петров Г.С. Под чужим окном. М., 1913. С. 43.

чувствовать на каждом шагу. Только финская бедность не имеет вида грязной, оборванной нищеты, впавшей в полное отчаяние и безнадежность»¹.

Петров обращает внимание на то, что Финляндия, будучи частью России, получила все возможности для своего развития в том русле, которое стало для нее привычным еще в период господства Швеции, и что вхождение в состав Российской самодержавной империи ничуть не изменило направления истории края. Важно отметить, что тот же Петров выражает мнение, что по своему демократическому образу жизни Скандинавия вообще выгодно отличается не только от России, но и от европейских держав².

Известная своей педагогической и просветительской деятельностью Е.Н.Водовозова в своем очерке напрямую задается вопросом, почему русские крестьяне, обрабатывающие землю в сходных географических условиях, живут хуже финнов, и видит коренное отличие в отсутствии у последних высокого уровня социальной организации и всеобщей грамотности: «Печать благоустройства и культурности нравов жителей, их стремление к улучшению своей жизни ... вы встретите здесь повсюду. ... Но откуда у финнов эта энергия?... Неужели наш русский крестьянин менее финляндского даровит и трудолюбив?... Это происходит от того, что русский трудовой люд не только не вооружен должным образом необходимыми знаниями, но совсем невежествен, до сих пор суеверен, даже безграмотен, и поэтому не умеет пользоваться надлежащим образом естественными богатствами природы.

Преуспеяние Финляндии во всех сферах деятельности зависит как от замечательной энергии и трудолюбия финнов, так и от тех общественных условий, среди которых они живут и воспитываются

¹ Народы Земли. Географические очерки жизни человека на земле / Под ред. Н.Березина. Т. 3. СПб., 1878. С. 102.

² Петров Г.С. По Скандинавии. С. 48–49. Демократизм понимается Петровым как «культура общенародная, массовая, достояние всей страны», причем уровень и качество этой культуры задается прежде всего крестьянством: «тут крестьянство не только масса, оно – сила» (Там же. С. 50). Необходимо подчеркнуть, что эти взгляды Петрова в данном контексте скорее его индивидуальная точка зрения, она не встречается у других авторов.

ся, а также и от широкого распространения грамотности среди финляндского народа»¹.

Многие авторы ставят вопрос, почему столь частое оправдание низкого уровня экономической и культурной жизни негативными природными и историческими условиями в случае с Финляндией не находит подтверждения (но очень часто считается верным применительно к российской истории и действительности последней трети XIX в.). Рассуждая о том, почему нравственная жизнь (имеется в виду – духовная) и быт финнов столь отличны от русских, известный своими чрезвычайно популярными выступлениями и публицистическими очерками священник Г.С.Петров в очерке «Пигмалионы Севера» писал: «Отчего же в маленькой, крохотной, бедной, суровой Финляндии это есть, а у нас, в великой России, нет? Нищих на улицах нет. Безобразно пьяных также. По всем городам, городкам и поселкам не только в изобилии всевозможные школы, но и всякого рода собрания, общества, залы чтений, музыкальных обществ, игр и развлечений. ... Даже враги финляндцев, ... не могут не признать их исключительной честности. Русского человека, впервые попавшего сюда, эта общая, массовая честность прямо поражает»². В другой своей работе он видит причину таких существенных расхождений между русским и финским укладом жизни в политическом устройстве Финляндии. Но в отличие, в частности, от Е.Водовозовой, не

¹ Водовозова Е. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 9. С. 6.

² Петров Г.С. Пигмалионы Севера // Петров Г.С. Наши пролежни. М., 1913. С. 144, 147. Одна из статей этого сборника также посвящена Финляндии («Край культурного труда (Финляндские впечатления)»). Кроме того, у Г.С.Петрова вышла и отдельная брошюра, посвященная Финляндии: Петров Г.С. Страна болот (Финляндские впечатления). М., 1910. Для Петрова характерна высокая оценка общественных и культурных достижений Финляндии, он делает акцент в первую очередь на отсутствии резких социальных контрастов, на условиях жизни народа (главным образом, крестьянства), на демократических принципах устройства общества, которые для автора являются примером для подражания. Петров высоко оценивает массовую и бытовую культуру жителей Скандинавии, в т. ч. и финнов. См.: Петров Г.С. По Скандинавии // Петров Г.С. Под чужим окном. М., 1913. С. 38–50. Строго говоря, работы Г.Петрова не относятся к жанру историко-этнографических популярных очерков. Однако его устные выступления пользовались огромной популярностью среди учащейся молодежи и среди народа, а литературные сборники его рассказов и очерков издавались огромными тиражами. См. об этом работы М.Витухновской, в частности: Витухновская М. Григорий Петров: «Будьте строителями жизни!» // Родина. 2002. Февр. С. 58–63; Петров Г. Страна белых лилий. СПб., 2004. Пер., сост., коммент. и вступ. статья М.Витухновской.

склонен однозначно относить заслугу только на счет благодетелей российского завоевателя: *«Те блага конституции, которые мы еще только пытаемся ввести по всей России, в Финляндии существуют уже сто лет. И благодаря им ... крошка Финляндия в сравнении со всею остальною громадою России является областью чудес народного благоустройства»*¹, подчеркивая преимущества конституционного правления и законности. «Благоустроенный край», «благоустроенная страна» – довольно частая характеристика Финляндии.

Вместе с тем утверждается, что финн никогда не видит в насилии средства для разрешения конфликта как на частном, бытовом, так и государственном или даже историческом уровне. Эта характеристика очень важна, так как она является скрытым противопоставлением финнов тем народам Российской империи, которые не проявляют подобной толерантности и хладнокровия в необходимой степени (это в первую очередь поляки). В данном случае чрезвычайно существенно обоснование подобной терпимости и даже терпеливости. Первый фактор – это отсутствующее у финнов стремление к независимости любой ценой, выработанное, якобы, вековым подчинением сначала Швеции, затем России: *«Огромное финское племя, занявшее весь север Европы, несмотря на свою многочисленность, никогда не было воинственным народом: финны никогда не славились никакими победами, никогда не отнимали чужих земель, а напротив, беспрекословно уступали свои то Швеции, то России»*². Такой подчеркнута мирный характер народа, отсутствие воинственности и стремления к захвату новых территорий явно призван указать на близость финского и русского народа, противопоставлении, главным образом, полякам. Сопоставление финского и польского характера, проявляющееся в отношении их к установленной российской власти (при изначальном наделении обоих княжеств отличным устройством и конституцией) нередко в популярных очерках (иногда описания Польши и Финляндии делаются одними и теми же авторами³). Необходимо, однако, отметить, что проводится оно не прямолинейно, а опосредованно и особенно очевидным становится при знакомстве с описания-

¹ Петров Г.С. Страна болот. С. 13.

² Семенов Д. Отечествоведение. С. 139.

³ Например, работы Е.Водовозовой, Ф.Пуцыковича, Н.Березина, Я.Руднева. Довольно обширный фрагмент о Польше и поляках есть в очерках Г.Петрова.

ми других народов Российской империи. Например: финны *«всегда были чьими-то подданными. И все их заботы, все их стремления, все их желания, вся их борьба, наконец, все случаи нужды были направлены не на то, чтобы добыть себе внешнюю независимость, отдалиться от верховных владельцев края (эти определения относятся именно в к Польше. – М. Л.), а на то, чтобы сохранить за собой право на внутреннее управление, чтобы иметь полную свободу на самобытную культуру, на проявление полностью своих национальных сил и способностей»*¹.

Второй фактор, связь которого с предыдущим не всегда и скорее всего осознанно не проговаривается, но который выявляется по косвенным признакам, состоит в противопоставлении польского бунтарства финской «благонадежности» – это законопослушность и верность финнов российской власти в качестве подданных империи: *«Получив в наследство от шведов довольно развитое общество и государственное устройство, основанное на равенстве всех сословий перед законом, финский крестьянин не раболепствует перед более его образованным господином, но беспрекословно повинует законным требованиям правительства, и не было примера, чтобы для приведения последних в исполнение когда-нибудь оказалось необходимым употребить вооруженную силу. Уважая права других, финн требует уважения собственных своих прав, и редко простой крестьянин безнаказанно позволит сказать себе бранное слово»*².

Удивляет то обстоятельство, что авторы не связывают эту политическую лояльность с правовыми традициями и устоями финского общества, хотя многие из них констатируют историческую приверженность финнов к исполнению законов. Некоторые, правда, соотносят ее с чувством собственного достоинства, сильно развитого у финских крестьян, особенно в сравнении с русскими, другие видят в этом элемент непрактичности: *«Уважение к закону – вторая характеристическая черта финна. Закон, например, запрещает просить на чай или водку у приезжих, он и не просит»*³.

¹ Петров Г.С. Страна болот. С. 38.

² Там же. С. 215–216.

³ Там же. С. 214.

«Оскорбить себя финн никому не позволит. Если кто-нибудь обругает его, а тем более ударит, он немедленно прибежит к защите закона, к которому относится с величайшим уважением»¹. Впрочем, являющееся следствием этого стремление решать конфликты через суд, а не в частном порядке, определяется как «темная сторона финнов – склонность их к сутяжничеству»².

Таким образом, никак не учитывается и даже не упоминается иная политическая организация Финляндии в составе России, ничего не говорится о деятельности сейма и т. п. В данном случае, как и во всех очерках о других народах империи, олицетворением народа, его качеств и этнического своеобразия является крестьянин. О жизни и обычаях других сословий общества, их нравах информация минимальна. Впрочем, это можно объяснить и представлением авторов о своей читательской аудитории.

Грамотность финнов, называемая в качестве главной причины финляндской благоустроенности и неиспорченности нравов, особо выделяется авторами. Они не столько указывают на наличие начального повсеместного образования, сколько отмечают поголовную грамотность населения, заслугу которой приписывают авторитету и строгости протестантских пасторов: «половина гельсингфорских студентов – дети простых крестьян ... главным образом они обязаны этим свои пасторам»³. Грамотность финских крестьян, причем не только формальную – умение читать и писать, – но и используемую в повседневной крестьянской жизни, привычку и любовь к чтению Евангелия, газет и книг российские авторы описывают почти в восторженных тонах. Кроме того, некоторые (например, Е.Водовозова и Д.Семенов) именно это обстоятельство расценивают как основополагающий фактор в формировании присущего финнам чувства собственного достоинства и как следствие этого – высокий уровень индивидуального и национального самоуважения финнов в самой Финляндии. В этих суждениях безусловно заметно влияние реформаторских и народнических идей в сфере образования 70–80 гг. XIX в.: «Благодаря

¹ Сно Е.Э. В стране скал и озер. С. 32–33.

² Семенов Д. Отечествоведение. С. 216.

³ Русская земля. С. 38.

нравственному влиянию пасторов, все без исключения финны очень религиозны и все грамотны. ... При встрече с вами каждый финн желает вам счастливого пути, выражая это наклоном головы и приподнимая фуражку. Это делает он с какою-то важностью, без всякого подобострастия и низкопоклонства, как равный равному. ... Вообще вера в Финляндии имеет большое значение не только в нравственном отношении, но она оказывает огромное влияние и на распространение в народе грамотности»¹.

Взаимосвязь грамотности и религиозной нравственности неоднократно отмечается авторами. «Грамотный человек набожнее, нравственнее неграмотного», – считает автор «Мирского вестника»², хотя при этом во многих историко-этнографических очерках с некоторой иронией приводится очевидная причина повсеместного умения читать: к причастию накануне заключения брака допускаются только грамотные³.

Характеристика религиозной жизни и особенностей протестантского (лютеранского) вероисповедания отличается в очерках лаконичностью, ограничиваясь констатацией конфессиональной принадлежности финнов и строгого соблюдения обрядности; отмечается регулярное чтение Евангелия в семейном кругу, объясняемое, однако, не набожностью, а грамотностью населения⁴.

Наиболее часто фиксируемые особенности финской религиозности связаны с ее внешними формами: в качестве аргумента глубокой веры⁵ называется обязательное посещение прихожанами церкви в воскресенье и праздники. Это происходит даже, как отмечают с назиданием авторы, в случае, если церковь находится в 30 и более верстах от дома. Неоднократные замечания о глубокой религиозности финнов зачастую соседствуют с упоминанием о сохранении в крестьянской среде верности некоторым языческим

¹ Русская земля. С. 219.

² Великое княжество Финляндское // Мирской вестник. СПб., 1872. С. 13.

³ Русская земля. С. 80; Великое княжество Финляндское. С. 13; Семенов Д. Указ. соч. С. 221–222; Сно Е.Э. В стране скал и озер. С. 38; Водовозова Е.Н. Указ. соч. № 11. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Немногие авторы говорят о глубокой религиозности финнов, якобы им присущей, и о высоком авторитете духовенства в финляндском обществе. См.: Русская земля. С. 56; Сухаро В. Указ. соч. С. 35.

обычаям (имеется в виду, например, празднование «Иванова дня», с которым в течение почти восьми веков жестко боролась православная церковь в России). Встречаются и замечания о том, что финны склонны к занятиям колдовством и склонны к суевериям. Это может быть отчасти и данью образу финна, сложившемуся в классической русской поэзии.

Хотелось бы обратить особое внимание еще на одно скрытое сравнение финнов с поляками в пользу первых. Оно связано с высокой оценкой российскими авторами значения религиозного просвещения крестьян в католической (на примере поляков) и протестантской (на примере финнов) традициях. В частности, в очерках о Польше и поляках также указывается на первостепенную роль духовенства в распространении ценностей образования (просвещения) в среде верующих, но неоднократно подчеркивается, что порывистость и пылкость поляка, проявляющаяся не только в сфере индивидуального поведения, но и в представлениях о патриотизме, обусловлена в том числе и его религиозным чувством. Оно отличается в католицизме особой страстностью и потому приводит к болезненной и чрезмерной политически-революционной аффектации, и – впоследствии – к бунтам и восстаниям против законной власти Российской империи¹. Политическая лояльность и «спокойная благонадежность» финнов трактуется в том числе и как следствие более «холодной», рациональной протестантской веры².

Распространяя честность и добросовестность – главные, по единому мнению почти всех авторов, качества жителей

¹ См.: Лескинен М.В. Польша и поляки в российских этнографических очерках конца XIX в. // Польша – Россия. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.

² Не останавливаясь специально на вопросе о трактовке авторами религиозной практики и этно-конфессиональных черт культуры различных народов (этот вопрос довольно сложен и требует отдельного рассмотрения), укажем только, что он не является центральным в очерках. Вместе с тем любые обобщения и критические замечания по этому поводу весьма осторожны и сформулированы очень деликатно. Однако на основании предпринятого сравнения можно предполагать, что авторы склонны интерпретировать религиозную принадлежность народа как определяющую ряд этнических признаков и черт национального характера («нрава» народа). Примером такого рассуждения могут служить слова Н.Березина: «Меланхолия финна находит себе широкое выражение в религиозном чувстве». (Народы земли. Географические очерки жизни человека на земле. Т. 3. С. 101.)

Финляндии – на отношение финна к власти, законности и общественным нормам, русские очеркисты делают и некоторые выводы, довольно прозрачно намекающие на политическое положение Финляндии в составе чужого государства и лояльность Финляндии в отношениях с Россией (однако необходимо отметить, что это не касается тех очерков, которые были написаны или издавались в период обострения финляндско-российских отношений на рубеже XIX–XX вв.). В этом контексте символический характер приобретает образ финнов-военных, при этом отмечается, что при отсутствии внешнего лоска, показного блеска и шегольства финны обладают качествами «добрых служаек», чей труд незаметен, но незаменим в армейской жизни: «*Финны, как в домашнем быту, так и в военной службе, честны и добросовестны, все они отличные служаки, в нашей армии коренные финляндцы все достойные и примерные офицеры*»¹. Вместе с тем это объясняется еще и врожденной склонностью к верности данному слову (проистекающему от его честности): «*финн никогда не изменяет данной клятве или присяге*»².

Почти все без исключения авторы уделяют большое внимание эмоциональному складу народа, его темпераменту и своеобразию реакций. При этом каждый из них, высказывая оценочное суждение, исходит из собственного опыта, уровня образования и личных пристрастий. На одном из первых мест в подобной характеристике стоит описание внешних проявлений человека и объяснение связи эмоционального склада с «живостью ума» и нравственностью всего народа. В этом отношении можно говорить о негативно оцениваемых особенностях финского темперамента, порождаемых его упрямством и чрезмерной сдержанностью. В частности, отмечается склонность к редким, но сильным и устрашающим для окружающих проявлениям жестокости и к порывам гнева: «*Это народ спокойный, угрюмый, молчаливый, упрямый, настойчивый в труде, терпеливый в лишениях, честный, но склонный к пьянству и способный к порывам самой*

¹ Великое княжество Финляндское. С. 41–42.

² Там же. С. 14.

необузданной злости»¹. Для русских авторов молчаливость и угрюмость финна – качества, не отрицающие его доброты или добродушия, они более свидетельство его внешних проявлений, а не душевного склада. Вместе с тем существует некоторая взаимосвязь между обидчивостью финнов и их мстительностью, так как открытый человек², по мнению авторов, менее склонен к проявлениям жестокости (пример карела). Не совсем понятно, в чем истоки часто повторяющегося мотива о склонности финнов к мести вплоть до убийства. Финн *«упрям, ревнив, мстителен и жесток... и с виду добродушный, хотя и угрюмый финн может стать ужасным злодеем»*³; *«Финна трудно разозлить, но зато разозленный, он не знает границ своей ярости...»*⁴; *«отличаясь большим хладнокровием, финн редко выходит из себя. Но в минуты сильного гнева он становится страшен и часто пускает в ход свой короткий нож пукко»*⁵.

Необходимо отметить, что в очерках упоминаются и другие черты финского национального характера и темперамента, в описании которых авторы не столь единодушны. Это довольно противоречивые утверждения о нелюбви финнов к чужестранцам, особенно к тем, кто не знает их языка. Она выражается в недоверчивости к чужому, в недружелюбии финнов к незнакомым людям: *«С посторонними таваст несообщителен, неласков, часто даже груб, но всегда гостеприимен. К людям, не говорящим по-фински, он всегда относится недружелюбно и подозрительно, но раз он сошелся с кем-нибудь, на дружбу его можно положиться, как на каменную стену»*⁶; *«Финн не только упрям, но и недоверчив к чужеземцам...»*⁷.

Многие, подчеркивая отсутствие в Финляндии социальных и имущественных контрастов, рассматривают это как положительный пример, образец для подражания и изменения в жизни русско-

¹ Русская земля. Т. 2. С. 54.

² См.: Великое княжество Финляндское. С. 14.

³ Там же. С. 56.

⁴ Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса. С. 35.

⁵ Сно Е.Э. В стране скал и озер. С. 32.

⁶ Русская земля. С. 67–68.

⁷ Семенов Д. Отечествоведение. С. 214.

го человека: *«Никакой роскоши, ни следа швыряния денег, ни намек на жизнь напоказ, но все домовито, деловито, красиво и чисто»*¹.

Наиболее часто встречаются такие бытовые, внешние черты финнов, как их чистота и аккуратность (в домах, «хижинах», на улицах городов), всегда приводимая в пример. Вместе с тем неоднократно упоминаются о широком распространении в финском народе самого страшного порока и для русского мужика – пьянства. По мнению очеркистов, отличие «финского пьянства» от российского состоит лишь в том, что, во-первых, финны вообще более склонны к опьянению, как и другие северные народы (потому быстрее приобретают алкогольную зависимость), и, во-вторых, благодаря принятым в обществе мерам и склонностью к благопристойному поведению на людях проявления этой болезненной зависимости не оказываются на всеобщем обозрении. При финской аккуратности и внимании к внешним проявлениям явления такого рода существуют, но не бросаются в глаза так, как в России.

Логическим продолжением достоинств и недостатков нрава народа – его национального характера – для авторов историко-этнографических очерков является политическая организация государства (в очерках о народах мира или Европы) или же его статус в составе Российской империи (когда речь идет о народах России). Что касается аналогичных очерков о Финляндии, то можно уверенно констатировать, что подобные обобщения весьма редки. Одним из явных и наиболее пространных исключений представляется мнение Е.Н.Водовозовой: *«В их (финнов. – М. Л.) манере нет ничего раболепного, скорее проглядывает чувство собственного достоинства и уважения к личности ближнего, – результат свободных общественных и государственных учреждений, ... а также следствие отсутствия крепостного права ... он строго выполняет свои обязанности, но ни к кому не обращается ни высокомерно, ни низкопоклонно, никому безнаказанно не позволит унижить себя»*². Вместе с тем автор особо подчеркивает (и в этих суждениях демонстрирует отличие от иных очерков), что

¹ Петров Г.С. Страна болот. С. 26.

² Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ. С. 17.

нахождение Финляндии в составе Швеции было благотворно и существенно ускорило социально-правовое развитие народа, закрепленное впоследствии и особым статусом ее в Российском государстве: «Жизнь финнов под русским скипетром, как государственная, так и общественная, показывает, что русское правительство поступило весьма благоразумно, утвердив в Финляндии государственный строй и общественные порядки, заимствованные от шведов и пустившие в жизни народа глубокие корни»¹. Это же мнение высказывается неизвестным автором в популярной серии «Народы России. Живописный альбом»: «Получив в наследство от шведов довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенстве всех сословий, ... финский крестьянин не раболепствует перед более его образованным господином, но в то же время беспрекословно повинуется законным требованиям правительства»².

Как вторичные можно квалифицировать следующие черты финского характера в русских этнографических очерках: склонность к уединению и замкнутой, одинокой жизни в кругу своей семьи, которая выводится, соответственно, из хуторского типа поселения у финнов³, отсутствие практицизма и деловой хватки, которая интерпретируется как результат нежелания финна менять что-либо в своей привычной жизни, во-первых, и присущим ему патриотизмом, во-вторых: «Самая характерная черта финского народа – его горячая любовь к родине»⁴.

В ряде случаев авторы популярных очерков пытаются описывать и «умственный строй» финнов, однако далее выясняется, что авторы подразумевают под умом и умственной деятельностью чуть ли не прямо противоположные качества. В.Сухаро утверждает, что «умственная способность у финнов развита гораздо более, чем у эстов, что доказывается разговором финнов, вообще тихим, обду-

¹ Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ. С. 5.

² Народы России. Вып. 2. Живописный альбом. СПб., 1878. С. 103.

³ Сно Е.Э. В стране скал и озер. С. 33–34; Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса. С. 39.

⁴ Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ. С. 14. См. также: Семенов Д. Отечествоведение. С. 223; Великое княжество Финляндское. С.18; Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса. С. 36.

манным, метким и редко глупым, а равно и способностью их к сложным и трудным предприятиям, включая торговлю и дальние мореплавания впрочем, предупредительность и осторожность финнов, отклоняющая их от постройки воздушных замков ... говорит в пользу их умственного развития, неопровержимо подтверждающегося строгим уважением финнами личности всех, с кем они имеют дело, и постоянным их желанием не обидеть кого-нибудь дерзостью и насмешкою»¹. А Е.Н.Водовозова, напротив, видит в отсутствии умственных способностей финнов их национальное и гражданское достоинство: «финны ни теперь, ни прежде никогда не обнаруживали разносторонних умственных способностей и стремлений к разнообразной умственной деятельности; их нельзя упрекнуть ни в тщеславии, ни в честолюбивых замыслах – они всегда оставались индифферентными к высоким почестям, к политической карьере, не желали власти, не прельщались славою завоевателей, мало того, они никогда не стремились даже к независимости, а всегда кротко подчинялись иноземному владычеству»². Это противоречие вызвано, возможно, расхождениями в определении проявлений «умственной деятельности».

В целом образ финна в этнографических популярных очерках рубежа веков отличают следующие особенности: 1) последовательность изложения и акценты в очерках о финском народе свидетельствуют о том, что их авторы руководствуются привычным для своего времени набором этномаркирующих признаков, соответствующих теоретическому уровню этнографической науки. Согласно им, характер народа – объективная характеристика, которая может быть выявлена на основе стороннего, внешнего наблюдения. Поэтому можно определить эти представления как объективные (сознательные) исследовательские стереотипы.

2) Убеждение в том, что крестьянство воплощает в себе типичные (т. е. наиболее ярко выраженные) черты и качества народа, приводит не только к их невольному отождествлению, но и как следствие – к тенденции идеализации этого сословия, причем зачастую всякие ценности традиционного общества рассматриваются как присущие

¹ Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса. С. 36–37.

² Водовозова Е. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 9. С. 25.

крестьянству и наоборот. Этим вызвано желание подтвердить наличие сходств, а не различий между русским и финским (и особенно русским и карельским) земледельцами. Результатом этого является также отношение к труду, выступающее своеобразным «мерилом» оценки достоинств этноса.

3) Можно констатировать, что образ финна по материалам исследованных источников в целом носит явно позитивный характер. Однако о чем это свидетельствует? Меньше всего – о наличии объективно существующего мнения о финне среди русских, поскольку источники не базируются на исследованиях такого рода проблем. Вместе с тем это вовсе не исключает возможности совпадения этих двух полей. Причиной этого может быть отсутствие тесного и длительного межэтнического контакта (русских в России и финнов Финляндии), так и с этнической толерантностью русских¹. Благожелательное в общем отношении к финнам (по данным источникам) вызвано и весьма значительным влиянием общих научных установок и их основы – «вопросника» в изложении; кроме того, существенную роль играет и «сверхзадача» авторов: обобщить идеологически-нейтральную и концентрированную информацию, не вдаваясь в спорные или нерешенные проблемы. Но, с другой стороны, такая «сглаженность» характеристики все же бросается в глаза в сравнении, в частности, с очерками о Польше и поляках. Это позволяет предположить, что реальный опыт векового общения с финнами в границах общего государства имел в целом благоприятный характер.

4) Комплекс черт финна, определяемых в качестве этнически-исключительных, касается главным образом внешних (облик человека и среды его обитания) проявлений человека и внутренних (умственных и нравственных, по определению источников). Материальная и бытовая сторона жизни отражена чрезвычайно мало. Это свидетельствует о том, что перед нами отчасти сформированная ранее совокупность наиболее обобщенных представлений о финнах, а не индивидуальных впечатлений и мнений отдельных русских авторов (другими словами,

¹ Лебедева Н. Указ. соч. С. 179.

их представления не основаны на личном опыте и редко подтверждаются конкретными случаями или фактами).

5) Важно отметить, что определяющим подходом при описании «другого» стал псевдо-etic подход, основанный на методе сравнения. Причем в этом процессе наиболее важное значение приобрели качества, связанные с полем межличностных и общественных отношений, таких как характер коммуникации с «другим» (необщительность, сдержанность, закрытость (скрытность), честность, высокий статус своего «я»). Кроме того, анализ представлений о финнах позволяет выявить как элементы этнокультурного автостереотипа (русского крестьянина), так и других народов Российской империи (карел, поляков, т. н. «чухонцев» и др.)

6) Чтобы судить о том, насколько объективны стереотипы русских, представленные в очерках и выявленные в результате анализа, необходимо сравнить их с автохарактеристикой финнов. В рассмотренных работах не приводятся представления финнов о самих себе, однако об этом можно в некоторой степени судить по переводному изданию, посвященному Финляндии¹. Автор одного из очерков, посвященного финскому национальному характеру, – историк и писатель Захарий Топелиус – перечисляет многие из тех черт и качеств финнов, о которых пишут русские авторы. Это, в частности: «упрямство», «замкнутость», «медлительный ход мышления, обращенный к духовной стороне», «гнев», «привязанность к старому», «гостеприимство, честность и глубоко укоренившаяся склонность к религиозному мышлению»², вместе с тем он почти дословно повторяет описание особенностей разных «отраслей» финских племен» (карел и тавастов). Данное совпадение показательное, но не может быть достаточно репрезентативным для того, чтобы сделать серьезные выводы (оно единично). Однако высокая степень совпадений между набором типичных черт в изложении авторитетного финского ученого о своем народе и комплексом качеств, которые приписываются этому этносу «другими», показательна, хотя требует трактовки. Особенно затрудняет

¹ Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками / Гл. ред. Л.Мехелин. Гельсингфорс: Изд-во М.Ф.Вульфа, 1894.

² Там же. С. 61.

ее то обстоятельство, что очерк Топелиуса на русском языке издан в 1894 г., а почти половина российских очерков опубликована ранее. При первом приближении очевидно одно: это не случайность и она требует объяснения.

7) Если учесть задачи, стоявшие перед авторами, и их читательскую аудиторию, то можно предположить, что реконструированный нами образ финна отражает в высокой степени принятую и одобренную идеологически точку зрения органов просвещения. Налицо также гуманистическое стремление авторов избежать малейших проявлений негативизма в отношении к другим народам, особенно гражданам одной империи, что порождает предположение о том, что исследование вопроса об идеологической подготовке процесса русификации в Российской империи конца XIX – начале XX вв. еще не закрыто. Что не исключает, впрочем, и желания русских интеллигентов, пишущих «для народа», изменить при помощи научной (или псевдонаучной) аргументации, по их мнению, заблуждения этнонационального характера (т. е. стереотипы).

Бесспорно также, что представленный в русских этнографических очерках образ финна и реконструированные на этих материалах этнические стереотипы сыграли значительную роль в процессе формирования национальной идентичности русских в их отношениях к финнам и Финляндии, а также в процессе выработки национальной государственной идеологии.

Е. Г. Сойни

**Образ Финляндии в русском искусстве
и литературе конца XIX – первой трети XX в.**

Образ Финляндии в русском искусстве

Освоение северного пейзажа в русской живописи происходило крайне медленно. Потребовалось почти столетие, чтобы русские художники, воспитанные на средиземноморских пейзажах, обратили свои взоры сначала на просторы центральной России, а затем «снизошли» и до финской природы.

Одним из первых, кто попытался открыть финский пейзаж русскому зрителю, был Исаак Ильич Левитан (1860–1900).

С легкой руки Левитана в русской живописи возник стереотип – образ Финляндии как царства серого цвета: «Серая вода и серые люди, серая жизнь... не нужно ничего!»¹. Ужасное впечатление произвел на Левитана не столько сам серый цвет, в изобилии встретившийся ему в Финляндии, сколько скалы, сглаженные ледником. Они вызывали в сверхчувствительной душе художника панический страх перед вечностью, осознание тщетности челове-

© Сойни Е. Г., 2004.

¹ Левитан И.И. – Карзинкиной Е.А. Июль 1896 // *Левитан И.И. Письма, документы, воспоминания*. М., 1956. С. 61.

ческой жизни, ненужности всего. «Вечность, грозная вечность, в которой потонули поколения и потонут еще <...> Какой ужас, какой страх!

Сегодня утром бродил по скалам, они все сглажены, как известно, ледниковым периодом, – значит бесчисленным количеством веков...

Задумывались ли вы над трагическим смыслом слова “века”?»¹ – спрашивал Левитан художницу Е.А.Карзинкину в июльском письме 1896 г. из Финляндии. А в письме к А.П.Чехову, с которым художника связывали долгие годы отношений от дружбы до вражды, Левитан признавался, что не нашел в Финляндии «сильных мотивов». Скорее произошло наоборот: природа Финляндии произвела на художника столь сильное впечатление, что его душа не выдержала испытания перед натиском вопросов о границе бытия, о смерти и жизни, о вечном и сиюминутном, и художник замкнулся, ушел в себя:

«Видишь, мой дорогой Анто[н] Павлови[ч], куда занесла меня нелегкая! Вот уже 3 недели, как шляюсь по этой Чухляндии, меня места в поисках за сильными мотивами, и в результате – ничего, кроме тоски в кубе. Бог его знает, отчего это, – или моя восприимчивость художественная иссякла, или природа здесь не тово. Охотнее верю в последнее, ибо поверив в первое, ничего не остается, или остается одно – убрать себя, выйти в тираж. Итак, природа виновата, и в самом деле, здесь нет природы, а какая-то импотенция!»².

Однако, несмотря на столь мрачные мысли, Левитан за три недели пребывания в Финляндии успел написать два одноименных этюда «Крепость. Финляндия» (I – картон, масло, 18,5×26,5. Собр. Т.В.Гельцер, Москва; II – картон, масло, 10,0×17,0. Собр. Р.К.Викторовой, Москва), этюд «Скалы, Финляндия» (Картон, 17,5×25,8. Собр. Н.В.Руднева, Москва), этюд «Финляндия» (Картон, масло, 16,5×12,0. Частн. собр.), два этюда и картину «Море. Финляндия» (местонахождение всех трех работ неизвестно), этюд «Море у финляндских берегов» (Картон, масло, 15,0×26,0. Иркутский областной художественный музей), «Пунка-Харью. Финляндия»

«Финляндия» (Частное собрание А.Рейтала. Финляндия). В течение 1897 года художник закончил картину «Остатки былого. Сумерки. Финляндия» (Холст, масло, 57,0×87,0. Гос. Третьяковская галерея). Эту картину, выставленную на XXV передвижной выставке, тут же приобрел С.М.Третьяков для своей галереи. Словом, выражение «в результате – ничего, кроме тоски в кубе» оказалось неправдивым, а письмо к А.П.Чехову не столь надежным документом. В чем, действительно, художник не «лгал» – это в своих финских этюдах, мрачных, сдержанных, замкнутых, но поистине северных и сильных.

Исследователь творчества И.Левитана, автор многих книг о художнике А.А.Федоров-Давыдов называет неоднократно финские этюды Левитана безлюдными. Однако финские этюды резко выделяются в наследии художника не самим отсутствием человека, а отсутствием гармонии человека с природой, отсутствием левитановского света и тепла. И в этюде «Море у финляндских берегов», и в двух одноименных этюдах «Крепость. Финляндия», и в картине «Остатки былого. Сумерки. Финляндия» следы деятельности человека как раз налицо. Но этот человек угнетен, подавлен, его бытие лишено смысла, он «небесам свой вызов» не шлет. Опускающаяся мгла над парусами, над опустевшими крепостями, над развалинами удручает.

В одном из этюдов «Крепость. Финляндия» в центре изображена крепость города Савонлинна, напоминающая средневековые замки устремленностью ввысь, круглыми башнями с конусообразными крышами, круглыми проемами бойниц. Но тяжелое небо с увесистыми облаками в коричневатых и лиловых оттенках делает крепость приземистой и мрачной.

Левитан отправился в Финляндию искать «сильные мотивы». Возможно, руины, развалины старых крепостей отвечали этой несколько надуманной задаче. И хотя, по собственному признанию художника, «сильных мотивов» он не нашел, он почувствовал эпичность финского севера и создал свой образ Финляндии. Этот образ был сродни «отчизне непогоды» Е.А.Баратынского, а с точки зрения профессиональной, художественной он сблизил Левитана с поколением художников «Мира искусства». Именно с поисков эпической древности, образов варяжской старины начали свое постижение Севера «мирискусники». И хронологически год создания «Остатков былого» почти совпадает со временем основания «Мира искусства». Как известно, «Выставка русских и финлянд-

¹ Левитан И.И. Письма. С. 61.

² И.И.Левитан – А.П.Чехову. 3–15 июля 1896. Финляндия // Левитан И.И. Письма... С. 60–61.

ских художников», положившая начало образованию «Мира искусства», состоялась в залах училища А.Л.Штиглица в январе 1898 года. И Левитан был участником этой выставки.

На картине «Остатки былого. Сумерки. Финляндия» изображены руины старой крепости, возвышающиеся над белесыми волнами. На фоне тщательно прописанных волн крепость немного стилизована, едва освещена, полуразвалившиеся башни говорят о давно прошедших веках, о битвах, шумевших на этих берегах. Но несмотря на массивность, на грозную суровость крепостной стены, картина говорит не столько о победах былых героев, сколько о ненужности каких бы то ни было побед. И напротив, в набегающих волнах, в мире природы художник показывает поистине вечную энергию. Вот-вот – и волны сгладят эту старую крепость, как они сгладили прибрежные скалы. Местонахождение этюда «Пунка-Харью» (1896) долгое время считалось неизвестным. В 2002 году нам удалось его увидеть в частном собрании в Хельсинки¹. Изгибающаяся тонкая полоска суши с высоким лесом и песчаными берегами пролегла посередине озера Саймы. Пунахарью – одно из красивейших мест в Северной Европе, многие художники пытались изобразить извилистые берега и мягкие изгибы заливов. Почти в одно и то же время в начале XX века пишут этюды Пункахарью А.П.Остроумова-Лебедева (1908) и Н.К.Рерих (1907). На левитановском этюде «Пунка-Харью» изображена лишь узкая полоска сумеречного озера. В центре – часток высоких сосен с густой темно-зеленой хвоей. Художник остался равнодушным к извилистой береговой линии, к причудливым изгибам заливов, к таинственной игре контуров неба и озера. Мрачная стена темного леса, за которой – небытие: «серая жизнь ... и не нужно ничего!». Несмотря на то, что И.Левитан был одним из открывателей финской темы в русском искусстве, ему не довелось стать певцом Финляндии, его имя в истории искусства навсегда закрепилось за русским пейзажем.

К Финляндии, к ее искусству и природе обратились в своем творчестве русские художники начала XX века. С упоением писала этюды Финляндии А.П.Остроумова-Лебедева (1871–1955). Виды Пункахарью она изобразила на 13 акварелях. На одной из них, «Пункахарью», озеро изображено в виде широкой светлой дороги с извилистыми

берегами, уходящей в бесконечную даль навстречу такому же светлому небу. Небо почти повторяет очертания озера. Березка на переднем плане, почти невесомая, наделяет пейзаж лиризмом и мягкостью. Сама художница называет вид Пункахарью воздушным и фееричным: «Мы прошли пешком всю Пункахарью до конца, семь километров. Пейзаж стал как-то легче, воздушнее, фееричнее... Какая это была красота! <...> Недаром мрачные, молчаливые финны, обожающие свою родную страну, зовут ее Белой Розой Севера. Такова она и есть!»¹.

В книге воспоминаний «Автобиографические записки» художница подробно и восторженно описывает свое посещение Пункахарью, как бы вторя акварельным этюдам: «Пункахарью прихотливо вьется по глубоким, прозрачным озерам. На них рассыпаны бесчисленные острова и островки. Сосны с рыжими стволами, печальные ели, раскидистые, голубоватые можжевельники заполняют пейзаж до безграничных далей. Все это отражается в тихой, зеркальной воде <...> Весь пейзаж вызывает в душе чувство какой-то прозрачной тишины, тишины Елисейских полей. Я была совершенно очарована неожиданными для меня дивными видами»². Описывая Финляндию, А.Остроумова-Лебедева использует слова: «никогда», «ничего подобного». Поселившись в 1905 году ненадолго возле Турку в маленьком городке Нодендале (*фин.* – Naantali), она пишет К.П.Труновой: «Представь себе маленький чистенький приморский городок, лежащий на полуострове, далеко вдающемся в море. Он связан с материком узкой полоской земли и весь окружен морем. Городок этот лежит в долине, а вокруг него высятся громадные мрачные скалы. Гранитные, серые или красные, с расщелинами, то голые, то поросшие мхом или сосновым лесом <...>. Я ничего подобного по красоте и вообразить себе не могла.

Дико, грандиозно и очень, очень красиво!

А неба такого я никогда не видела! Небо, небо кругом! Оно со всех сторон. А как весело карабкаться по скалам! <...> Я начала рисовать и рисую много и с упоением <...> я очень счастлива!»³.

¹ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М., 1974. С. 404.

² Там же.

³ Там же. С. 338–339.

¹ Собрание А.Рейтала. Хельсинки. Финляндия.

На образ Финляндии как феерической, небесной страны не повлиял даже тот факт, что у художницы участились приступы астмы. А.П.Остроумова-Лебедева справляется с болезнью и бесконечно путешествует, создавая акварели, рисунки и гравюры как восточной, так и западной Финляндии. На гравюре 1900 года «Финские озера» узнаваем пейзаж восточной Финляндии. Художнице удается так умело изобразить озерный лабиринт и сосновые острова, что почти половина листа отдана небу, на небе ни единого облачка, тщательно прописаны сосны и не столько ветви, сколько линии стволов. Обращает на себя внимание множество линий, устремленных ввысь, и множество озер, теряющихся у горизонта. Почти космическое, необъятное пространство. Четкая линия горизонта приковывает к себе взгляд зрителя и увлекает, но куда? В неведомую и прекрасную даль. В «Финских озерах» небо чувствуется значительно в большей степени, чем в «Финляндии с голубым небом» 1900 г., но и на этой гравюре низкая линия горизонта, изящные тонкие деревья, почти в китайской технике прописанная хвоя подчеркивают чистоту пространства, голубую, почти осязаемую бесконечность неба. «Причем на этой гравюре, – вспоминала художница, – на каждом новом оттиске получалось другое небо, так как я нарочно варьировала его, вытирая тряпочкой поновому»¹. На акварели «Финляндия. Пятнистые камни около Нодендала» 1905 года на переднем плане – скалы. Не сглаженные, как у Левитана, а с острыми выступами, видно, устоявшие перед ледником...

Остроумова-Лебедева получала вдохновение не только от финской природы, она радовалась за финское искусство, считала северных мастеров живописи лучшими в Европе, а среди финских художников выделяла Альберта Эдельфельта (Albert Edelfelt, 1854–1905). Аксели Гален-Каллела (Akseli Gallen-Kallela, 1865–1931) и скульптора Вилле Валлгрена (Ville Vallgren, 1855–1940). Она одной из первых в России оценила любовь финнов к их собственной земле. Посетив выставку русских и финляндских художников, она очень тепло отозвалась о финских собратях по кисти: «...Финны проникли в сущность финляндской природы, в ее характерность и передали это с любовью»².

¹ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 212.

² Там же. С. 125.

Образ Финляндии, созданный А.П.Остроумовой-Лебедевой, не пугает и не умиляет, он завораживает, дарит зрителю необъяснимую энергию и радостное, светлое ощущение жизни.

Пейзажи Финляндии, написанные Александром Николаевичем Бенуа (1870–1960), известны не менее остроумовских. Более того, его акварель «Финляндия» 1901 года была репродуцирована в сдвоенном 11–12 номере журнала «Мир искусства» за 1901 год. Самим появлением в начале XX века в журнале нового художественного направления эта акварель А.Бенуа явилась определенным знаковым пейзажем, ориентиром русских художников на Север, симпатией художников XX века к Финляндии и финскому искусству. «Финляндия» А.Бенуа написана достаточно реалистично, без большой стилизации, символических установок, литературных или исторических деталей. Большую часть работы занимает изображение леса. На переднем плане пушистые ели с густой хвоей и молодыми побегами. Слева единый лесной массив окружает озеро. Овальная береговая линия традиционно делит пейзаж на две части: светлую и темную. Контрастно, среди темного леса, почти у самого горизонта, светится стена одинокого белого домика. Его белизну подчеркивает и темный лес, и сгущающиеся на небе серые облака.

Когда А.Бенуа свои акварели, написанные в «дождливое, серое и неприветливое лето» 1903 года в Финляндии, решил использовать для работы над эскизами декораций к опере Рихарда Вагнера «Гибель богов», то заслужил гневную критику С.П.Дягилева. Акварели, на взгляд Дягилева были прелестными, реалистическими, правдоподобными, но не подходили к немецкому эпосу. Дягилев недоумевал: «При чем все-таки здесь Вагнер, и где тут гибель богов?»¹. Собственно, Дягилев возражал не столько против финских видов («Нужно к стати упомянуть, что против финско-скандинавского характера всей постановки нельзя, конечно, ничего иметь. Но не в этом дело»²), сколько против натурализма в акварелях Бенуа.

Александр Бенуа создал образ Финляндии не только в своей графике, но и в художественной критике. В статье «Выставка русских и финляндских художников. Возникновение «Мира искусства», опубликованной в 1928 году в Петербурге, А.Бенуа своеоб-

¹ Дягилев С.П. Гибель богов // Сергей Дягилев и русское искусство. В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 170.

² Там же.

разно истолковывает отношения мирискусников с финскими художниками: «Это соединение нас с финнами было средством для выражения того «космополитизма» в искусстве, которому наша группа готовилась служить с самого возникновения своего сознательного отношения к художественной деятельности. <...> Ведь Финляндия в отношении России была чем-то вроде заграницы», частью Западной Европы»¹. (С.П.Дягилев к космополитизму относился иначе, чем описано у Бенуа).

Говоря о финских художниках, А.Бенуа вспоминает Альберта Эдельфельта. Однако сами картины Эдельфельта не очень нравились Александру Бенуа. Посетив одну из выставок финского художника, Бенуа был разочарован: «Как раз тогда я начал (заглазно) увлекаться импрессионизмом, я стоял за более свободную манеру, – все же картины и портреты Эдельфельта отличались некоторой сдержанностью и некоторым безразличием к краскам. Однако разочарование это не помешало тому, что мы продолжали любить и почитать художника, и вполне естественно, что именно через него произошло затем наше сближение с его соотечественниками, среди которых нам особенно полюбили тонкий, разносторонний Эрнефельт (Э.Ярнефельт. – *Е. С.*), более грубоватый здоровяк Бломштедт (В.Бломstedт. – *Е. С.*) и, наконец, тот художник, которого сами финны почитали за своего национального гения, за большого эпического поэта в живописи – Аксель Галлен»². Словом, для А.Бенуа финны интересны тем, что они европейские художники, прошедшие парижскую школу живописи, и вообще похожи на парижан.

Бенуа придает также политическое значение этой выставке и тому факту, что в будущем финны перестали участвовать в выставках «Мира искусства»: «Не без грусти финны, которых мы продолжали приглашать и в последующие годы, отвечали, что они не могут быть с нами, но это единственно по политическим причинам. Те утеснения, которые русское правительство считало тогда нужным применять «к Финляндскому княжеству», вызывали в финском обществе слишком большое негодование. Финские же

художники были гораздо более солидарны с такими переживаниями общественной совести, нежели были мы»¹.

Позиция Бенуа в отношении Финляндии удивительно совпадала со взглядами И.Е.Репина, давнего оппонента А.Бенуа во всем, что касалось творческого метода. Финляндия для обоих художников представлялась уголком Европы, а финны (прежде всего в лице Эдельфельта) – европейцами, почти похожими на парижан.

1900 году Илья Ефимович Репин вместе с женой, писательницей Натальей Борисовной Нордман поселился в Финляндии в поселке Куоккала на берегу Финского залива, назвав свою усадьбу «Пенаты».

«Эта “Финляндия” была любима. Сухие сосны в высоком вереске, брусника, прямые стволы деревьев... и, наконец, прекрасный песчаный берег и море, откуда с юга виднеются контуры Кронштадта – все это привлекало»², – пишет в своей книге о Репине Тито Коллиандер. В отличие от Левитана, Репин видит, что финны находятся в гармонии с природой «угрюмой Финляндии».

К 1903 году относится холст «Какой простор» (Масло, холст, 179×284,5. Гос. Русский музей). По словам художника, ему удалось передать «время первых заморозков моря, когда низовой ветер поднимает воду и играет, ломая льдины. Это забавляет молодых людей, а стариков художников смелость эта удивляет настолько, что они пишут на эту тему картину»³. Пейзаж уникален в русской живописи, он почти фантастичен и невероятен. У зрителя сразу же могут возникнуть вопросы: «Где это? Как это?». И тут же найдется ответ: «Не может быть». В центре картины молодая пара среди высоких волн и снега. Первая мысль: «Их надо спасать». Но на самом деле это они своей радостью, молодостью, энергией могут спасти мир. И жест молодого человека, и костюм барышни – все в движении. На наш взгляд, Репину удалось соединить в «Каком просторе» и южную зажигающую энергию с северным зимним пейзажем, и мастерски передать игру замерзающей воды, художнически увидеть десятки оттенков белого цвета, сделать картину жанровой, сюжетной и дать точное название.

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 2 т. Кн. 4–5. М., 1993. С. 185–186.

² Там же. С. 187.

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн. 4–5. С. 187.

² Colliander T. Ilja Repin. Helsinki, 1977. S. 276.

³ Цит по: Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 24.

Живя в Куоккале, Репин создает десятки этюдов на берегу моря, в парках, лесах. Но Финляндия для Репина – это не только природа и не столько природа, сколько музеи, памятники, здания – одним словом, Хельсинки, или, как тогда называли город по-шведски, Гельсингфорс, а в Гельсингфорсе – художественный музей Атенеум. К.И.Чуковский восхищался той юношеской пылкостью и страстью, с какой Репин впитывал в себя финские музеи и архитектуру. Репин любит Гельсингфорсом, называет его уголком Парижа, тем самым приравнивая к цивилизованному «гениальному» Западу, к лучшим его достижениям: «...Гельсингфорс – уголок Парижа – Европа. Великолепная архитектура своеобразна, весела, бульвары смеются от радости веселой публики. Ее так много везде, тепло, гуляют в одних пиджаках, как на гениальном Западе. И вот в какие-нибудь сорок лет эта унылая крепостная Финляндия стала уголком Европы!.. Рунеберг переведен на языки всего мира. Эдельфельт – художник, известный всему миру»¹. Репина радует и относительная свобода Финляндии, и даже наличие национальной финской валюты. И на искусство Финляндии Репин смотрит поначалу сквозь призму политики. Вернувшись из Хельсинки после очередного посещения Атенеума, Репин пишет художнику С.М.Прохорову 12 августа 1912 года: «Были, разумеется, в музее и очень хорошо провели время. Цорн, Эдельфельт и Галлен особенно выдаются. И вообще жизнь этого уголка Европы не может не радовать живых духом. Увы – наши мертвецы духа не могут перенести чужого света и радости жизни, им хочется сейчас же слопать этот вкусный плод свободы»².

«Плод свободы» остался, говоря словами Репина, «не слопанным», граница, отделявшая Финляндию и Россию, закрылась, и Куоккала оказалась на территории нового государства. Репин, и без того любивший финскую живопись, стал ближе знакомиться с самими живописцами. Справедливо считает Олли Валконен, исследователь финского периода в жизни художника, что Репин, не имея никаких предубеждений, начал искать связей с художниками Финляндии и художественными галереями Хельсинки. В статье «Репин и Финляндия»³ О. Валконен придает оттенок некоторой материальной заинтере-

¹ Репин И.Е. Эдельфельт // Новое о Репине. Л., 1969. С. 18–19.

² Новое о Репине. С. 231.

³ Валконен О. Репин и Финляндия // Международная жизнь. 1994–1995. Зима. С. 94–95.

рессованности отношениям Репина с финскими художниками в послереволюционное время, с чем трудно не согласиться. Но в данном случае бытие было определено сознанием, интерес Репина к финской живописи возник задолго до его переезда в Финляндию, этот интерес не был случайным, а отношение художника к произведениям финских братьев по кисти было весьма сложным: от восхищения до полного неприятия. Репин всегда с почтением относился к Эдельфельту, но совершенно иначе складывалось отношение И.Репина к творчеству Аксели Гален-Каллела.

Со времени знаменитой Всероссийской нижегородской выставки 1896 года Репин не раз негативно отзывался о живописи Гален-Каллела, в чем позже не раз раскаивался: «А был я преисполнен ненависти к декадентству: оно меня раздражало..., как самые нелепые фальшивые звуки во время какого-нибудь великого концерта ... И вот я в таком настроении наткнулся на вещи Галлена ... А эти вещи были вполне художественными, и он, как истинный и громадный талант, не мог кривляться»¹. Искренне не любя направление «Мир искусства», Репин распространял свой гнев и на художников, кого «мирискусники» приглашали на свои выставки. Он, действительно, не слишком хорошо представлял картины А.Галлен-Каллела: «Когда я писал о Галлене, я даже не представлял хорошо его трудов – так, по старой памяти... А потом, будучи в Гельсингфорсе, я познакомился с его работами ... и готов был провалиться сквозь землю. Это превосходный художник, серьезен и безукоризнен по отношению к форме. Судите теперь: есть от чего, проснувшись часа в два ночи, уже не уснуть до утра – в муках клеветника на истинный талант»².

Более близко Репин познакомился с А.Гален-Каллела на банкете, устроенном финскими художниками в честь И.Репина в 1920 году в Хельсинки: «...Мы встретились на товарищеском ужине друзьями. Я сейчас же адресовался написать его портрет. Он лицом – запорожец, да и характером. Он позировал и мы прекрасно провели время и я написал портрет в один сеанс... Портрет его я

¹ Репин И.Е. – К.И.Чуковскому. Письмо от 18 марта 1926 г. // Репин И.Е. Избранные письма. В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 79.

² Репин И.Е. Избранные письма. Т. 2. С. 370–371.

подарил музею Атенеум»¹ («Портрет Аксели Галлен-Каллела». 1920. Холст, масло, 100⊗81. Художественный музей Атенеум).

На этом банкете в честь Репина присутствовали почти все видные финские художники, писатели, поэты, музыканты. Знаменитому портретисту тут же захотелось изобразить их всех вместе: «...Возвращаясь уже домой в вагоне железной дороги, меня стала будоражить совесть... Почему и мне не попытаться зафиксировать наше вечернее собрание финских художников»².

Желание изобразить всех знаменитых финнов, собравшихся на банкете, было одновременно и чувством благодарности Финляндии за доброжелательное отношение к художнику, и стремлением запомнить один из ярких вечеров в его жизни, но, пожалуй, самое главное, Репин хотел запечатлеть великий миг в истории финского искусства, так называемый «золотой век», который, как художник интуитивно понимал, больше никогда не повторится.

Картина отняла у Репина много лет упорного труда. И хотя она уже была выставлена в ноябре 1922 года в Хельсинки, Репин бесконечно ее переделывал, дописывал портреты, работал над композицией. И постоянно был недоволен.

Чтобы ни писал сам Репин, а вслед за ним его критики о «Финских знаменитостях», картина эта уникальна. Только И.Репину и никому другому пришлось в голову написать всю элиту Финляндии за одним столом, но для этого было нужно, чтобы финская элита состоялась. Нужно было, чтобы возник финский неоромантизм, принесший славу живописи Финляндии, нужно было, чтобы финская архитектура заявила о себе именем Э.Сааринена, а музыка подарила миру Я.Сибелиуса. Групповой портрет высокопоставленных чиновников никогда бы не вызвал к себе подобного интереса, какой вызывает картина И.Репина. Гениальные групповые портреты гильдий, написанные голландскими мастерами, интересуют нас прежде всего колоритом, подробностями костюмов, красотой мужских лиц, но нам в общем-то все равно, кто эти люди. Совсем иначе на картине у Репина. Каждый изображенный на картине – известный в финской культуре человек. То, что они жили в одно и то же время, то, что им довелось оказаться за одним столом, и то, что на это обратил внимание русских художник, потря-

сает. Это репинский образ Финляндии. И пусть не все лица дописаны, но ощутим их свет, «слышны» их голоса. В картине нет ничего надуманного, фальшивого, неестественного, несмотря на то, что портреты делались по фотографиям. Гален-Каллела, курящий трубку, изображен спиной к Репину, мол: «Помню, помню!». Эйно Лейно с уже отросшим животиком читает посвящение русскому художнику. К.Г.Маннергейм с офицерской выправкой смотрит на Репина, а сам художник изобразил себя спиной к зрителю, тем самым не сделал себя главным героем картины и не причислив к «финским знаменитостям». Картина получилась очень демократичной, где каждый изображенный – главный, независимо от места, где помещен портрет того или иного участника торжества. Задумчивый архитектор Элиэль Сааринен – на первом плане, композитор Ян Сибелиус – на втором, художник Пекка Халонен – на третьем.

Репин завещал картину финскому правительству, и сейчас работа находится в музее «Атенеум». Она висит на самом видном месте, в самом посещаемом зале – в кафе. Хорошо это или плохо? С одной стороны, искусство, столь высокого ранга, воспринимаемое с чашкой кофе, а то и с хорошим бифштексом – вещь парадоксальная, но с другой стороны, картина известна каждому финну, а имя Репина популярно в Финляндии не менее, чем в России. И еще, на картине изображен пир, что, по мнению работников музея, позволяет ее повесить туда, где пируют. «Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья, – вспоминал Репин в письме К.И.Чуковскому. – В Гельсингфорсе мы так *пировали!* ... Еще уезжая, уже в вагоне долго я был обуреваем *живой карти<ной> нашего торжества* (Выделено мной. – Е. С.).

Но, пожалуй, самое большое восхищение финнами испытал И. Репин на своем 85-летию. По словам художника, «из-за одного этого 85-летия надо благоговейно жить на свете и боготворить человечество». Это строки из письма к Д.И.Яворницкому, в котором Репин писал о финнах: «Как добры, как милы люди!»¹. Юбилей показался художнику поистине национальным финским торжеством, это вновь переполнило его восторженными чувствами и утвердило в мысли, что он «награжден божием милосердием свы-

¹ Репин И.Е. Избранные письма. Т. 2. С. 370–371.

² Там же. С. 331.

¹ Репин И.Е. Избранные письма. Т. 2. С. 404.

ше всякой меры», что ему всегда везло и конец жизни в Финляндии был предрешен. Осталось только «предпринять хлопоты – быть похороненным в моем саду в Куоккале»¹. Репинский образ Финляндии, созданный им словом и кистью, – это образ современной цивилизованной страны с высокой культурой и добрыми людьми.

Если И. Репин интересовался современной ему Финляндией, то другой русский художник, Николай Константинович Рерих (1874–1947), побывавший в Финляндии в 1907 году и проживший там более двух лет с декабря 1916 по апрель 1919 г., пытался воскресить человеческую прапамять, погружаясь в своем творчестве то в эпоху викингов, то в глубины каменного века. Идеализация прошлого присуща мышлению молодого Рериха. Он призывал беречь старину русскую и ставил в пример отношение к памятникам в Финляндии. «Как близка Финляндия. Как умеют там ценить жертвы искусству»².

Все лето 1907 г. Николай Константинович с женой и двумя маленькими детьми провел в путешествиях по Финляндии. В Финляндии Рерих ближе познакомился с творчеством А.Галлен-Каллела и с ним самим. Родственница финского художника сопровождала семью Рерихов в поездках по городам Финляндии. Из Лохьи 16 июня 1907 г. Рерих писал Гален-Каллела: «Восхищаемся церковью и Вашей очаровательной племянницей»³. Яркие впечатления от поездки воплотились в восьми этюдах. Это «Вентиля», «Нислот. Олафсборг» (*фин.* – Савонлинна. Олавинлинна), «Пунка-Харью», «Иматра», «Седая Финляндия», «Сосны», «Камни», «Лавола».

Выставленные в 1909 г. на выставке «Салона» в Меншиковском дворце, этюды Финляндии заставили говорить о Рерихе как о родоначальнике архаического или героического пейзажа. Этюды 1907 года «Пунка-Харью», «Седая Финляндия» вызывают в зрителе необъяснимую тревогу то ли перед бурей, то ли перед первобытной мощью гранитных глыб, готовых в любой момент сорваться с высоких берегов и соединиться со стихией воды. «Вот этюды Финляндии; но не мертвые этюды усидчивого импрессионизма, а

целый цикл страшных сказок, до такой степени каждый этюд проникнут духом земли и ее прошлого»¹, – писал современник Н.Рериха, критик М.Фармаковский.

В этюде «Пунка-Харью» (Бумага на картоне, пастель, карандаш. 46,5×46,5. Гос. Третьяковская галерея) преобладает свойственная и другим северным работам художника голубая, зеленоватая, прозрачно-серебристая цветовая гамма. Еще одна характерная особенность этих этюдов – законченность композиции и тщательная проработка деталей. В «Седой Финляндии» (Картон, пастель, темпера, 44,0×43,5. Гос. Русский музей) Рерих добивается ощущения движения двойной диагональной композицией. По одной диагонали – из правого угла в левый – расположены озеро и камни, окрашенные в холодные серые тона, по другой диагонали – холмы и леса, написанные теплым зеленым цветом. Небо почти не изображено, но скалы и вода вобрали в себя весь небесный свет и сами освещают лесное побережье. На фоне стилизованного леса тщательно прописан огромный валун, который возвышается как монумент, как символ «седой» архаической северной древности.

Путешествие Н.Рериха в 1907 году по Финляндии было весьма плодотворным. Рерих интересуется древней финской архитектурой, изучает древнее искусство финнов. В «Древнейших финских храмах» (1907) художник вступил в полемику с распространенным тогда мнением, что старинные церкви Финляндии – не финские, а всецело шведские. Рерих понимает, что существует преемственность в архитектуре северных стран, что у финских и шведских зодчих были одни и те же источники вдохновения, но считает: «Группа финских храмов со стенописью стоит в ряду чрезвычайно интересных явлений северного края»². Художник обращается с призывом к финскому народу: «Финны, полюбите и сумеете сбереечь ваши старейшие храмы»³.

В поездке 1907 года Рерих познакомился с архитектурой финского неоромантизма и стал ее ценителем. Стиль суровой северной готики чувствуется и в соборе, изображенном в «Покаянии» 1917 (Холст, масло, 62,0×80,0. Музей Н.К.Рериха в Нью-Йорке. США). «Покаяние» написано в Сортавале. Здесь в 1916 году произошла

¹ Репин И.Е. Избранные письма. Т. 2. С. 392.

² Рерих Н.К. Голгофа искусства // Собр. соч. Кн. 1. М., 1914. С. 102.

³ Архив Музея А.Гален-Каллела. Хельсинки.

¹ Фармаковский М. Художественные заметки // Образование. 1908. № 8.

² Рерих Н.К. Древнейшие финские храмы // Собр. соч. Кн. 1. С. 159.

³ Там же. С. 167.

следующая встреча Рериха с Севером. В эссе «Финляндия» Рерих позже вспоминал: «Финны были к нам очень дружелюбны, знали и любили мое искусство. Моя дружба с Галленом-Каллелла тоже была известна. <...> Зима 1918 года – Выборг. Выставка в Стокгольме. Бьорк и Мансон помогли – оба знакомы еще с Мальме. Затем выставка в Гельсингфорсе у Стриндберга. Атенеум купил «Принцессу Мален».

Вспомнили мы с Е.И. наши прежние поездки по Суоми – Нислот (или Нейшлот – шведское название города Савонлинны. – Е. С.), Турку, Лохья, конечно, Иматра и каналы»¹.

Как видно из эссе, Рериха и Гален-Каллелла связывала крепкая творческая и личная дружба. Художники встретились в 1917 году в Петрограде, куда они приехали на большую выставку финского искусства, открывшуюся 16 апреля.

В сложной обстановке 1918 г., когда финская рабочая революция потерпела поражение и отношение к революционной России со стороны властей Финляндии становилось нетерпимым, Рерих порой сталкивался с недоверием к себе как русскому. Он пишет Гален-Каллелла о своем положении, просит помочь:

«Мой милый друг Аксель!

Надеюсь, что это письмо еще застанет тебя в Каяни. Нужно, чтобы ты срочно рекомендовал меня губернатору Выборга господину Хекселю. В противном случае очень возможно, что мне придется покинуть Финляндию. Меня информировали, что с 1 сентября снова начнется выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа и жилье. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных. Вот пожалуйста: известная личность, известное имя и общественное положение – и высылка из Финляндии только по причине национальности. Такого не случилось никогда ни в одной стране. Когда мне сообщили эту новость, я засмеялся. Но только что я получил письмо от человека, которому доверяю. Этот человек советует мне запастись рекомендательными письмами от исключительно известного и ценного в Финляндии человека. Я сразу же подумал о тебе. <...> Как бы хо-

телось видеть тебя, поговорить с тобой, знать, что ты думаешь, о том хаосе, который нас окружает»¹.

Вероятно, благодаря помощи А.Галлен-Каллелла Рериха не коснулись проблемы выселения. Более того, художнику прекрасно работалось, и он смог подготовиться к персональным выставкам в Скандинавии. Перед отъездом на первую выставку, в Стокгольм, Рерих побывал в Хельсинки и дал интервью корреспонденту газеты «Русский листок», преподавателю литературы Хельсинкского университета К.Арабажину. «Он вынес самые благоприятные впечатления о Финляндии. Отношение к нему местного населения, – писал Арабажин, – носило характер отменной дружелюбности и внимания. Рерих интересовался прошлым края: «Мне хотелось увидеть настоящую новгородскую пятину, исконную пятину, и я увидел ее. Я увидел новгородский край. Тот же тип, та же раса <...>»².

К финской выставке Н.К.Рериха прямое отношение имел Аксели Гален-Каллелла. Он выступил на ее открытии в галерее Стриндберга 29 марта 1919 г. с приветствием от финского правительства.

С помощью Гален-Каллелла музей Атенеум приобрел «Принцессу Мален», один из эскизов декораций к пьесе Метерлинка. В коллекции Атенеума, крупнейшего финского музея, и сейчас находится эта работа Рериха 1913 года, изображающая двор средневекового замка. В левой стороне эскиза – две фигуры в черном, лиц их не видно. Люди выглядят крошечными и беспомощными рядом с высокими каменными сводами, рядом с мрачными колоннами, окруженными изваяниями апостолов.

В письме членам финского общества имени Рериха художник выразил свою глубокую признательность финским друзьям: «Прошу передать доктору Реландеру, генералу Маннергейму, Аксели Гален-Каллелла, Сааринену и другим моим друзьям в Финляндии мои лучшие чувства. Мы никогда не забываем время, проведенное в имении д-ра Реландера и приветствие финского правительства, сообщенное мне Аксель Гален-Каллелла к открытию моей выставки в Гельсингфорсе. Я всегда чувствую, что моя картина в Атенеуме является послем моего благожелания Финляндии»³.

¹ Архив музея А.Гален-Каллелла. Хельсинки.

² К.А. Заметки дня // Русский листок. 1918. № 128. 2 нояб.

³ Рерих Н.К. Чары Финляндии // Держава Света. Нью-Йорк. 1931. С. 132.

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. М., 1995–1996. Т. 3. С. 599–600.

Прямо на выставке был продан с аукциона замечательный «Зимний пейзаж» (1918. Фанера, темпера. Частное собрание. Хельсинки, Финляндия). «Зимний пейзаж» (1918) строится на тонком контрасте света и тени, цвет слабо выражен, преобладают белые и розовые тона. Больше половины картины занимает изображение заснеженного пространства. По-иному написано «Озеро» (1917) из коллекции художественного музея города Хямеенлинна. Композиционно пейзаж напоминает работу Рериха 1907 года «Пунка-Харью». Возможно, «Озеро» – это именно вариация на тему «Пунка-Харью». В «Озере» художник не изобразил ни леса, ни волн. Остались лишь стилизованная береговая линия, очертания островов на дальнем плане и зеркальная гладь воды. Упростив композицию, Рерих достиг большего эмоционального воздействия картины.

По словам Леонида Андреева, Рерих создал радостный образ финского Севера. «Это не тот мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни, где Смерть воздвигла свой ледяной, сверкающий трон и жадно смотрит на жаркую землю белесыми глазами – здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе»¹.

С большой теплотой вспоминал Рерих Финляндию, финский народ и по-прежнему, сквозь призму культуры, смотрел на его историю. В книге «Держава Света» (1931) художник писал о финнах как о народе с «глубокими корнями», знающем свое искусство и науку: «Когда я вспоминаю замечательные музеи искусства, археологии и этнографии, созданные Финляндией, я чувствую, с какой заботой и самосознанием финны собирали свои сокровища. И мы знаем, как глубоко финские корни <...>. Истинно слово культура близко и легко произносимо на финской земле»².

В семье Николая Рериха любили читать «Калевалу». Хотя непосредственно по мотивам «Калевалы» Рерих не создавал картин, он высоко ее ценил и ставил в первый ряд словесных памятников, созданных человечеством: «Когда мы плыли по незабываемым финским озерам, – вспоминал художник, – вызывая образы мудрого Вайнемайнена (Вайнямейнен. – *Е. С.*) Айно и Сампо, мы видели и развалины седых замков, и древние храмы и знакомились с та-

кими же древними обычаями, и мы чувствовали так ясно, почему Калевала стоит в первом ряду вечных человеческих творений»¹. В 1936 г. в книге «Нерушимое», говоря о богатстве и гибкости русского языка, Рерих опять вспоминает «Калевалу» и, вероятно имея в виду, знаменитый перевод Л.Бельского, пишет, что «Калевала» ... прекрасно поддается пластичному языку русскому»².

Как завещание звучит дневниковая запись художника: «...должен сказать, что встречал (в Финляндии. – *Е. С.*) для себя и моих близких самое доброе отношение. Многие финляндцы даже говорили мне, что я как художник принадлежу в их глазах одинаково как России, так и Финляндии. Это обращение дает мне как русскому право обратиться от всего сердца с обоюдным пожеланием, чтобы Россия и Финляндия обоюдно подлинно знали друг друга»³.

Соученик Н.К.Рериха по классу А.И.Куинджи в Петербургской Академии художеств Аркадий Александрович Рылов (1870–1939) создал свой образ Финляндии, над которым он работал много лет.

Разбросанные по частным собраниям, по музеям разных городов России, финские этюды и картины Рылова не очень хорошо известны, о них не писалось как об отдельном, северном направлении в творчестве знаменитого мастера, тем не менее Аркадий Рылов бывал в Финляндии много раз и создал там более тридцати картин и этюдов. «Я любил зимой вечером, – вспоминал художник, – садиться в поезд с Финляндского вокзала, хорошо выспаться в вагоне и утром, прибыв в Гельсингфорс, пойти в музей – Атенеум, посмотреть произведения финских художников: Эдельфельта, Галлена, Ярнефельта, Галонена и других. Однажды мне удалось видеть отдельную выставку произведений Галлена. Его зимние этюды привели меня в восторг, и я вдохновясь ими, сам принялся писать снега. Из Гельсингфорса по ветке я отправлялся в Чило. Там меня радушно встречали, и я гостил по нескольку дней»⁴.

А.Рылов признается, что творчество А.Галлен-Каллела повлияло на него еще в 1898 году, когда он увидел картины финских художников на выставке «Мира искусства», устроенной С.Дягилевым в музее Штиглица: «Очень интересен был отдел

¹ Рерих Н.К. Чары Финляндии. С. 132.

² Рерих Н.К. Нерушимое. Рига, 1936. С. 63.

³ Архив Г.Р.Рудзите. Рига.

⁴ Рылов А.А. Воспоминания. Л., 1977. С. 168.

¹ Андреев Л. С.О.С. Дневник (1914–1919). М.;СПб., 1994. С. 21.

² Рерих Н.К. Чары Финляндии. С. 133.

финляндцев: Галлен, Бломстедт, Эдельфельт, Ярнефельт, Галлонен и другие»¹.

Уже в первой поездке 1903 г. по Финляндии Рылов создает шесть этюдов: «Близ Иматры» (Холст, масло, 31×48,5. Гос. Русский музей), «Камни в лесу». Финляндия. (Холст, масло, 31×45. Частное собрание. Санкт-Петербург), «Река Вуокса» (Холст, масло, 29,5×46. Частное собрание), «Пороги на Вуоксе» (Холст, масло, 30,2×46). Кировский областной художественный музей им. А.М.Горького), «Финляндские камни. Этюд» (Холст, масло, 26,5×34. Гос. Русский музей), «Финляндский лес. Этюд» (Холст, масло, 26,7×47,5. Гос. Русский музей). Финский лес приворожил художника. Он постоянно появлялся в живописи Рылова, написанный крупными мазками, монументально и даже мрачно. В 1908 году Рылов создает восемь холстов, восемь пейзажей с видами финского леса. И каждый раз в названии картины художник подчеркивает, что изображен не просто лес, а «Финляндский лес», не просто осень, а «Осень в Финляндии» и т. д.

В Карельском государственном музее изобразительных искусств находится картина «Финляндия. Лес» (1908. Холст, масло, 39,0×48,0). Высокие грозные сосны возвышаются над голыми скалами. Тяжелая цветовая гамма в темно-коричневых, темно-зеленых, темно-серых тонах которой написаны деревья, вполне естественна на фоне пасмурного неба и свинцовых облаков. А на переднем плане скалы с изумительным природным орнаментом – мох избилует изумрудной, охристой фиолетовой окраской. А.Рылов точен как в изображении леса, так и в изображении собственного настроения. Очень мрачен и неспокоен этюд «Близ Перк-Ярви» (1908. Холст, масло, 32,0×31,5. Гос. Русский музей). Само название этюда не случайно: Перкьярви – чертово озеро. И хотя красотой окрестных мест художник был восхищен: «Там красивые темные камни среди красного вереска, желтые березы, мелкие сосенки и большая даль лесная, пестревшая осенними деревьями»², – на душе у Рылова было тревожно. На глазах у художника проходили последние месяцы жизни его любимого тяжело больного ученика В.Кресанова. В этюде, написанном темным насыщенным цветом, напряженность передается почти перпендикулярным,

¹ Рылов А.А. Воспоминания. С. 119.

² Там же. С. 168.

перекрестным изображением острых стеблей тростника и столь же острых полосок волн на переднем плане, вдаль – темный лес с извилистыми стволами деревьев, гнущимися от ветра и приобретающими причудливые, неприятные формы.

И все-таки в финских этюдах Рылова всегда есть надежда, а в таких, как «Сосны в Финляндии близ Хельсинки. Первый сеанс этюда» (1906. Холст, масло, 39,0×47,3. Гос. Русский музей) и «Весна в Финляндии» (1905. Холст, масло, 72,0×108,0. Гос. Третьяковская галерея), северная природа преобразуется под лучами ослепительного солнца, цветовые пятна на камнях напоминают мозаику, а линии деревьев – крылья фантастических птиц. Яркосиняя вода в «Весне в Финляндии» прорывается ручьями через уступы, образуемые из валунов, весело бегут облака по небу, а на противоположном берегу реки просыпаются холмы и лучезарные поляны. Рылов не раз писал в своих воспоминаниях о разноцветии финской природы, пытался запомнить его и передать в изображении деревьев, камней и даже воды. Вода, а точнее водопады и пороги реки Вуоксы, пленили его воображение настолько, что начав писать Вуоксу, водопад Иматру в 1903 году, художник продолжал работу над этюдами до самой смерти. Он создает образ Иматры в нескольких этюдах 1910 года: «Иматра. Этюд» (Холст, масло, 50,0×37,0. Гос. Русский музей), «Иматра» (Холст, масло, 32,0×48,5. Частное собрание. г. Москва), «Северный пейзаж с водопадом» (Холст, масло, 37,2×46,2. Карельский гос. музей изобразительных искусств). В «Северном пейзаже с водопадом» удивляет и даже вызывает недоумение коричневая с рыжеватыми оттенками вода на первом плане, вокруг заснеженные берега и белые, голубоватые, охристые брызги пенящейся воды. «Северный пейзаж...» удивительно схож с картиной А.Галлен-Каллела «Иматра зимой» (1893. Холст, масло, 153,0×194,0. Атенеум. Хельсинки) в удали, в молодой устремленности к чему-то светлому, в безоглядности, в поэтичности.

В 1912 году Рылов вновь пишет вид водопада «У Иматры зимой» (Холст, масло, 37,5×45,0. Симферопольская областная картинная галерея). И последний раз художник вспоминает Иматру в 1934 году незадолго до смерти. Именно вспоминает, не имея возможности бывать в Финляндии, он пишет почти эпическое полотно «Иматра» (1934. Холст, масло, 69,0×106,0). Художник работает по этюдам своей молодости, черпая вдохновение в энергии вечно

юного водопада. Половина переднего плана и вся центральная часть картины – белые пенящиеся волны водопада и только вдали по краям картины непрописанные островки леса. Волны могущественны, их силе невозможно противостоять, небольшие утесы справа на переднем плане едва удерживаются под натиском волн. Твердь беспомощна по сравнению с бурлящей водой Иматры. На небе постепенно сгущаются тучи, вдали у горизонта – безмолвные старые ели, понимающие, что они совсем не интересны молодой, резвой и беспощадной воде. Картина «Иматра» – это не результат настроения художника, не дань моменту, это выражение чувства, владевшего художником многие годы. В картине на сей раз нет декоративности, нет и следа от прошлых намеков импрессионизма в творчестве художника, а есть выстраданное и мастерски показанное кредо всей жизни. Искусство, граничащее с проповедью.

Своему ученику В.Кресанову и его матери Софье Александровне Рылов помог найти дачу в глубине Финляндии, рядом с Хельсинки на станции Чило, «в лесу, в котором громоздились дикие скалы и камни, покрытые седым и разноцветным мхом. Неподалеку стояла дача финского художника Эдельфельта, пустовавшая зимой. Вот здесь *тишина торжественная*¹. Торжество тишины, разноцветие природы и беспощадная вода – вот три основных мотива, которые учитывал прекрасный художник, создавая свой образ Финляндии.

Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958), один из учредителей общества «Бубновый валет», мастер колорита, прославившийся в истории русского искусства как «живописный живописец», побывал в Финляндии лишь однажды – летом 1911 года.

Художник создает с финским сюжетом три пейзажа: «Барка» (Собрание В.С.Семенова, Москва), «Пароходная пристань. Серый день», (Холст, масло, 87,0×106,0. Гос. Третьяковская галерея), «Пристань при солнце» (Собрание С.Корсакова. Москва) и портрет «Лиза с зонтиком» (Е.С.Потехина). Финляндия» (Холст, масло, 83,0×98,0. Пермская государственная художественная галерея). Ни в письмах, ни в «Беседах об искусстве» Фальк не вспоминает об этой поездке. Побывав в Финляндии непосредственно после Италии, насмотревшись венецианской живописи и римской архи-

тектуры, художник, возможно, был переполнен впечатлениями и не придавал особого значения встречам с Севером. Сейчас трудно сказать, где и с какой целью ездил по Финляндии Фальк. Нам также можно было оставить без внимания образ Финляндии, созданный одним из популярнейших художников России XX века, если бы не одно обстоятельство: картина «Пароходная пристань. Серый день» оказалась знаковой, этапной для художника. В 1910 году Фальк заканчивает Московское училище живописи, ваяния и зодчества, путешествует по Италии, основывает вместе с А.Куприным, А.Лентуловым, И.Машковым общество «Бубновый валет» и непрерывно ищет свой стиль. Поездка в Финляндию совпала с этим напряженным временем в жизни художника, когда старое уже не вдохновляет, а новое еще не найдено. Портрет «Лиза с зонтиком» еще не удивляет зрителя, несмотря на яркий цвет, лежащий плоскостями на холсте. Пейзаж «Барка» с динамичной композицией, с желанием передать дуновение ветра в трепещущихся складках платья девочки, со стремлением показать работу портовых грузчиков на берегу – это традиционный реалистический пейзаж. Иное дело «Пароходная пристань. Серый день». В этой картине, написанной на финском берегу, рождалась новая живописная система художника, заставившая говорить о Фальке весь художественный мир. Своим творчеством художник доказывал, что живопись – это не только изобразительное, но и пластическое искусство, такое же, как архитектура и скульптура, что живопись – это многомерный мир со своими непостижимыми законами, цвет сам по себе может быть объемным и динамичным, быть «вещью в себе». «Такие работы Фалька, как «Пристань», лишний раз подтверждают единство, казалось бы, различных исканий Фалька в годы, предшествовавшие его первой зрелости¹, – пишет о финском пейзаже Д.В.Сарабьянов, автор многих работ о художнике.

Роскошное дерево, занимающее треть картины, растет почти в воде, зеленый цвет его кроны взрывается изнутри белыми бликами, дерево будто радуется хмурому дню. Медленно плетутся женщины то ли полюбоваться водой, то ли посплетничать с соседками. Справа от пристани – опустевший пароход, написанный крупными плоскостными мазками и оттого слегка нереальный, в

¹ Рылов А.А. Воспоминания. С. 168.

¹ Сарабьянов Д.В. Русская живопись конца 1900-х – начала 1910-х годов. М., 1971. С. 130.

отличие от дома, что изображен слева на переднем плане, с правильными пропорциями, прописанным окном, с тенью от крыши, белыми бликами на стенах. Фигуры женщин стилизованы, максимально обобщены и даже сознательно искажены, но настроение людей угадываемо. Две дамы в шляпках о чем-то возбужденно разговаривают, мужичок у перил неохотно, даже сонно почесывает бок, думая, отправиться ему в такую погоду в море или не стоит. Фальк виртуозно работает с цветотенью. Справа от пирса вода темная, а слева – светлая, в серых полутонах, но не столь тщательно прописанная, чтобы остановить взгляд зрителя надолго. Чуть заметная лодка с парусом – лишь маленькая деталь картины, как и забавные домики-кубики среди шарообразных крон деревьев на противоположном берегу. Внимание художника сосредоточено именно на пристани. Благодаря разноцветию воды пристань выглядит объемной, многозначительной, а светлые сваи ярко выделяются на фоне темной воды, словно приподнимают пристань не только над водой, но и над миром.

Значительно позже, в 30-е годы, в своих лекциях во Вхутемасе и Вхутеине Р.Фальк говорил ученикам, что художник должен иметь не столько поставленную руку, сколько «поставленный глаз». И подобно музыканту, обладающему абсолютным слухом, художник с «поставленным глазом» видит то, что не дано другим. Следуя логике самого художника, он писал пейзажи Финляндии «поставленным глазом», то есть художник увидел на обычной провинциальной пристани – особый мир. Любопытно, что все четыре работы, судя по всему, писаны на одной и той же пристани. Даже портрет «Лизы с зонтиком» (первой жены художника Елизаветы Потехиной) выполнен на берегу на фоне лодок и в пасмурный день. Корабли, парусники, грузчики, забавные покосившиеся домики на берегу, спокойный быт – такой увидел Финляндию Фальк.

В отличие от других художников, писавших Финляндию, образ Финляндии в картинах Фалька – это образ маленького, но города. Художник создал не картины финской природы, а картины городской провинциальной жизни. «Пароходная пристань. Серый день» – радостная работа, хотя написана в ненастье. Но Фальк, прославившийся как мастер цветописа, любил пасмурную погоду...

Образ Финляндии в русской литературе

На рубеже XIX и XX веков в России возникает глубокий интерес к финской культуре. В русских журналах начинают публиковаться переводы произведений финских писателей, выходит сборник «Поэты Финляндии и Эстляндии» (1898), издается журнал «Финляндия». Еще с XIX века любимым местом отдыха русской интеллигенции были берега Финского залива и Карельский перешеек. На рубеже веков поэты облюбовали окрестности города Иматра с его знаменитым водопадом, рекой Вуоксой, озером Сайма.

«Я поселился в Финляндии на озере Сайме, откуда приезжаю в Петербург с улучшенным здоровьем и сбереженным кошельком»¹, – писал философ и поэт Владимир Соловьев 21 февраля 1895 года. Большая часть стихотворений, написанных В.Соловьевым в Финляндии, посвящена неповторимости северной природы, где, по его мнению, в вечной гармонии соединились покой и буря, безмолвие лесов и грохот водопадов, рай природы и ад природы («Сайма», «На Сайме зимой», «Иматра», «Июньская ночь на Сайме»). Берега Саймы являются для него раем чистой природы. Но с другой стороны, Север для Соловьева – это жилище демона, адского духа, где «гибнут грешные создания, гибнут грешные дела» («Колдункамень»)².

В своих финских стихах Соловьев строит образ на соединении несоединимого. У поэта Сайма – это «полярное пламя», «темного хаоса светлая дочь»³. В стихотворении «Иматра» – «шум и тревога в глубоком покое...»⁴. Поэт умудряется видеть покой в движении струй водопада:

Жизнь мировая в стремлении смутном
Так же несетя бурливой струей,
В шуме немолчном, хотя лишь минутном
Тот же царит неизменный покой⁵.

В.Соловьев стремился показать и существующую, по его словам, в природе мировую душу, и конкретный реальный пейзаж.

¹ Соловьев В. Письма. СПб., 1909. Т. 1. С. 182.

² Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 109.

Природа сама становится духом, который воплощает в себе универсальность, синтез, всеединство. Финские стихи В.Соловьева продиктованы не столько настроением, сколько идеями, философским мироощущением поэта.

Финская природа отвечала соловьевским мыслям о красоте как высшей сущности мира. С юмором, но вполне искренне В.Соловьев пишет брату Михаилу 30 июля / 11 августа 1893 г. «Финляндия гораздо красивее Италии. Особенно въезд в Або (читай Обо). Я думаю даже, что это название французское и писалось первоначально Oh beau!»¹.

В финских стихах Соловьева можно увидеть не только пантеистические мотивы, философскую идею единства, но и злободневные политические проблемы:

Там я скитался, молчалив.
Там богу правды я молился.
Чтобы насилия прилив
О камни финские разбился².
(«В окрестностях Або».)

Образ Финляндии в поэзии В.Соловьева – это красота: – «Не позабуду я тебя, Краса полуночного края...», тайна: – «...Где ночь безмерная зимы Таит магические чары», правда: – «...Там богу правды я молился...». Связи Александра Блока с Финляндией были в основном литературными. Блок хорошо знал «Калевалу», переводил стихи С.Топелиуса, Л.Онерва, Ю.Рунеберга и других финских поэтов, рецензировал прозу Арвида Ярнефельта. Непосредственно образ Финляндии появляется в одном стихотворении поэта – «В дюнах» 1907г. из цикла «Вольные мысли». Для А.Блока Финляндия – это «новая страна //песчаная, свободная, чужая»³, страна вольных людей, рядом с которой Россия выглядит «бесприютным храмом». Лирический герой,

<...> блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов⁴,

встречает финскую женщину. Герой пытается ее догнать, но это ему не удается. Героиня убегает, оставаясь чужой и незнакомой.

Валерий Брюсов бывал в Финляндии дважды – в 1905 и 1913 годах. В 1905 он создает цикл стихов «На Сайме». Поэт-символист совершенно не по-символистски внимателен к каждой детали финского пейзажа:

Мох да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер¹.

Природа Финляндии приносит поэту душевный покой, а его поэзии – мягкий лирический настрой.

Я упоен! Мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон².

Отношение В.Брюсова к Финляндии не было слишком восторженным. В письмах к своему ближайшему другу, владельцу издательства «Скорпион», меценату С.А.Полякову он критикует и водопад Иматра за «интернационализм», и озеро Сайма за тишину, предпочитая Финляндии «мятежную» Москву. Однако поэт находит озеро Сайма лучше Балтики и пишет об этом своему другу 8 июня 1905 года: «После нелепых скитаний или, вернее, метаний в течение девяти дней воистину хорошо пробыть дни в «раухе» (*но-фински* – покой). Стоит она на самой Сайме, а Сайма куда лучше Балтийского моря, особенно в шхерах»³. Тишина Саймы вскоре начинает раздражать поэта, и в следующем письме к С.А.Полякову, посланном 11 июня 1905 года, он вспоминает о Москве: «Хороша Сайма, но очень уж тихая. <...>Нет, Москва куда мятежнее, чем путешествия, даже при самых экстраординарных условиях»⁴.

Брюсов был также знаком с «Калевалой», более того, он хотел на основании ленинградской создать свою небольшую «Калевалу»

¹ О красота!

² Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 102.

³ Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 439–440.

⁴ Там же. Т. 2. С. 306.

¹ Брюсов В. Собр. соч. В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 379.

² Там же. Т. 1. С. 380.

³ Переписка с С.А.Поляковым // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 103–104.

⁴ Там же.

и включить ее в «Сны человечества» – «лирические отражения всемирной истории», наряду с «отражениями» истории Египта, Индии. Этому замыслу не суждено было осуществиться. Но «Калевала» все-таки вдохновила поэта, и в стихах из цикла «На Сайме» Брюсов показывает свое знание финской мифологии:

И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
За Сампо рубились когда-то ¹.

Итогом поездки 1913 года были пять стихотворений под названием «В стране тишины». Поэт возвращается к серым гранитам, спокойным озерам, водопадам. Но вовсе не тишина, а рев и ярость воды характеризуют финскую природу в брюсовских стихах об Иматре. Мятежный дух поэта соединяется с бурным потоком водопада:

Кипит, шумит. Она – все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух...
(«Иматра») ²

Если В.Соловьев в стремительном движении водопада видел покой, то Брюсов в гуле Иматры слышит гимн всему земному:

Все вокруг, в затишье и под ветрами,
Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую земле!
(«Над Иматрой») ³

Брюсов тонко чувствовал финскую природу. Его поэтические пейзажи страстны и пленительны. И это прежде всего пейзажи озер, берегов, водопадов, «волн, шитых шелками». Пристрастие к водному пейзажу – это и факт русской поэзии начала XX века, и древнее языческое одухотворение водной стихии, живущее в сознании русских и финнов. Через излюбленные образы воды проявляется и доисторическая память, и реальная история, повествующая о вечном движении народов. Но Брюсов был не только цени-

¹ Брюсов В. Указ. соч. Т. 1. С. 380.

² Там же. Т. 2. С. 108.

³ Там же. Т. 2. С. 109.

телем финской природы. Когда 17 марта 1910 года в Государственную думу был внесен правительственный законопроект, ущемлявший самостоятельность Финляндии, Брюсов выступил со стихотворением «К финскому народу», показавшим его отношение к царизму. Стихотворение получило широкую известность и было сразу же переведено на финский («Айка», 1910) и на шведский языки:

Упорный, упрямый, угрюмый
Под соснами взросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет ¹.

В.Брюсов показал себя знатоком «Калевалы», «финляндского вопроса», финской живописи и, что очень ценно, финской поэзии. Он вместе с М.Горьким редактировал «Сборник финляндской литературы» и перевел для него несколько стихотворений. Стихотворения подбирались с фольклорными сюжетами, с лирическими героями-индивидуалистами, с пантеистическими мотивами. Водная стихия привлекает и Брюсова-переводчика, о чем свидетельствуют уже сами названия переводимых стихотворений: «У ручья» (Ю.Рунеберг), «Песня Вуоксы» (Ю.Эркко), «При устье речки» (Я.Прокопе).

Журнал «Современный мир» в июле 1908 года опубликовал стихотворение «На Иматре» Льва Василевского (редактора «Утра России», автора сборника «Стихи. 1902–1911»). СПб., 1912). В стихах Л.Василевского современники видели влияние В.Брюсова и вообще символистской эстетики. Действительно, вслед за символистами поэт видит в «серебряных струнах» водопада слияние «конца и начала», «смерти и жизни». Но уже не духовное начало, а чисто земные плотские чувства приписывает природе поэт:

С бешеной жаждой измены,
С тоской забытых обид
Брызги опаловой пены
Дробятся о серый гранит.

И с убийственной иронией, сводящей на нет всю возвышенную символику стихов русских поэтов об Иматре, пишет о водопаде Саша Черный:

¹ Брюсов В. Указ. соч. Т. 2. С. 79.

Был на Иматре – так надо.
Видел глупый водопад¹.

Все плохо для Черного в Финляндии. Да, он жаждал «...лесов, озер и покоя, но в лесах снега глубоки, а галоши мелки». Единственное, что, по мнению поэта, прекрасно, – это молчание финнов и финок».

Осип Мандельштам в Финляндии обычно проводил школьные каникулы. Стихотворение «О Красавица Сайма» (1908) было написано 17-летним поэтом. У Мандельштама песчаные берега финского озера вызывают молитвенное отношение. Сайма – это храм, но неизвестно чей, здесь все располагает к молитве, но неизвестно кому.

Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Ненаглядная Сайма струилась потоками лавы.
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился².

В очерке «Финляндия» поэт вспоминал северную страну с ностальгическим чувством: «Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреде своем слушая бубенцы низкорослых финских лошадок. Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив по самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшине ледяная. И я любил страну, где все женщины безукоризненные прачки, а извозчики похожи на сенаторов»³.

За полгода до смерти вспоминает свои поездки на Сайму и Иматру Иннокентий Анненский. Он пишет об Иматре в одной строфе в «Трилистнике дождевом», но в этой строфе Иматра предстает как некая река времени – Лета, точнее, водопад времен:

Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит <...>⁴

Водопад Иматра стал не только источником вдохновения для русских поэтов, но в буквальном смысле источником сил. Великий князь Константин Константинович Романов, побывавший на Иматре в 1890 году, увидел в водопаде не только «вековечную борьбу», но победу в этой борьбе:

И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик¹.

А в 1907 году, в стихах, символизирующих угасающую энергию царской династии, поэт выражает желание научиться здесь, у водопада, жизнестойкости, смелости жить:

О, если б занять этой силы
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь².

Для поэта-символиста Ивана Коневского, по наблюдению Т.Тихменевой, гранит Финляндии приобрел целительные свойства: «Я прихожу в себя на милом мне граните»³. От «окропления святой пеной» водопада дух согбенного поэта вдруг «гулом захлебнулся»⁴. Приятельница В.Брюсова Надежда Львова ищет в волнах водопада духовную опору. Но ни водопад, ни «светлая Сайма» не помогли Надежде Львовой обрести веру в жизнь. Духовную опору в северном пейзаже находили те, в чьей душе существовала определенная твердость и сила. Н.Львова видела в Иматре, в очертаниях Саймы некую параллельную реальность, которая не смогла спасти поэтессу от реальности, ее окружающей. Через несколько месяцев после возвращения она покончила жизнь самоубийством, оставив тонкие лирические строки о «соснах безвопросных»:

Хорошо прилечь под старыми соснами,
Змейкой свернуться на старом граните.
Забыть о Горации, Бальмонте, Эврипиде,
Дышать Саймой и соснами
Безвопросными...⁵

¹ Черный С. Стихотворения. Л., 1960. С. 199.

² Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л., 1978. С. 203.

³ Мандельштам. О.Э. Финляндия // Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 17.

⁴ Анненский И. Избранные произведения. Л., 1988. С. 82.

¹ К.Р. Над пенистой бурной пучиной // Финский альбом. Jyväskylä, 1998. С. 69.

² Там же. С. 69.

³ Тихменева Т. Вместо комментариев // Финский альбом. С. 307.

⁴ Коневская И. Взрыв вод // Финский альбом. С. 75.

⁵ Львова Н. Ночь забелела над белой Иматрой // Финский альбом. С. 84.

В сознании О.Мандельштама, К.Фофанова, Е.Гуро Финляндия порой ассоциируется с родиной, а финская природа называется родной. Константин Фофанов, одаренный, самобытный поэт прямо называл себя финном. К.Фофанову хотелось отождествлять себя с финской природой, объяснять метания своей души влиянием финских водопадов и «хохотом вьюг, безумно музыкальным»:

Я родом финн – и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна¹.

Финская природа (особенно озеро Сайма и водопад Иматра, то есть водная стихия Финляндии) стала фактом русской поэзии XX века. Сайма и Иматра в сознании русских поэтов вписались в образный ряд Лукоморье – Волга – Сайма – Иматра. Водопад Иматра был одним из знаков русского XX века с его потрясениями и бурями.

Обращение к финляндскому пейзажу, а через него к образам финской мифологии значило для русских поэтов 1910-х годов проникновение в глубину древней праславянской памяти, где финский феномен сливался с феноменом восточным – водная стихия со стихией степей, стремительное движение с покоем, конкретные детали с неопределенностью, берег с безбрежьем, историческая реальность с мифом. История трактовалась через пейзаж, объяснялась через географические и пространственные образы. Сама жизнь поэта и его человеческий облик приобретали географические знаки. В то же время ландшафт приобретал исторические и человеческие черты. Происходило слияние культуры и ландшафта.

Финляндия Елены Генриховны Гуро – это воздух, лес, море, озера. Все наполнено душевностью и культурой поэта. Звукопись Е.Гуро в стихотворении «Финляндия» – это не просто дань футуризму, хотя Гуро – последовательный поэт-футурист, это восприятие финской природы в тончайших звуковых, музыкальных, душевных нюансах:

Это ли? Нет ли?
Хвои шуют, – шуют
Анна – Мария, Лиза, – нет?

¹ Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы. М.; Л. 1962. С. 7.

Это-ли? – Озеро-ли?
Лулла, лолла, лалла-лу,
Лиза, лолла, лулла-ли¹.

Стихотворение «Финляндия», дающее представление и о природе, и о финской речи – дифтонгах, долгих гласных и согласных звуках, двойных именах, приветствиях, – единственное в своем роде в русской поэзии. Все, к чему бы ни прикасался взгляд Е.Гуро, преображалось в ее стихах-притчах. У нее финляндский домик поет, «у этого домика лесные мысли», а «в деревья вселяются души гораздо более высокие, чем души людей»². Золотые стволы рассказывают поэтессе «свое золотое вдохновение», а «море переключается полусонными миражами с Финляндией и Норвегией»³. Север у Гуро – прежде всего «самоличность, самостоятельность». И эта самостоятельность сравнивается с деревом: «Острая и возвышающая Самостоятельность Севера. Как вершина ели»⁴.

Поэтесса и переводчица Татьяна Щепкина-Куперник создает свой финский цикл «Сказки Мариок». «Я не знаю лучше сказки», – пишет она о финской природе, эту строку могли бы произнести многие русские поэты, писавшие о Финляндии.

Здесь приют моих мечтаний,
Поэтических скитаний⁵.

Финляндия осталась для литераторов России во многом сказкой, страной вдохновения, «приютом поэтических скитаний».

В творчестве Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966) образ Финляндии создавался годами, даже десятилетиями. На его формирование влияли собственные впечатления от нескольких поездок, воспоминания друзей и реальные исторические события. Когда в 1915 году Анна Ахматова оказалась на лечении в санатории под Хельсинки в небольшом городке Хювинкяя, то в ее стихотворении Финляндия обрела знаки общескандинавского эпического мира. Это образ не царства мертвых, не Валгалла, но дорога туда и весть (или завещание) оттуда:

¹ Гуро Е. Финляндия // Небесные верблжата. Избранное. Ростов-на-Дону, 1993. С. 246.

² Елена Гуро – поэт и художник. СПб, 1992. С. 31.

³ Гуро Е. Дневник. 1908–1913 // Архив ИРЛИ. Ф. 1116. С. 62.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Щепкина-Куперник Т.Л. Сказки Мариок // Финский альбом. С. 128.

Я гошу у смерти белой
По дороге в тьму¹.

В творчестве поздней Ахматовой образ Финляндии связан опять же с пейзажем, где светит месяц, похожий на «финский зазубренный нож»². По-прежнему тема смерти, небытия, зазеркальной реальности присутствует в строках о Финляндии:

Живу, как в чужом мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала³.

Существует, правда вариант этого северного стихотворения «Пусть кто-то еще отдыхает на юге» 1956 года, в котором слово «финский» заменено на «старый», а две последние строки о Суоми изменены:

Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала⁴.

Многозначный образ пустых зеркал, в которые глядится Суоми наполнен той страшной реальностью, свидетельницей и участницей которой довелось стать поэту. Здесь и воспоминание о своей молодости, и прозрачный намек на Зимнюю войну. И, вероятно, внутренняя цензура (или внешняя?) вынудила Ахматову внести изменения в стихотворение, но никак не «цель устранить пространственную привязанность и тем придать стихотворению в общем более отвлеченный философский смысл»⁵.

В 1964 году Ахматова вновь обращается к образу Севера, как старого, верного, но железного друга. Вновь, как и в 1956 году, употребляется слово Суоми и больше не изменяется. Любопытно, что образ Севера – Суоми здесь отделен от образа Запада. В стихотворении Западу приписываются черты клеветничества, Югу – скупости, Северу – верности.

¹ Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1979. С. 98.

² Там же. С. 242, 413.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Раудар М. Образы Севера и северной культуры в творчестве Ахматовой (Ибсен и Ахматова) // Скандинавский сб. Таллинн. Вып. 26. С. 220.

Финляндии отводится роль прорицательницы, ее прорицания оказались не радостными, но честными. Прорицания отказывают героине в счастье, но не отказывают в мужественной жизни.

Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»¹.

Вероятно, поездкой 1964 года в Выборг навеяно и стихотворение «Земля хотя и не родная...». Возможно, это – воспоминание о раннем пребывании Ахматовой в Хювянкяя. Такое предположение дало повод Т.Тихменевай включить стихотворение в «Финский альбом». «Земля хотя и не родная...» – одно из лучших стихотворений поздней Ахматовой, по-пушкински простое, без сложных сравнений, с точными рифмами, написанное в традиционном ямбе:

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять².

Ахматова дает почувствовать читателю великую непостижимую тайну Севера. Для нее, как и для многих русских поэтов, Финляндия осталась «тайной тайн».

Карельский перешеек в начале XX века был местом паломничества русских литераторов. Иметь дачи на Карельском перешейке до революции было престижно. После революции эти дачи для одних стали спасением, для других – гибелью. Еще в 1911 году знаменитый детский писатель Корней Иванович Чуковский, владелец одной из дач, назвал Куоккалу именно гибелью: «Куоккала для меня гибель. Сейчас здесь ровная над всем пелена снегу – и я чувствую, к[а]к он нужен мне. Я человек конкретных идей, мне нужны образы <...> а вместо образов снег»³. И действительно, Финляндия вошла не в образный мир творчества Чуковского, а оставила след в его дневниках и письмах. Когда в 1922 году Чуковскому довелось быть в финском представительстве в Петербурге, чистота финских комнат напомнила ему «нечто пересахаренное». С язвительностью он записал в дневнике 20 марта: «Комнаты, занимаемые финнами, оклеены новыми обоями!! Двери

¹ Финский альбом. С. 137.

² Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. С. 266.

³ Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991.

выкрашены свежей краской!! Этого чуда я не видал пять лет. <... > Казалось даже неприятным, что в чистой комнате, в новых костюмах, в чистейших воротничках по страшно опрятным комнатам ходят кругленькие чистенькие люди. О!! это было похоже на картинку модного журнала; на дамский рисунок; глаз воспринимал это как нечто пересахаренное, слишком слащавое...»¹. Англоман Корней Чуковский посетил Финляндию в январе-феврале 1925 года. Его заметки об этой поездке не лишены юмора, интереса и ... колкости. В них видно, как воспринимал Финляндию писатель, приехавший из послереволюционной России. Поселившийся в гостинице «Хоспиц», достаточно скромной по финским меркам, Чуковский удивляется наличию на столе телефона и двух библий на финском и на шведском языках, паровому отоплению и опять же чистоте: «В моей комнате ванна, умывальник, чистота изумительная <...> День полупраздничный: именины президента Стольберга. Впечатление прежнее: маленький город притворяется европейской столицей, и это ему удается. Автомобили! Радиотелефоны! Рекламы! «На чай» не берут нигде. Бреют в парикмахерских на американских креслах – валят на спину – очень эффектно. Словом, Европа, Европа»². Чуковский создал свой образ Хельсинки, подходящий для фельетона, юморески. Он не восторгался ни финской архитектурой, ни музеями, ни морем, но обратил внимание, как устроены трамваи и что счет по-фински называется «Lasku»: «Я только что получил от своего отеля такую ласку: 168 марок от 28–31 января»³. В то же время Чуковский – один из немногих писателей, кто оставил заметки о знаменитой Славянской библиотеке Хельсинкского университета: «Библиотека солидная, тихая, чинная, на стенах портреты Гоголя, Толстого, Чехова, Мицкевича, – маленький столик, за столиком старый проф. Игельстром сидит и читает старый журнал, где помещены «Соборяне» «Лескова»⁴. Чуковский приехал в Финляндию с целью забрать свой архив на бывшей даче в Куоккале. Для писателя это была тяжелая поездка. Многие письма одесского периода он уничтожил, «уничтожил бы с

радостью и самое время»¹, писал Чуковский, имея в виду свое давнее прошлое. Но настоящее и будущее было к нему благосклонно.

Иначе судьба распорядилась с жизнью Леонида Николаевича Андреева, поселившегося в 1908 году в большом доме в Ваммельсуу. О жизни Леонида Андреева в Финляндии существует уже достаточно большая литература. Это прежде всего статьи Бена Хеллмана и Ричарда Дэвиса. Разделы своих книг посвятили творчеству Андреева В.Кипарский и Т.Пахмусс, писали об Андрееве Н.Башмакова, С.Халтсонен и другие исследователи. Однако андреевское восприятие Финляндии исследователи деликатно умалчивали. Дело в том, что, живя в Финляндии, Андреев не любил ее. Это нелюбовь порой приобретала болезненные очертания, превращаясь в ничем не скрываемую злобу. Писатель не любил Финляндии, хотя его жизнь многие годы тесно переплеталась с судьбой северной страны. Здесь он написал роман «Дневник Сатаны», брошюру «S.O.S», несколько статей. Природу Финляндии Андреев называет «Божьим миром», но все, что связано с «человечьим финским миром» вызывает у писателя чувство, похожее на ненависть.

Финляндия осталась в многочисленных письмах Л.Андреева и в его интереснейшем дневнике, недавно увидевшем свет. Перу Л.Андреева принадлежит также единственная статья о Финляндии [«Финляндия должна быть независимой»] 1919 года, впервые опубликованная в 1994 г., в которой он с усмешкой пишет, что русский, живущий в Финляндии, не может сказать ничего другого, кроме: «Финляндия должна быть независима, раз таково желание и воля финского народа»². Эта статья не была опубликована, ибо автор резко осуждал в ней финнов за отношение к русским, оставшимся в Финляндии. «Если всякий иностранец просто имеет право жить в Финляндии, то русскому предоставлена только обязанность: ежедневно благодарить за гостеприимство, посылать соответственно горячие телеграммы по начальству и восторгаться великодушием финского народа, который не высылает его в Россию под большевистские расстрелы»³.

¹ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 196.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 324.

⁴ Там же. С. 321.

¹ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 322.

² Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / Под ред. Р.Дэвиса и Б.Хеллмана. М.; СПб. 1994.

³ Андреев Л. S.O.S. С. 353.

В 1906 году Л. Андреев, однако, всячески симпатизировал революционерам, ждал свержения Романовых и даже находился в Хельсинки во время Свеаборгского восстания. И когда финны не поддержали всеобщей стачкой восставших русских моряков, это произвело на него столь жуткое впечатление, что он две недели скрывался в норвежских фиордах и послал Горькому письмо обо всем увиденном лишь через четыре месяца, где была знаменитая фраза, что Финляндия – это иллюзия: «Милый друг, это очень грустно, но не заслуживает любви твоя Финляндия, это я правду тебе говорю. ...До Свеаборга многое от нее ждалось, а что вышло? Я был, к несчастью, там и видел близко всю эту гнусную историю. Одинокая, покинутая Красная гвардия – и огромное, стозевное предательское большинство. Ведь окажись Финляндия более мужественной и благородной, поддержки хотя бы только забастовкой свеаборгское восстание – Петергофа не было бы! Романовых не было бы! <...> Конечно, Галлен останется Галленом, а Сааринен – Саариненом. <...> И поверь: появишься ты сейчас в Финляндии – большинство встретит тебя как врага их спокойствия, их кадетского благополучия, их «финской свободы». И если тебя там подстрелят, как Герценштейна, траур, мой друг, наденут немногие... Нет, Алексеюшка, Финляндия – иллюзия»¹. Любопытно, что через тринадцать лет после этого письма, став антибольшевиком, написав брошюру «S.O.S», в которой писатель призывал зарубежные государства к походу на Россию, Андреев тем не менее сохранил симпатии к финским красногвардейцам, в своих дневниках 1918 года он постоянно подчеркивал, что финские красногвардейцы ведут себя лояльно и вообще не похожи на наших: «Они ограниченные, но честные люди, честно умирающие за свою мечту»². Он даже жалел финнов, истребляющих друг друга во время войны. «Эти несчастные финны, так яростно истребляющие друг друга, этот маленький народ, пустивший себе кровь, как богат...»³.

«Великодержавная» Финляндия вызывала у Андреева чувство, похожее на ненависть. Сказывались и личные обиды на равнодушные и тупость слуг «... этот серый, застывший, вечно таящий ка-

¹ Андреев Л.Н. – А.М. Горькому // Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка / Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 275–276.

² Андреев Л. S.O.S. С. 43.

³ Там же. С. 47.

кое-то предательство, загадочный Микко»¹. Сказывалось и собственное надрывное состояние духа, депрессия, отсутствие вдохновения и смысла работы. На фоне голода, войны, нищеты вызывает отвращение Гельсингфорс, «чистенькие улицы, архитектурно немецкие домики, самодовольные, плоские и тупые люди»², вызывает отвращение «человечий финский мир. Однако Андреев признавался, что он вообще «не любит людей»³. И немцы для него «лишены сознания», и от русского народа он готов был отречься: «Будь я воистину свободен и смел духом <...> я отречься бы от русского народа. Поднял бы крест и пошел в пустыню, без родины, без своего народа, без пристанища»⁴.

А природа нечасто, но вызывала у писателя симпатии: «Божий мир прекрасен и в Финляндии»⁵. Сравнивая Россию и Финляндию, Андреев все же приходит к выводу, что ему посчастливилось жить в эти роковые дни в Финляндии: «Конечно, жить здесь летом в наши дни – счастье <...>. В России – «последние дни», и редкие голоса оттуда звучат как из ада. Большевизм, убийства, голод и холера, как в средние века, а здесь – умеренное хамство, кое-какая еда, тишина и вечно прекрасная природа <...> смотри на закат, прекрасный до бессмертия, ощущай эти бессмертные благоухания трав и цветов, лови тепло, ветер и солнце – и живи, тварь дрожащая!»⁶. И в статье «Держава Рериха» 1919 г., посвященной творчеству Н.К.Рериха, Л. Андреев призывал: «...надо любить Север <...> не тот мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни, <...> – здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе»⁷.

В отличие от К.И.Чуковского и Л.Н.Андреева Алексей Иванович Куприн (1870–1938) любил Финляндию. Он дружил с финскими литераторами Эйно Лейно, Юхани Ахо, Майлой Талвио, переводил стихи В.А.Коскениеми и Э.Лейно. Эйно Калима, главный

¹ Андреев Л. S.O.S. С. 93.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же. С. 351.

режиссер Национального театра Финляндии, был автором перевода купринского «Поединка». Финляндия оставила заметный след в художественном творчестве Куприна, в его очерке «Немножко Финляндии» (1907), рассказах «Путешественники» (1912), «Масленица в Финляндии» (1914), а не только в путевых заметках, статьях и письмах. Но главной страстью Куприна в Финляндии была живопись, а точнее музей Атенеум. Ему нравилось и то, что музей находился рядом с вокзалом. Приедешь в Хельсинки и сразу в Атенеум: «Я несколько дней провел в гельсингфорском Ateneum'е, в этом великолепном национальном музее искусства. Я был тогда влюблен – я не могу подобрать другого слова – в триптих Галлена на мотив «Калевалы». И публика, посещающая Ateneum, поражает наш русский глаз, привыкший видеть в наших музеях, картинных галереях, на выставках исключительно нарядную салонную публику. В гельсингфорском Ateneum'е вы увидите в праздник самых серых тружеников – рабочих, разносчиков, прислугу, – но одетых в самое лучшее, праздничное платье»¹.

Куприну нравится финский неоромантизм в архитектурном облике Хельсинки, он обращает внимание на полукруглые башни, «готический оттенок» зданий. Ему нравятся и сами улицы, и уличная толпа, «хорошо знающая правую сторону». Писателя приятно удивило отношение к детям: «Взрослые охотно и бережно дают им дорогу»² и то, что в одной руке у детей книги и тетрадки, а в другой – коньки. Школы кажутся Куприну дворцами с «пропастью света и воздуха». И Куприн смело предсказывает «мощную будущность тому народу, в среде которого выработалось уважение к ребенку»³. Конечно, писатель обратил внимание на финских женщин. Он не нашел их красивыми, но то, что женщина в Финляндии имеет место в государственном сейме и право голоса, он отметил как достижение финской нации. Куприн, автор «Ямы», произведения, в котором женщине отведена одна роль – быть товаром, невольно сравнивает героиню своей повести с финскими парикмахершами, служанками, официантками и банщицами.

Создавая в своем очерке «Немножко Финляндии» образ финского народа, Куприн дважды повторяет: «Финны – это настоящий,

крепкий, медлительный, серьезный мужицкий народ ... финны – мирный, большой, серьезный, стойкий народ, к тому же народ, отличающийся крепким здоровьем, любовью к свободе и нежной привязанностью к своей суровой родине»¹.

Почти через двадцать пять лет Куприн использует свои наблюдения из очерка «Немножко о Финляндии» для статьи «Суоми» 1933 года. Опять о детях, о спорте, о чистоте и об искусстве. В «Суоми» Куприн больше пишет о бумажной промышленности Финляндии, о лесосплаве, об успехах финской коммерции. Откуда приходят достаток и уверенность, если люди веками живут на почве холодной и суровой, задумывается Куприн: «Ответ на этот вопрос прост и короток: трудолюбие и честность»². Словом, Куприн восхищен. «Слепо восхищен»³, – пишут Б.Хеллман и Кирсти Эконен.

В трогательном рассказе «Путешественники» 1912 года сын околоточного надзирателя Ветчины Коля мечтает вместе с отцом, неудачливым полицейским, которому изменяет жена, поехать на каникулы в Финляндию. Ночью Коле снится, как он плывет по финским озерам и пробирается сквозь лесные чащи. Если в «Путешественниках» Финляндия – это неосуществленная мечта, сон, нечто прекрасное, что могут отец и сын противопоставить будням, то в рассказе «Масленица в Финляндии» (1914 год) два путешественника реально отпраздновали масленицу в Финляндии в тот момент, когда финны уже праздновали наступление весны. Автор от лица главного героя, академика живописи, рассказывает, как днем они «осматривали милый, веселый, оживленный Гельсингфорс». Вне программы был ужин в ресторане, после которого, собственно, и началось действие рассказа. Один из героев пытался защитить официантку от ударов ее мужа и уложил «финского болвана», за что попал в тюрьму. Академик после ряда злоключений устраивается на ночь в гостиницу. Утром, обмениваясь впечатлениями, друзья решили, что ночь в местной тюрьме была намного приятнее гостиничной.

¹ Куприн А.И. Указ. соч. С. 618–620.

² Куприн А.И. Суоми // Куприн А.И. Мы русские беженцы в Финляндии. Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 341.

³ Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland // Studia Slavica finlandensia. Helsinki. 1991. Т. 8.

¹ Куприн А.И. Собр. соч. В 6 т. М., 1958. Т. 6. С. 623.

² Там же. С. 614.

³ Там же.

Восхищение Финляндией прошло, когда Куприну пришлось стать жителем Хельсинки «поневоле» в 1919–1920 годах. Любовь к Финляндии становится «бывшей»: «Раньше я был даже влюблен немножко в Гельсингфорс, но никогда не думал, что мне придется в нем жить поневоле <...> Я отдаю должное усердной финской культуре, но эти люди для меня – другая планета»¹. Бесконечные хлопоты о визах, о продлении разрешения на проживание в Финляндии, беготня по конторам вынудили Куприна покинуть Финляндию летом 1920 года. В Париже вскоре писатель стал вспоминать о Финляндии с некоторой ностальгией, что жизнь в Хельсинки была легче.

Одна из самых ярких статей Куприна – «Белое с голубым» 1919 года, опубликованная в «Новой русской жизни», была посвящена Юхану (Йоханнесу) Людвигу Рунебергу и образу Родины. Куприн, по его словам, «всегда снимал шапку перед скромным, задумчивым Рунебергом»: «Таким образом я приветствую страну и нацию, в лице их великих избранников...»². Куприн рассуждает о том, что такое Родина для Рунеберга, для финнов и для него самого: «Родина! Свободная, независимая, обновленная Родина! Добрая мать в детстве, верный друг в юности, плодородная нива в зрелости, теплая вечерняя постель для усталого труженика, окончившего дневные заботы и смежившего глаза в спокойном сне»³. В своем мысленном разговоре с Рунебергом о родине Куприн убеждает финского классика, что Россия не умрет, «Россия, столько раз доходившая до края бездны, скользившая, падавшая и вновь встававшая чудесными усилиями своей собирательной души». И потому Куприн не испытывает зависти к Рунебергу: «Я и ныне кладу к Вашему гранитному подножию, поэт, Ваши национальные цвета, и в Вашем лице желаю свободной Финляндии мира, добра и здоровья!»⁴.

Пожалуй, самым верным и восторженным певцом Финляндии был Максим Горький. Он часто ездил в Финляндию, переписывался с А.Галлен-Каллела, его произведения переводились на финский язык, а спектакли по его пьесам шли в Национальном театре в Хельсинки. Подобно Я.К.Гроту и С.П.Дягилеву М.Горький мно-

го делал для сближения русской и финской культур. Именно по его инициативе в Петрограде в 1917 году открылась выставка финского искусства, в издательстве «Парус» вышел сборник финляндской литературы, редактором которого он был вместе с В.Брюсовым. Тема «Горький и финны» достаточно исследована как в России, так и в Финляндии. Несомненно, самым талантливым и исчерпывающим рассказом о восприятии финнами творчества молодого Горького является раздел в книге Э.Г.Карху «Очерки финской литературы начала XX века»¹. Там же дана библиография критической русской и финской литературы о пребывании Горького в Финляндии. Наша задача несколько иная. Часто говоря о любви русского писателя к Финляндии, исследователи почти ничего не пишут о том, что же привлекало Горького в Финляндии. Что он, собственно, любил? И выдержала ли эта любовь проверку временем?

Горький – один из немногих русских прозаиков, создавший образ Финляндии в художественном произведении. В самом значительном романе в творчестве Горького «Жизнь Клима Самгина», написанном в 1925–1936 годах, Финляндии посвящено немало страниц. Описывая посещение Климом Самгиным нижегородской всероссийской выставки, Горький обращает внимание своего героя на то, как «не торопясь шагали хмурые, белесые финны, строители трамвая и фуникулеров в городе»². Когда смертельно заболел отец Самгина, Клим не столько огорчился – отец был «человеком хорошо забытым» – сколько обрадовался возможности съездить в Финляндию. Там он встречается с Айно, второй женой отца, и проникается к ней большой симпатией. Айно напоминает Климу его мать в молодом возрасте. «Но не это сходство было приятно в подруге отца, а сдержанность ее чувства, необыкновенность речи, необычность всего, что окружало ее и, несомненно, было ее делом, эта чистота, уют, простая, но красивая, легкая и крепкая мебель и ярко написанные этюды маслом на стенах»³. Ее сестра Христина описана явно карикатурно, «точно вырезанная из гранита, серая женщина»⁴ с ворчливым голосом и угловатыми движениями. На

¹ Куприн А.И. – И.Е.Репину [б. д.] // Переписка И.Е.Репина и А.И.Куприна. Новый мир. 1969. № 9. С. 196.

² Куприн А.И. Белое с голубым // Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии. С. 54.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 55.

¹ Карху Э.Г. Очерки финской литературы начала XX века. Л., 1972. С. 111–154.

² Горький М. Собр. соч. В 30 т. Т. 19. С. 518.

³ Горький М. Указ. соч. С. 163.

⁴ Там же. С. 161.

фоне «каменного лица» Христины Айно, «очень стройная, с четкими формами, в пенсне на вздернутом носу» показалась Климу приятной.

Аино разрешает Климу остаться посмотреть Финляндию. И вот Клим знакомится с Финляндией – Горький переходит почти к свободному стиху, описывая северную страну, ностальгически вспоминая свои поездки двадцатилетней давности. Опять возникает образ «пасынков... природы», фраза, уцелевшая в памяти Клима из литературы: «Вот я в самом сердце безрадостной страны болот, озер, бедных лесов, гранита и песка, в стране угрюмых пасынков природы»¹.

Тут же писатель разрушает этот книжный стереотип: «Но здесь, среди болот, лесов и гранита, он видел чистенькие города и хорошие дороги, каких не было в России, видел прекрасные здания школ, сытый скот на опушках лесов, видел, что каждый кусок земли заботливо обработан, огорожен и всюду упрямо трудятся, побеждая камень и болото, медлительные финны»². Горький даже пробует некоторые слова писать по-фински.

Клим замечает чувство собственного достоинства финнов, их уверенность и меланхоличность. Но прежде всего Клим потрясен финским трудолюбием: «Ему нравилось, что эти люди построили жилища свои кто где мог или хотел и поэтому каждая усадьба как будто монумент, возведенный ее хозяином самому себе»³. Климу приятна финская тишина. Тишина, безмолвие, молчаливость – опять стереотип, типичный для образа Финляндии в русской поэзии, особенно XIX века. Причем стереотип порой негативный, но у Горького финская тишина не была похожа на «тишину пустоты и усталости русских полей. Царила в стране Юмала (Юмала – Jumala – Бог [фин.]) и Укко (Укко – бог ветра в финской мифологии. – Е. С.) серьезная тишина <...>, она казалась тишиной спокойной уверенности коренастого, молчаливого народа в своем праве жить так, как он живет»⁴.

Горький показывает своего героя не только хорошо знающим «Калевалу», но способным в современности увидеть «эпические

фигуры героев Суоми. «Вот этот народ заслужил право на свободу», – размышлял Самгин»¹. Клим называет финнов гостеприимными, прямыми, а главное, знающими свою страну, «точно книгу стихов любимого поэта»².

Образ Айно Горький рисует с явной симпатией не только как хорошей и миловидной хозяйки, но и умной, трудолюбивой и опять же уверенной женщины. Однако писатель не делает ее идеальной. Айно – хитра. «Ловко устраивается в жизни, а уют ее комнат «холоден и жестковат».

Описанную в романе «Клим Самгин» нижегородскую художественно-промышленную выставку Горький посетил сам, где впервые встретился с живописью А.Гален-Каллела и других финских художников. На писателя произвели впечатление полотна П.Халонена, Я.Мюнстерельма, Э.Ярнефельта, а творчеству Гален-Каллела молодой Горький дает отрицательную оценку в своем репортаже в «Нижегородском листке»: «Говорю категорически, что какого-нибудь нового искусства и вообще искусства в работах Галлена я не увидел и уверен, что его там и нет...»³. Напротив, к картинам Ярнефельта «Горе» и «Пожога» он отнесся благосклонно, чувствуя, как «горит сердце художника любовью к своей суровой стране и к людям ее – хмурым, печальным, утомленным борьбою...»⁴. Однако вскоре, познакомившись с А.Гален-Каллела, Горький становится его другом. Они вместе участвуют в создании антиправительственного журнала «Жупел», вышедшего в 1905 году, переписываются, гостят друг у друга. Именно Гален-Каллела Горький посылает статью «О Финляндии» и призывает через художника всех финнов не бояться революционеров.

В статье «О Финляндии» Горький создает образ финнов как людей, знающих, что такое хорошо развитая демократия и культура: «Они кажутся царю врагами, потому что пользуются конституцией, которой присягали все его предки и он сам, они неприятны, видимо, и потому, что отказываются пить водку, они враждебны русской полиции и шпионам потому, что не позволяют в своей

¹ Горький М. Указ. соч. С. 165.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Горький М. Указ. соч. С. 166.

² Там же. С. 177.

³ Sykiäinen R. Gorki ja Suomi / Neuvosto-Karjala. 1978. No 65, kesäkuu 4 pñä.

⁴ Шумский А.М. М.Горький и финский народ // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 77.

стране произвола и насилия, не допускают арестов русских беглецов, наконец, они культурны...»¹.

Когда в апреле 1917 года открылась выставка финского искусства в Петрограде, Горький очень хотел, чтобы Гален-Каллела принял в ней участие. Художник картин не прислал, предоставив место на выставке более молодым собратям по кисти: Ю.Риссанену, Т.Саллинену, М.Ойнонену, но приехал в Петроград сам с сыном Йормой и остановился у Горького. Эта выставка имела большой успех, о ней много писали, был устроен торжественный прием, в почетный комитет входили знаменитые русские художники, из Финляндии приехали М.Энкель, В.Валлгрэн, композитор Р.Каянус.

Предисловие к каталогу выставки написал также Горький. Возможно, это его самое яркое, самое возвышенное слово о Финляндии, Слово-пророчество, слово-завещание. Ведь следующая выставка финских художников будет организована лишь после Великой Отечественной войны. А.М.Горький не столько выразил свое отношение к финской живописи, сколько воспел жизненную силу финского народа, победу человеческого труда, любовь финнов к своей земле.

«Финляндия, – страна гранита и озер, такая маленькая, бедная, такая хмурая, но – я не знаю страны, которая возбуждала бы у меня более нежное чувство любви, более глубокое уважение, чем она, Суоми! <...>.

Нигде, – говорю я, – не возникала культура при условиях более тяжких. Казалось бы, что на этой бедной земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека и не победит воли его сопротивление природы, скупой дарами.

Но человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное. Его мощная воля огранила бедную каменную землю, и на короне – которой украшена наша планета – Суоми, одна из лучших драгоценностей»².

Подведем некоторые итоги. Образ Финляндии в русском искусстве, в прозе, поэзии и вообще в массовом сознании русских первой половины XX века был весьма позитивным.

¹ Горький М. Указ. соч. Т. 24. С. 520.

² Выставка финского искусства. Каталог. Пг., 1918.

Россия, осознававшая себя северной державой, чувствовала в соседней северной стране (сначала в своих государственных границах, а затем и вне их) много близкого, знакомого. С Финляндией обычно связывались образы зимы – снега, холода, льда. Но эти же образы были характерны и для России. Схожее географическое пространство предполагало схожесть характеров, ремесел, видов деятельности. Любовь к водной стихии вызывала у русских поэтов симпатии к образам рыбака, моря-озера, морских птиц. И потому почти каждый, кто писал о Финляндии словом и кистью, создавал морской или озерный пейзаж. Как «не наше» воспринимались русскими в Финляндии камни, скалы, обнаженные гранитные площади. Каменная Финляндия удручала одних, восхищала других, и наводила на мысль о демонизме Севера, о границах бытия.

С легкой руки А.С.Пушкина в русском сознании утвердился стереотип: финн-рыбак, «печальный пасынок природы». Но на смену этому стереотипу быстро пришел другой – финн-хозяин, отец природы.

Как «не наши» воспринимались в Финляндии изумительная чистота, трудолюбие, необыкновенный порядок. Если трудолюбие вызывало восхищение, то порядок некоторым героям русской литературы порой хотелось нарушить и финский уют был порой «холоден и жестковат».

В целом образ Финляндии в России был одним из любимых. Политика, военная конфронтация, конечно, влияли на формирование образа, но не могли уничтожить сложившегося отношения к образу Финляндии как к образу «не нашей», но надежной и цивилизованной соседней страны.

Е. Ю. Дубровская
Финляндия и финляндцы в представлениях
российских военнослужащих
в годы Первой мировой войны

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военнослужащих в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах военных и их окружения позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи вчерашних гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи.

Начиная с августа 1914 г. поведение русских солдат, в подавляющем большинстве выходцев из крестьян, вскоре ставших одними из главных участников революционных событий в России, на долгие годы предопределило образ жизни и образ мыслей самых

различных слоев российского общества¹. За годы войны люди не просто привыкали к произволу и насилию, им давали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом. На солдат, матросов и их офицеров, служивших в Финляндии, оказывало воздействие и усиливавшееся подозрительное отношение со стороны официальных властей к населению Великого княжества.

Над формированием такого отношения еще на рубеже XIX–XX столетий немало потрудились авторы десятков публикаций по «финляндскому вопросу»². Особое положение автономного Великого княжества в составе Российской империи уже с начала 80-х гг. XIX в. становилось объектом критики и прямых нападок со стороны крайне консервативных сил общества. С конца XIX в. отношения между русскими военными и местным населением стали охлаждаться. Отчасти это объясняется возрастающим чувством национального самосознания финнов. Другим обстоятельством, повлиявшим на изменение отношений, явилось комплектование национальных вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности, проводившейся в соответствии с военной реформой 1878 г. в Финляндии. Теперь русская армия все больше воспринималась финнами как чужеродное образование.

Тем, что окончательно заставило «просвещенный класс» Финляндии порвать отношения с российскими военными, была политика централизации, которая проводилась царским правительством в Великом княжестве и воспринималась здесь как русификация³. Конкретной реальностью периода наступления имперской власти

¹ *Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918г.). Екатеринбург, 2000.

² См., например: *Алексеев В.А.* Панфинский лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб., 1910; *Вальтер Н.* Изнанка финляндской культуры (финляндская печать о финляндцах): материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913; *Крохин В.П.* История карел. СПб., 1908; *Смирнова С.* Угнетенная страна. Заметки о Финляндии. СПб., 1908 и др.

³ Suomen historian pikkujättiläinen. Porwo-Helsinki-Juva, 1987. S. 545–583; *Лайдинен А.П.* Социально-экономические реформы 50–70-х годов XIX в. в Финляндии. Л., 1982; *Ошеров Е.Б., Суни С.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 96–99.

на автономные права Финляндии стал, в частности, роспуск финляндских национальных войск. Задачи защиты территории княжества выполняли исключительно русская армия и флот.

Специфика отношения военных к Финляндии и финляндцам обуславливалась еще одним психологическим мотивом. В России освобождение от военной службы было постоянным источником неприязни со стороны тех, кто служил в армии, или их родственников. На северо-западной границе империи объектом такой неприязни оказалась целая нация, поскольку в 1905 г. финляндские подданные были полностью освобождены верховной властью от воинской повинности. В обстановке начавшейся мировой войны необычная привилегия порождала в русском обществе постоянные упреки в адрес финляндцев в том, что они, не участвуя в военных действиях, намерены уцелеть за чужой счет.

К началу Первой мировой войны командование русскими войсками в Финляндии оказалось перед необходимостью не только публикации специальной литературы, информировавшей военнослужущих о естественно-географических и тактических особенностях ведения боевых действий на территории княжества¹, но и подготовки «Краткого очерка истории Финляндии и нынешнего её устройства», рассчитанного на унтер-офицерский состав. Автором такого обзорного очерка, изданного ротاپринтным способом, стал ротмистр Ильин².

Примечательны содержащиеся в очерке упоминания об этнических аспектах жизни сопредельных территорий. Сведения эти различны по характеру – от простой фиксации этнонимов периода средневековья («полудикое финское племя “ямь”» и «полудикое финское племя “карелы”») – до суждений о типичных свойствах тех или иных народов и прежде всего о ближайшем этносе-соседе – о финнах. Приводимые Ильиным оценки мало отличаются от тех, что встречаются в издававшейся накануне войны многочисленной литературе по «финляндскому вопросу», которая изобиловала ссылками на враждебное отношение финляндцев к русским, к Православной церкви, к представителям русской армии и власти, к

¹ Альфтан М.Ф. Военное обозрение Финляндского военного округа. Т. 12. Гельсингфорс, 1905; Вишневецкий, капитан. Краткий военно-географический очерк Юго-западной Финляндии. Петроград, 1915; Рылский К. Краткий очерк финляндского театра. СПб., 1906; Он же. Особенности тактических действий в Финляндии. СПб., 1909.

² Kansallisarkisto(K.A.). Русские военные бумаги (VenSA.). Д. 17247. Л. 1–24.

эмблемам имперской власти и пр. Н.Вальтер, в частности, по пунктам перечислял «отрицательные стороны финской жизни», что должно было, по мысли автора, привести читателя к негативному ответу на вопрос «Вправе ли финляндцы гордиться своей культурой перед русским народом?»¹.

Ротмистр Ильин, сообщая служившим в Великом княжестве унтер-офицерам о «культуре шведов в Финляндии» в период шведского владычества, отметил, что «шведы все же старались привить культуру финнам: распространяли христианство, вводили некоторый порядок в управление народа, издавали законы, устраивали суды и т. д., но при этом обставляли дело так, что финны всегда и во всем зависели от своих культурных завоевателей».

Специальный параграф «Неблагодарность финляндцев» повествует о том, что, несмотря на оказанные милости, они притесняли немногочисленное русское население края, не предоставляя им никаких прав в то время, когда сами пользовались всеми правами внутри Империи, и «не хотели пойти навстречу требованиям правительства, предъявляемым финляндцам для общего с империей блага». Так, по утверждению автора, в 1885 г., установив памятники в честь одержанных ими «частичных побед над русскими войсками, финляндцы бросили оскорбительный вызов всем русскими людям и возмечтали о самостоятельном государстве, внушая всем, что Финляндия связана с Россией лишь в лице Монарха, что она не есть Россия, а отдельное государство, состоящее в унии (в союзе) с Россией»². Последнее автором выделено под рубрикой «Заблуждения финляндцев», среди которых упоминается их недовольство деятельностью генерал-губернатора Н.И.Бобрикова «за его стремление объединить Финляндию с Империей».

Межэтнические противоречия, возникавшие в столь напряженной политической обстановке в крае и ставшие заметной стороной повседневной жизни этносов-соседей, нашли следующее отражение на страницах очерка: «Вот какой монетой финляндцы отплатили и продолжают платить русским за сделанное им Россией добро. Но разберемся, повинен ли перед нами, русскими, вообще весь финляндский народ? По справедливости, всю вину надо сложить только

¹ Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры: материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913. С. 253.

² КА. Там же. Л. 7.

на некоторую часть его, которая подстрекает население Финляндии, во-первых, к неисполнению требований Имперского правительства, а во-вторых, к ненависти против русских... Кто занимает должности чиновников, кто служит в городских самоуправлениях, кто, наконец, является хозяевами банков, кредитных учреждений – конечно, в подавляющем количестве шведы. Все они, состоя вожаками разных политических партий в Финляндии, и восстанавливают остальное население против нас, русских»¹.

Соображения здравого смысла требовали отделить основное население возможного будущего театра военных действий от потенциального противника в лице Швеции и поддерживавших её этнических шведов. Нейтралитет или союз с Германией – такова была альтернатива, с которой сталкивалась русская разведка в своих прогнозах развития ситуации в государствах Скандинавии на протяжении последних предвоенных лет. Активная деятельность штаба Петербургского военного округа и негласной агентуры как в Финляндии, так и особенно в соседней Швеции, свидетельствовала о том, что фактор Финляндии, превратившейся к рассматриваемому периоду в очаг сепаратизма на территории Российской Империи, находился в фокусе внимания русских военных экспертов в Северных странах². Официальный Петербург торопился подавить сепаратистские устремления финнов, опасаясь перехода Великого княжества под контроль Германии в случае получения независимости или даже расширения автономии³.

Эти обстоятельства учитывались при подготовке унтер-офицерского состава русских войск, дислоцированных в крае. Автор «Краткого очерка истории Финляндии» обвинил финляндских шведов в том, что они играли руководящую роль в Шведской народной и Младофинской партиях конституционалистов, а также в организованном после общероссийской политической стачки 1905 г. союзе «активистов» «*Voima*» («Сила»), который осенью того же года был запрещен финляндским сенатом по требованию России.

«Не хочется им расставаться с положением главных хозяев края, – писал Ильин, – поэтому они всеми силами и стараются отстоять свои позиции, справедливо рассуждая, что русские не допустят продолжения такой ненормальности».

Примечательно руководство, которое должны были усвоить ознакомившиеся с пособием нижние чины унтер-офицерского звания в отношении гражданского населения края: «До того же времени, когда все население Финляндии поймет, что их истинными друзьями могут быть только русские, нам, служащим в этой стране, надлежит стараться показать населению, что мы пришли сюда не для нанесения им обид, а для своего дела, направленного на общую пользу. Поэтому мы в тех немногих случаях обращения к нам за чем-либо финляндцев безусловно обязаны идти навстречу им, однако же, не нарушая при этом присяги, долга службы и распоряджений своего начальства. Вот тогда эта северо-западная окраина поймет, кого она должна слушаться, кому повиноваться»¹.

Последний красноречивый пассаж свидетельствует о коренном отличии восприятия сложившейся ситуации общественным мнением финляндцев и русским военным командованием. По наблюдению финского историка В. Расила, для русских в основе «финляндского вопроса» лежали соображения военной и оборонной политики, на национальные проблемы в Петербурге не обращали достаточного внимания, поскольку государственный интерес стоял превыше всего, в том числе и национальных проблем. Между тем «в Финляндии дела рассматривались не с военной точки зрения, и здесь отнюдь не опасались за безопасность российской столицы. Для финнов было важно все, что затрагивало финскую национальность и право на национальное самоопределение»². В таких обстоятельствах находившиеся в Финляндии российские войска не только становились средством проведения политики центральных властей, но и неизменно оказывались заложниками политических амбиций противоборствующих сторон, что особенно проявилось в канун Первой мировой войны³.

¹ К.А. Там же. Л. 12.

² Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914. М., 1999. С. 280–281.

³ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии: 1809–1995. М., 1998. С. 95–99.

¹ К.А. Там же. Л.13.

² Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 133.

³ Подробнее об этом: Дубровская Е.Ю. Российские войска в Финляндии накануне первой мировой войны // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 467–478; Она же. Финляндцы и российские военнослужащие: 1910–1914 // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2002. С. 193–205.

Завершая изложение взглядов военных властей на обстановку в княжестве, составитель пособия отметил: «В последнее время, слава Богу, в среде финнов уже слышатся трезвые голоса в пользу русских, но пока таких голосов, к сожалению, очень мало»¹.

Вопрос о том, можно ли доверять финнам, вплоть до событий Февральской революции оставался в фокусе внимания центральных российских властей самого высокого уровня. В середине января 1917 г. на заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства член Государственного Совета И.А.Шебеко докладывал собравшимся полученные им сведения о способах, к которым прибегают немецкие диверсанты для организации на территории России взрывов мостов, пристаней, складских помещений и т. п. Как подчеркнул Шебеко, выполнение такого рода задач «возлагается немцами преимущественно на финских граждан из числа хорошо знающих русский язык» и прошедших подготовку в Германии. Для пресечения «этой преступной деятельности враждебных России финских граждан» он настаивал на принятии мер по более тщательной охране русско-шведской границы и требовал установить строжайшее наблюдение за всеми, вызывающими хоть малейшее подозрение, лицами в местах, имеющих особо важное значение для обороны»².

Наступление имперской власти на автономные привилегии Великого княжества в составе Российского государства, осуществлявшееся в 1909–1917 гг., в финляндской историографии принято было характеризовать как второй (последовавший за 1899–1905 гг.) «период угнетения». Затем это явление, вопрос о причинах которого продолжает оставаться дискуссионным, предпочли называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация»³.

¹ К.А. Там же. Л. 12.

² Журналы Особого совещания по обороне государства (1915–1918). 1917 г. Вып. 1. М., 1978. С. 84–85.

³ См.: Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.) М., 1997. С. 7; она же. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 38–39, 45; Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; Расина В. Указ. соч. С.118–133; Полвшинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904. СПб., 1997. С. 247–258.

По справедливому наблюдению Х.Луостаринена, несмотря на антироссийские и антиимперские выступления в заключительный период «русской истории» Финляндии, настоящий «образ врага», основанный на представлении о том, что Финляндия и Россия не могут сосуществовать мирно, сформировался у финнов в отношении русских только в условиях гражданской войны 1918 г. Он получил подпитку из прежних потенциальных источников русофобских настроений, но сложился лишь в такой политической обстановке, когда «страх и ненависть людей утратили свой особый объект – российских политиков и бюрократов, тиранивших Финляндию, и стали направляться против «России» или «Русских» как таковых»¹.

Не удивительно, что на формирование образа Финляндии и представлений российских военнослужащих о финляндцах прежде всего повлияла динамика отношения местного населения к меняющемуся характеру имперского присутствия в княжестве в годы Первой мировой войны. В этом убеждают рапорты гражданской администрации в Финляндии о настроениях населения в связи со вступлением России в войну, материалы сводок контрразведывательного отделения, а также отчеты военных цензоров о состоянии духа войск, расквартированных в крае.

По свидетельству Нюландского губернатора, оглашение Высочайших манифестов об объявлении войны явилось полной неожиданностью для населения, которое, «будучи весьма флегматичным от природы, сразу не могло отдать себе отчет в значении происшедшего, почему не устроило никаких шумных манифестаций (если не считать нескольких случаев шествия небольших групп по улицам г. Гельсингфорса с портретами Государя Императора)». Основную роль в этих шествиях «играли лица русской национальности». Глава столичной губернии Финляндии привел, однако, и суждения финнов, высказанные позже: «непристойно, что «торпарь» (мелкий арендатор земли. – Е. Д.) остается дома в то время, когда «хозяин» сражается за всех, т.е. финны остаются дома, когда русские сражаются»².

¹ Luostarinen H. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. Oslo. 1989. Vol. 26. №. 2. P. 128.

² К.А. Kenraalikuvernöörinkanslia (KKK). FB 916; Luntinen P. Venäläisten sotasuunnitelmat Suomen seperatismia vastaan. Tampere, 1984. S. 131.

Как показали исследователи, противоречивость восприятия одной и той же этнической общности свидетельствует о том, что стереотип не столько зависит от реальных особенностей народа, сколько от чувства вражды или дружбы, которое испытывает носитель стереотипа к тому или иному народу¹.

Сдержанность в выражении чувств, присущая финскому национальному характеру, которая неизменно упоминалась в числе его положительных свойств доброжелательно настроенными авторами начала XX в., на страницах ангажированных публикаций антилютеранской направленности в это же время удостаивалась гротескных описаний и пренебрежительной оценки.

Так, в отчете 1910 г. о посещении финляндским генерал-губернатором Ф.А.Зейном русских школ в приходе Салми в Приладожской Карелии говорится в связи с описанием приготовлений к визиту высокого гостя следующее: школьные здания «украшались зеленью, цветами», сооружались «зеленые арки, на которых весело развевались русские флаги», в то время как «с каким-то тупым недоумением и искоса поглядывали на эти приготовления мрачные физиономии финнов и финноманов», но «ни одна рука не дерзнула предпринять что-либо против...»².

В армейских изданиях 1917–1918 гг., увидевших свет в Финляндии во время российской революции, встречаются привычные для русского читателя стереотипы, характеризующие местное население. Описывая происходившее в весной 1917 г., когда в гарнизонных городах в связи с падением курса рубля процветала спекуляция русскими деньгами, один из очевидцев с горечью отмечал в Выборгской хронике, что «русские офицеры и русские солдаты, окруженные толпой русских путешественников, открыто торгуют русским рублем». В этих сделках принимают участие исключительно соотечественники, «а финляндцы лишь издали флегматично наблюдают за этой толпой. Что происходит при виде этой картины в душах финляндцев, сказать трудно. Но думается, что и они, по крайней мере, с недоумением, смотрят на торг русскими день-

гами, производимый сынами великой страны, одаренной такими богатствами»¹.

Уже в первые дни войны отчеты финляндских губернаторов о настроениях населения содержали не только заверения в сочувствии финляндцев к мероприятиям центральной власти и упоминания об их «воодушевлении» в связи с началом военных действий. Трудности военного времени, с которыми пришлось столкнуться гражданскому населению княжества, вызвало, по выражению Выборгского губернатора генерал-майора Ф. фон Фалера, «некоторое возбуждение» среди проживавших в городе финляндцев. 18 июля (ст. ст.), сразу же после введения военного положения в Финляндии и распоряжения о включении Выборгской крепости вместе с ее районами в состав территории военных действий, он сообщил генерал-губернатору Зейну, что «большинство радуется возможности русских поражений и ожидаемым от этого выгодам для Финляндии». Основываясь на сообщении одного из чиновников губернского правления, фон Фалер предостерегал: «как бы зарвавшиеся финские политиканы не дошли до какого-нибудь активного выступления»².

Воинский начальник в г. Сердоболь (Сортавала) доносил губернатору, что «местное финское население возбуждено до крайности» и есть опасение, что телефонное и телеграфное сообщение будет прервано. В Сердоболе распространились слухи о прекращении железнодорожного движения между этим городом и Выборгом, а также о том, что Сердоболь «может быть совершенно отрезан». Военного чиновника всерьез беспокоила опасность, которая могла угрожать ему и немногочисленной команде его управления со стороны жителей города. Выборгский губернатор должен был принять «все меры к наибольшему наблюдению, дабы настроения не вышли из области словесных пожеланий»³.

Наиболее активно антирусские настроения проявлялись у молодежи, на памяти которой были лишь акции последних лет, шедшие вразрез с законами Финляндии и не укреплявшие представле-

¹ Сикевич З.В. Русские: «образ народа» (социологический очерк). СПб., 1996. С. 82; Мельников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 7–17; Hofer T. Introduction: «East» and «West» // Hungarians between East and West: National Myths and Symbols. Budapest, 1994. P. 7–8.

² Православный Финляндский сборник. 1910. № 3. С. 50.

¹ Выборгский солдатский вестник. 1917. 18 июня. С. 4.

² К.А. (ККК). ФБ 916. 1914. № 3. Ч. 3.

³ Там же. Ч. 3: Установление наблюдения за настроением населения в связи с текущими политическими событиями.

ний о незыблемости существующего миропорядка¹. Как сообщал Ф.А.Зейн Председателю Совета Министров Б.В.Штюмеру 24 января 1916 г., «огромное большинство финляндцев не выступит против империи, азарт не в их характере, пуститься на авантюру могут лишь ярые сепаратисты и слишком неуравновешенные люди. Вся же масса местного населения вряд ли пожелает очутиться между молотом и наковальной»².

Военные власти, в отличие от пропагандистской печати, не склонны были преувеличивать масштабы сепаратизма большинства населения края. Такая уверенность основывалась, в частности, на результатах работы военной цензуры, выявлявшей, среди прочих вопросов, степень вероятности участия финляндцев в военных действиях на стороне Швеции в случае ее возможного вступления в войну.

Старший военный цензор Выборгской крепости подпоручик Снессарев, проживший в Финляндии более 20 лет и имевший широкие связи в различных слоях общества, в отчете за 1916 г. отметил следующее: « Подавляющее большинство финского населения отнесется во время войны со Швецией никоим образом не сочувственно к шведам. Вооруженного им сопротивления, тем не менее, при настоящих условиях, безусловно, не будет... т. к. по собственному почину финны за оружие не возьмутся. Теперь часть интеллигенции и учащейся молодежи скорее даже активно выступит за Швецию, чем против нее. Но огромное большинство рабочих и все крестьянство останется пассивно и равнодушно как к шведам, так, к сожалению, и к нашим интересам»³. Тем не менее быстрая организация вооруженного сопротивления вторгшимся шведам среди местного населения представлялась подпоручику Снессареву вполне реальной.

Возвращаясь к обстановке первых дней войны на приотнических территориях, нужно упомянуть об обострении напряженности в межэтнических отношениях живших здесь финнов и фин-

ляндских шведов, которое не ускользнуло от внимания русских военных. Отчет главы губернии Ваза генерал-майора Сильмана о настроениях жителей края содержит сведения о «сочувственном отношении» финской части населения губернии к центральному правительству и сообщениям о победах русских войск на фронте, «хотя особенного подъема и не замечается». Между тем со стороны этнических шведов отмечена «некоторого рода индифферентность» к имперской власти и «судьбе нашего оружия», а также единичные случаи проявления недружелюбия «к Русскому правительству вообще и к финскому населению, в частности». Так, в самом начале войны на городском рынке в Николайстаде (Ваза) двое крестьян, сумевших остаться неизвестными полиции, «судя по наружности, рыбаки из местных шхер», говорили, что провианта в город привозить не будут, «но пусть придут шведы, тогда мы финнам покажем»¹.

В мае 1916 г. военный цензор Выборгской крепости поручик Синодский доложил по начальству о произведенной перлюстрации ста армейских, а также двухсот частных писем, поступивших из Гельсингфорса и «главным образом из прибрежных мест», адресованных «на иностранные фамилии». В числе этой корреспонденции лишь 38 писем были на шведском и финском языках, 12 на французском, два на английском, одно на латышском и одно на польском. Цензор упрекал авторов, среди которых, очевидно, подавляющую часть составили русскоязычные корреспонденты: «в связи с переживаемым моментом» мало изменилась «частная гражданская жизнь, общество мало и смутно отдает себе отчет в том, что оно сейчас переживает, больше всего заботясь о своей личной эгоистической стороне жизни»².

О своем настолько разном восприятии Петрограда и Гельсингфорса первых военных лет вспоминала А.В.Тимирева, приехавшая в Финляндию в 1915 г. после перевода ее мужа С.Н.Тимирева на должность флаг-капитана штаба Командующего флотом по распорядительной части. «...Я приехала из Петрограда 1914–1915 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре – в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчишки, с которыми мы встречались в

¹ Новикова И.Н. Секретная миссия генерал-адъютанта Ф.Ф.Трепова в Финляндию: февраль 1916-го года (По материалам российских архивов) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. 2-е изд. СПб., 1998. С. 46; *Рапила В.* Указ. соч. С. 139.

² Цит. по: Новикова И.Н. Указ. соч. С. 43. О настроениях финляндцев по сведениям отчетов военных цензоров см.: Дубровская Е.Ю. Российские войска в Финляндии и население Великого княжества в годы первой мировой войны // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках. Самара, 2001. С. 78.

³ К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 13.

¹ К.А. ККК. Фб 916. 1914. Sotaajan jaosto. Отчет Вазаского губернатора генерал-губернатору Зейну 16 августа 1914.

² К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 14.

ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце... После Петрограда все мне там нравилось – красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи – просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом»¹.

Мирная атмосфера, царившая в финляндской столице, которая показалась автору воспоминаний такой успокаивающей, чиновником военной цензуры воспринималась как возмутительное безразличие населения к трудностям, испытываемым страной во время войны. По свидетельству поручика Синодского, «70% переписки посвящено все возрастающей дороговизне, а о том, перед чем стоит теперь наша Родина и какую великую роль она играет в мировой трагедии, не было ни одного письма»².

Индоктринация официальных печатных органов России предполагала постоянные обвинения финляндцев в эгоистичности, сердечной сухости, равнодушии к чужой беде. Эти же стереотипы тиражировались и таким далеким от армейской жизни изданием, как Выборгский журнал Карельского православного братства «Карельские известия». В его публикациях жителям княжества досталось и за строительство нового железнодорожного вокзала в Выборге, что в условиях военного времени вызвало упреки в непростительной расточительности средств, и за подготовку полицейских собак-сыщиков, которые «понимают только немецкую речь, т. к. их поводыри-командиры отдают приказания только по-немецки», и за ту «нейтральную позицию», которую «занимали финляндцы в великой войне»: ведь с ее началом «прежде, чем сделать что-либо для наших воинов, финляндцы вспомнили о лошадях, страдавших от холода, и стали устраивать сборы на покупку попон для лошадей» российских войск, размещенных в Великом княжестве³.

¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Павлова Т.В., Перченко Ф.Ф., Сафонов И.К. М., 1996. С. 73; *Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 3.

² К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 14.

³ Об участии Финляндии в военных расходах // Карельские известия. 1914. № 19. С. 7; «Убытки», причиненные войной Финляндии // Карельские известия. 1915. № 12. С. 10–11; Манчинсаари // Карельские известия. № 15. С. 9; Там же. № 27. С. 14; Помогите военным лошадям! // Финляндия в печати. 1917. № 3. С. 17–18.

В конце 1916 г. старший военный цензор Гельсингфорса штабс-капитан Казанцев докладывал, что настроение жителей края «тревожное, выжидательное». Общество «живет слухами, причем неблагоприятные для нас принимают в большинстве случаев с особым злорадством и удовольствием»¹. На протяжении всех военных лет лояльность финляндцев центральной власти оставалась тем главным критерием, в зависимости от которого формировалось отношение российских военнослужащих к населению княжества.

В январе 1917 г. в центре внимания Казанцева оставался вопрос об участившейся нелегальной эмиграции финляндцев через Швецию в Америку. С осени 1916 г. в княжестве циркулировали слухи о возможном призыве в российскую армию финляндских подданных, вызванные запретом военных властей на выезд из Финляндии за границу мужчин от 17 до 35 лет².

«Поскольку в настоящее время выбраться из Финляндии на законных основаниях невозможно, то желающие не останавливаются перед нелегальными и даже рискованными для жизни способами переправы», – писал Казанцев, ссылаясь на информацию, извлеченную из письма шведки Клары Карлссон ее корреспондентке в Гельсингфорс. В письме сообщалось о том, что незадолго до Рождества в Швецию приехала партия финнов в 12 человек, которые переправились через Балтийское море в моторной лодке. «Причиной побега стало, по их словам, отвратительное отношение к ним русских»³. В февральском отчете за 1917 г. военного цензора гельсингфорского цензурного пункта прапорщика графа Лубянского упоминается о случае бегства пяти финнов за границу на лыжах: «Из Швеции они затем уехали в Германию, очевидно, с целью поступить в армию»⁴.

Обобщая результаты перлюстрации частной переписки в январе 1917 г., штабс-капитан Казанцев отметил, что «общий тон писем финляндцев, особенно из Эстерботнии, носит характер какой-то тревоги, непонятной озлобленности и недовольства, причины ко-

¹ К.А. VenSA. Д.13655.

² *Соломеч И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. С. 34–35, 45, 50.

³ К.А. VenSA. Д. 14006. Л. 57.

⁴ К.А. VenSA. Д. 127.

торых неуловимы в письмах... Быть может, волнующим всех вопросом является предполагаемое выступление Швеции»¹.

Как сообщалось еще в начале 1916 г. в отчете старшего военного цензора Выборгской крепости подпоручика Снессарева, «в Финляндии не является секретом факт ухода нескольких сотен молодежи по инициативе студентов шведского происхождения в германские войска. Громадное финское большинство относится к этому факту отрицательно и, напротив, положительно к поступлению финской молодежи на нашу военную службу. При затрате некоторой энергии и сравнительно небольших средств и теперь нетрудно вывести финскую крестьянскую и рабочую молодежь из пассивного состояния и сделать ее активной в наших интересах». Вне зависимости от степени достоверности такого заключения процитированный документ интересен содержащимся в нем упоминанием некоторых черт финского характера, хорошо известных военному чиновнику с долгим опытом общения с жителями края.

В качестве одного из «ближайших средств» для достижения им предложенного подпоручик Снессарев ссылается на «врожденную склонность» финнов к охоте и спорту: «умело утилизируя эту склонность, можно и теперь организовать группы охотников и разведчиков в разных местностях». По мнению автора отчета, «это можно было сделать, и чрезвычайно легко и просто, в начале войны, когда все ошеломлены были внезапностью налетевшей угрозы. Но организовать среди местного населения добровольную военную помощь вполне возможно и сейчас без малого опасения. Финны, если обещают, то слово держат твердо. Итак, нет причин опасаться местного финского населения. Но было бы ошибочно и рассчитывать на него, не принимая никаких мер агитации в нашу сторону»².

На эту же общеизвестную склонность финляндцев к спортивному образу жизни весной 1917 г. возлагали надежды и организаторы Общественного собрания в г. Або (Турку). Они ставили целью достичь «более тесного единения и сплочения не только служащих строительства укрепленной позиции, но и всех членов русского общества, проживающего в Або», как служащих учреждений, так и частных лиц. Один из вдохновителей создания организации А.Ильинский в статье, посвященной разъяснению ее уста-

ва, писал: «Не исключается и местный элемент – финны и шведы, желающие вступить членами общественного собрания». Он настаивал на необходимости проведения спортивных занятий, «каковые здесь изобилуют среди местного населения, вот почему приход шведов и финнов в русское общественное собрание будет бесполезен»¹.

В финляндской провинции, вдалеке от больших городов, в местах, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в годы Первой мировой войны в столичной прессе Великого княжества, не оказывали заметного влияния на повседневную жизнь сельского населения и не влияли на отношение к финнам со стороны военнослужащих. Нижние чины российской армии продолжали оставаться довольно изолированными от местного населения не столько из-за специфики военной службы, сколько из-за различий в культуре, языке и конфессиональной принадлежности².

Однако в тыловых гарнизонах Великого княжества Финляндского и на балтийских военно-морских базах, удаленных от театра военных действий, бытовая распущенность, пьяные дебоши и вызывающее поведение по отношению к местному населению не только рядовых военнослужащих, но и офицеров сделались частым явлением задолго до событий 1917 г. Об этом свидетельствуют факты девиантного поведения моряков, о которых сообщалось в рапортах гельсингфорского полицмейстера Финляндскому генерал-губернатору и в «Справке о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях, в коих были замечены чины флота Балтийского моря»³.

Среди таких нарушений упоминается скандал, случившийся в начале мая 1915 г. в одном из гельсингфорских ресторанов. Подвыпивший прапорщик Нежилов был раздражен тем, что студент Коскинен находился в зале ресторана в фуражке, и за это ударил студента «кулаком по лицу, а затем нанес оскорбление действием торговцу Лилиусу», попытавшемуся пояснить, что «студенты по старой традиции в день получения фуражек носят их и в комнате».

¹ Ильинский А. Строительство // Известия совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции (АОУП). 1917. 13 апр.

² Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 406.

³ К.А. ККК. Hd. 102.

¹ К.А. VenSA. Д. 127. Л. 57.

² К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 13–13 об.

Причиной, вызвавшей своего рода «культурный шок» сторон, стала полная неосведомленность служивших в Финляндии военных о традициях, обычаях и особенностях народа, населявшего Великое княжество. В данном случае о давнем студенческом обычае носить, особенно в первые дни мая, студенческую фуражку – lakki, составлявшую предмет гордости удостоившихся её. Источник сохранил сведения об инцидентах в Гельсингфорсе и Або, виновниками которых оказались «находившиеся в состоянии сильного опьянения» флотские офицеры, угрожавшие то револьвером, то обнаженным кортиком, бесчинствовавшие в ресторанах, гостиницах и частных домах финляндцев, «беспокоившие публику в скверах» и даже открывавшие стрельбу по мирным жителям¹.

Январский 1917 г. отчет старшего военного цензора в г. Бьернеборг (Пори) свидетельствует о том, что «в войсках и в населении настроение бодрое, настроение местной печати спокойное и вполне лояльное, отношение населения к квартирующим в городе войскам в общем дружелюбное»². Последнее представляется весьма примечательным, если принять во внимание упоминавшееся в предыдущих отчетах того же цензора сообщение об изменении отношения горожан, прежде нейтрального и даже расположенного к российским военным, на все более прохладное и отстраненное.

К концу 1916 г., как сообщал автор отчета, «глубоко предупредительное, дружелюбное и доброжелательное» отношение к военным жителям Бьернеборга с приходом в город пехотинцев 422 Колпинского полка «постепенно стало изменяться» и сделалось «лишь официально корректным, без прежней благодушной предупредительности и стремления идти навстречу». Контакты между финляндцами и русскими военнослужащими носили «исключительно индивидуальный характер без какого-либо политического оттенка».

Причиной такого охлаждения стали «разные случаи со стороны чинов означенного полка, самоуправство, нанесение населению обид и оскорблений до поранений холодным оружием включительно», что породило «известную неуверенность за личную и имущественную безопасность». Финляндцы превратились в «крайне сдержанных и боязливых», стремились «к обособлению, чтобы не иметь дела с военными и быть от них подальше», опасались

недоразумений и неприятностей. Если прежде финны угощали солдат табаком, папиросами и съестными припасами, то теперь, пишет военный цензор, «таких случаев нет, напротив, сторонятся и стараются держать себя подальше».

Большинство «недоразумений», по свидетельству автора отчета, «возникало на женской почве»: работницы-финки во избежание преследований со стороны солдат вынуждены были ходить на фабрику «под конвоем работников». Один из таких «конвоиров», защищая женщину, получил от солдата ранение холодным оружием. «Даже у станков внутри фабрики продолжается это приставание», – записано в отчете. Из-за некорректного поведения и «недоразумений по денежной части» офицеры также утрачивали доверие жителей города, поэтому «взгляд на них не тот, каким должен бы быть»¹.

Изменения в отношении финляндцев к военнослужащим и формировавшийся местной прессой «образ врага» в противовес долгое время культивировавшемуся официальной печатью образу защитника – русского солдата, неизбежно, особенно в обстановке падения воинской дисциплины весной – летом революционного 1917 года, влекли за собой перемены в представлениях военнослужащих о населении Финляндии. Ярким свидетельством этому служат письма рядовых матросов и солдат в редакции русских газет, выходивших в Гельсингфорсе, Або, Выборге².

Из-за отмены цензуры финляндской внутренней корреспонденции после Февральской революции мартовские и апрельские отчеты о настроениях населения Финляндии большинством цензурных пунктов не были представлены. Обобщения такого плана делались для военных властей на основании обзоров местной прессы. «С падением старого режима, ставившего целью своей крайней политикой возможно более полную централизацию власти и искоренение каких бы то ни было обособленных тенденций инородческого элемента, – отмечал автор докладной записки, цензор по печати А.Коккти, – для Финляндии настала пора открыто высказать те пожелания и надежды, которые не только не заглохли, несмотря на репрессивные к ним меры, но наоборот, благодаря особенностям характера финского народа и присущей ему настойчи-

¹ К.А. ККК.

² К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 37.

¹ К.А. VenSA. Л. 1.

² Там же. Д. 11970; РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 21. – Письма читателей в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих».

вости продолжали развиваться и крепнуть даже в неблагоприятной обстановке».

Сославшись на выступление в финляндском сейме вице-председателя сената социал-демократа О.Токоя о том, что «Финляндия заняла совершенно нейтральную позицию в происходящей войне» и что «финляндцы в душе надеялись на гибель всего русского государства, дабы при общем дележе урвать принадлежащую им часть», составитель отчета сделал широкое морализирующее обобщение: «В этом довольно-таки циничном замечании вылилась душа каждого финляндца, считающего себя достойным сыном своей родины»¹.

Обращает на себя внимание заявление финляндского генерал-губернатора М.А.Стаховича, в середине мая 1917 г. попытавшегося со страниц центральной печати успокоить соотечественников: «В финском народе, в целом, нет ни предубеждения, ни ненависти против России. Есть подозрительность, оправдываемая всем прошлым, существует боязнь, что дарованная автономия будет сокращаться и вот потому-то финны стремятся ее закрепить... Если сегодня Финляндия объявит самостоятельность, то, имея там три крепости, мы можем ночью объявить войну и оккупировать всю страну». На другой день после опубликования заявления II Областной съезд советов армии, флота и рабочих Финляндии обещал поддержать требование независимости, если его выразит большинство финляндцев².

Незадолго до этого, указывая на явные признаки разложения частей российской армии, расквартированных в Финляндии, представитель офицерского комитета 3-го Прибалтийского конного полка В.Любимов писал в абоские «Известия»: «Став на путь попрания финских законов, мы сослужим себе плохую службу в будущем... нарушение нами финских законов дает повод к тому, что финны могут всегда сослаться на наши по отношению к ним беззакония. Финны веруют в закон больше, чем в Бога. Вековые беззакония в России научили нас смотреть на закон легко. Пройдут

года – мы изменим свои взгляды, но пока будем уважать закон и обычаи других народов»¹.

Примечательно, что со страниц этой первой русской газеты, увидевшей свет в Або вскоре после Февральской революции, военнослужащий заявил: «Вряд ли кто живущий в Финляндии может сказать что-нибудь плохое про финнов. Эти добрые отношения между нами не должны нарушаться». В начале апреля 1917 г. бывший заведующий Высшими коммерческими счетоводными курсами в Петрограде призывал редакцию новой газеты создавать «истинно братские отношения не только среди нас, русских, но и всех обитателей этой небольшой, но весьма культурной и чрезвычайно симпатичной страны – Финляндии»². Автор статьи, появившейся в абоских «Известиях» в середине мая, указывал читателям газеты, русским мастеровым и военнослужащим, на заслуживающую уважения последовательность финляндских рабочих в отстаивании своих прав и интересов: «Нам, русским, нужно поучиться тому выдержанному самоотвержению, с которым финны борются за осуществление политических идеалов и проведение в жизнь экономических требований. Вся жизнь теперь происходит только на улице, площади политического центра Або»³.

Если на страницах русских литературно-художественных журналов начала века деятельность финляндского сейма приводилась как пример демократизации общественно-политической жизни соседнего народа, то в армейских и флотских изданиях, выходивших в Финляндии летом 1917 г. в обстановке назревавшего конфликта Временного правительства с демократией Финляндии, существование высшего представительного органа бывшего Великого княжества было названо в качестве едва ли не главной причины разногласий между финнами и русскими.

«Это сеймы во всем виноваты, они сеют вражду между нами, – писал в эти дни в “Известиях” матрос С.Мальчиков, – Финляндия хочет отколоться как раз в тот момент, когда у нас разруха. Получившая свободу через нас, не пролившая ни одной капли крови за свободу, кроме как нам нанеся обиду... Не уйдем из нее, пока не уничтожим все буржуазные сеймы или пойдем рука об руку сами

¹ К.А. VenSA. Д. 3847. Л. 80–81.

² Вечернее время. 1917. 19 мая; Черняев В.Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатолия революции 1917 год в России. Массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 313–314.

¹ Любимов В. Финны и закон // Известия Совета депутатов... АОУП. 1917. 2 мая.

² Побединский М.В. Письмо в редакцию // Известия Совета депутатов... 1917. 12 апр.

³ К финской забастовке // Известия Совета депутатов... 1917. 19 мая.

защищать дорогую нам свободу. Если наши товарищи финляндцы сами отколются от нас, то пускай они сами добиваются вечного мира, пусть пошлют свои войска для уничтожения прусского милитаризма. Раз мы дали им свободу, не будем прищемлять их. Лишь бы только добиться прочного мира. А если они нам не помогут никакими средствами, то не уйдем, товарищи, из Финляндии и не разоружим ее»¹.

Завершая перечисление качеств этносов-соседей, привлекавших внимание доброжелательно настроенных российских военнослужащих, следует отметить и те черты финляндцев, которые характеризуют их отношение к людям. В заметках о лечении российских военнослужащих в финляндских больницах, где с самого начала войны было выделено несколько сот коек для раненых, неизменно упоминаются доброжелательность, отзывчивость и тактичность персонала. Работу лазаретов, обслуживавших российскую армию, высоко оценил и издававшийся в период Первой мировой войны журнал «Гельсингфорский приходской листок». Его редактором был настоятель гельсингфорского Успенского собора протоиерей А.Хотовицкий, который неоднократно публиковал свои впечатления от посещения раненых, подчеркивая, что «самым сердечным образом оценили они радушие гельсингфорсцев и заботы о них, хотя многие из них попали в местные финские госпитали, где слышна чуждая русскому речь».

«— А с сестрицами и докторами как же вы здесь разговариваете?

— Да вот они, — показывают на старшую сестру, — по-русски очень даже понятно беседуют, а мы что ж, коли что спросят, сейчас по-ихнему «ю, ю» или «китос» («да-да», «спасибо». — *Е. Д.*), — и всё как на ладошке. Очень даже они хорошие и заботливые, дай Бог им здоровья»².

«Уход самый тщательный. Раненые не нахвалятся своими сестрицами, — писал А.Хотовицкий, рассказывая о подготовке к празднованию Рождества, — 12 (25) декабря госпиталь был принаряжен. Добросердечные сестрицы-финки разукрасили все комнаты ёлочками, гирляндами, состряпали к обеду и чаю праздничные яства, крендели». Однако и в его публикациях звучали интонации преду-

¹ Мальчиков С. По поводу статьи С.Макарова «Финляндия и мы» // Известия Совета депутатов... 1917. 15 июня.

² Наши гости // Гельсингфорский приходской листок. 1914. № 1. С. 7–8.

беждения и сожаления по поводу отличий, увиденных русскими в культуре «чужого» народа: «Бог с ними, с палатами этими, я отсюда рад хоть сейчас в окопы», — приводит он сетования одного из раненых и поясняет: «Оказалось, что здесь и только здесь никогда, ни под каким видом не отпускают больных и раненых на улицу, в храм — никуда. Коли попал сюда — гуляй по парадным роскошным залам, на столиках цветы, сытно, тепло, но как в клетке». Так строгий распорядок Хирургической городской больницы, вполне естественный для медицинского учреждения такого рода, воспринимался как ущемление свободы находившихся на излечении»¹.

В качестве пожелания по организации работы медперсонала в других городах княжества редактор журнала высказывал следующие любопытные пожелания, стилизуя их под просторечный говор рядового читателя: «чтобы больничный режим в финских лазаретах согласован не только с русским душевным укладом, но и с русским желудком. Ибо желудок во всех случаях вещь серьезная. И простые солидные щи нашему брату солдату куда лучше, чем супа с изюмом или хлеб с пряностями... Да и раньше не по скупости привычной пищи не давали, а от недогадки, что есть польза русскому человеку — богатырю. Война кончится, пожалуй, и сами финны к каше приобькнут и про изюм забудут, ибо видимость у них вполне здоровая и обстоятельная и для доброй пищи вполне приспособленная»².

Матрос Г.Кононов, рассказав об обстоятельствах гибели подорвавшегося на mine в Финском заливе в 1915 г. миноносца «Лейтенант Бураков», с благодарностью вспоминал о помощи, которую оказали тонувшим морякам местные жительницы — свидетели трагедии: «...видел, как две добрых женщины-шведки, надрываясь, изо всех сил спешили на помощь погибающим и как светились радостью их лица и из глаз текли слезы умиления, когда они вытаскивали из воды едва державшихся в волнах продрогших людей. Ими же спасен был и я. Будьте благословенны вы, добрые женщины, и пусть Бог вознаградит вас за это!»³.

¹ Благожелатели // Гельсингфорский приходской листок. 1915. № 2. С. 8; Больницы // Там же. № 3. С. 19.

² Среди больных и раненых воинов // Гельсингфорский приходской листок. № 9. С. 7–8.

³ Кононов Г. Последние минуты миноносца «Лейтенант Бураков» // Моряк. 1917. № 8. С. 173.

Такие свидетельства проявлений естественных человеческих чувств сопереживания, взаимовыручки, признательности несопоставимы с конструируемыми ходульными «образами» потенциальных врагов, которые навязывались как российским военным, так и финляндцам и до революционных событий, и в изменившейся общественно-политической ситуации 1917 года.

В качестве примера одного из подобных «образов» можно сослаться на представления о внутреннем классовом враге – «буржуе», виновнике всех бед, сформировавшиеся в российском обществе к лету 1917 г. благодаря усилиям различных социалистических партий¹. Применительно к Финляндии он стал отождествляться в сознании российских военнослужащих с этническим образом шведа.

Так, выступая против публикаций сотрудника библиотеки Гельсингфорского университета большевика В.М.Смирнова по «финляндскому вопросу», редакция абоских «Известий» заявила следующее. «Некий Смирнов, доказывая в «Известиях Гельсингфорского совета», что Финляндия обязана отделиться от России, пишет: «Крупные финские капиталисты (читай: шведы), как, например, металлические и писчебумажные фабриканты, находят в торговых видах выгодным соединением Финляндии с Россией». Не с целью оправдания финских буржуев пишем мы эти горькие слова, но с болью в сердце показываем враждебное отношение к нам со стороны финских товарищей»².

Редакция поместила эту статью с целью прокомментировать уже упоминавшуюся заметку матроса С.Мальчикова, которая красноречиво свидетельствует о взглядах моряков и солдат на обстановку в Финляндии летом 1917 г. «Да и самим нам видно, желают ли трудящиеся массы быть под покровительством России или хотят отделяться от нас как от надоедливой мухи, – писал автор заметки, – но тогда их еще больше прижмет швед-буржуй, который еще и теперь не перестает жать финнов железными кулаками... Я смотрю на финнов и читаю в их глазах: какое-то все же есть недовольство к русским. Русские к ним всей душой, а они к ним спиной. Почему это? Наши русские считали более культурными финнов и думали, что они так же страдают под игом своих управителей, как наши томи-

лись под игом Романовщины, но им еще, должно быть, не надоело быть под гнетом засевших в сейм шведов»¹.

Образ финляндских шведов, «не желавших расставаться с положением главных хозяев края», как об этом писал накануне войны автор подробно разбиравшегося выше «Краткого очерка истории Финляндии и ее нынешнего устройства», ко времени революционных преобразований в стране сохранял все те же знакомые очертания.

Благодаря материалам военной цензуры, публикаций о Финляндии, принадлежавших перу авторов-военнослужащих, знакомству с корреспонденцией рядовых и офицеров, которая появилась в газетах или не попала на страницы периодики, можно восстановить образ финляндца таким, каким он сложился в представлениях российских военных на протяжении Первой мировой войны вплоть до времени обретения Финляндией независимости. Этнические предрассудки становились причиной конфликтов с населением гарнизонных городов Финляндии и их окрестностей. Окрашенные в мрачные цвета представления об этносах-соседах – финнах и шведах – превращались в устойчивые этнические стереотипы. В 1917–1918 гг. их не могли победить агитационные призывы со страниц большевистских, эсеровских и советских газет к классовой солидарности «с революционным финским пролетариатом»².

Образ Финляндии и финляндцев, сформировавшийся у российских военнослужащих в годы Первой мировой войны, настолько разнообразен и противоречив, что любое желание подчинить его единой концепции будет заведомо неудачной попыткой интерпретировать действительные представления солдат, матросов и их офицеров о населении края, по счастью, не ставшего театром военных действий. Однако война шла не только на уровне конфликтов между военными и гражданской администрацией Великого княжества или на уровне символических противостояний. Она коснулась обычных жителей финляндских губерний, приходов, отдельных населенных пунктов, вошла в финские семьи. Люди на собственном опыте почувствовали нежелательность пребывания российских военных (представляющих воюющую империю) в Великом княжестве. Это недовольство росло в течение всего военного периода и разрешилось в обретении Финляндией независимости.

¹ Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.

² От редакции // Известия Совета депутатов... АОУП. 1917. 15 июня.

¹ Мальчиков С. Указ. соч.

² РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 21. Л. 105–108; К.А. VenSA. Д. 11970.

И. Р. Такала

Финны в восприятии жителей Советской Карелии (1920–1930-е гг.).

Понятию имагология в отечественной истории, этнографии, социологии, общественной психологии уделяется не слишком много внимания. Как известно, *imago* (лат.) – это образ чего-либо, изображение, вместе с тем нельзя не учитывать и такого оттенка в этом слове, как подобие, видимость, т. е. некая обусловленность образа. Не случайно, наверное, в биологии понятием имаго обозначается конечная (дефинитивная) стадия индивидуального развития насекомых. В этноисторических исследованиях имаго – это представление одного народа о другом, выработка своего рода стереотипа его восприятия, т. е. суммы устойчивых представлений, которые возникают при определенных условиях и проявляются в некоторых видах источников, а затем находят толкование в трудах историков, литературоведов и публицистов¹.

Вполне очевидно, что область изучения образа разных народов является очень трудной для исследователя. Часто случается так, что

© Такала И. Р., 2004.

¹ Подробнее об этом см.: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982; *Чистякова Е.В.* Образ и стереотип: имагология // Россия XVII века и мир. К 80-летию д.и.н., проф. Е.В.Чистяковой. М., 2001, С. 264–272.

исследования строятся на каких-то случайных источниках, дающих слишком общие либо искаженные, предвзятые сведения, обусловленные политической злободневностью или просто неизжитыми предрассудками и предрассудками. Как следствие – с одной стороны публично тиражируются представления о соседнем народе, которые никогда не бытовали в массовой форме, а с другой – в широких слоях общества укореняются стереотипы, весьма далекие от истинного положения вещей. Например, в переломные исторические периоды, в эпохи войн и революций важнейшую роль всегда играли образы врага, активно внедрявшиеся в массовое сознание правителями разных стран. Образ врага порой превращался в прочный этнический стереотип, который сохранялся в народе веками.

Поэтому столь важен в данном случае тщательный анализ используемых источников, при котором необходимо учитывать буквально все – время, место, условия возникновения источника, его назначение и т. д. Кроме того, чем шире будет источниковая база, чем разнообразнее и разнороднее окажется собранный исследователем материал, тем больше срезов, аспектов, нюансов удастся выявить и тем легче проверить репрезентативность тех или иных источников. Ведь в определении стереотипов не может быть однозначного подхода: они бывают и ложными, и правдивыми, преднамеренными и искренними. Иногда они служат целям сиюминутной политики, а порой оказывают положительное влияние на социальную психологию народа. Это очень важно еще и потому, что объектом исследования в имагологии, как представляется, является не только изучение образа чужого народа в данном конкретном обществе, но и тот народ, в сознании которого рождаются и живут эти образы.

Какие источники используются обычно исследователями, определяющими каналы, по которым идет информация одних народов о других? Это – впечатления и отзывы путешественников, сообщения дипломатов, публикации статистических, географических материалов. Не менее важными видами источников в данном случае являются и исторические сочинения, политические трактаты, произведения художественной литературы, пресса. Однако в какой степени стереотипные представления о чужих народах, создаваемые подобного рода письменными источниками, были распространены в обществе? Скажем, насколько образы Финляндии и финнов, сложившиеся на рубеже XIX–XX вв. в образованных слоях русского, преж-

де всего петербургского общества, были близки и понятны (да и вообще известны) неграмотным крестьянам российской глубинки или приграничным карелам Олонецкой губернии?

Совершенно очевидно, что в отдельных социокультурных слоях одной и той же страны порой могут создаваться совсем разные портреты какого-либо чужого народа. Это обуславливается целым рядом факторов: территориальной близостью или удаленностью, длительностью наблюдения, культурным уровнем, степенью информированности и пр. Например, образ буржуазной Финляндии как врага, активно насаждавшийся официальной советской пропагандой на протяжении всего межвоенного двадцатилетия (с разной степенью интенсивности в разные годы), в советской Карелии мог восприниматься иначе, чем в целом по стране. Да и в самой республике разные слои населения могли по-разному представлять себе соседей. Скажем, с одной стороны, пограничное карельское население, испытывавшее на себе всю тяжесть последствий российско-финляндского противостояния рубежа 1910–20-х гг., естественно, могло быть весьма восприимчивым к антифинской агитации. Вместе с тем длительные трансграничные контакты не могли не сформировать у жителей пограничных территорий собственного восприятия соседей, которое вряд ли возможно было разрушить в одночасье. С другой стороны, для жителей глубинных районов Карелии, русскоязычного населения, Финляндия долгое время оставалась не слишком далекой, но, по сути, незнакомой российской окраиной, и после установления советской власти у большинства населения республики представление о соседней стране могло формироваться лишь на основе официальной пропаганды. Однако, в отличие от России в целом, жители Карелии имели возможность составить и собственное представление о финнах, благодаря широкому потоку финской иммиграции второй половины XIX в. и затем 20-х – начала 30-х гг. XX в. Достаточно однородная в социальном плане и по своим политическим ориентирам финская эмиграция, к тому же немногочисленная и склонная к самоизоляции, все же могла серьезно откорректировать заочные представления простых людей о финнах и Финляндии в целом.

Какими же представлялись карелам Финляндия и финны в предреволюционные годы и как менялся этот образ под воздействием советской пропаганды? Как воспринимались новые стереотипы в разных слоях населения Советской республики, возглавляемой фин-

скими эмигрантами, и как они трансформировались по мере изменения государственной политики на протяжении 1920–30-х гг.?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, прежде всего, попытаться систематизировать весь спектр доступных нам источников и посмотреть, какую информацию они нам предоставляют. Главная сложность заключается в том, что анализировать приходится не отложившийся в письменных источниках материал, созданный людьми образованными, наблюдательными и в достаточной степени информированными, а устные высказывания простых людей, сделанные по случаю и зафиксированные, как правило, не слишком грамотными, доброжелательными и добросовестными осведомителями.

Основную источниковую базу данного исследования составляют материалы, которые условно можно разделить на три группы.

Во-первых, это директивные указания высших партийных органов и газетные публикации, т. е. документы официального характера, призванные сформировать в обществе совершенно определенное мнение о соседней буржуазной Финляндии и ее народе.

Ко второй группе можно отнести различные материалы местных партийных и советских органов (докладные записки, переписку с районами и центром, материалы пленумов, собраний, совещаний и т. д.), а также разного рода документы надзирающих органов (прежде всего информационные сводки и докладные записки ОГПУ-НКВД). Подобные материалы во многом позволяют взглянуть на проблему, что называется изнутри, поскольку достаточно ярко отображают картину жизни населения, его настроения, его реакцию на конкретные события, на политику властей и позволяют оценить степень идеологического воздействия государства на разные социальные слои общества. Вместе с тем к собранному органами безопасности материалу или к данным, приводившимся в документах, предназначенных для вышестоящих органов, следует относиться с достаточной долей осторожности – во многих случаях негативный материал специально подбирался (а то и придумывался), чтобы выполнить установки центра или по каким-то корпоративным соображениям.

И в этом плане третья группа документов – т. е. низовые (первичные) материалы разного рода контролирующих органов, протоколы народных собраний и сходов, письма граждан, мемуары, дневники и т. д., дает возможность в той или иной степени прове-

ритель достоверность сведений, предоставляемых другими источниками. Но и в данном случае не следует забывать о специфике таких источников, как мемуары, и надо быть готовым к тому, что воспоминания, опубликованные в 1970-е гг., будут серьезным образом отличаться от тех, что появились в постсоветское время.

Образ соседа

Какими же могли представлять себе соседей жители Олонецкой губернии в предреволюционные десятилетия?

К началу XX века в российском обществе сложился определенный образ финна, чему немало способствовали многочисленные путевые заметки и очерки, в изобилии публиковавшиеся российскими путешественниками, чиновниками, публицистами, литераторами. Даже начавшееся в конце XIX в. наступление на финляндскую автономию и появление в связи с этим огромного числа публикаций, не слишком благожелательных по отношению к Финляндии, не могли поколебать сложившиеся за столетие стереотипы. Большинство описаний сводилось к следующему обобщенному образу: финны очень трудолюбивый и аккуратный народ, они суровы, молчаливы, медлительны, надежны, честны и законопослушны.

Вот типичные рассуждения российских авторов по этому поводу: «На долю финнов достался суровый край, каменистый и бесплодный, поэтому их называют пасынками природы»¹. Финн с природой борется и «вполне похож на страну, в которой живет: он так же мрачен и молчалив. Невероятный труд, с которым человек добывает здесь хлеб на каменистых нивах, развил необычную твердость и настойчивость в его характере, а жизнь вдали от соседей приучила его к молчанию и суровой задумчивости. В чертах финна ярко отражается твердость и мрачность его родных гранитов»².

Финский крестьянин живет на хуторе и чрезвычайно мало зависит от коллектива. Он не часто общается со своими соседями, замкнут в семейном кругу и не видит особой необходимости размыкать этот круг. «После воскресного обеда хозяин не отправляется в гости. Да и зачем ему бежать из дому? Жена – его лучший

¹ Пуцикович Ф.Ф. Финны. СПб., 1909. С. 16.

² Мелюков А. Очерки Финляндии // Морской сборник. 1853. Т. 23. № 8. С. 99.

друг, дети его уважают»¹. Он почти целиком сконцентрирован на себе самом, «глаза его, иногда прекрасные и выразительные, смотрят как-то в глубь себя, он замкнут и молчалив»².

С финном трудно подружиться, он скрытен и замкнут. «К чужеземцу он всегда относится недружелюбно и подозрительно, но раз он сошелся с кем-то на дружбу, на него можно положиться как на каменную стену»³. Столь же последователен финн в своей ненависти. «Финн редко решается на зло, но если решается, то становится совершенным зверем»⁴.

Вся жизнь жителей Финляндии очень упорядочена. Если финн что-то делает, то он делает это настойчиво, размеренно и рассчитанно. «Взявшись за какое-либо дело, финн упорно борется со всеми препятствиями, пока не достигнет намеченной цели». Ходит и работает он медленно, но зато никогда не бросит дело неоконченным, а доделает его до конца. «Медлительность в движениях, тяжесть в подъеме, осторожная осмотрительность говорят о его неутомимой силе и не истощающемся терпении»⁵.

Все авторы подчеркивали финскую страсть к порядку и аккуратность. Это начинается с быта. «Дома их деревянные, часто и каменные, содержатся в невероятном порядке <...>. В кухне с невероятной аккуратностью расставлены по полкам блюда, тарелки и прочие принадлежности, везде господствует чистота, порядок и признак неусыпного смотрения. Ни на стенах, ни на полу ни пятнышка»⁶. То же и в общественном быту: «Поражает благоустроенность дорожек, хотя бы они соединяли даже небольшие хуторки». В городах порядок идеален: «Все улицы чрезвычайно опрятны. Тротуары и булыжные мостовые отлично выровнены. Чистота их поразительна»⁷.

Эта аккуратность, размеренность, упорядоченность пронизывают весь быт финнов. «Строго относясь к чужой собственности, финн так же добросовестно смотрит на всякую заработанную ко-

¹ Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 9. С. 7.

² Лезин А. Финляндия. М., 1906. С. 5.

³ Пуцикович Ф.Ф. Указ. соч. С. 50.

⁴ Мелюков А. Указ. соч. С. 24.

⁵ Пуцикович Ф.Ф. Указ. соч. С. 6, 50.

⁶ Дершау Ф. Финляндия и финляндцы. СПб., 1899. С. 42–43.

⁷ Лезин А. Указ. соч. С. 57, 130.

пейку. Если только он не пьяница, он считает позором отнять у семьи хоть грош на свои удовольствия. Благодаря такому качеству, а также своему неослабному трудолюбию, он живет весьма порядочно в условиях, при которых другой бы нищенствовал. Так же строго и добросовестно он относится и к общественному капиталу, и к казенным деньгам¹. На честность финнов указывали все, писавшие о них.

Конечно, с подобными сочинениями знакомились лишь образованная публика, которой в крестьянской Олонецкой губернии было немного. Зато у жителей губернии была возможность самим познакомиться с соседями, чему, прежде всего, способствовала широко развитая приграничная торговля. Многовековые экономические контакты пограничного населения Восточной Карелии и Финляндии получили новый импульс в XIX в., когда Великое княжество Финляндское оказалось в составе России. Многие отдаленные территории Олонецкой губернии имели гораздо более тесные связи с соседними финскими торговыми местечками, нежели с далекими и труднодоступными российскими городами. Карелы, особенно северные, легко общались с соседями, не существовало ни языкового барьера, ни даже серьезного конфессионального, поскольку многие жители восточной Финляндии были православными. Тесное общение и сотрудничество давали возможность хорошо узнать друг друга и, надо полагать, о честности, аккуратности, молчаливости и трудолюбии финнов восточные карелы знали не понаслышке. Очень многое перенималось соседями друг у друга, и описание быта беломорских карелов, например, порой удивительно совпадает с тем, что можно было наблюдать в соседних финских деревнях².

Жители уездных центров могли составить свое впечатление о соседях благодаря достаточно широкой финской миграции в Олонецкую губернию во второй половине XIX в. И здесь, по всей вероятности, созданный в литературе образ финна-труженика вполне

¹ Водовозова Е. Указ. соч. С. 21.

² См., например: *Оленев И.В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917; *Катица Л.Л.* Материалы для этнографической характеристики Кондоковского и Вокнаволоцкого района северо-западной Карелии // *Западнофинский сборник.* Л., 1930. С. 22–35; *Карелы Карельской АССР.* Петрозаводск, 1983; *Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел.* Л., 1981.

мог совпасть с непосредственным восприятием мигрантов населением, поскольку главной причиной переселенческого движения был именно поиск работы и хороших заработков. Жители Петрозаводского, Олонецкого, Вытегорского уездов могли воочию убедиться в справедливости, например, таких высказываний: Финн очень любит свою страну, «может быть, не много найдется народов, которые так гордятся своей родиной»¹. Отправившись на заработки в чужие страны, он обязательно «лет через пять-шесть возвращается на родину. Американцы очень ценят выносливых и трудолюбивых финнов, а хороший работник получает у них большую плату <...>. Но финны всегда мечтают возвратиться домой и обзавестись собственным земледельческим хозяйством»².

Действительно, переселение в Олонецкую губернию было для многих финляндцев явлением временным, заработав определенную сумму, большинство из них возвращалось домой³. При этом в источниках не прослеживается материал, который свидетельствовал бы о каком-то жестком противодействии финской иммиграции со стороны местного населения, о конкуренции или национальных конфликтах. В слабонаселенной Карелии работы хватало всем, а карельские крестьяне приграничных уездов, в свою очередь, могли хорошо заработать на продаже в Финляндию рыбы и дичи и на лесозаготовках у финских подрядчиков. Недаром об этих временах еще долго вспоминали в голодное советское время⁴.

Таким образом, тесные экономические связи соседних народов, длительный период мира и спокойствия на границе способствовали формированию достаточно позитивного имиджа финнов у населения Восточной Карелии, который во многом мог совпадать с обобщенным образом финляндца, тиражируемым в литературе и публицистике.

¹ *А-ва Е.* Очерки Финляндии // Иллюстрированный листок. 1863. № 8. С. 212.

² *Лезин А.* Указ. соч. С. 5.

³ *Бирин В.Н.* Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1919. С. 19; *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 10.

⁴ См.: *Такала И.Р.* Особенности национальной охоты: ребольские карелы на рубеже двух эпох (1890–1920-е гг.) // *Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тезисы докл. междунар. симпозиума историков.* Петрозаводск, 1999. С. 24–30; *Takala I. Repola 1922–1939 // Aunuksen Repola.* Jyväskylä, 2001. S. 229–232.

Приход в России к власти большевиков, появление на политической карте независимого Финляндского государства, нарастающее противостояние на границе, порой выливавшееся в кровопролитные и опустошительные походы на сопредельные территории, не могли не повлиять на восприятие соседями друг друга. Тем более, что в советской пропаганде 1920–1930-х гг. буржуазная Финляндия однозначно была объявлена врагом, стремящимся уничтожить молодую социалистическую республику.

Образ врага

Новое время принесло с собой новые образы, которые весьма далеки были от собственно человеческих. В политических лозунгах и штампах 1920-х гг. человек растворился, остался классовый враг, и трудолюбивый финн-сосед превратился в «белобандита», «лактаря», «кровожадного палача». Впрочем, с самого начала официальной советской пропагандой был создан и активно тиражировался на страницах печати двойной образ Финляндии и финнов, эдакий бело-красный монстр.

Рисуя образ белой Финляндии, газеты в соответствии с духом времени не слишком церемонились в выражениях. В годы революции, гражданской войны и походов финских добровольцев на территорию КТК карельские газеты, окрестив Финляндию «кошкой из породы тигров», «акулой, посягающей на чужое добро», писали о «наглой беззастенчивости гельсингфорсского правительства», протягивающего свои грабительские лапы к богатствам Олонецкой губернии и стремящегося превратить Карелию в колонию Финляндии¹. Рассказывая о «зверствах белых финских банд», газеты призывали «гнать из Карелии белую финскую собаку», однозначно заявляя, «что Советская Карелия не будет финляндской ни по воле карельского народа, ни под давлением финского белого оружия»².

¹ Олонецкая Коммуна. 1919. 30 апр.; Там же. 1919. 2 мая; Там же. 1920. 27 июня; Коммуна. 1921. 29 нояб.

² Олонецкая Коммуна. 1919. 3 мая; Там же. 1920. 28 июня; Карельская коммуна. 1922. 3 янв.

Одновременно в прессе появляется образ «истерзанной Красной Финляндии», над которой «опустилась черная завеса: соединенные силы германо-финских белогвардейцев нанесли тяжелое поражение славным бойцам за дело социализма... Истерзанная, разбитая, обескровленная, лежит Красная Финляндия у ног победителя»¹. Вместе с тем газеты вселяют в читателя веру «в возрождение суровой Финляндии и в окончательную победу финского пролетариата», поскольку «положение финских душителей революции становится критическим», и «белая Финляндия уже беременна республикой Советов»². Статьи о «Красной Финляндии», которая является «нашим братом и ближайшим союзником», с этого времени становятся постоянным противовесом «белофинским» материалам: «Навстречу организованным финляндским капиталистам поднимается мускулистая рука красных финнов, и они не позволят... бряцать оружием против революционных русских и карельских крестьян»³.

По окончании гражданской войны «алчная, тупоголовая белофинская буржуазия»⁴ продолжает оставаться объектом критики, и ей периодически грозят: «Слушай, финская буржуазия, слушайте все, буржуазные твари! Слушайте наш ответ. Мы потопим вас в крови рабочего класса, алой крови мучеников революции! Да здравствует Советская Финляндия!»⁵.

С середины 1920-х гг. Финляндию все чаще называют «фашистской», газеты пишут о том, что она «является послушной игрушкой в руках крупных капиталистических держав, в частности, Англии, которая старается натравить Финляндию на нас»⁶. В 1930 г. в разгар лапуаского движения пресса кричит уже о «диком разгуле фашизма в Финляндии» и о том, что «финляндские чернорубашечники рвутся к власти», а «убийца рабочих Свинхувуд является реальным кандидатом в финляндские Муссолини»⁷. Однако после восстания в Мянтсяля (карельские газеты назвали это событие

¹ Изв. Олон. Губ. Совета. 1918. 12 мая.

² Изв. Олон. Губ. Совета. 1918. 24 нояб.; Олонецкая Коммуна. 1919. 24 июля.

³ Изв. Олон. Губ. Совета. 1918. 24 нояб.; Карельская коммуна. 1922. 6 февр.

⁴ Карельская коммуна. 1923. 23 сент.

⁵ Карельская коммуна. 1924. 1 июля.

⁶ Красная Карелия. 1928. 21 февр.

⁷ Красная Карелия. 1930. 2 апр.; Там же. 18 июня; Там же. 20 июня; Там же. 21 июня; Там же. 10 июля; Там же. 2 окт.; Там же. 3 окт.; Там же. 8 окт.

«фашистским путчем»¹) и запрета лапуаского движения на страницы прессы возвращается более привычное и облегченное определение – «белая Финляндия».

В середине 1930-х гг. в прессе все чаще используется такой прием, как перепечатки из финских газет статей с открытыми антисоветскими выпадами². Но в целом, как это ни удивительно, число публикаций о Финляндии на протяжении 1930-х гг. постоянно снижалось, основные материалы теперь составляют либо статьи по случаю (празднование 15-летия финляндской революции, например), либо перепечатки из центральной прессы о подготовке Финляндии к войне и о некоторых аспектах советско-финляндских взаимоотношений³. Зато весьма активно на протяжении 1935–1938 гг. велась в прессе кампания по разоблачению «финских буржуазных националистов» в самой Карелии⁴. События, непосредственно предшествовавшие Зимней войне, в частности переговоры лета-осени 1939 г., никак не отразились на страницах печати, лишь с началом войны газеты вновь запестрели броскими заголовками и к жизни (правда, очень недолговечной) был вызван еще один образ нашего многоликого соседа – Финляндская демократическая республика.

Образ «чужого»

Как же воспринимало население Карелии столь настойчиво навязываемые ему «бело-красные» стереотипы? Сложность ответа на этот вопрос обусловлена необходимостью учитывать очень много разнородных обстоятельств.

В первые послереволюционные годы население, прежде всего пограничных районов, непосредственно задействованное в событиях гражданской войны и сильно пострадавшее от военных дей-

¹ Красная Карелия. 1932. 30 март.

² Красная Карелия. 1934. 2 февр.; Там же. 1935. 29 марта; Там же. 1935. 30 дек.

³ Красная Карелия 1933. 28 янв.; Там же. 1934. 23 февр.; Там же. 1935. 29 дек.; Там же. 1936. 29 июля; Там же. 1936. 27 окт.; Там же. 1937. 9 февр.

⁴ См.: *Такала И.Р.* «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 34–73; *Такала И.* Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1994. Т. 11. С. 119–140.

ствий, могло вполне сочувственно относиться к сообщениям о «финской опасности» и испытывать вражду по отношению к «белофинским бандитам». Если, конечно, газетные лозунги становились известными крестьянам – большинство населения Карелии газет тогда вовсе не читало. Однако чем ближе к границе, тем сложнее было убедить население в том, что их главным врагом являются соседи-финны. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди скорее были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу. На этом фоне антисоветская пропаганда, шедшая со стороны Финляндии, во многом оказалась в те годы сильнее и эффективнее, чем агитация большевиков. Доказательство тому – тысячи карельских беженцев, которые опасность для себя увидели не в белофинских отрядах, а в пришедших к власти большевиках и искали спасения в столь ненавистной последним белой Финляндии.

Вообще в первое десятилетие советской власти цепочка, по которой до населения доводились главные партийные постулаты, оставалась достаточно длинной, и на конце ее находился зачастую полуграмотный агитатор-пропагандист, который сам очень многого не понимал. Вот, например, достаточно типичная зарисовка с собрания граждан по вопросу о сельскохозяйственном налоге, которое проводили 29 августа 1926 г. в одной из волостей Ухтинского уезда председатель ВИКа (карел по национальности) и замсекретаря ячейки ВКП(б) (финн). Собрание совпало со смертью Ф.Дзержинского, поэтому, открывая его, партийный лидер сказал: «Прошу встать и почтить память умершего старого члена партии...». Далее последовала пауза, во время которой он мучительно пытался вспомнить сложную фамилию. Попытка не увенчалась успехом, все сели. Увидев, что крестьяне пересмеиваются, председатель ВИКа решил помочь товарищу. Встав, он сказал: «Умер один из важных пролетарских вождей т. Пилсудский. Но мы не будем унывать, а будем продолжать его дело». На что из зала последовала реплика: «А Дзержинский?». Из доклада о сельскохозяйственном налоге крестьяне поняли только одно: налоговое бремя увеличится. Было подано много вопросов, но ни на один из них не получен ответ¹. Тем не менее, поскольку тираж местных газет

¹ Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 35. Л. 24–25.

был весьма невелик, значительная часть населения неграмотно, а радио появляется в отдаленных карельских районах только во второй половине 1920-х гг., именно такие пропагандисты несли в народ «слово партии».

Партия ставила задачу «отвлечь внимание карела от Финляндии»¹ и сразу после окончания военных действий, летом 1922 г., в документах органов безопасности появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. «Финская агитация, – писал в одном из таких документов начальник Карельского ГПУ Р.Домбровский, – свила и свивает себе прочное гнездо на советской территории и надо противопоставить для пресечения ее работы внутреннюю контрфинагитацию партийных сил». Руководителям погранрайонов предписывалось «принять меры для проведения ударной агитации на 2–3 недели, а затем дальнейшее ведение таковой время от времени»². Любопытно, что эту «контрфинагитацию» во многих местах вели партийные и советские работники, сами по национальности финны.

Здесь следует напомнить, что у руководства республикой тогда стояли финские политэмигранты и правительство Э.Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы красных финнов, полагая, что им легче будет найти общий язык с населением, плохо говорившим по-русски. Однако большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом и безработицей им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только из Финляндии³.

¹ Карельская коммуна. 1922. 10 янв.

² КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 72. Л. 60.

³ Закупки продуктов питания для пограничных районов Карелии производились в Финляндии вплоть до середины 1930-х гг.: при отсутствии надежных транспортных коммуникаций это был единственный способ организовать регулярное снабжение хлебом столь отдаленные местности. Согласно решениям Совнаркома СССР товары для нужд пограничного населения ввозились через границу беспоплатно (СЗ СССР. 1924. № 14. Ст. 145; СЗ СССР. 1925. № 66. Ст. 494).

В результате в глазах местных жителей красные финны стали олицетворением новой власти и виновниками всех бед, обрушившихся на карелов. Как следствие, происходит своеобразное наложение образов: население экстраполирует предлагаемый властями образ белофинна-завоевателя на местных руководителей. Вот, например, как суммирована эта противоречивая ситуация, складывавшаяся в Карелии в спецполитсводке ОГПУ за 23 февраля 1923 г.: «Настроение крестьян в общем неудовлетворительно. Отношение их к Советской власти и РКП большей частью безразлично, местами даже враждебно, вследствие различных налогообложений, крайне подрывающих экономическое положение крестьян и в первую очередь бедноты. Отношение крестьян к бандитизму отрицательно, так как большая часть крестьян еще не может оправиться от прошлогоднего нашествия финнов <...>. Сельсоветы и волносполкомы работают слабо и почти не справляются с задачами, возложенными на них <...>. В Ухтинском районе работа ревкома проходит вяло ввиду отсутствия активных работников, средств и оторванности от центра. Авторитетом волревкомы среди населения никаким не пользуются, так как в них большей частью работают финны»¹.

Действительно, в Ухтинском уезде проживало свыше 20% всех политэмигрантов (71% из них в самой Ухте)², они занимали все ключевые партийные и советские посты, порой вели себя как хозяева, за что и стали прозываться в народе «господами из Ухты» (Uhtuan herrat). В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниями типа: «У нас сидят пришельцы – финны, от них все беды», «Почему все финны занимают должности, а карелы нет», «Финны живут как в раю – все начальники и господа. Погибла Карелия»³.

Резкое национальное противостояние между финским руководством районов и местным населением вызывала и т. н. политика «карелизации». С середины 1920-х гг. в республике начинается

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 692.

² Подсчитано по: Список населенных мест Карельской АССР. Петрозаводск, 1928. С. 4–15.

³ См.: КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 365. Л. 39, 41; Ф. 35. Оп. 1. д. 39, 99–102; Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 689. Оп. 1. Д. 28/325. Л. 47.

активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным окраинам Советского Союза. Согласно принципам этой политики, принятым на XII партийном съезде в 1923 г., важнейшей задачей партии стало преодоление фактического неравенства народов. Под равенством понимались не только экономическая развитость, но и управление национальных территорий коренными силами. Титульные народы каждой «национальной» территории должны были быть пропорционально представлены в аппаратах партии и государства, языком управления и преподавания должен был стать «национальный язык» и т. д. В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карелов, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 20-х гг. переводилось на финский язык. К 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке: из 448 школ первой ступени 198 (44%) «обслуживали», как писали тогда, «русскую народность»; 250 школ «обслуживали карело-финскую и чудскую народности», причем на русском языке из них работало только 59 (23,6%), остальные 191 (76,4%) – на финском. В Кестеньгском, Ухтинском, Кемирецком, Ругозерском, Ребольском и Видлицком районах не было ни одной русскоязычной школы¹.

Карельское население пыталось сопротивляться введению в школах финского языка. Осенью 1925 г. в целом ряде мест Паданского и Ухтинского уездов, ок. 95% населения которых составляли карелы, были зафиксированы весьма резкие антифинские высказывания. В селе Кимасозеро к концу сентября из 50 учащихся в школе осталось не более 10–12, а родители открыто заявляли: «Школу с преподаванием финского языка можете закрыть». В Поросозере крестьяне на собрании жителей говорили: «Мы экономически связаны с Россией, и если наши дети научатся только финскому языку,

то не смогут иметь связь с Россией». Детей в школу не пускали, мотивируя это тем, что «все равно ничему не научатся»¹.

Интересно отметить в этой связи, что в 1970–90-е гг. те, кто начинал учиться в национальной школе в 1920-х, вспоминали об этом с большой теплотой: «Сначала было трудно, но все, и ученики и учителя, жили одной дружной семьей, питались вместе за общим большим столом». Особенно отмечалось, что в отличие от церковно-приходской новая школа не была идеологизирована, дисциплина не отличалась строгостью, телесные наказания не применялись, а языком обучения был понятный карелам финский язык².

К концу 1920-х гг. страсти вокруг финнизации школ несколько поутихли³, но недовольство по поводу карелизации советского аппарата не угасало. Вот, например, как характеризовалась карельская ситуация в Обзоре политического состояния СССР за май 1928 г.: «Среди карельского населения в довольно широких размерах отмечаются антагонистические настроения к финнам, что вызвано с одной стороны введением изучения в школах финского языка, а с другой – наличием в центральном советском аппарате КА ССР работников-финнов. Это же вызывает разговоры о возможности присоединения Карелии к Финляндии: «У нас во главе правительства находятся финны, в школах преподают финский язык, и как бы нас не присоединили к Финляндии».

Кулацко-зажиточные слои карельского населения пытаются обострить эти настроения, агитируя: «Пока у нас у власти будут финны, нам будет плохо жить, так как они издают неправильные законы», и в ряде случаев заявляют: «Нам нужно создать свою организацию и выгнать всех финнов из правительства»⁴.

На самом деле в низовых документах органов безопасности подобного рода высказываний не так много. Республиканское правительство людей, особенно живущих в глубинке, интересовало слабо. Все недовольство было обращено, прежде всего, на местное начальство, которое всегда на виду. Людей не устраивали порядки

¹ На РК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 15/145. Л. 79, 118; КГАНИ. Ф. 11. Оп. 5. Д. 29. Л. 12.

² *Ниеминен П.* К 50-летию калевальской средней школы // Коммунист Калевалы. 1972. 18 июля; *Кауппала П.* Качество жизни в советской нерусской деревне // Нормы и ценности повседневной жизни. СПб., 2000. С. 392.

³ См.: КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 365. Л. 39.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 6. М., 2002. С. 279.

¹ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Петрозаводск, 1930. С. 40–41.

на местах («Почему все финны занимают должности в дистанции Кареллеса, а карел не допускают?»), хотя обобщения иногда выглядели очень опасно с точки зрения властей. Некоторые возвращавшиеся домой карбеженцы, например, говорили о том, что в Финляндии к ним относились очень хорошо, в то время как здесь «всем руководят финны, жизни от них нет», и призывали: «Прочь красных подлецов из Карелии»¹. Подобного рода недовольство высказывалось и рабочими на предприятиях, которыми руководили финны: отмечалась дискриминация русских по сравнению с карелами и финнами в оплате труда, а также замкнутость финнов, их желание отдалиться, «держаться своей национальной группы». На Кондопожской бумфабрике рабочие говорили: «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный – русские и карелы, это надо изжить, пока не поздно»².

Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, евреи. Так, жители карельских волостей Кемского уезда говорили: «В Карелии одна революция была, но придется сделать вторую, т. к. к нам нагнали много русских совработников», а рабочие Медвежьегорского лесозавода заявляли о «еврейском засилье», поскольку «руководящие должности заполнены преимущественно евреями»³.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в обществе складывался весьма противоречивый образ финнов и Финляндии. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, «страдавший под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом, и именно они порой воспринимались населением как «господа», мечтающие лишиться карелов их родины, а то и просто как «пятая колонна»: «Теперь при советской власти есть много финнов – советских служащих и, если будет война, то они изменят, как изменили в былое время при Николае немцы»⁴. И

¹ НА РК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 5/52. Л. 78.

² НА РК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 11; Д. 15/145. Л. 87, 91–92; КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 365. Л. 16, 62.

³ КГАНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 365. Л. 65; НА РК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 26, 68.

⁴ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 365. Л. 39 об.

этот образ «чужого» в 1920-е гг. порой затмевал образ внешнего врага, навязываемый населению властями.

Тем более что влияние Финляндии на приграничное население оставалось достаточно сильным, и воспоминания о прежней жизни на фоне тяжелого настоящего провоцировали такие высказывания: «Присоединили бы нас к Финляндии, и было бы жить лучше. Если бы финны в 1920 г. не отдали Карелии, то мы жили бы баронами»¹. Население погранрайонов в конце 1920-х слушало почти исключительно финляндское радио, что, как с тревогой отмечалось в партийных документах, не могло не отразиться «на политически малоразвитых слушателях»².

В 1930-е гг. картина постепенно меняется. Подрастает собственно советское поколение, не помнившее прошлого и воспитанное в новых традициях. Население становится грамотнее, больше читают газет, расширяется агитационная сеть, растет число школ, клубов, библиотек, радиоточек, кинотеатров. Соответственно и идеологическое воздействие государства на людей становится глубже и эффективнее.

Правда, старые проблемы остаются и появляются новые: все та же бедность, перебои с хлебом и другими товарами, плюс нарастающая коллективизация, налоговый гнет, усиление прямой репрессивной политики. На этом фоне национальная рознь отходит на второй план, власть уже не ассоциируется с красными финнами, тем более, что в 1935 г. «финский период» истории Карелии заканчивается. Теперь критикуется собственно советская власть, которая «доправила до того, что рабочих морит голодом или кормит кониной» и издевается над крестьянами, загоняя их в колхозы как рабов³. Вместе с тем все больше людей склонны верить тому, что пытается им внушить государство: основными виновниками трудностей, переживаемых советским народом, являются мировой капитал и внутренние враги.

В новых условиях образ фашистской Финляндии, о которой кричат все газеты, все прочнее запечатлевается в умах жителей республики. Кроме газетной пропаганды широко тиражируются разного рода агитационные материалы (например «Тезисы для

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 6. С. 279.

² КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 117. Л. 67.

³ См.: КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 454. Л. 28–51; Д. 592. Л. 65–74; Ф. 1230. Оп. 8. Д. 19. Л. 208–212.

докладчиков к 10-летию ликвидации белофинской авантюры в Карелии)), в которых уже устоявшимися штампами звучат слова «воинственные финские контрреволюционеры», «алчный, жадный до наживы и крови империализм», «финские белобандиты» и т. д. В ответ на проiski «финской военщины» трудящиеся Карелии собирают средства и строят в 1931 г. для Красной Армии самолет под названием «Наш ответ ЛАПУАСАМ»¹.

Впрочем, национальная компонента в документах первой половины 1930-х гг. все же присутствует. С появлением новых волн финской иммиграции – американских переселенцев и перебежчиков, появляются и новые проблемы в отношениях пришельцев и местных жителей. Но это уже другой уровень взаимоотношений, поводом к конфликтам становятся не столько политические, сколько бытовые и производственные проблемы.

Американские финны воспринимались полуголодным местным населением как «иностранцы», «нахлебники» и «буржуи», отнимающие у них работу. Все в них было чужое – и манера работать, и инструменты, и образ жизни, и поведение в быту, и реакция на окружающую действительность. Льготы, которые имели иностранные переселенцы, были предметом зависти и поводом для ненависти. Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится»². На все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуйам нечего здесь делать!»³.

Зато на бесправных перебежчиках население и администрация мест, где их заставляли работать, отыгрывались сполна. Здесь «господами» были местные жители, а финны низводились до положения рабов. При этом, как и американцам, на любую жалобу им отвечали: «Вы приехали есть наш хлеб, хотя у нас самих мало. Надо было оставаться в Финляндии, раз дома лучше»⁴.

¹ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 639. Л. 64.

² КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 790. Л. 15; Ф. 1230. Оп. 2. Д. 9. Л. 31; Оп. 7. Д. 6. Л. 123.

³ Подробнее см.: *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 33–53.

⁴ См.: *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России. С. 54–61. В статье использованы также материалы, собранные студентами Петрозаводского университета Р.Терентьевым (дипломная работа «Финляндия на страницах карельской прессы.

Как видим, в восприятии населением новых волн финской иммиграции так же превалирует образ «чужого», который зачастую сливается с представлениями о буржуазной жизни, хотя и в данном случае люди сталкивались с теми, кого газеты называли «угнетенным финляндским пролетариатом» и с кем призывали быть солидарными. Как и в 1920-е гг. «белая Финляндия» и ее жители оставались достаточно далеким, виртуальным, выражаясь современным языком, образом, в то время как жившие рядом финны представляли, как казалось людям, вполне реальную угрозу их жизни и благополучию.

После 1935 г., когда финское руководство республики было смещено и в Карелии начинается борьба с «финским буржуазным национализмом», уже и в официальной пропаганде образы белой Финляндии и красных финнов (внутреннего и внешнего врага) сливаются, «красное» превращается в «белое». Интересно, что в документах второй половины 1930-х гг., так же, как в воспоминаниях и интервью, особой радости у людей по поводу гонений на финнов не обнаруживается. Газеты переполнены нападка на бывшее руководство республики, собрания трудящихся «целиком и полностью одобряют политику партии», однако похоже, что население теперь больше сочувствует гонимым, чем торжествует по поводу их изгнания, на чем настаивало в 20-е гг.

Зато образ Финляндии, наконец, обретает некую завершенность. По мере нарастания военной опасности в мире, в новых условиях «постфинской Карелии», для нового поколения жителей республики соседняя страна все явственнее представляется частью вражеского окружения, угрожающего советской родине. Начавшаяся Зимняя война окончательно трансформирует образы соседа и «чужого» в образ врага.

1918–1939 гг.», 1999) и В.Ершовой (курсовая работа «Национальные отношения в Ухтинском уезде в 1922–1926 гг.», 2003).

Е. С. Сенявская

Финляндия как противник СССР
во Второй мировой войне: формирование
и эволюция «образа врага» в сознании
советского общества
в 1939–1940 и 1941–1944 гг.

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти.

Война как экстремальное состояние общества в его противостоянии внешним силам предъявляет к массовому сознанию особые требования. В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии и народа, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных

© Сенявская Е. С., 2004.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-00163а).

и нравственных ценностей, ради которых граждане страны готовы стать солдатами и отдать свою жизнь.

Идеологическая и психологическая составляющая в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником и, разумеется, в конечной победе над врагом. Все это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе осуществляются прежде всего идеологическими средствами и инструментами.

Важнейшим среди них является пропаганда официальной мотивации войны. Каждая война имеет свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая может выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках.

В советское время в идеологическом оформлении войны большую роль стали играть социально-революционные мотивы, тесно связанные с доктринальными установками марксизма и коммунистической идеологией в широком смысле. Однако, несмотря на то, что в мотивации этих войн обычно присутствовала и терминология, являвшаяся отзвуком идеи мировой революции, за большинством из них стоял, прежде всего, собственно государственный интерес.

Особое значение идеологическая составляющая в массовом сознании приобрела в условиях утвердившегося сталинского режима. В полной мере это относится и к сознанию советских людей в период Второй мировой войны. А локальную советско-финляндскую Зимнюю войну 1939–1940 гг. и Войну-продолжение (как называют финны боевые действия против СССР в 1941–1944 гг.) следует рассматривать именно в этом – глобальном – историческом контексте.

Советско-финское военное противостояние является весьма благодатным материалом для изучения формирования и эволюции образа врага как феномена массового сознания. Причин тому не-

сколько. Прежде всего, любые явления лучше всего познаются в сравнении. Возможности для сравнения в данном случае открывает само развитие советско-финского конфликта, историческое разделение его на две неравные части.

Первая – так называемая Зимняя война (1939–1940) – столкновение огромной державы с небольшой соседней страной с целью решить свои геополитические проблемы.

Реальным мотивом для нее послужили военно-стратегические соображения советского руководства: непосредственная близость государственной советско-финляндской границы к Ленинграду – второму из крупнейших городов СССР, важнейшему военно-промышленному центру и морскому порту, а также «колыбели революции». Стремление Советского правительства отодвинуть границу с Финляндией находилось в общеевропейском русле взаимоотношений трех сложившихся к тому моменту крупных субъектов мировой политики – фашистской Германии и ее сателлитов – с одной стороны; стран «западной демократии» – с другой и СССР – с третьей. Война с Финляндией оказалась лишь одним из событий в общем ряду мер, осуществленных СССР для продвижения на запад (поход в Западную Украину и Белоруссию, присоединение Бессарабии, Буковины и стран Прибалтики). Естественную обеспокоенность Советского правительства вызывали активные военные приготовления Финляндии, наталкивавшие на мысль о формировании на ее территории мощного военного плацдарма против СССР (строительство к началу 1939 г. с помощью немецких специалистов серии военных аэродромов, создание мощной системы долговременных укреплений – «линии Маннергейма» и др.). Начатые по инициативе СССР советско-финляндские переговоры по вопросу взаимной безопасности в 1939 г. к успеху не привели. Советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. создал принципиально иную ситуацию в Европе, в том числе и в отношении Финляндии: в секретном приложении к этому договору она была отнесена к сфере советского влияния¹. Ситуацию, при которой основной потенциальный противник СССР – фашистская Германия, с одной стороны, был связан только что заключенным

¹ См.: Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991. С. 192; Секретные дополнительные протоколы к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 115.

пактом о ненападении, а с другой – вовлечен в реальные боевые действия против держав Запада, советское правительство сочло благоприятным моментом для развязывания старых внешнеполитических узлов и повышения уровня безопасности страны путем перенесения западной границы почти по всей линии с юга на север, от Черного моря до Балтики. Южный участок советско-финляндской границы и замыкал северную часть этой линии. Хотя официально война носила оборонительный характер, фактически со стороны СССР она была агрессивной, поскольку была направлена на отторжение части чужой территории, хотя однозначная ее оценка, в силу международной ситуации и роли в ней Финляндии, невозможна.

По масштабу и театру военных действий это была локальная война, велась она на финской территории. По составу участников война была двусторонней. Ход и исход этой войны известен. Она завершилась подписанием мирного договора, причем на гораздо более выгодных для СССР условиях, чем те, которые выдвигались им до начала боевых действий. Вместе с тем СССР удалось вынудить Финляндию отдать часть стратегически и экономически важных территорий ценой непропорционально больших жертв. За 105 дней войны общие потери личного состава Красной Армии, по официальным данным, достигли 391,8 тыс. чел., из них безвозвратные – около 127 тыс.¹. Есть и другие подсчеты, согласно которым советские потери превышают эту официальную цифру более чем в 1,2 раза, причем на каждого убитого финна приходилось пятеро погибших советских военнослужащих². По финским источникам, людские потери Финляндии в войне 1939–1940 гг. составили 48,2 тыс. чел. убитыми и 43 тыс. ранеными. По другим офици-

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 99, 407; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 195, 595. На разных страницах обоих официальных изданий Министерства Обороны РФ данные об общих потерях Красной Армии в советско-финляндской войне расходятся: в специальном разделе, посвященном этой войне, называется цифра 333 084 чел., однако при складывании чисел безвозвратных (126 875) и санитарных (264 908) потерь, которые приведены в итоговой таблице к каждой книге, получается цифра 391 781 чел.

² *Аптекарь П.* Какие потери в живой силе и технике понесла Красная Армия в финской кампании? // Родина. 1995. № 12. С. 98.

альным источникам, финская армия потеряла 95 тыс. чел убитыми и 45 тыс. ранеными¹.

Известен и международный резонанс этого конфликта: начатый в контексте разворачивающейся Второй мировой войны, он вызвал ассоциации с германскими вторжениями в Австрию, Чехословакию и Польшу и привел к исключению СССР из Лиги Наций как агрессора. Все это должно было воздействовать и на взаимное восприятие непосредственных участников боевых действий с обеих сторон. С точки зрения финнов, это была, безусловно, справедливая война, и дрались они с большим патриотическим подъемом, ожесточенно и умело, тем более, что бои протекали на их территории. Советским же людям, в том числе и солдатам, нужно еще было обосновать, почему «большой» должен обижать «маленького».

Пропагандистская кампания в СССР в целях морально-психологической мобилизации населения при подготовке к войне была масштабной и массированной. Суть ее отражают многочисленные сообщения советских газет того времени. Приведем для примера заголовки только двух из них – «Красной звезды» и «Ленинградской правды» за 27–29 ноября 1939 г.² Они содержат обвинения финской стороны в провокации конфликта для объяснения и мотивации «ответных действий» СССР: «Наглая провокация финляндской военщины», «Поджигатели войны не уйдут от ответственности», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Провокаторам несдобровать!», «Долой провокаторов войны!», «Уничтожим врага, если он не образумится», «Проучить бандитов!», «Унять обезумевших гороховых шутов», «Не позволим финской военщине держать Ленинград под угрозой», «Ответить тройным ударом!», и т. д. Ряд заголовков был посвящен «отношению общественности» к позиции советских и финских властей, причем тезис «Одобряем внешнюю политику СССР» дополнялся утверждением «Финский народ осуждает политику марионеточного правительства», а чувства «гнев и возмущение» – практическим выводом: «Всегда готовы выступить в бой». Другие заголовки обрисовывали перспективу: «Великий советский народ сметет и развеет в прах обнаглевших поджигателей войны», «Поджигатели войны будут

биты» и т. п. Все эти лозунги подкреплялись утверждениями о советской мощи: «Советский Союз неприступен», «Страна Советов непобедима», «Красная Армия – несокрушимая сила», «Готовы разгромить врага на его же территории».

А вот как выглядело официальное обоснование советской позиции в выступлении по радио 29 ноября 1939 г. Председателя СНК СССР В.М.Молотова: «Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности... Запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, [оно] не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом ... и считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии»¹.

Тональность и аргументация советской официальной пропаганды хорошо отражена в стихотворении Василия Лебедева-Кумача «Расплаты близок час»², опубликованном на другой день, 30 ноября 1939 г., в газете «Известия». Оно было размещено в том же номере газеты, что и речь Молотова, и фактически явилось ее образно-поэтической иллюстрацией с целью усиления эмоционального воздействия на читателя. То, что не мог позволить себе глава правительства (хотя и он не особенно стеснялся в выражениях), в полной мере воплотил в своем произведении официальный поэт-пропагандист, выполнявший вполне определенный политический заказ. Говоря от лица народа и одновременно обращаясь к нему, В.Лебедев-Кумач начал с ритуальной лесты в адрес советских вождей («Закалкой сталинской и правдой мы сильны...»), упомянул об «исполненной мудрости» речи Молотова. Далее идет, с одной сто-

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 212.

² Цит. по: Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 1. СПб., 2000. С. 26–27.

¹ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7.

² Все цитаты из него приводятся по изданию: Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 1. СПб., 2000. С. 224.

роны, подчеркивание справедливости советской позиции, а с другой – обвинение, унижение и даже оскорбление финского руководства. Приведа обобщение «принципиальной установки СССР» («*Неправой никогда мы не ведем войны, / Мы – первые враги разбоя и захвата!*»; «*Любой народ земли мы рады уважать...*»), поэт приводит аргументацию агрессивных действий советской стороны, стараясь преподнести их как вынужденные и справедливые («*Мы не хотим войны, но мы должны беречь / Покой своих границ – и берега и воды*»; «*Держать под выстрелом наш славный Ленинград / Мы не дадим продажной, наглой своре!*»; «*Но пусть не смеет нам оружием угрожать, / Правительство шутов и генеральской швали!*» и т. д.). Вторая половина стихотворения представляет собой чередование продолжающихся оскорблений («*вояки-провокаторы*», «*предатели*», «*бешеные собаки*», «*кровавые шуты*» и т. п.) с угрозами («*И черной крови вашей мы прольем озера!*»; «*Расплаты близок час! Она наступит скоро!*»), в которых главным аргументом звучит мощь и сила, неисчерпаемость ресурсов («*Огромен наш Союз и гнев его огромен!*»). Завершается этот «образец» художественно-пропагандистского творчества уверенностью в расколе между властями и народом Финляндии («*Вы подло погубить хотите свой народ, / Но ваши подлости поймет народ Суоми!*»). Но этим надеждам не суждено было оправдаться, и финский народ оказал весьма ожесточенное сопротивление превосходящим силам противника.

Однако следует отметить, что при всех переклестах советской пропаганды реальная психологическая и официальная идеологическая мотивировка в советско-финляндской войне в основном совпадали. В очень сложной международной обстановке, в условиях уже начавшейся Второй мировой войны Советское правительство действительно было озабочено проблемой безопасности границ, особенно в столь важной их части, как район, примыкающий к Ленинграду. Вот что впоследствии написал об этом в своих воспоминаниях Н.С.Хрущев: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина... Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения

и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель – это обезопасить нас с севера... Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить... Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах»¹.

Такая позиция СССР не была принята мировым сообществом. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций, осудив его действия, направленные против Финляндского государства, как агрессию. 16 декабря в «Правде» по этому поводу было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого “инструмента мира”, каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе. При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об “исключении” СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться и в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки»². Заключительную фразу этого заявления о «свободных руках» следует рассматривать в сложном международном контексте, в котором велась дипломатическая и одновременно стратегическая игра со многими участниками. В ней одной из действующих сторон выступала фашистская Германия с уже определившимися союзниками, с другой – англо-франко-американская, еще не вполне оформившаяся коалиция и с третьей – СССР, вынужденный вследствие закулисных интриг «западных демократий» пойти на соглашение с Гитлером в целях отодвинуть надвигающуюся «большую войну» хотя бы на какое-то время.

Зыбкость юридических и моральных оснований считать войну с Финляндией справедливой для СССР не могла не отразиться весьма противоречиво и на настроениях участвовавших в ней совет-

¹ Хрущев Н.С. Воспоминания // Огонек. 1989. № 30. С. 11.

² Правда. 1939. 16 дек.

ских войск. Диапазон мнений был весьма широк – от сомнений в правомерности действий советской стороны до откровенно циничной позиции, согласно которой «сильный всегда прав». Так, в донесении Политуправления Ленинградского военного округа начальнику Политуправления РККА Л.З.Мехлису от 1 ноября 1939 г. говорится о систематической работе по разъяснению вопросов международного и внутреннего положения в частях округа «путем проведения бесед, докладов, лекций, чтоток и консультаций». «Настроение личного состава всех частей в связи с докладом т. Молотова (на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР. – *Е. С.*) и редакционной статьей «Правды» от 3 ноября – боевое»¹, – сообщается в донесении. Однако вслед за этим утверждением приводятся следующие факты, свидетельствующие о том, что настроения эти были не столь однозначны:

«Красноармеец 323 арт. полка Чихарев говорит: “Финляндия не приняла мирных предложений СССР и этим самым дала понять, что не хочет дружбы. Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров”...

Младший командир 54-го отд. зен. артдива Полин в беседе заявил: “Зачем СССР настаивать на требованиях в переговорах с Финляндией в отношении территории, ведь Финляндии тоже нужна эта территория. 20 лет она не обстреливала, а если и будет обстреливать, то постреляет и перестанет. Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными?”.

По этим высказываниям военком т. Летуновский провел беседу с уделением особого внимания новой постановке вопроса об агрессии»².

В целом пропаганда оказывала сильное влияние на советских людей, в том числе в действующей армии. Даже столкнувшись с реальной силой противника и с тяжелыми потерями, советские бойцы сохраняли уверенность в победе, опираясь, в частности, на стереотип в соотношении сил великой державы и маленькой страны. Вот, например, строчки из письма младшего лейтенанта М.В.Тетерина жене от 27 декабря 1939 г.: «Вы, вероятно, читали в газетах за 24/ХII об итогах военных действий в Финляндии за три

недели, где все подробно рассказано. Как видите, жертв уже есть порядочно, вместе с ранеными около 9 тыс. человек. Вероятно, заметно это и у вас в Петрозаводске, так как ты, Катя, пишешь, что уже дежурила в госпитале. Но ничего, не надо падать духом, все равно победа будет за нами и “козявке” слона не победить»¹.

Чем дольше продолжалась война, тем слабее становилось воздействие идеологических штампов и критичнее воспринималась реальность. Одновременно росло уважение к противнику, а собственное подавляющее превосходство в силе воспринималось уже в ином, драматическом контексте. Все это отразилось в письме красноармейца П.С.Кабанова к родным от 1 марта 1940 г., где в одной короткой фразе смешались самые разнообразные чувства – отчаяние, и страх погибнуть, и высокая оценка боевых качеств неприятеля, и слабая надежда выжить, но лишь потому, что нас гораздо больше, чем врагов: «Несмотря на то, что финны прекрасно стреляют, но всех же нас здесь не перебьют...»². Всех, конечно, не перебили, но сам красноармеец Кабанов погиб несколько дней спустя...

Далеко не однозначным было отношение к этой войне и в советском тылу, при всей активности пропагандистского воздействия. Слухи, просачивавшиеся с фронта и о ходе военных действий, и о наших потерях, и о поведении финнов, существенным образом расходились с газетными сообщениями, что заставляло людей думать и переоценивать сложившиеся стереотипы и установки. Например, в дневнике А.Г.Манкова, проживавшего в одном из поселков в окрестностях Ленинграда, 14 января 1940 г. сделана следующая запись, фактически зафиксировавшая уважительно-сочувственное отношение к противнику: «Бабы в очередях о Финляндии говорят так: “Маленькая, да удаленькая”»³. Сам же автор дневника в день окончания войны 13 марта 1940 г. высказал такую свою оценку ее итогов: «...Очевидно одно: война, если и выиграна стратегически ценой страшных потерь, политически проиграна позорно...»⁴. Таким образом, на фронте, в тылу воздействие пропаганды оказывало далеко не абсолютное влияние на массовое соз-

¹ Цит. по: Советский Союз: годы испытаний. Великая Отечественная война. М., 1995. С. 29.

² Там же.

¹ Принимай нас, Суоми-красавица! Ч. 1. СПб., 2000. С. 195.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же.

нение советских граждан, сохранявших способность весьма трезво и критично оценивать действительность.

Вероятно, неопределенность и недостаточная убедительность первоначальной мотивировки советской позиции в Зимней войне побудила перейти в пропаганде от тезиса об «обеспечении безопасности Ленинграда» к подчеркиванию только освободительных целей Красной Армии в отношении Финляндии. Классовые идеи «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков нашли свое отражение в газетных заголовках отчетов о многочисленных митингах трудящихся СССР «в поддержку решительных мер» Советского правительства. Недавняя терминология о «фашистах» ушла из советского пропагандистского лексикона в связи с заигрыванием с фашистской Германией. Пропагандистскими штампами стали такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Белофинляндия» и др. Справедливости ради нужно отметить, что аналогичная пропаганда велась и в Финляндии, где в ходе антисоветской кампании финских рабочих призывали бороться против «большевистского фашизма»¹.

Естественно, финская сторона также идеологически обосновывала свое участие в Зимней войне, что нашло отражение прежде всего в приказе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии К.Г.Маннергейма о начале военных действий против СССР: «Доблестные солдаты Финляндии!.. Наш многовековой противник опять напал на нашу страну... Эта война – не что иное, как продолжение освободительной войны и ее последнее действие. Мы сражаемся за свой дом, за веру и за Отечество»².

Конечно, рядовые участники боев с обеих сторон отнюдь не мыслили формулами правительственных директив и приказов командования, однако последние, безусловно, накладывали отпечаток и на обыденное восприятие противника. Идеологические наклонения присутствуют во всех цитируемых официальных документах, причем с советской стороны в них доминируют классовые мотивы, а с финской – националистические и геополитические. Вместе с тем формула приказа Маннергейма о том, что финны сражаются за свой дом и за свое Отечество, все же была более близка к истине и пониманию финского солдата, нежели натяну-

тые формулировки об угрозе огромному СССР со стороны маленького соседа.

Безусловно, нужно учитывать достаточно большую эффективность финской пропаганды на свое население, которая апеллировала к чувствам патриотизма и справедливости оборонительной войны. Однако и позиция Финляндии в войне, и ее пропаганда также не были абсолютно действенными и безупречны. Сомнения в необходимости воевать с огромным могущественным соседом из-за относительно небольшого участка земли возникали даже у преданных бойцов финской армии. Вот что было записано в военном дневнике младшего сержанта Мартти Салминена 12 февраля 1940 г.: «...Мне пришло в голову: а так ли необходимо воевать? Я знал, что СССР осенью требовал финские территории для своей безопасности. Исходя из того, что финское правительство выбрало войну против огромного народа, а не территориальную уступку, то, видимо, советские предложения были чрезмерны (как я позже узнал, эти предложения были приемлемы). Я сравнивал вооружение противника с нашим. Артиллерии у врага было очень много, с нашей не сравнишь. Я знал, что где-то в тылу за нашими позициями есть несколько финских орудий, которые стреляют редко в связи с нехваткой снарядов, я видел сотни самолетов неприятеля, а своего ни одного. Танков у противника было несчетно, а ни одного финского я за всю войну не встретил... Я ненавидел военную пропаганду. Нас заставляли верить в то, что армия врага всего лишь шайка одетых в лохмотья людей. Однако на практике оказалось, что обмундирование русских лучше, чем у нас: теплый ватник, валенки, шинели из толстого сукна. Лишь у немногих финнов были валенки. Я ненавидел пропаганду не только за лживость, но еще и за то, что она ослабляла боевой дух. Если в такое верили бы, то никакой мало-мальски порядочный человек не стал бы стрелять в беспомощного врага...»¹. Таким образом, в Зимней войне финская пропаганда была столь же далека от реальности, что и советская, да и мотивация ее во многом оказывалась уязвимой.

Второй этап советско-финского конфликта принципиально иной. Выступив на стороне германского фашизма, напавшего на

¹ Семиряга М.И. Незнаменитая война // Огонек. 1989. № 22. С. 28–30.

² По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 11.

¹ Военный дневник Мартти Салминена. Пер. с финского // Принимаю нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 2. СПб., 2000. С. 139.

СССР, Финляндия сама превратилась в агрессора. Конечно, свое участие в этой войне она снова пытается представить как справедливое, как попытку вернуть отнятые земли. В приказе того же Маннергейма в июне 1941 года СССР обвиняется как агрессор, ставится под сомнение искренность и постоянство заключенного после Зимней войны мира, который «был лишь перемирием», и содержится призыв к финнам отправиться «в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее». Однако в том же приказе содержится намек на это будущее – на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя здесь пока как объект притязаний выступает только Карелия. «Следуйте за мной еще последний раз, – призывает Маннергейм, – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет»¹. А в июльском приказе он уже прямо заявляет: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»².

Поэтому не вполне искренне звучит утверждение профессора Хельсинкского университета Юкка Невакиви о том, что «если бы не Зимняя война, в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта». Финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное»³.

Хотя доля правды в его оценке присутствует: развязав 30 ноября 1939 г. военные действия против суверенного соседа и одержав над ним пиррову победу ценой огромных потерь, сталинское руководство предопределило тем самым его позицию в грядущей большой войне, превратив вероятного или даже маловероятного противника в неизбежного. Ни одно оскорбление национальной гордости другого народа не может остаться безнаказанным. И Финляндия ринулась на недавнего обидчика, не слишком заботясь о том, в какой сомнительной компании оказалась.

Впрочем, «возвратом отобранного» дело не ограничилось. Дойдя до старой советско-финляндской границы, финская армия, не задумываясь, двинулась дальше, занимая территории, ранее ей не

принадлежащие. В финской пропаганде утверждалось, что Яанислинна (Петрозаводск), а затем и Пиетари (Ленинград) будут принадлежать Финляндии, что Великая Финляндия протянется на восток до Урала, «на всю свою историческую территорию»¹. Хотя – есть и такие свидетельства – финны действительно охотнее сражались на тех землях, которые были утрачены ими в 1940 году.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой. Вот как вспоминает бывший финский офицер И.Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: «Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ... В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бурным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать страну от войны»².

Однако теперь уже советский народ чувствовал себя жертвой агрессии, в том числе и со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с фашистской Германией. Великой и Отечественной война 1941–1945 годов была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Это могли быть немцы, румыны, венгры, итальянцы, финны, – суть войны от этого не менялась: советский солдат сражался за родную землю.

Финские войска участвовали в этой войне на фронте, который советская сторона называла Карельским. Он пролегал вдоль всей советско-финляндской границы, то есть места боев во многом совпадали с театром военных действий Зимней войны, опыт которой использовался обеими сторонами в новых условиях. Но на том же фронте рядом с финнами воевали и немецкие части, причем, по многим свидетельствам, боеспособность финских частей, как правило, была значительно выше. Это объясняется как уже приведен-

¹ Принимай нас, Суоми-красавица! Ч. 2. С. 60.

² Там же. С. 70.

³ Цит. по: Чудаков А. Реквием Карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 14 нояб.

¹ По обе стороны Карельского фронта. С. 261.

² Там же. С. 67–68.

ными психологическими факторами (оценка войны как справедливой, патриотический подъем, воодушевление, стремление отомстить и т. п.), так и тем, что большая часть личного состава финской армии имела боевой опыт, хорошо переносила северный климат, знала специфические особенности местности. Характерно, что советские бойцы на Карельском фронте оценивали финнов как противника значительно выше, чем немцев, относились к ним «уважительнее». Так, случаи пленения немцев были нередки, тогда как взятие в плен финна считалось целым событием. Можно отметить и некоторые особенности финской тактики с широким применением снайперов, глубоких рейдов в советский тыл лыжных диверсионных групп и др. С советской стороны опыт Зимней войны мог быть использован меньше, так как ее участники были в основном среди кадрового командного состава, а также призванных в армию местных уроженцев.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками – до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику – Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Именно к этому периоду, связанному с наступлением советских войск и выходом Финляндии из войны, относятся обнаруженные нами документы из Центрального архива Министерства Обороны.

В первом из них приводятся данные советской разведки о настроениях в финской армии в июле 1944 г., а также выдержки из показаний военнопленного капитана Эйкки Лайтинена. Во втором рассказывается об обстоятельствах его пленения и допросе, но уже не сухим слогом военного донесения, а ярким языком газетного очерка, автор которого – советский капитан Зиновий Бурд. Эти документы предоставляют нам уникальную возможность взглянуть на одно и то же событие глазами двух противников, воевавших на одном участке фронта в одинаковом воинском звании и встретившихся в схватке лицом к лицу.

Для первого документа характерны как самооценки финской стороны, так и сделанные на этом основании выводы советского командования о морально-психологическом состоянии финских войск не-

задолго до выхода Финляндии из войны (июнь-июль 1944 г.). К этому времени настроения финнов явно изменились, о чем свидетельствуют солдатские письма. Перелом в войне, отступления, в том числе и на советско-финском участках фронта, явно влияли на настроения в войсках. Однако анализирувавший документы советский полковник делает вывод, что «моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению»¹.

Об этих опасениях свидетельствует выдержка из письма одного неизвестного финского солдата: «...Больше всего я боюсь попасть в руки русских. Это было бы равно смерти. Они ведь сперва издеваются над своими жертвами, которых потом ожидает верная смерть»². Интересно, что среди советских бойцов также было распространено мнение об особой жестокости финнов, так что попасть к ним в плен считалось еще хуже, чем к немцам. В частности, были хорошо известны факты уничтожения финскими диверсионными группами советских военных госпиталей вместе с ранеными и медицинским персоналом³.

Для финнов было также характерно дифференцированное отношение к гражданскому населению занятых ими территорий по этническому принципу: распространены были случаи жестокого обращения с русскими и весьма лояльное отношение к карелам. Согласно положению финского оккупационного военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях от 31 мая 1942 г., в них должны были содержаться в первую очередь лица, «относящиеся к ненациональному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно», а уж затем все политически неблагонадежные⁴. Так, в Петрозаводске, по воспоминаниям бывшего малолетнего узника М.Калинкина, «находилось шесть лагерей для гражданского русского населения, привезенного сюда из районов Карелии и Ленинградской области, а также из прифронтовой полосы. Тогда как представители финно-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85.

² Там же.

³ По обе стороны Карельского фронта. С. 190–191.

⁴ Там же. С. 242.

угров в эти годы оставались на свободе»¹. При этом к лицам финской национальности (суоменхеимот) причислялись финны, карелы и эстонцы, а все остальные считались некоренными народностями (вератхеимот). На оккупированной территории местным жителям выдавались финские паспорта или разрешение на право жительства – единой формы, но разного цвета, в зависимости от национальной принадлежности². Проводилась активная работа по финизации коренного населения, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии не имеет никаких корней и не имеет права проживать на ее территории³.

Особенностью финской психологии была большая привязанность к родным местам. Это сказывалось и на характере боевых действий. Так, пленный капитан Эйкки Лайтинен показал: «...Когда наш полк отходил с Малицкого перешейка, солдаты шли в бой с меньшим желанием, чем теперь, ибо для финского солдата Восточная Карелия является менее важной, чем своя территория. На территории Восточной Карелии солдаты вступали в бой только по приказу. У деревни Суоярви, когда мы уже миновали свои старые границы, солдаты моей роты прислали ко мне делегацию с просьбой приостановить наступление. Это и понятно, т. к. большое количество солдат моей роты – уроженцы районов Ладожского озера, которые хотели защищать свои родные места. Около недели тому назад из моей роты дезертировало два солдата, которые после нескольких дней, однако, вернулись обратно и доложили, что они хотят искупить свою вину в бою. Я их не наказал»⁴.

Вызывают интерес биографические данные этого финского офицера, участника обеих войн, награжденного двумя крестами, первый из которых он получил еще на Карельском перешейке в 1940 году за «доблестную оборону», а второй в 1942 году – за «доблестное наступление». Эти сведения приводятся в статье З.Бурда, где также упоминается жена пленного капитана – военный врач, член шюцкоровской организации «Лотта-Свярд», тоже награжденная двумя крестами⁵.

¹ По обе стороны Карельского фронта. С. 259.

² Там же. С. 248, 266.

³ Там же. С. 156–169, 184–186, 191–193, 198–199, 206–208, 250–251, 264–266.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 8а. Л. 36. Газета 32 армии «Боевой путь». 7 авг. 1944 г.

Поэтому можно доверять свидетельствам этого офицера, с достоинством державшегося на допросе, когда он рассуждает о влиянии Зимней войны на отношение финнов не только к восточному соседу, но и к идее социализма в целом. «Мнение финнов об СССР, о социализме, коммунизме за последние 10 лет сильно изменилось, – говорит он. – Я уверен, что если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной Армии, они бы все перебежали на Вашу сторону. Причиной тому, что их взгляды теперь изменились, являются события 39–40 годов, когда русские начали войну против Финляндии, а также оккупация русскими прибалтийских стран, чем они доказали свое стремление поработить малые народы...»¹

Советская пропаганда, как правило, стремилась нарисовать крайне неприглядный образ финского противника. Даже на основании частично описанных выше материалов допроса капитана Э.Лайтинена, судя по которым, он проявил себя как заслуживающий уважения пленный офицер, в красноармейской газете «Боевой путь» в заметке под названием «Лапландский крестоносец» фронтовой корреспондент изобразил его карикатурно и зло. «Трижды презренный лапландский крестоносец», «матерый враг Советского Союза», «белофинский оккупант», «убежденный фашист», «шюцкоровец», «ненавистник всего русского, советского» – такими эпитетами он был награжден, причем даже слово «шюцкор» – то есть название финских отрядов территориальных войск – воспринималось в их ряду как ругательство. Впрочем, финны в своей пропаганде тоже не стеснялись в выражениях, говоря об СССР, большевиках, Красной Армии и русских вообще. В быту была распространена пренебрежительная кличка «рюсси» (что-то вроде нашего «фрицы») по отношению к немцам). Но это и не удивительно: для военного времени резкие высказывания в адрес противника являются нормой поведения, обоснованной не только идеологически, но и психологически.

Следует отметить, что в целом в общественном сознании советской стороны финны воспринимались как враг второстепенный, ничем особо не выделявшийся среди других членов гитлеровской коалиции, тогда как на Карельском фронте, на участках непосредственного с ними соприкосновения, они выступали в качестве главно-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.

го и весьма опасного противника, по своим боевым качествам отеснившего на второй план даже немцев. Все прочие союзники Германии не могли похвастать уважением к себе со стороны неприятеля: ни венгры, ни румыны, ни итальянцы, с которыми приходилось сталкиваться советским войскам, не отличались особой доблестью и были, по общему мнению, довольно «хлипкими вояками».

Приведем несколько мнений о финнах как о противнике, полученных не только из «синхронных» (документов военных лет), но и из «ретроспективных» источников, – записей военных мемуаров, а также интервью с участниками советско-финляндской и Великой Отечественной войн, проведенных в 1990-е годы.

«Они вояки, здорово воевали. Их малая компания, но наших они много убивали»¹, – признавал участник советско-финляндской войны Тойво Матвеевич Каттонен, кстати, сам финн по национальности, в 1939 г. добровольцем вступивший в Красную Армию. Другой фронтовик, участник боев на Карельском фронте Юрий Павлович Шарапов, вспоминал: «Летом 44-го года мы вплотную столкнулись с упорством финских солдат в обороне... Сопротивлялись они отчаянно... Финн мог сидеть за валуном и стрелять. И до тех пор, пока ты ему не зайдешь в тыл и не застрелишь его в затылок, он не уйдет с места»². Ветеран обеих войн, в первую командовавший взводом, во вторую – батальоном, а ныне генерал-полковник в отставке Дмитрий Андреевич Крутских на вопрос «Какого Вы мнения о финских солдатах?» ответил: «Как солдаты финны очень хорошие, и в Великую Отечественную войну они воевали лучше, чем немцы. Я вижу тому несколько причин. Они знали местность и были подготовлены к тем климатическим условиям, в которых воевали. Отсюда и вытекали мелкие отличия в маскировке, тактике, разведке, которые в итоге приносили свои плоды. Огневая подготовка – мастерская. В бою – устойчивые. Но я подмечал, что когда они атаковали нашу оборону, они бодро

¹ Из интервью с участником советско-финляндской войны Т.М.Каттонен. Запись и литературная обработка Баира Иринчеева. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/infantry/kattonen/kattonen_r.htm.

² Из интервью с участником Великой Отечественной войны на Карельском фронте Ю.П.Шараповым от 17 мая 1995 г. Запись и литературная обработка Е.С.Сенявской // Личный архив автора.

двигались метров до 100–150, а дальше залегали...»¹. Вспоминая о прекращении огня после заключения перемирия в финской кампании 13 марта 1940 г., Д.А.Крутских так описывает поведение недавних противников: «Когда мы уходили, нам было приказано взорвать всю оборону и засыпать траншеи. Финнам было приказано отойти от дороги на 100 метров. Мы жгли костры, пели песни, играли на гармошке. Они играли на губных гармошках. Видел я, что и руками нам махали, и кулаками грозили. Ну и мы им отвечали соответственно...»² Это простое и будничное наблюдение – «кулаками нам грозили» – очень точно отражает атмосферу того времени: несмотря на объявление мира, уже тогда было ясно, что выяснение отношений с ближайшим соседом еще не закончено...

Особый интерес вызывают свидетельства о поведении финских военнопленных в обеих войнах. Так, например, Т.М.Каттонен вспоминал об одном случае из зимы 1940 г.: «Как остров назывался, который штурмовали, не помню. Кого-то из финнов успели взять в плен, но вообще пленных было немного. Все финские пленные, которые к нам попали, вредные были страшно, прямо съесть нас были готовы. Я опрашивал одного, опрашивал, а он потом вдруг в воду прыг – туда, в Финский залив, как раз в том месте, где мы чуть не утонули. Поймали его все равно за шиворот и вытащили обратно. Он не смотрел, что вода ледяная, не хотел сдаваться...»³. В дневнике А.Г.Манкова сохранилась запись от 11 декабря 1939 г., свидетельствующая о том, что слухи о необычном поведении захваченных финских военнослужащих распространялись даже в советском тылу: «От одной студентки, муж которой врачом на фронте, узнал, что пленные финны не желают принимать пищу. Муж ее не знает, что с ними делать. Как это роковым образом расхочется с газетными сведениями!»⁴. Таким образом, уже в Зимнюю войну отмечается особая стойкость финнов в плену, которая проявлялась и позднее, в Войне-продолжении, о чем сохранились многочисленные свидетельства. Приведем лишь один

¹ Из интервью с участником советско-финляндской и Великой Отечественной войн Д.А.Крутских. Запись и литературная обработка А.В.Драбкина. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/infantry/krutskikh/krutskikh_r.htm и [krutskikh_vov.html](http://www.iremember.ru/infantry/krutskikh/vov.html).

² Там же.

³ Из интервью с Т.М.Каттонен.

⁴ Принимаю нас, Суоми-красавица! Ч. 1. СПб., 2000. С. 189.

пример – рассказ о событиях конца 1942 г. офицера разведотдела штаба 19-й армии Даниила Федоровича Златкина: «Финны попадались... Немцы посылали их к нам в разведку. Мы захватили трех финнов, но ничего от них не добились... Какие методы к ним ни применяли, – ничего. Очень стойкие, очень сильные люди, и солдаты хорошие. Немцы, попадая в плен, мгновенно всё рассказывают, абсолютно всё, или хитрят, стараются обмануть нас, были случаи... А эти... Про себя, про семью отвечали охотно. Но как только вопрос касался военных действий, численности войск, номера части, фамилии командиров, – это было мертво. Он прямо заявлял: «Вы от меня ничего не добьетесь. Я вам ничего не расскажу». Лаконично, без всяких... Вот немцы говорили: «Я не хочу изменять присяге!», патетически так говорили, пафосно. А он просто в открытую говорил: «Я вам этого не скажу!»... Я тогда сделал заключение, что они очень смелые, находчивые, великолепно знающие местность, маскировка у них блестяще поставлена, и кроме того, это дисциплинированные солдаты, беззаветно преданные своему долгу, и у них учиться нужно воевать»¹.

Высоко оценивая боевые качества, подготовку и снаряжение финнов, ветераны вместе с тем обязательно упоминают о свойственной им жестокости. «Было много случаев зверств, когда финны убивали ножами наших раненых, которых не успевали убрать с поля боя, – записал в своих воспоминаниях о Зимней войне бывший артиллерист Михаил Иванович Лукинов. – Я сам видел в бинокль, как на поляне, к которой нельзя было подойти близко из-за стреляющих «кукушек», лежало несколько тел наших солдат. И когда один из них делал попытку подняться, то из леса с деревьев по нему раздавались выстрелы. Один из раненых рассказывал, что когда после боя он лежал раненый на снегу, к нему подъехал финн и сказал по-русски: «Лежишь, Иван? Ну, лежи, лежи». Еще хорошо, что не добил, а ведь таких случаев было много...»² Похожие истории звучат и в воспоминаниях о боях на Карельском фронте 1941–1944 гг. Так, Д.Ф.Златкин рассказал о вырезанном поголовно

госпитале, когда его часть попала в окружение («Там было свыше 150 человек, и всех перерезали... Раненым лежащим, врачам, медсестрам – спокойно перерезали горло!»¹), о коварных минах-ловушках, о лыжниках-диверсантах, метателях ножей, целящих, как правило, в спину, и, разумеется, о всё тех же легендарных снайперах «кукушках»...

«Кукушки» – это особая тема. В последнее время многие, прежде всего финские исследователи ставят их существование под сомнение, считая одним из военных мифов². Так, Охто Маннинен утверждает, что «никто не встречал таких ветеранов, которые вспоминали бы о том, как они лазили по деревьям... Кажется маловероятным, чтобы солдата могли заставить залезть на дерево, ибо у него всегда должна была быть возможность отступить. Спуск с дерева потребовал бы слишком много времени»³. Однако в воспоминаниях советских участников обеих войн упоминания о снайперах-«кукушках» встречаются как обязательный элемент, причем со ссылкой на личный опыт: «Кукушки» были! Не верьте, когда говорят, будто их не было – это все равно, что сказать, что мы были с автоматами (в финскую войну. – Е. С.) Я лично снимал «кукушку» на 600 метров. Врут они, что это разведчики были, а не снайпера. Бедой они для нас были...»⁴ (Д.А.Крутских); «Еще «кукушки» «куковали» наверху... У них были курносые такие сапоги, он прыгнет с дерева на лыжи и всё... Помню, как-то раз «кукушку» поймали, спустили вниз, начали допрашивать. Он говорит: «Я девять москалей убил, надо десять убить было». Я ему говорю: «А вот шиш тебе! Не сумеешь ты меня убить!». Он смотрит на меня, видит, что я [тоже] финн, и еще больше рассердился. Потом я стал его спрашивать: «Зачем на дерево полез, чтобы нас убивать?». «Надо убивать, – говорит. – Девять убил. Десять надо было убить, но не пришлось...» А пуля для меня была у него уже готова. Десять москалей... «Москалей» они нас называли...»⁵ (Т.М.Каттонен).

¹ Из интервью с участником Великой Отечественной войны на Карельском фронте Д.Ф.Златкиным от 16 июня 1997 г. Запись и литературная обработка Е.С.Сенявской // Личный архив автора.

² Из воспоминаний участника советско-финляндской и Великой Отечественной войн М.И.Лукинова. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/artillerymen/lukinov/lukinov2_r.htm.

¹ Из интервью с Д.Ф.Златкиным.

² Маннинен О. Так были ли «кукушки»? // Родина. 1995. № 12. С. 80; Степанов В.Н. Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 171–173.

³ Маннинен О. Указ. соч. С. 80.

⁴ Из интервью с Д.А.Крутских.

⁵ Из интервью с Т.М.Каттонен.

Среди рассказов о «кукушках» встречаются и почти фантастические, в которых хорошо заметны отзвуки пропаганды того времени. Например, упоминание о «смертниках», оставленных своими же на верную гибель. «Нам очень досаждали «кукушки» – снайперы с деревьев, – вспоминал М.И.Лукинов. – Финны при отходе сажали их на деревья с автоматом и большим запасом патронов. Одни из них, постреляв, убегали на лыжах, которые оставляли под деревом. Другие били до последнего, пока их самих не сбивали с дерева, а упавших с ненавистью добивали. Иногда четыре «кукушки» располагались как бы по углам лесного квадрата, и тогда каждый, кто попадал в этот квадрат, неизбежно погибал. А сбить их было трудно, т. к. при таких попытках они сосредотачивали огонь четырех автоматов на одной цели. Ночью они меняли позицию, уходя на следующий «квадрат». Некоторых снайперов, сажая на деревья, финны разували, чтобы не убежали, заменяя обувь одеялом. В нашем полку был случай, когда солдаты, увидев на дереве сидящую «кукушку», ее обстреляли. И она сразу бросила оттуда автомат и одеяло с ног. «Кукушкой» оказалась молоденькая девушка, рыжеволосая, бледная, как смерть. Ее пожалели, а когда обули в какие-то обгорелые валенки, то она поняла, что убивать не будут, и зарыдала. Сердца растопились, и ее в неприкосновенности отправили под конвоем в тыл...»¹ Отметим, что финскими историками существование женщин-снайперов в Зимней войне категорически отрицается. М.И.Лукинов же описывает не только обстоятельства пленения, но даже внешние приметы захваченной девушки... Что это – военное мифотворчество или все-таки реальная история? Передает ветеран услышанное с чужих слов или говорит о том, что видел собственными глазами? Ведь и в других подобных рассказах мы находим немало подробностей, а также имен свидетелей и участников событий...

Примечательно, что, рассуждая о своих бывших противниках-финнах, советские ветераны часто находят оправдание их действиям. Когда разговор идет о врагах-немцах, ничего подобного не происходит. Приведем достаточно типичное высказывание на этот счет Д.Ф.Златкина: «Мы, конечно, имели колоссальные потери от финской армии. Они жестокие были ужасно. Они не могли нам,

¹ Из воспоминаний М.И.Лукинова.

наверное, простить многолетнее владения Финляндией нашими царями и, кроме того, 39–40-й год, конечно, так озлобили финнов... Они же потери колоссальные имели. А мы еще большие потери имели, чем они. Но они защищали свою землю, а мы что? Для чего мы полезли туда? Что это нам дало? Позор, только и всего... Я осуждаю их за жестокость, но они защищали себя тоже. Так же как советские солдаты защищали себя от немцев, от врагов, они защищали свой участок земли от тех же врагов, как они считали, – наших советских войск...»¹

Такие отсылки к негативному опыту Зимней войны встречаются постоянно. И если сами финны называют боевые действия против СССР в 1941–1944 гг. Войной-продолжением, то и советские ветераны прослеживают четкую взаимосвязь двух этапов вооруженного противостояния с Финляндией, испытывая за ту, первую войну, более или менее явный комплекс вины. «Одной из особенностей этой войны было то, что мы воевали по приказу, – размышляет М.И.Лукинов. – Это было не то, что в последующую Отечественную войну, когда мы ненавидели врага, напавшего на нашу Родину. Здесь нам просто сказали: «Шагом марш!»- даже не разъяснив, куда и зачем. На финской войне мы просто выполняли наш воинский долг, только потом поняв смысл и необходимость военных действий. Ненависти к финнам у нас сначала не было, и только потом, видя отдельные случаи зверств со стороны противника, наши солдаты иногда проникались к нему злобой. Как, например, с остервенением убивали «кукушек», наносящих нам большой вред...»². Еще более жестко и обобщенно высказался Д.А.Крутских: «Что я скажу о финской войне... В политическом плане – проигрыш, в военном – поражение. Финская война оставила тяжелый след. Горя мы навидались. Потери мы несли очень большие – ни в какое сравнение с их потерями. Убитые так и остались лежать на чужой земле... Хотя финская компания считалась победоносной, но нам-то фронтовикам, была известна ее цена...»³.

И еще одна характерная черта. В воспоминаниях о Великой Отечественной часто встречаются попытки сравнить поведение финнов в период Зимней войны и в ходе боевых действий на Ка-

¹ Из интервью с Д.Ф.Златкиным.

² Из воспоминаний М.И.Лукинова.

³ Из интервью с Д.А.Крутских.

рельском фронте. Очень показательны в этом плане фронтовые записки Константина Симонова о наступлении советских войск на Карельском перешейке летом 1944 г. Рассказывая о стремительном взятии Выборга («В сороковом году, во время финской войны, на все это понадобилось три месяца боев с тяжелейшими жертвами, а теперь всего одиннадцать суток со сравнительно небольшими потерями с нашей стороны...»), он отмечает: «Надо отдать должное финнам – они не переменялись, остались такими же стойкими солдатами, какими были. Просто мы научились воевать»¹. И здесь же упоминает свои беседы с фронтовиками: «Один из офицеров говорит, что финны не привыкли воевать летом. Начинается спор про финнов – те они или не те, какие были тогда. Один говорит, что совсем не те, что были, другой – тоже участник финской войны – говорит, что те же самые, ничуть не хуже воюют, все дело не в них, а в нас. Наверное, правильно...»². Затем К.Симонов приводит мнение генерала Н.Г.Лященко, который «говорит про финнов, что вояки они, как и были, так и есть, храбрые. Но в этих боях выяснилось, что они исключительно чувствительны к обходам. Как проткнул, вышел им в тыл – теряются!»³.

Но даже эта, отмеченная многими «растерянность», «с каждым днем все большая ошеломленность происходящим»⁴, охватившая финскую армию в период успешного советского наступления, не делала финнов менее серьезным противником. По свидетельству Ю.П.Шарапова, в конце июля 1944 г., когда наши войска вышли к государственной границе и перешли ее, углубившись на финскую территорию до 25 км, они получили шифровку Генерального штаба с приказом немедленно возвращаться, так как уже начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Но пробиваться обратно им пришлось с упорными боями, так как финны не собирались их выпускать. Сравнивая эту ситуацию с положением на других фронтах, ходом освободительной миссии и последующим насаждением социализма в странах Восточной Европы, Ю.П.Шарапов отмечает: «Мы, те, кто воевал на Севере, относились к этому по-другому. Как только пришла шифровка не пускать нас в Финлян-

дию, мы сразу поняли, что дело пахнет керосином, что нечего нам там делать, – потому что там была бы война до самого Хельсинки. Уж если они в лесу воюют, и надо было стрелять в затылок, чтобы финн из-за этого валуна перестал стрелять, то можете представить, что было бы, когда бы мы шли дальше и прошли еще 240 километров. Тут и Сталин, и его окружение понимали, что с кем с кем, а с финнами связываться не надо. Это не немцы, не румыны, не болгары и не поляки...»¹.

Среди всех сателлитов Германии, пожалуй, лишь у Финляндии присутствовал элемент справедливости для участия в войне против СССР, который, впрочем, полностью перекрывался ее захватническими планами. Интересно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной. В 1941 году Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944-го оправдывался перед Гитлером за то, что «не может больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии» и обрекло бы ее 4-х-миллионный народ на вымирание². Мания величия прошла. А лекарством от этой болезни послужило наше успешное наступление, отбросившее финнов к их довоенным границам.

* * *

В заключение следует отметить, что восприятие Финляндии как противника СССР во Второй мировой войне прошло длительную и серьезную эволюцию, связанную как с многочисленными пропагандистскими стереотипами и даже мифами, уходящими корнями в классовую идеологию, так и с реальным ходом исторических событий, включивших два этапа прямого военного противостояния. Первоначальные представления конца 1930-х гг. о Финляндии как о маленькой, отсталой, слабой стране, где у власти утвердились «белофинны», угнетавшие трудовой народ Суоми, который только и мечтал освободиться от ига эксплуататоров с помощью

¹ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 385.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 390.

⁴ Там же.

¹ Из интервью с Ю.П.Шараповым.

² По обе стороны Карельского фронта... С. 525–526.

восточного соседа – рабоче-крестьянского государства и его могучей Красной Армии и готов был при первых выстрелах подняться на революционную борьбу, свергнуть «марионеточное правительство» и установить Советскую власть или, во всяком случае, не оказывать какого-либо серьезного сопротивления своим «освободителям», – все эти иллюзии оказались развеяны в первые же дни Зимней войны 1939–1940 гг. Не вполне адекватной оказалась и оценка Советским Правительством и военным командованием возможностей Красной Армии в контексте назревавшей войны, причины чего были проанализированы уже после ее окончания – на Совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 г. Вот что сказал об этом в своем выступлении И.В.Сталин: «Что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной... Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше – это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она стала приспосабливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться»¹.

Таким образом, препятствием для адекватной оценки противника явились мировоззренческие штампы – как идеологические, так и практические, основанные на ограниченном опыте Гражданской войны, а также явная переоценка собственных сил при недооценке потенциала и морального духа противника. Зимняя война фактически явилась первой настоящей современной войной, которую вела страна после окончания Первой мировой. «...Наша современная Красная Армия, – отметил Сталин, – обстреливалась на

полях Финляндии, – вот первое ее крещение. ...И наша армия вышла из этой войны почти вполне современной армией...»¹. На том же совещании, отдав должное высокой боеспособности финской армии, Сталин отметил и ее главные недостатки – неспособность к большим наступательным действиям и пассивность в обороне, вследствие чего такую армию «нельзя назвать современной». Такова была официальная точка зрения на итоги Зимней войны с Финляндией, которую в недалеком будущем ждало продолжение. И в этих оценках содержались как своя правда, так и новые ошибки, переоценка собственных сил и недооценка противника. Красная Армия действительно получила боевое крещение, горький и поучительный опыт, но отнюдь еще не в современной войне и с неравноценным по потенциалу противником. Значение Зимней войны для повышения боеготовности армии власть переоценила, а всех необходимых уроков не извлекла. Вместе с тем огромный удар, нанесенный по самооценке и самолюбию «непобедимой Красной Армии», заставил в дальнейшем очень серьезно относиться к Финляндии как к противнику и не допускать прежних ошибок в оценке ее возможностей. Именно поэтому Карельский фронт, который во многом совпадал с театром военных действий Зимней войны, оказался наиболее устойчивым в ходе Великой Отечественной даже в самые тяжелые ее периоды.

В ходе Войны-продолжения восприятие финнов и в армии, и в советском обществе было более адекватным, нежели накануне советско-финляндского конфликта. Это был, в сущности, один и тот же противник, столкновение с которым повторилось через небольшой промежуток времени, но советская сторона – «субъект восприятия» – была уже во многом другой, «обогащенной» опытом предыдущих военных действий, избавившейся от многих идеологических клише и предрассудков. Пожалуй, именно адекватность взаимного восприятия в контексте хода Второй мировой войны, с учетом, безусловно, общей международной ситуации, позволила СССР и Финляндии найти взаимоприемлемый выход из военного противостояния. Причем из всех союзников Германии, граничивших с СССР, лишь Финляндия не подверглась советской оккупации и «советизации», приобретя уникальный статус «ней-

¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И.В.Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 275–276.

¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И.В.Сталин и финская кампания. С. 280.

трально-дружественного» государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия «холодной войны».

Разумеется, драматический опыт военного противостояния СССР и Финляндии весьма существенно повлиял на массовое сознание народов двух стран в контексте их взаимовосприятия. Однако в отношениях русских к финнам, – и это весьма интересный социально-психологический феномен, – никогда не было той массовой ненависти, которая характерна для отношения к немцам в период Второй мировой войны и еще многие годы после ее окончания. Быть может, здесь сказались определенный комплекс вины за события 1939–1940 гг., когда маленькая страна стала жертвой агрессии со стороны большого соседа, а также уважение, вызванное стойкостью финнов, с которой они защищали свою землю. Вероятно, нейтрально-дружественный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался и советской пропагандой, также оказал воздействие на восприятие этой страны и ее народа в последующие годы. Опыт двух войн многому научил народы наших стран, и хотелось бы надеяться, что исторические уроки прочно усвоены и будут учитываться будущими поколениями.

Д. Д. Фролов

Финские военнопленные 1939–44 гг.

Образ врага?

Вся история человечества – это история войн. Войн разных: больших и малых, справедливых и несправедливых. Но военная история – это не только дипломатические отношения и боевые операции, победы и поражения, полководцы и герои. Это еще и история военного плена. Плен – неизбежный и постоянный спутник любой войны. Все государства, ведущие боевые действия, рано или поздно в большей или меньшей степени сталкиваются с проблемой захвата, содержания и возвращения военнопленных. Не было исключения и Советское государство. За время своего существования СССР два раза вел войны со своим северным соседом – Финляндией. Можно много спорить, кто победил в них, – у каждой из сторон есть своя правда.

В своей статье я хочу лишь вкратце осветить некоторые аспекты взаимоотношений Советского государства с финскими военнопленными. В частности, затронуть вопросы, касающиеся условий содержания в лагерях, продовольственного снабжения, медицинского обслуживания, а также отношения к финским пленным гражданам СССР.

© Фролов Д. Д., 2004.

Исторические события и явления Зимней войны 1939 года и Войны-продолжения 1941–1944 гг. удалены от нас более чем на шестьдесят лет. Казалось бы, срок вполне достаточный для того, чтобы собрать о них достоверную и полную (как в количественном, так и качественном) аспектах информацию, получить и не спеша проанализировать все соответствующие официальные документы и на этой основе представить достоверную картину произошедшего, адекватно описать исторические действия государственных органов, руководителей государств и рядовых граждан.

Однако уже первое знакомство с имеющимися материалами выявило, что до сих пор мы не обладаем полными знаниями о действиях государственных органов, отвечающих за решение проблемы военнопленных, или имеем довольно поверхностное представление о многих произошедших тогда событиях на фронте и в тылу, в местах размещения военнопленных, о конкретных поступках конкретных участников исторического действия.

Мы, например, сегодня не знаем даже точного количества военнопленных. Официальные данные об этом очень противоречивы. Так, государственные органы СССР заявляют о том, что в Зимнюю войну в плен попало от 858 до 1100 финских военнослужащих, из которых двадцать человек отказались возвращаться в Финляндию после заключения мирного договора¹. В российской и зарубежной историографии также нет однозначного ответа на этот вопрос².

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1е. Оп. 3. Д. 12. Л. 6; Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / Ред. М.М.Загорюлько. М., 2000.

² Цифра военнослужащих финской армии, попавших в советский плен остается спорной. *Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A.* Muistatko... Sotavangit г.у. 1969–1989. Juvaskylä 1989. S. 23 – 825 военнопленных; *Дюнуи Р.Э., Дюнуи Т.Н.* Всемирная история войн. Кн. 4 (1925–1997). СПб.; М., 1998. С. 109 – 847 пленных; *O.Manninen, neuvostoliiton Suurhyökkäys // Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Toim. Vehvilainen O., Rzessevski O. Juvaskylä, 1997. С. 304 – 1100 финнов; Галицкий В.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953). М., 1997. С. 36 – 876 военнопленных финской армии. Такое расхождение в цифрах можно, по-видимому, объяснить тем, что одни авторы учитывали количество *всех финнов* – и военнопленных и интернированных, попавших в лагерь НКВД. Другие учитывали лишь пленных, возвращенных в Финляндию после Зимней войны. Никто, за исключением В.Галицкого, не включал в списки военнопленных, умерших на территории СССР. Однако и цифры В.Галицкого не совсем точны. Он говорит о 13 умерших, в то время как, опираясь на данные, полученные в ходе подготовки книги «Руки вверх. Финские военнопленные в СССР» (*Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Helsinki, 2002), я

Итак, расхождения в цифрах довольно существенные. Но нам необходимо знать, какими масштабами измеряется исследуемое нами историческое явление. И не только потому, что его качественная характеристика значительно корректируется количественными параметрами, но и потому, что, определяя его масштаб, мы должны учитывать, что за каждой цифрой скрывается личная трагедия, довольно горькая судьба конкретного человека. Плен – это не приятная во всех отношениях экскурсия по гостеприимной стране в период ее мирного процветания.

Официальные статистические данные о военнопленных периода Войны-продолжения еще более противоречивы. Цифры количества финских военнопленных колеблются от 2377 до 3402 человек, а советских – от 64 188 до 72 000 человек¹.

Начало Второй мировой войны и переход частями Красной Армии 17 сентября 1939 года советско-польской границы вынуждает НКВД СССР создать новую организацию, отвечающую за прием и содержание иностранных военнопленных на территории СССР. Действительно, счет пленных уже шел не на десятки и сотни, как это было в 1938–1939 гг., когда в ходе конфликтов с Японией на озере Хасан и реке Халкин-Гол количество военнопленных не было значительным. Российский историк Михаил Семиряга, со ссылкой на Ю.Мацкевича, отмечает, что в ходе наступательной операции в Польше части Красной Армии взяли в плен свыше 230 тысяч² солдат и офицеров польской армии³.

Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Helsinki, 2002), я считаю, что на территории Советского Союза во время Зимней войны умерло 16 финских пленных. На основании обнаруженных мною в российских и финских архивах документах, я считаю, что в лагерях и госпиталях Советского Союза в 1939–1940 гг. находилось, по крайней мере, 883 финских военнопленных. Для сравнения. По последним данным в плен попали от 5 546 до 6 116 человек военнослужащих РККА. РГВА. Ф. 1е. Оп. 3. Д. 8. Л. 200; *Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A.* Op. cit. S. 23; *Галицкий В.* Указ. соч. С. 191.

¹ *Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A.* Указ. соч. С. 28; *Malmi, T.* Jatkosodan suomalaiset sotavangit neuvostojarjestelmassa. Suomen historian lisensiaatintutkimus. Tampereen yliopisto 1995. S. 130; *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* Op. cit. Точных данных о количестве советских военнопленных в российской историографии нет. Более того, российские исследователи практически не разрабатывали эту тему в своих работах, а лишь использовали ссылки на финские источники.

² *Семиряга М.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992. С. 111.

³ По данным НКВД в СССР находилось 130 242 польских солдат и офицеров. См. Военнопленные в СССР. С. 230.

19 сентября 1939 года народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия своим приказом № 0308 «Об организации лагерей для военнопленных» учреждает Управление по делам военнопленных (УПВ НКВД СССР), которое в декабре 1939 было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). Возглавил новое структурное подразделение наркомата внутренних дел капитан государственной безопасности П.К.Сопруненко. Комиссаром Управления стал полковой комиссар С.В.Нехорошев¹. Заместителями начальника Управления были назначены – лейтенант государственной безопасности И.И.Хохлов, отвечавший за оперативную работу, майор И.М.Полухин, ответственный за охрану и учет военнопленных и старший лейтенант М.А.Слуцкий, в чьем ведении находились хозяйственные и финансовые вопросы.

Знаменательно, что многие сотрудники УПВ ранее работали в системе Главного управления лагерей (ГУЛАГ), являвшегося, по сути, «кузницей кадров» для Управления по делам военнопленных. Таким образом, к моменту приема первых значительных партий иностранных военнопленных у сотрудников системы УПВ уже имелся богатый опыт работы с заключенными ГУЛАГа.

В соответствии с приказом № 0308 Л.Берии на территории СССР было создано 8 лагерей для размещения всех иностранных военнопленных: Осташковский, Юхновский, Козельский, Путивльский, Козельшанский, Старобельский, Южский, Оранский². В преддверии Зимней войны Управление по делам военнопленных предполагало иметь в своем распоряжении лагерь емкостью до 68 тысяч человек. Но не стоит забывать и о цифре плененных польских военнослужащих, которая в несколько раз превышала вместимость существующих лагерей. И хотя было принято решение создать дополнительные лагеря в Вологодской области (Вологодский и Грязовецкий), это не решило проблему переполненности лагерей и приемных пунктов для военнопленных.

Во время советско-польской кампании 1939 года Управление по делам военнопленных не полностью справилось с возложенными на него задачами и из-за нехватки мест не смогло разместить всех военнослужащих польской армии в лагерях для военноплен-

ных. Чтобы избежать повторения подобной ситуации во время Зимней войны, было принято решение существенно увеличить вместимость лагерей и их количество.

Помимо существовавших стационарных лагерей к 30 ноября 1939 были созданы временные лагеря и приемные пункты специально для военнослужащих финской армии. Приемные пункты действовали в следующих северных городах СССР, находившихся недалеко от советско-финской границы: Мурманск – на 500 мест; Кандалакша – на 500; Кемь – на 500; Сегежа – на 500; Медвежьегорск – на 800; Петрозаводск – на 1000; Лодейное поле – на 500; Сестрорецк – на 600¹. Таким образом, их общая вместимость составила 4900 мест. Кроме этого, для приема военнопленных финской армии были подготовлены шесть тыловых лагерей: Южский – 6000; Юхновский – 4500; Путивльский – 4000; Грязовецкий – 2500; Оранский – 4000; Темниковский – 6000 мест². Их общая вместимость, следовательно, составляла 27 000 мест.

Но и это еще не все. Военные стратеги СССР прогнозировали быстрый, полный и окончательный разгром финских вооруженных сил, при котором будет взято в плен большое количество финских военнослужащих. Исходя из этого прогноза, было принято решение создать резервные лагеря: г. Тайшет – 8000 мест; г. Караганда – 5000; г. Великий Устюг – 2000. Итак, общая вместимость лагерей, созданных для финских военнопленных, была почти 47 тысяч мест³.

Упорное сопротивление финской армии, сопровождавшееся малым количеством взятых в плен, было полной неожиданностью для РККА. Обескураженные отсутствием наплыва военнопленных начальник Управления майор госбезопасности П.К.Сопруненко и комиссар Управления полковой комиссар С.В.Нехорошев направили замнаркому внутренних дел комдиву Чернышеву запрос: «...На 28 декабря на приемных пунктах и в Грязовецком лагере находится 150 человек военнопленных. Ввиду незначительного поступления военнопленных прошу Вашего разрешения:

1) оставить с полным штатом Грязовецкий и Юхновский лагеря.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 59.

³ Галицкий В. Указ. соч. С. 29; РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 59.

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Лл. 1, 2.

2) в остальных лагерях оставить не больше 15–20% штатного состава людей...»¹.

В то же время руководители наркомата внутренних дел продолжали верить в изменение ситуации в пользу Красной Армии. Поэтому предполагалось договориться с районными военными комиссариатами, что в случае необходимости по первому требованию УПВИ НКВД все приписники (то есть советские военнослужащие, использовавшиеся в местах содержания финских военнопленных в качестве охранников и обслуживающего персонала) явятся в лагерь, а автотранспорт предполагалось оставить на прежнем месте².

В период Зимней войны крупнейшим местом содержания финских военнопленных был Грязовецкий лагерь. Здесь к весне 1940 г. размещалось 600 человек финских пленных. Лагерь был организован на базе дома отдыха в 7 км от станции Грязовец Вологодской области. Территория лагеря занимала около 5 тысяч квадратных метров. Под расселение были отведены клуб, три двухэтажных дома и помещение бывшего монастыря Святого Корнилия³. Но даже он практически не был готов к размещению финских военнопленных: не соблюдались нормы противопожарной безопасности⁴, двухэтажные корпуса были ветхими, поэтому на первом этаже нары соорудили в два яруса, а на втором – в один, так как строители боялись, что пол может рухнуть⁵. И все это несмотря на то, что в СССР были приняты нормативные документы по содержанию военнопленных⁶, созданы специальное Управление в Москве и его региональные органы, которые были призваны обеспечивать

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 59.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–3.

⁶ В отношении финских пленных на территории Советского Союза действовало, помимо «Положения о военнопленных», еще несколько инструкций, в том числе «Временная инструкция о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР» (№ 0390 от 19.11.1939), «Об организации приемных пунктов (лагерей) для военнопленных» (приказ НКВД СССР № 001445 от 1.12.1939 г.), «О порядке отправки военнопленных из лагерей и приемных пунктов НКВД СССР» (Приказ НКВД СССР № 001525 от 27.12.1939 г.), «Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» (приказ НКВД № 0438 от 29.12.1939 г.).

на практике нормативный статус военнопленных. Фактически жизнь пленных в лагерях и пунктах размещения была пущена на самотек и нередко, по воспоминаниям финских пленных, не соответствовала декларируемым нормам.

Условия и режим содержания военнопленных на территории приемного пункта были более жесткими, чем в лагерях для военнопленных, и в связи с тем, что период пребывания там был непродолжительным, имел некоторые отличия. Так, например, свидания, переписка, посылки и передачи находящимся на пункте военнопленным были запрещены¹. Пленные офицеры, государственные чиновники, полицейские, жандармы и члены так называемых «контрреволюционных партий» размещались отдельно от рядового и унтер-офицерского (сержантского) составов. Кроме того, женщины-военнопленные размещались отдельно от мужчин².

Режим дня устанавливался начальником пункта в зависимости от местных условий, но в целом соответствовал режиму дня в лагерях для военнопленных. Пленным разрешалось играть в шашки, шахматы и в другие неазартные игры, читать газеты и книги. Они имели право свободного передвижения внутри охраняемой зоны в течение дня от подъема до отбоя. После отбоя любое передвижение военнопленных по территории пункта без разрешения администрации категорически воспрещалось. Для курения отводилось специальное место во дворе, в холодное время – в специальном помещении, снабженном бочкой с водой³.

Администрации, сотрудникам и охранникам пункта предписывалось вежливое обращение с пленными, но они должны были пресекать всякую попытку военнопленного установить связь с гражданским населением. Впрочем, стоит отметить, что во время Зимней войны гражданское население практически не имело возможности общаться с финскими военнопленными: в соответствии с советскими нормативными документами это было категорически запрещено⁴. Соответственно круг лиц, контактировавших с фин-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 26.

² Там же. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 24.

³ Там же. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 26.

⁴ «Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» и «Временная инструкция о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР». РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1. Л. 16, 25.

нами во время Зимней войны был весьма ограничен и сводился лишь к гражданским служащим лагерей НКВД – медперсоналу, техническим работникам и т. п. В отличие от этого, во время Войны-продолжения контактов советских граждан с военнопленными было гораздо больше и органы НКВД, ввиду экономической необходимости, не могли их пресечь. Финские пленные работали на стройках народного хозяйства, в портах и на лесозаготовках. Жители Вологодской области, где находился Череповецкий лагерь НКВД, отзывались о финнах как о дружелюбных и работающих людях. Иногда пленные, в обход существующих правил, помогали местным жителям по хозяйству, получая за свою работу еду¹. Впрочем, известны и другие случаи, когда пленные делились своим скудным хлебным пайком с гражданским населением².

Возвращаясь к Зимней войне, хочется отметить один из парадоксов. Активно внедрявшийся в сознание населения советского народа лозунг о помощи рабочим и крестьянам Финляндии сыграл свою роль в отношении к финским военнопленным. Советская пропаганда преподносила военнослужащих финской армии как насильственно мобилизованных, обманутых правителями «рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели финской белой армии»³. Советская пресса всячески поддерживала этот пропагандистский штамп, описывая военнопленных как плохо одетых, голодных и испуганных людей, с радостью принимающих хлеб и табак от красноармейцев⁴. Соответственно, у тех, кто не участвовал непосредственно в боях против финнов, к пленным было больше сочувственное, нежели враждебное отношение. Как отмечает российский исследователь В.Конасов, после окончания боевых действий во время работы смешанной советско-финляндской комиссии по обмену военнопленными⁵ взаимоотношения между военнопленными, содержащимися в Грязовецком лагере, и его сотрудниками значительно улучшились.

¹ Конасов В., Кузьминых А. Финские военнопленные второй мировой войны на европейском севере (1939–1955). Очерки и документы. Вологда, 2002. С. 31.

² Личный архив Р.Никкиля.

³ Конасов В., Кузьминых А. Указ. соч. С. 20.

⁴ Правда. 1939. 4 дек.; Кондратьев Н. Пленные // Бои в Финляндии. Воспоминания участников. М., Воениздат НКО СССР. Ч. 2. 1941. С. 98; Конасов В., Кузьминых А. Указ. соч. С. 12.

⁵ Смешанная комиссия по обмену военнопленными между СССР и Финляндией осуществляла свою деятельность с 14 по 28 апреля 1940 года в г. Выборге.

От былой вражды не осталось и следа. Вместе с этим пошатнулась и дисциплина: подъем пленных стал производиться в 7.30 вместо 6 часов утра; один финский военнопленный был арестован и отправлен на гауптвахту за хулиганские действия в отношении сотрудницы лагеря; служащие появлялись на территории в нетрезвом виде. Вернувшийся из служебной командировки начальник Грязовецкого лагеря старший лейтенант госбезопасности Волков, проработавший несколько дней в смешанной комиссии, принял крутые меры. Некоторые сотрудники были привлечены к административной ответственности, отдельных пришлось уволить и даже привлечь к уголовной ответственности¹.

В общем и целом, во время Зимней войны у населения СССР не был создан единый образ финна как врага. Прямолинейность и неповоротливость пропагандистских органов страны, идеологические клише и штампы, облик запуганного и обманутого финского солдата в прессе и т. п. вызывали больше сочувствия, чем ненависти и вражды. Кроме того, часть населения осознавала, что фактически Советский Союз выступает в роли захватчика², так как боевые действия велись только на территории Финляндии. Во время Войны-продолжения, в отличие от кампании 1939–40 гг., ситуация некоторым образом изменилась. Советский народ чувствовал себя жертвой агрессии со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с Германией³.

Вторую войну, получившую в Финляндии название «Война-продолжение», ни в Советском Союзе, ни в современной России не принято выделять в самостоятельную кампанию. Ее принято рассматривать лишь в контексте Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Как бы то ни было, обе страны, еще до официального вступления в войну, проводили разведывательные полеты над территориями друг друга, а финские военнослужащие даже соверши-

¹ Конасов В., Кузьминых А. Указ. соч. С. 21–22.

² См., напр.: ГАОПДФК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 455. Олонецкий райком партии. Материалы особой папки; Ф. 1552. Оп. 1. Д. 456. Олонецкий райком партии. Материалы особой папки; Ф. 31. Оп. 1. Д. 180. Спецсообщения Ребольского РО НКВД; Ф. 26. Оп. 1. Д. 672. Докладная записка о настроениях населения Медвежьего района в связи с военными действиями в Финляндии и помощью, оказанной Красной армией Народному Правительству Финляндской Демократической республики.

³ Сенявская Е. Финны во второй мировой войне: взгляд с двух сторон // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 300–310.

ли диверсионный рейд на Беломорско-Балтийский канал¹. Кроме того, подводные лодки военно-морского флота Финляндии проводили минирование вод Финского залива. Профессор Мауно Йокипии считает совершенно невероятным, чтобы высшее руководство страны, включая маршала Маннергейма, не было бы в курсе подобных действий своих вооруженных сил².

22 июня 1941 г. войска Германии вторглись на территорию Советского Союза. Финляндия же фактически вплоть до 25 июня 1941 г. оставалась нейтральной. Боевые действия в месте ближайшего соприкосновения советских и финских войск – в районе военно-морской базы (ВМБ) Ханко – не велись³. Утром 25 июня 1941 г. советские военно-воздушные силы нанесли авиаудар по финским аэродромам и гражданским объектам. Данное обстоятельство послужило формальным поводом для вступления страны в войну на стороне Германии: вечером этого дня парламент признал Финляндию находящейся в состоянии войны с СССР.

В отличие от Зимней войны, когда симпатии Запада были на стороне Финляндии, во время Войны-продолжения ситуация коренным образом изменилась. Союз с Германией и оккупация территорий Советского Союза, а также стремление немецких войск соединиться с финскими и замкнуть кольцо блокады Ленинграда⁴ существенно осложняли международное положение страны. Великобритания вступила в войну против Финляндии и даже была го-

¹ *Йокипии М.* Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 293–296.

Два советских гидроплана МБР–2 24 июня 1941 г. проводили разведку местности в районе Порвоо и совершили вынужденную посадку в территориальных водах Финляндии. Один самолет отправился за подмогой, а второй был захвачен вместе с экипажем – лейтенант Н.А.Дубровин, лейтенант А.И.Корчинский и старший сержант Т.К.Близнецов, 41 Авиаэскадрилья, 15 Авиаполк ВВС КБФ. Я глубоко признателен финскому исследователю Карлу-Фредерику Геусту (Carl-Frederik Geust) за предоставленную информацию. Таким образом, еще до начала войны Финляндия de-facto захватила первых советских военнопленных. К сожалению, дальнейшую судьбу этих летчиков мне установить пока не удалось.

² *Йокипии М.* Указ. соч. С. 288–289.

³ Оборона Ханко продолжалась с 25 июня по 4 декабря 1941 г., после чего оставшиеся защитники были эвакуированы в Ленинград. См., например, воспоминания бывших участников обороны Ханко С.Тиркельтауба, Н.Дубровина, П.Релки, Б.Фишера. Личный архив Д.Фролова, а также мемуары командующего ВМБ Ханко генерала Кабанова. *Кабанов С.* На дальних подступах. М., 1971.

⁴ По этому вопросу см., например: *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002.

това в случае необходимости применить химическое оружие против финнов¹.

На первом этапе Войны-продолжения (июнь 1941 – зима 1942 г.) успех был на стороне финской армии. Преодолев сопротивление частей Красной Армии, финны освободили территории, отошедшие к СССР после Зимней войны, а затем, перейдя линию старой государственной границы, захватили часть восточной Карелии, включая города Петрозаводск и Медвежьегорск. В результате наступательных операций финские войска, помимо военных трофеев, захватили также большое количество военнопленных². В советском плену в первый год находилось не более 9 тысяч солдат и

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У.Черчилем и К.Эттли (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1986. С. 51–52, 54.

² За первые полгода войны было взято в плен 56 334 военнослужащих Красной армии. Всего за время войны – 64 188 человек. За первый год войны с июня 1941 г. по май 1942 г. в Финляндии умерло свыше 13 000 человек. Всего за годы войны в лагерях для военнопленных на территории страны скончалось свыше 18 700 человек. Manninen, Ohto. Sotavangit ja sotavankileirit // *Jatkosodan historian*. 6 osa. 1994. S. 282–283; *Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A.* Указ. соч. С. 28. По этому вопросу см. также: *Mikkola Pirkka.* Sotavangin elämä ja kuolema. *Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt.* Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos, 2000; *Mikkola Timo.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944. Poliittisen historian pro gradu-tutkielma Helsingin yliopiston valtiotieteellisessä tiedekunnassa, 1976.

В этой связи вызывает некоторое недоумение высказывание российского историка Н.Барышникова о том, что «в Финляндии в годы войны в плену погибло больше людей в процентном отношении, чем в какой-либо другой стране». Причем сам исследователь называет цифру 29,1%. *Барышников Н.И.* Указ. соч. С. 265. В этой связи целесообразно отметить, что в российских и немецких работах по проблеме военного плена наиболее часто встречаются данные о том, что в немецкий плен попало 5,7 млн. советских военнопленных, а к концу войны осталось в живых 2,4 млн. Таким образом, в Третьем Рейхе погибло 3,3 млн. советских пленных или же 57%, причем около 2 млн. только до февраля 1942 г. *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 130. По этому вопросу см. также: *Шмпайм К.* Солдатами не их считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах. М., 1979; *Streit C.* Keine Kamraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991. Таким образом, в Финляндии с 29,1% смертности никак не могло скончаться больше советских военнопленных, чем в Германии.

офицеров противника¹, из них только 513 были военнослужащими финской армии².

Неудачи начального периода войны и оккупация части территории СССР не могли не сказаться на положении иностранных, в том числе и финских, военнопленных в Советском Союзе. Некоторые лагеря были расформированы или переведены в другие области страны. Кроме того, быстрое продвижение немцев и их союзников значительно затрудняло открытие пунктов для приема пленных. УПВИ НКВД развернуло лишь 19 приемных пунктов из 30 ранее предполагавшихся. Дислокация этих приемных пунктов не удовлетворяла нужду фронтов по эвакуации пленных. К 1 августа 1941 года в распоряжении УПВИ оставалось только 3 лагеря: Старобельский, Суздальский и Грязовецкий, емкостью на 8–9 тысяч человек. Управление по делам военнопленных и интернированных, обеспокоенное таким положением дел, к концу 1941 года создало еще 3 лагеря для содержания военнопленных. В 1942 году ситуация постепенно начинает меняться и в июле НКВД СССР издало приказ № 001156 «Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных». В соответствии с этим приказом начальнику УПВИ предписывалось создать на базе ранее существовавших лагерей 6 лагерь-распределителей для карантина и временного содержания пленных. Для удовлетворения нужд Карельского и Волховского фронтов предназначался Череповецкий лагерь (г. Череповец Вологодской области), для Северо-Западного и Ленинградского фронтов – Боровичский лагерь (г. Боровичи Ленинградской области)³.

Наличие большого количества военнопленных разных национальностей подразумевало, что компактно содержать финских пленных в одном лагере, как это было во время Зимней войны, невозможно. В ходе подготовки моей диссертации⁴ в российских и

финских архивах были обнаружены данные, свидетельствующие о том, что финны прошли через более чем 50 приемных пунктов, сборных и стационарных лагерей, лагерных отделений и т. п. на территории Советского Союза. Точно определить количество мест для временного и постоянного размещения финских военнопленных достаточно сложно. Естественно, что основную информацию по этому вопросу я черпал из отчетов лагерей НКВД и воспоминаний самих военнопленных. Однако статистический учет и регистрация пленных в лагерях и приемных пунктах НКВД были недостаточно высокого уровня. В связи с этим не все финские военнопленные попадали в статистические списки, направляемые в Управление по делам военнопленных и интернированных.

С другой стороны, после войны на допросах в Ханко во время прохождения фильтрационной проверки при установлении мест размещения финских военнопленных в СССР сами финские военнопленные подчас неточно и неправильно называли лагерь, где они содержались. Наиболее распространенной ошибкой было то, что финны вместо номера лагеря называли номер лагерного отделения. Кроме того, как и при записи финских имен в СССР, так и при упоминании трудных и непривычных для финских военнопленных русских географических названий мест содержания вкрадывались ошибки. Так, например, в некоторых протоколах Потьма превращалась в «Botma» или «Plotma», Боровичи в «Barovets», «Barovits», «Varovits», Теренсай в Оренбургской области, где располагался эвакогоспиталь № 1383, в некоторых финских документах фигурирует как «Derenzait», «Derenskaï» и даже «Lerautzein». Таких примеров огромное множество. Подобная неверная транслитерация русских названий нередко существенным образом усложняет задачу выяснения места содержания и захоронения некоторых финских военнопленных.

На территории Советского Союза в период Войны продолжения существовало несколько лагерей, где в разное время содержались достаточно большие группы финских военнопленных. Это Череповецкий лагерь № 158 (Вологодская область), Спасо-Заводской лагерь № 99 (Карагандинская область), Монетно-Лосиновский лагерь № 84 (Свердловская область, а с 1943 – Асбестовский лагерь), Оранский лагерь № 74 (Горьковская область),

¹ Военнопленные в СССР. С. 29.

² Архив Рейо Никкиля Sotavankimatrikkeli 2003. Финский исследователь Тимо Малми пишет о 581 военнопленном финской армии. *Malmi, Timo. Jatkosodan suomalaiset sotavangit neuvostojärjestelmässä. Suomen historian lisensiaatintutkimus, Tampereen yliopisto 1995. S. 130.*

³ Военнопленные в СССР. 2000. С. 93.

⁴ *Frolov D. Suomalaiset sotavangit Neuvostoliiton Sotavankien ja Internoitujen hallinnon (UPVI NKVD:n) leireissä Talvi- ja Jatkosodan aikana. Lisensiaatintutkimus. Helsingin yliopisto, Valtiotieteellinen tiedekunta, 2002.*

Темниковский лагерь № 58 (Мордовия, станция Потьма), Красногорский лагерь № 27 (Московская область)¹. Конечно, это далеко не полный список мест размещения финских военнопленных в СССР. В моем распоряжении имеется информация по крайней мере о 24 стационарных производственных лагерях, где во время Войны-продолжения находились попавшие в плен военнослужащие финской армии.

Во время советско-финляндской войны 1941–44 годов, впрочем, как и в период Зимней кампании, финские пленные, как правило, размещались в уже приспособленных для этой цели местах заключения – монастырях, трудовых и исправительных колониях НКВД и т. п. Им, в отличие от военнопленных Вермахта в период 1944–45, не приходилось строить новые лагеря при полном отсутствии готовой инфраструктуры. Впрочем, для финнов не старались подобрать и подходящие для них природно-климатические условия содержания². Финские пленные находились в лагерях НКВД, расположенных не только в северных и северо-западных районах СССР, но и в средней полосе, на юге и в Казахстане.

Несмотря на то, что Советский Союз уже имел опыт содержания военнопленных на своей территории, но, как и во время Зимней войны, органы УПВИ НКВД СССР на практике оказались не готовы к приему даже незначительного количества пленных. Уже в августе 1941 года Л.П.Берия подписал приказ № 0371 «О состоянии лагерей военнопленных», в котором отмечалось неудовлетворительное состояние дел в Темниковском лагере. В результате проверки были обнаружены грубые нарушения в охране, размещении и дисциплине. В соответствии с этим приказом Темниковский и Вологодский лагеря были расформированы, а контингент пленных был разделен на две категории: офицерский и унтер-

¹ В некоторых советских документах он нередко фигурирует как Темлаг.

² Австрийский исследователь, сотрудник Института по изучению последствий войны им. Л.Больцмана (Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung. Graz-Wien-Klagenfurt) Стефан Карнер в своей книге приводит данные о том, что уже с 1943 года началось частичное деление военнопленных по национальностям и перевод их в другие лагеря, более подходящими для них по климатическими условиями. Так, итальянских военнопленных перевели из северных районов Казахстана на юг и в Узбекистан, французов отправили в Тамбов. См. подробнее: *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернированные в Советском Союзе 1941–1956. Пер. с нем. М., 2002. (*Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft in der Sowjetunion 1941–1956. Wien-München. 1995).

офицерский состав направлялся в Елабужский лагерь НКВД (Татарская АССР), а рядовой состав разместили в Карагандинском трудовом лагере. Всех поступавших пленных второй категории предписывалось направлять именно туда¹.

Аналогичные проверки были проведены и в других лагерях. Но несмотря на приказ Л.П.Берии, спустя полгода после начала войны состояние дисциплины в некоторых местах постоянного и временного размещения военнопленных продолжало оставаться неблагополучным. Так, например, после посещения лагеря для финских пленных в местечке «Сухое»² (Карело-Финская ССР) 12 января 1942 года заведующий сектором кадров НКВД оборонной организации ЦК КП(б) КФССР Сафонов докладывал Секретарю ЦК КП(б) КФССР Варламову следующее: «...Военнопленные размещены в центре села в двух домах. Охраны, по существу, никакой нет. В ночное время в домах выделяется дежурный из самих военнопленных, который и несет охрану. Выделенный курсант из спецшколы ЦК КП(б) тов. Волков для охраны и дополнительно посланный тов. Вийри ... по существу никакой роли в охране не играют. Сами они в ночное время спят вместе с военнопленными. 15-го декабря 1941 г. в 1 час дня, когда я приехал, на месте т. Волкова не было, уходил в село. Оружие – винтовка, патроны, гранаты – оставлены на временное хранение военнопленным...

...Питание военнопленных производится наравне с нашими курсантами спецшколы – норма одна и та же. Весь командный состав, прикомандированный из спецшколы, питается из одного котла с военнопленными.

...До последнего времени никакой дисциплины, по существу, не было, военнопленных можно одних было видеть в клубе и других местах без охраны. ...Общее назначение этого лагеря неясно. Отсюда, нельзя составить программу и план работы. Должно быть ясно, кого мы готовим и для какой работы. А сейчас никто ничего не знает и никто за лагерь не отвечает и лагерь превратился в своеобразный дом отдыха.

¹ Военнопленные в СССР. С. 168–170.

² Этот лагерь находился в районе Беломорска. К сожалению, полной информацией об этом месте содержания, количестве, именах и фамилиях финских военнопленных исследователи пока не располагают. По моим данным, в нем содержались некоторые военнопленные-перебежчики из JR21, «Pärmin osasto».

Выводы:

...Несмотря на соответствующий отбор в этот лагерь, все же надо установить специальную охрану в количестве отделения бойцов, только за счет спецшколы нельзя, иначе будут срывы учебы этих курсантов. И сейчас нашу охрану нужно отделить от военнопленных.

Всех наших курсантов спецшколы, прикомандированных к лагерю, выделить в питание, чтобы они питались отдельно от военнопленных. ... Распорядок дня в лагере надо изменить, а то получается, что военнопленные до 10 час/ов/ утра занимаются прогулкой и кушаньем и после приступают к занятиям и те длятся всего 7 час/ов/ в день, включая самостоятельную работу в классе – 3 часа. Установить точно, кто должен нести ответственность за лагерь в области охраны, воспитания и другой работы»¹.

Подобное либеральное отношение даже к «проверенным» финским военнопленным и отсутствие порядка в лагере не устраивало УПВИ, о чем свидетельствует имеющаяся на документе резолюция: «*Куприянов*. Прошу Ваших указаний. Со своей стороны считаю, что надо передать их органам НКВД, поручив последним вести все обслуживание»².

Впрочем, как во время Зимней войны, так и во время Войны-продолжения финские военнопленные все-таки не допускали серьезных нарушений внутреннего распорядка в лагерях. Так, в нашем распоряжении имеется информация лишь об одном подобном побеге из лагеря, тогда как немецкими военнопленными за время войны был совершен 301 побег из мест заключения³. В отчете начальника оперативно-чеккистского отделения лагеря № 158 майора госбезопасности Кенькина отмечено, что в октябре 1944 г. военнопленный финской армии Рюткянен⁴, «будучи совершенно в ненормальном состоянии, перелез через проволочное ограждение и из зоны лагеря совершил побег, но через 3 часа был задержан си-

лами оперативной группы»¹. Это, однако, не повлияло на его дальнейшую судьбу, и он вернулся на родину в 1944 г.

Естественно, что нарушений распорядка лагерной жизни и правонарушений избежать невозможно, но сводились они в основном к краже продуктов питания и обмундирования, что вполне объяснимо в условиях плена. Действительно, стремление получить лишний кусок хлеба, а значит и выжить, иногда толкало военнопленных на такие поступки, которые они вряд ли совершили бы в нормальных условиях.

Потеря значительной территории СССР в 1941 году и в первую очередь регионов, снабжавших страну продуктами питания, привела к снижению норм продовольствия как среди гражданского населения СССР, так и среди военнопленных. Уже 6 августа 1941 года были введены новые нормы продовольственного снабжения военнопленных и интернированных². По сравнению с периодом Зимней войны, количество хлеба, выдаваемого пленным, сокращалось с 800 до 400 г в сутки, растительного масла – с 30 до 20 г. Мясо из рациона исчезло совсем, хотя при этом увеличилась выдача рыбы с 75 до 100 г в сутки.

На приемных пунктах были более низкие нормы продовольственного обеспечения военнопленных, чем в стационарных лагерях. Это объяснялось тем, что пленные не привлекались в это время к выполнению каких-либо работ, то есть в меньшей степени расходовали свои «энергоресурсы». К тому же в приемных пунктах пленные находились непродолжительное время. Есть основания считать, что во время Зимней войны в приемных пунктах и лагерях были созданы более или менее приемлемые санитарно-бытовые условия: не случайно в них не было эпидемических заболеваний. В период Войны-продолжения, особенно в ее начале, ситуация с размещением финских военнопленных была кардинально противоположной. Отсутствие элементарных санитарно-бытовых условий в совокупности с тяжелым трудом, недостаточным питанием и плохим медицинским обслуживанием – все это привело к высокому проценту заболеваемости и смертности.

¹ ГАОПДФК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 538. Л. 17–18. Полностью этот документ см.: *Frolov D.* Suomalaiset sotavangit Neuvostoliiton Sotavankien ja Internoitujen hallinnon (UPVI NKVD:n) leireissä Talvi- ja Jatkosodan aikana. Lisensiaatintutkimus. Helsingin yliopisto, Valtiotieteellinen tiedekunta, 2002; ГАОПДФК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 538. Л. 17–18.

² ГАОПДФК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 538. Л. 18.

³ Военнопленные в СССР. 2000. С. 332.

⁴ Вероятнее всего, Rytkönen Väinö Henrik.

¹ *Конасов В., Кузьминых А.* Указ. соч. С. 131.

² Постановления СНК СССР № 1782–79сс от 30.06.1941 и № 4735рс от 6.08.1941. Военнопленные в СССР. 2000. С. 87–88.

Источники содержат противоречивую информацию относительно условий пребывания финских военнопленных в медицинских учреждениях Советского Союза во время Зимней войны и Войны-продолжения. Многие финские пленные, побывавшие в советских госпиталях, отмечали хороший больничный уход, особенно много сведений такого рода относится к периоду Войны-продолжения. Так, например, рядовой Холаппа Тойво Йоханнес¹, попавший в результате ранения в плен в декабре 1942 года, говорил, что медицинская помощь ему оказывалась такая же, как и русским раненым и больным солдатам². Аналогичное мнение высказывалось и о медицинском обслуживании в лагерных лазаретах. Капрал Лаури Юссила³ отмечал, что в госпитале лагеря № 158 уход за больными был очень хорошим. Больным выдавали дополнительное питание: поллитра молока, 50 г масла, ягоды и т. п.⁴ Большое количество таких свидетельств публиковалось в газете для военнопленных «Sotilaan Ääni». Можно по-разному относиться к публиковавшимся в ней статьям. Вполне понятно, что практически все из них были пропагандистского толка. Но все-таки какая-то доля правды в этих заметках была. Хороший уход за ранеными и больными отмечали сами бывшие финские пленные на допросах в Ханко после возвращения на родину. Так, рядовой Пентти Ала-Ниссиля показывал на допросе, что он пробыл в больнице Воловского лагеря три недели с диагнозом «дизентерия». При этом он отмечал хороший уход и питание⁵. И таких высказываний было немало⁶. Кроме того, как отмечает бывший военнопленный Теуво Алава, в госпиталях к финнам относились гораздо лучше, чем к немцам⁷.

¹ Holappa Toivo Johannes, родился 15.09.1922, рядовой Ег.Р7 12. Попал в плен 02.1942. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 22.11.1941.

² SA. «Sotilaan Ääni». 1943. № 7. Tammikuu 19.

³ Jussila Lauri Olavi, родился 3.03.1913, капрал JR101. Попал в плен 28.12.1942. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 25.12.1944.

⁴ SA. «Sotilaan Ääni». 1943. № 52. Kesäkuu 22.

⁵ Ala-Nissilä, Pentti родился 12.07.1922 в Loimaa попал в плен 03.07.1944 в Ihantala. Возвращен в Финляндию в ноябре 1944 г. опрошен в Ханко 30.11.44. SA, T 26073/2.

⁶ Подробнее см.: SA, T26073/1–21. Neuvostotoliiton vangiksi 1941–1944 joutuneiden sieltä palautettujen suomalaisten sotavankien henkilötietokaavakkeita ja kuulustelupöytäkirjoja 1944–45.

⁷ См. напр.: Alava T., Frolov D., Nikkilä R. Указ. соч. С. 90–91.

Впрочем, были и другие свидетельства. Вернувшиеся из советского плена военнослужащие финской армии рассказывали, что больным в госпиталях помощи никакой не оказывали, раненые часто умирали. Правда, стоит отметить, что эти заявления, количество которых огромно, сделаны во время допросов. Следует учитывать морально-психологическое состояние самих военнопленных: многие из них старались давать «нужные» показания военным дознавателям и тем самым создать о себе благоприятное впечатление и облегчить свое положение. Так, например, опрошенные после возвращения в Финляндию пленные единодушно показывали, что медицинский уход в Сестрорецком приемном пункте был скверный, лазарет был грязный, врача не было, его заменяла медсестра¹. Аналогичные свидетельства присутствуют в опросных листах финских военнопленных периода войны-Продолжения. Например, бывший военнопленный Франс Ахо на допросе в Ханко рассказывал: «Раненых финнов разместили в трехэтажном здании больницы в Ленинграде. Медицинское обслуживание и питание было плохим. У многих были гноящиеся раны, но бинты не меняли. У многих заводились в ранах черви. Медсестры же говорили, что эти черви очищают раны. Через три недели всех финнов, находящихся в той больнице, отправили в госпиталь города Гатчины. Условия там были намного лучше. Уход был лучше, а еда значительно сытнее, хотя и давали ее не очень много. Из-за скудного питания раны плохо заживали»².

Существует еще одна группа свидетельств, достоверность которых сложно установить. В марте 1945 года в Финляндию была возвращена партия из 89 военнопленных и 35 интернированных. На допросах, проводившихся чиновниками финской государственной полиции (VALPO), в числе прочих присутствовали вопросы, касающиеся медицинского обслуживания в госпиталях и больницах СССР. Один из пленных рассказал, что в Череповецкой больнице в январе-марте 1945 года медицинская сестра делала уколы какого-то препарата, в результате чего человек умирал в течение 15 минут. Так скончалось 7–8 человек из находившихся с ним в одной палате³.

¹ Kansallisarkisto (KA), VALPO I XXIX41b k2984.

² Aho, Frans, попал в плен раненым 7.07.1944. SA, T 26073/2.

³ KA, VALPO I XXIX41b k2984.

Установить, соответствует ли этот рассказ действительности или является вымыслом, очень сложно, но интересно одно обстоятельство, а точнее, совпадение. В марте-апреле 1940 года финская сторона передала в СССР основную часть бывших советских военнопленных. Один из них, Хальза Ахметов, из 2 батальона 984 стрелкового полка 86 дивизии «заявил, что лично видел пять случаев, когда в госпитале тяжело раненных выносили в коридор за ширму и делали им смертельный укол. Один из раненых кричал: «Не несите меня, я не хочу умирать». В госпитале неоднократно применялось умерщвление раненых красноармейцев путем вливания морфия...»¹. Стоит отметить, что при сравнении протоколов допросов финских и советских военнопленных после возвращения их на родину в них обнаруживается множество похожих историй. Например, о том, что квалификация медперсонала была низкой, о том, что раненых не лечили, о беспричинных ампутациях нижних конечностей и т. п.² Не обвиняя этих военнопленных в преднамеренном искажении правды, стоит сделать предположение о том, что, очевидно, пребывание в стрессовой ситуации рождало у пленных массу рассказов, которые, имея под собой какую-то реальную основу, трансформировались в сознании и превращались в своего рода легенды³. В качестве примера можно отметить, что как среди финских, так и среди советских военнопленных ходили легенды о каком-то лагере, где и содержание, и питание было очень хорошее и пленные жили там, как в санатории. К сожалению, такая интересная тема, как фольклор военнопленных, совершенно не разработана исследователями.

И все же необходимо отметить, что и во время Зимней войны, и во время Войны-продолжения медицинская помощь финским военнопленным оказывалась наравне с ранеными военнослужащими Красной Армии. В госпиталях и лечебных учреждениях пленные

получали надлежащий уход. К отрицательным моментам стоит отнести недостаточную квалификацию медицинского персонала, нехватку медикаментов и перевязочных средств, что вполне объяснимо трудностями в Советском Союзе во время Войны-продолжения. Постоянно увеличивающийся приток военнопленных, особенно начиная с 1942 года, существенно усложнил задачи, стоявшие перед медицинскими службами приемных пунктов и лагерей. Поступавшие в места постоянного размещения военнопленные нередко были ослаблены физически. В самих же лагерях катастрофически не хватало витаминных препаратов, в первую очередь никотиновой кислоты и дрожжей для лечения пеллагры. Нередко был дефицит вакцин против дифтерии и дизентерии. С питанием военнопленных в госпиталях дело обстоит также не лучшим образом.

Все эти недостатки и тяжелый физический труд серьезным образом влияли на смертность финских военнопленных. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод о том, что финские пленные во время Войны-продолжения в основном умирали от дистрофии, дизентерии, пеллагры, дифтерии, то есть в основном от болезней, спровоцированных недостаточным и некачественным питанием. Таким образом, можно поставить под серьезное сомнение высказывание Владимира Галицкого, утверждавшего, что смертность финских пленных в СССР в 1941–44 гг. не связана с недостаточностью питания¹.

Смертность финских военнопленных в СССР во время Войны-продолжения составила 32% (для сравнения: в Финляндии скончались 29,1% от общего количества советских пленных)². Чрезвычайно важно иметь в виду, что в используемую мною базу данных о финских военнопленных³, кроме скончавшихся в лагерях и госпиталях финских военнопленных, включены также финские военнослужащие, *растрелянные при пленении, во время транспортировки на сборные пункты и умершие от ран непосредственно после захвата*. В свою очередь, в базу данных умерших советских военнопленных в Финляндии вошли только те, *кто скончался в*

¹ Подробнее см.: *Frolov D. Talvisodan 1939–1940 Neuvostoliittolaiset sotavangit // Sotahistoriallinen aikakauskirja. 2000. № 19.*

² Подобные рассказы обнаружены автором как в российских, так и финских архивах: РГВА, Sota-arkisto, Kansallisarkisto.

³ Финский исследователь-фольклорист Улла-Майя Пелтонен в своей книге «Punakarinnan muistot» исследует подоплеку, реальную основу бытующих в народе «страшных» историй о зверствах как белых, так и красных финнов во время гражданской войны в Финляндии. *Peltonen, U-M. Punakarinnan muistot. Tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. SKS, 1996.*

¹ Интервью В.Галицкого, 2000 г. Личный архив Р.Никкиля.

² Как уже отмечалось, в Германии скончалось 57% советских военнопленных.

³ *Alava T., Frolov D., Nikkilä R. Op.cit.*

лагерях и госпиталях на территории страны, т. е. только официально зарегистрированные и учтенные военнопленные.

На основании имеющихся в моем распоряжении цифр, характеризующих обстановку со смертностью финских военнопленных, я в пришел к выводу, что наиболее тяжелыми для военнопленных периодами, сопряженными с большим количеством смертей, были 1942 год и осень 1944 года. В первом случае увеличение процента смертности военнопленных финской армии связано с общим ухудшением продовольственного положения в СССР и вызванного этим уменьшением пайков военнопленных. Во втором случае, т. е. осенью 1944 года, из-за переподчинения ведомств, снабжавших медикаментами Череповецкий лагерь № 158, где сконцентрировали финнов перед возвращением на родину, сложилась критическая ситуация с вакцинами и сыворотками против дизентерии и дифтерии. Учитывая, что пленные были ослаблены постоянным недоеданием, становится понятным, почему процент заболевших и умерших среди них значительно вырос¹. Таким образом, в Советском Союзе во время Войны-продолжения скончались, с учетом расстрелянных в момент пленения, 997 финских военнопленных. Конечно, одной из главных причин смертности являлся острый дефицит продовольственных, материальных и финансовых ресурсов, значительно подорванных чрезвычайно тяжелой для СССР Второй мировой войной. Поэтому, констатируя неудовлетворительное, а в некоторые периоды явно низкое продовольственное обеспечение военнопленных, я хочу подчеркнуть, что трудности продовольственного снабжения испытывали также и мирное население, и военнослужащие действующей армии. Достаточно вспомнить о жертвах девятистот дней трагической блокады Ленинграда.

Имевшие место недостатки в медицинском обслуживании военнопленных во время Войны-продолжения учитывались руково-

¹ Кроме того, на цифры повлияло и то обстоятельство, что во время летнего наступления частей Красной Армии на Карельском фронте довольно большое число военнослужащих финской армии были расстреляны в момент пленения, на этапе транспортировки к месту сбора, а также умерло от ранений непосредственно после пленения. Я также отметил для сравнения, что в Германии скончалось 57%, а в Финляндии – 29,1% от общего количества советских пленных. Однако указанные страны включали в списки умерших только официально зарегистрированных и учтенных военнопленных, т. е. тех, кто скончался в лагерях и госпиталях на территории страны, и не учитывали расстрелянных при пленении, во время транспортировки на сборные пункты и умерших от ран непосредственно после захвата.

дством УПВИ НКВД СССР. По мере своих сил и возможностей санитарный отдел этого подразделения наркомата внутренних дел старался исправить сложившуюся ситуацию. Естественно, забота о здоровье пленных во многом была связана с необходимостью использования их на физических работах. Для восстановления физического состояния и скорейшего возвращения в ряды трудоспособных в производственных лагерях для военнопленных создавались специальные оздоровительные команды. Таким образом, УПВИ НКВД, судя по имеющимся в распоряжении исследователей архивным источникам, старалось прилагать максимум усилий для того, чтобы улучшить физическое состояние военнопленных, в том числе и финских, и не допустить высокой смертности. Нарушения, имевшие место в медицинском обслуживании, не являлись целенаправленной политикой в отношении военнопленных. Хотя у финнов, прошедших через транспортировку в лагерь, нередко складывалось другое мнение. Некоторые считали, что долгий, изматывающий путь в лагерь был придуман специально для того, чтобы ослабить человека, лишив его воли и желания жить¹.

В действиях советского правительства и его уполномоченных органов, решавших вопросы содержания финских военнопленных на территории СССР, было много ошибок, были допущены некоторые отклонения от норм международного права. Однако, в отличие от Войны-продолжения, в Зимнюю войну серьезных нарушений прав пленных зафиксировано не было. Мною, например, не было обнаружено ни одного случая расстрела финнов при пленении, как это было в 1941–1944 гг., когда финских военнопленных расстреливали нередко на этапе транспортировки к местам сбора и после получения от них необходимой информации.

В российских и финских архивах мною были обнаружены документы, подтверждающие расстрелы финских пленных военнослужащих частей погранвойск НКВД СССР. Так, во время рейда в тыл финнов 2 сентября 1941 года в районе поселка Куоску (Кандалакшское направление) разведчики 101 отдельного стрелкового пограничного полка захватили в лесу мужчину и девушку 15–16 лет, собиравших ягоды. После короткого допроса, в ходе которого им задавались вопросы об отношении гражданского населения к войне, продовольственном положении в

¹ Личный архив Р.Никкиля.

стране, расположении финских и немецких гарнизонов, о взаимоотношениях между финнами и немецкими солдатами, «задержанные Алатало и девушка¹ в 22.00 2.09.41 были расстреляны в лесу и запрятаны, так [как] в предвидении предстоящих действий забрать их с собой не могли, отпуск на свободу грозил срывом операции»². Подобное объяснение неправомерных действий в отношении гражданского населения особенно часто встречается в 1942–1943 гг. в отчетах о проведении боевых операций партизанскими отрядами. Причем приказы о расстрелах давались на уровне Штаба партизанского движения Карельского фронта.

Другим примером таких действий является информация, имеющаяся в разведсводках 72 пораничного отряда за период с 21 июня по 21 сентября 1941 года. В ней, в частности, отмечалось, что в расположение отряда 23 июля возвратился пограничный наряд под командой ст. лейтенанта Гужевникова. Это подразделение патрулировало участок государственной границы с 30 июня 1941. В результате столкновения с противником в районе Варталамбино ими был захвачен в плен капрал финской армии³. В документе констатировалось, что «наряд Гужевникова, находясь в пути с 1.7 по 23.7.41 г. без продуктов ослабел. 15.7. на берегу реки Кума (кв.6408) пленный был им убит»⁴.

Не оправдывая эти действия, необходимо тем не менее отметить, что подобные случаи не были массовыми и, скорее, были вызваны сложившейся обстановкой. Многие пограничные заставы действовали в окружении, пробивались с боями в расположение своих войск, поэтому в некоторых случаях к военнопленным вынужденно применяли излишне жестокие меры. Стоит еще учитывать и тот факт, что в начальный период советско-финляндской войны 1941–1944 гг. военнопленных было крайне мало и они представляли собой большую ценность с точки зрения получения от них информации о противнике. Таким образом, расстрел пленного мог быть вызван только чрезвычайной ситуацией. Что касается приведенного выше случая, мою мотивировку подтверждает и тот факт, что капрала пытались вывести в расположение частей 72

¹ Фамилия не указана.

² Архив Sotavangit г.у.

³ Фамилия не указана.

⁴ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 203. Л. 26.

погранотряда на протяжении почти недели и убили из-за того, что у пограничников не было продовольствия.

Анализ приказов и распоряжений Штаба партизанского движения (ШПД) Карельского фронта позволяет сделать вывод о том, что во время Войны-продолжения партизанские отряды также получали указания об уничтожении военнопленных после получения от них необходимой информации. Так, например, в 1942–1944 году некоторые отряды получали боевые приказы, в которых был следующий пункт: «Захваченных пленных: рядовой состав – после тщательного допроса и выяснения всех интересующих вопросов уничтожать, особо важный офицерский состав – после допроса немедленно доносить (так в тексте. – Д. Ф.) по радио в штаб, указав возможное место посадки гидросамолета для вывозки пленного в наш тыл»¹.

Впрочем, такие распоряжения отдавались не всегда. Достаточно часто в приказах ШПД строго указывалось на необходимость захвата и, что немаловажно, доставки в тыл военнопленных финской армии. Нередко и сами партизаны нарушали отданные им ШПД распоряжения и выводили в тыл солдат финской армии, проходя с боями многие сотни километров. Так, например, партизанский отряд «Железняк», совершив почти трехсоткилометровый рейд, доставил на советскую территорию двоих пленных – Тойво Мартикайнена и Мауно Кикконена². В противовес этому в отношении советского гражданского населения, оставшегося на оккупированной территории, нередко отдавались несколько другие распоряжения: «население, проживающее в деревнях, вывести в наш тыл, при сопротивлении уничтожить»³.

В протоколах допросов финских военнопленных советские следователи и военные дознаватели часто делали упор на аналогичные неправомерные действия, которые совершали и финские солдаты в отношении советских военнопленных, находясь в тылу советских войск. В качестве примера приведем выдержку из протокола допроса военнопленного Матсинена Вилхо⁴, солдата

¹ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 386. Л. 95.

² КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 627. Лл. 33, 34.

³ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.

⁴ Matsinen Vilho Vasili, родился 02.12.1922 в Салми, рядовой Ег. Р4. Попал в плен 29.03.1944 в Суопасалми. Осужден в СССР, приговорен к 15 годам заключения. Вернулся в Финляндию 08.08.1955.

диверсионно-разведывательного батальона Генерального штаба финской армии, о полученной установке: «Поход – январь 1944 года... Если захваченные пленные будут иметь лыжи – привести их с собой, в обратном случае допросить и уничтожить на месте»¹.

Подобные сведения содержатся и в воспоминаниях некоторых других бывших солдат финской армии. Есть также документы, собранные специальными комиссиями подразделений Карельского фронта, в которых зафиксированы случаи издевательств, пыток и расстрелов пленных военнослужащих Красной Армии. Так, например, «...пленный солдат Кайвула² показал, что он видел несколько русских пленных, из них двух офицеров. Один офицер на допросе в штабе полка отказался отвечать на вопрос. Его вывели за 200 метров и расстреляли. Второй офицер, лейтенант, был ранен в ногу, на допросе вообще ничего не отвечал, его отправили в штаб дивизии за 10 км., хотя он и был тяжело ранен»³.

Проявлявшуюся иногда жестокость к военнопленным и к гражданскому населению советская сторона оправдывала спецификой боевых действий: удаленностью партизанского отряда от места дислокации, при которой ему нельзя было отдать верный приказ; необходимостью далее выполнять основную задачу, поставленную перед отрядом, при которой военнопленные были обузой; предотвращением оповещения военных властей о местонахождении отряда попавшими в плен, а значит, защитой жизнью партизан.

Но история и историки свидетельствуют, что всегда находятся (если они кому-нибудь нужны) моральные и иные оправдания неприятного явления, что при констатации какого-либо исторического факта, не вписывающегося в выбранную концепцию, можно найти аргументы, которые позволяют заявить: «Это частность,

¹ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 634. Л. 68.

² Так в документе. Правильное имя – Kaivola Arvo Onni Alekski, родился 22.08.1909 в Локалаhti, капрал 9./JR 56, попал в плен 27.07.41 в районе Суоярви, умер в СССР 16.06.42 года.

³ «Акты, копии актов, протоколы допросов о фактах злодеяний захватчиков над пленными красноармейцами, партизанами и мирными жителями Карелии, условия содержания в финских концлагерях». ГАОПДФК Ф. 8. Оп. 1. Д. 1129. Л. 8. Кроме того, см.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФСР: Сб. документов. Петрозаводск, 1945; О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944; Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944.

всего лишь зигзаговый эпизод, а не закономерность. Это исключение из правил, и этому не нужно придавать большого значения». И так далее, и тому подобное.

Впрочем, Вторая мировая война была отнюдь не малым локальным конфликтом, при котором в ходе вялого ведения боевых действий можно было, да и то с трудом, выполнить все и в полном объеме правила и требования Гаагской и Женевской конвенций, которые в то время регулировали взаимоотношения государств и военнопленных. Подобные нарушения международного права допускали все страны, вовлеченные в это вооруженное противостояние. Ни СССР, ни Финляндия, ни Германия, ни Великобритания, ни США не были исключением. Расстрелы военнопленных были, как ни цинично это звучит, довольно «обыденным явлением» во время войны. Все воюющие страны сталкивались с этим. Поводов, предлогов, причин было множество, и я назвал лишь некоторые из них. Однако я глубоко убежден, что объяснить подобные противоправные действия можно, но оправдать их нельзя.

В заключение я хочу отметить, что в советской пропаганде, направленной *на все* население Советского Союза, не был создан образ финна как главного врага. Да – враг, но враг второстепенный, ничем не отличающийся от итальянцев, румын или венгров и других союзников Германии. Только в Карелии и Ленинграде (т. е. в оккупированных и близких к линии фронта районах, где действовали финские войска) у населения было сформировано такое представление о финнах. Отсюда и известные нам случаи проявления жестокости к пленным. В тылу отношение к ним было более лояльным.

В противовес этому в Финляндии был сформирован образ русского как врага, покусившегося на территориальную целостность и независимость страны, которому надо дать решительный отпор. В отличие от СССР, где настроения родственников и друзей в тылу нередко влияли на сдачу в плен и поведение в плену (это отчетливо проявилось во время Великой Отечественной войны в РККА, когда на сторону немцев и их союзников переходили целые подразделения Красной Армии), Финляндия не столкнулась с такой проблемой в больших масштабах. Естественно, существовали исключения: перебежчики, т. е. люди, которые имели цель, желание и долго вынашивали планы перехода на сторону противника. На основании всех изученных мною источников можно сделать вывод, что настроения гражданского населения и его отношение к событиям

Войны-продолжения никак не влияли на решение военнослужащих финской армии сдаться в плен. Ни в одном из имеющихся в моем распоряжении протоколов допросов финских военнопленных нет даже намек на то, что кто-либо из них сдался в плен под влиянием этих обстоятельств. Дезертирство – да, уклонение от службы в армии – да, но сдача в плен – нет. В этом, пожалуй, заключалось существенное различие между отношением к войне в СССР и Финляндии.

Таким образом, я считаю правомерным заявить следующее. Сдача в плен – это сиюминутное, сиюсекундное решение каждого военнослужащего (будь то финн или русский), которое он принимает под влиянием различных обстоятельств. Часто солдату приходилось выбирать: умереть сейчас или пытаться сохранить себе жизнь, сдавшись в плен врагу. Пленение, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, с моей точки зрения, это не преступление и не позор. Большая часть финских и советских солдат принимали решение сдаться в плен именно под угрозой неминуемой смерти. Естественно, в любой ситуации могут быть исключения, как, например, перебежчики – люди, которые имеют цель, желание и, иногда, достаточно долго вынашивают планы перехода на сторону противника. Однако в общем и целом таких людей в Финляндии оказалось не так много, как на это рассчитывал Советский Союз.

И последнее. Говоря о финских военнопленных в СССР, необходимо подчеркнуть, что Советское государство старалось и многое сделало для того, чтобы не усугублять чрезвычайно трудное положение, в которое попали военнопленные в ходе невиданной по проявлениям жестокости, зла и насилия Второй мировой войны. О целенаправленной политике геноцида в отношении финских военнопленных говорить нельзя, мы не имеем права не учитывать объективные условия действий правительств Финляндии и СССР во время войны, которую фашистская Германия, отбросив все цивилизованные нормы международного права, вела на полное уничтожение многих европейских народов.

А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков
Образ Финляндии в советской прессе
«хрущевского десятилетия»

*«Наши страны – близкие соседи, кажется,
встань на носки – и увидишь, что делается
по ту сторону границы».*

В.Маркин. С позиции убогого интеллекта

Эпоха в истории СССР, связанная с именем Никиты Сергеевича Хрущева, интересна не только неожиданными поворотами во внутренней политике, но и поисками политической элитой (партийной, государственной, советской) новых способов взаимодействия с внешним миром, которые обуславливались отнюдь не только стремлением найти выход из тупиковой ситуации, порожденной холодной войной. Нескрываемое стремление к поискам компромисса вовне, пускай и маскируемое традиционной антиимпериалистической риторикой, порождалось осознанием неизбежности осуществления серьезных перемен во внутренней жизни страны. Самым мощным инструментом, имевшимся в распоряжении властей, были средства массовой информации, прежде всего пресса и радио, в значительно меньшей степени – телевидение. Хрущев приобретал власть, в том

© Рупасов А. И., Чистиков А. Н., 2004.

числе над средствами массовой информации, постепенно. По крайней мере относительно для первых двух-трех лет после смерти Сталина не приходится говорить о целенаправленном и активном воздействии Хрущева на публикации в mass media по международным вопросам. Устранение в 1956 г. с поста главы внешнеполитического ведомства В.М.Молотова и назначение главой МИД главного редактора «Правды» Д.Т.Шепилова, еще с 1947 г. плодотворно, с точки зрения политического руководства, работавшего в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)/КПСС, было лишь одним из шагов в этом направлении.

Только в 1957 г., после известных событий, когда значительная часть прежней партийной гвардии и «примкнувший» к ней Шепилов были устранены с политической сцены, последовал целый ряд серьезных кадровых перемещений на дипломатических постах и в редакциях центральных газет. На пост главного редактора «Известий» в 1959 г. пришел из «Комсомольской правды» зять Хрущева А.И.Аджубей. Преемником Шепилова на посту главы внешнеполитического ведомства стал А.А.Громыко, его первым заместителем был назначен не профессиональный дипломат, а близкий Хрущеву партийный функционер Н.С.Патоличев¹. Эти перестановки свидетельствовали о том, что находившаяся прежде на периферии забот Первого секретаря ЦК КПСС сфера внешней политики стала приобретать для него приоритетный характер². Именно при Хрущеве зарубежные визиты государственных и партийных деятелей и соответствующее их медийное обеспечение, не в пример предшествующей эпохе, стали обычным явлением.

Насколько бы сильным ни было пренебрежительное отношение на Западе к утверждениям советских дипломатов о наличии в СССР общественного мнения по тем или иным международным проблемам, пренебрегать которым советское руководство не может, на практике для власти и редакторов советских газет подача международной информации для широких читательских кругов порождала массу проблем. Далеко не самой серьезной из них был дефицит квалифицированных кадров журналистов. Наиболее трудным был поиск приемле-

¹ Н.С.Патоличев до этого был первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. В 1956 г. он был назначен одним из заместителей министра иностранных дел; в своих выступлениях в «Правде» он не раз останавливался на советско-финляндских отношениях. – См., напр.: Правда. 1960. 9 марта; Там же. 1960. 16 марта.

² Насколько внешнеполитическая активность Хрущева стимулировалась внутривнутриполитической ситуацией до сих пор остается темой мало изученной.

мой формы подачи материала, сочетавшей в себе традиционную риторику (скрыто или явно поясняющую цели советской политики и презумпцию ее невиновности в возникающих на мировой арене конфликтных ситуациях) информацию (неизменно сводимую к такому минимуму, который не позволяет читателю делать самостоятельно политически некорректные выводы) и учитывавшей прежде уже сформированные у населения представления, резкое разрушение которых считалось как неуместным, так и невозможным. В последнем случае наиболее характерными примерами являются как раз Финляндия и расчлененная Германия.

Иными словами, советская пресса из нескольких своих ролей (прежде всего – носителя и интерпретатора информации) вынуждена была довольствоваться почти исключительно ролью творца образов. Создание образа, как одна из задач или целей – в зависимости от конкретной ситуации – политической пропаганды, само по себе исключает необходимость использования и передачи сколько-нибудь обширной информации, поскольку образ является объектом вовсе не понимания, а эмоционального восприятия (неопределенность его содержательной стороны не позволяет ему быть объектом понимания, образ интерпретируется и осмысливается). Минимальность информации только способствует целостности создаваемого образа и создает возможность для «творческого» манипулирования общественным сознанием¹.

Данная статья посвящена частному вопросу – образу Финляндии в советской прессе в годы «хрущевского десятилетия» (1953–1964) – точнее, процессу постепенного формирования образа Финляндии как друга Советского Союза. Стоит оговориться, что завершение этого процесса выходит за указанные выше хронологические рамки. В упомянутый же период (своего рода эпоху незавершенностей в истории СССР) процесс был лишь начат. Он имел свою специфику: осознанная властью потребность в отказе от некоторых стереотипов прошлого и поиск новых способов взаимодействия с миром наталкивались на реалии двусторонних отношений. Разница между желаемым и наличным оказалась разочаровы-

¹ «В славянских языках имя *образ* одного корня с глаголом резать: вырезать что-либо значит придавать субстанции форму (...) в “образе” форма и ее содержание не разделены связкой. Они не могут претерпевать взаимозависимое развитие» (Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 314–315).

вающей для политического руководства СССР. На президента Урхо Калева Кекконена в этот период еще не была возложена советской прессой высокая роль символа советско-финляндской дружбы и гаранта незыблемости добрососедских отношений¹. С другой стороны, обращает на себя внимание стилистика публикаций: полное отсутствие метафор в текстах, которые были нередки в предшествующие времена и использовались в качестве одного из средств восполнения пробелов в логике. Объяснение этому, пожалуй, стоит искать не в повысившемся чувстве гражданской ответственности журналистов и редакторов изданий, а в зыбкой атмосфере неопределенности, созданной чередой крупных событий (некоторые из которых были потрясениями для советского человека), когда на вопрос «что дальше?» власть, в конце концов, была вынуждена ответить программой построения коммунистического общества за двадцать лет².

В качестве источников были использованы центральные газеты («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета») и некоторые местные издания («Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград»), а также журналы «Новое время» и «Международная жизнь». Следует заметить, что процесс формирования в советской прессе образа Финляндии в значительной мере обуславливался осознанием на рубеже 40–50-х гг. политическим руководством СССР ограниченности своих ресурсов (экономических, политических, культурных), не позволявшей изначально гарантировать на длительную перспективу желательное развитие отношений с Финляндией³.

¹ Символично, что лишь за месяц до того, как звезда Хрущева закатилась – в сентябре 1964 г. – был подписан указ о награждении Кекконена орденом Ленина за заслуги в деле развития добрососедских отношений. Награда, однако, была вручена ему лишь в конце декабря, во время визита в Финляндию Микояна, что в какой-то мере знаменовало наступление новой стадии в двусторонних отношениях.

² Читая советскую прессу 50-х годов трудно избавиться от впечатления, что именно тогда должен был Станислав Ежи Лец написать: «Человек! Мир распахнут перед тобою. Не вылети!».

³ Примером того, что для подачи информации о Финляндии было характерно замалчивание ограниченности политического влияния СССР на эту страну, служат публикации о формировании правительства осенью 1952 г.: тогда в финских политических кругах обсуждался вопрос о предоставлении одного из министерских портфелей социал-демократу В.Лескинену. «Правда» в связи с этим выступила 26 ноября с крайне резкой публикацией. Однако когда назначение Лескинена все же состоялось, каких-либо сообщений об этом не появилось.

Вместе с тем на этот процесс оказывали сильное влияние как сформированные у советского читателя за предшествующие три десятилетия представления об этой стране, так и память нескольких поколений. Этот процесс формирования образа Финляндии в интересующий нас период времени почти полностью исключал такой важный компонент, каким являются накопленные впечатления от личного восприятия соседней страны – впечатления тех немногих, кому доводилось посещать эту страну, оставались, как правило, неизвестными широкой публике¹. Мизерность информации о Финляндии в советской прессе (об Албании в 50-е гг. на ее страницах подчас писали больше), на радио и телевидении² была обусловлена не только тем, что ее расширение могло подталкивать читателя к опасным политическим выводам, но и тем, что она являлась принципиальной основой «управления» всей внутривнутриполитической жизнью страны.

Политические последствия так называемой войны-продолжения (1941–1944) для Финляндии в первые послевоенные годы расценивались руководством Советского Союза не как потенциально, а именно как актуально весьма выгодные для интересов СССР. Внешнеполитическая ориентация соседа СССР на Севере Европы считалась predeterminedенной на длительную перспективу³. Последующий период показал, однако, что даже заключение в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи и данное в 1955 г. согласие отказаться от аренды под военную базу территории Порккала-Удд не превратили потерпевшую поражение в войне страну в безоговорочного союзника Советского Союза. Возможности последнего в оказании воздействия на внутривнутриполитические про-

¹ Редким исключением являлись три публикации заметок Я.Пановко об автопробеге по дорогам Финляндии, опубликованные в «Ленинградской правде» (1958. 24 сент., 25 сент., 26 сент.). О них см. ниже.

² Впервые в общесоюзном масштабе такая информационная акция была предпринята в конце ноября 1955 г., когда по радио полностью, а по телевидению частично транслировалось ставшее уже традиционным ежегодное торжественное собрание в Колонном зале, посвященное советско-финляндской дружбе. В его подготовке были задействованы Всесоюзное общество культурных связей (ВОКС), ВЦСПС и Министерство культуры.

³ В марте 1947 г. посланник СССР в Швеции И.Чернышев в своем отчете отмечал, например, что шведское социал-демократическое правительство в общем примирилось с тем, что «внешняя политика Финляндии отныне не может идти путями, отличными от внешней политики СССР».

цессы в Финляндии оказались сильно ограниченными. Ярким примером тому, что напоминания о необходимости учета печального опыта прошлого утрачивали силу и не приносили желаемых результатов, стало возвращение в большую политику В.Таннера, человека, которого в Москве еще с 20-х гг. считали своим злейшим врагом¹. Возвращение в политику осужденного военного преступника, который, как выяснилось, не утратил за годы пребывания в тюрьме своего авторитета (и не только в кругах социал-демократии), было символическим. Стоит отметить, что советская пресса, как правило, избегала прямых упоминаний об использовании Советским Союзом этих, пусть и ограниченных, возможностей оказания давления на правительство Финляндии. О том, что о них в Москве, однако, не забывали, советскому читателю предпочитали сообщать через советскую прессу устами финнов².

Весной 1951 г. в советско-финляндских отношениях была преодолена та фаза напряженности, которая длилась более двух лет. Одними из ее частных проявлений стали отказ от приглашения финских дипломатов на торжества, связанные с празднествами в 1949 г., посвященными «Калевале»³, воздержанность представителей советской стороны при посещении приемов в финском посольстве и резкая критика в советской прессе и на радио правительства

¹ Решение амнистировать осужденных в качестве военных преступников Р.Юти, В.Таннера, Э.Линкомиса, Т.М.Кивимяки и др. президент Паасикиви принял на заседании Государственного совета еще в мае 1949 г., записав в дневнике: «Об этом никаких сведений прессе не дано, но, разумеется, это станет известно» (J.K.Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Toinen osa. Helsinki, 1986. S. 16). Этот акт внес свою лепту в охлаждение отношений с Москвой.

² Так, в конце 1958 г. в СССР была в сокращении перепечатана статья члена Аграрного Союза Калерво Сиикала, который, критикуя «твердолобых», сделавших немало для ухудшения советско-финляндских отношений, отмечал, что у них «не хватает смелости выйти вперед и ответить за то, чего они добились. Наоборот, на линии Паасикиви-Кекконена вновь наблюдается толкучка, словно у бомбоубежища во время воздушной тревоги». Для советского читателя особое значение приобретала имевшая явно двусмысленный характер фраза автора статьи, что «развитие международных событий поставило Финляндию в трудное положение, в котором вопрос о соблюдении линии Паасикиви-Кекконена требует большего, чем словесные признания. Для этого требуются смелые, искусные и перспективные решения, в которых неизменно учитывались бы жизненно важные интересы нашего народа» (Финская газета об отношениях между Финляндией и СССР // Международная жизнь. 1958. № 12. С. 131–133). «Словесность признаний» volens-polens должна была подчеркивать весомость опасений, высказывавшихся в советской прессе в отношении деятельности враждебных сил в Финляндии.

³ В связи со столетием появления окончательной редакции этого эпоса (1849).

Финляндии во главе с К.-А.Фагерхольмом. Эта критика несколько ослабела после формирования в марте 1950 г. правительства У.К.Кекконена и встречи финляндского премьера в середине июня с И.В.Сталиным. Впрочем, критические выпады полностью не исчезли со страниц печати, хотя из них были устранены прежде характерные для нее грубые выпады. Тем не менее именно в этот период начинает постепенно складываться то отношение к соседу на Севере Европы, которое один из финских дипломатов называл «латентным дружелюбием». Поворот в отношении Финляндии, происходивший постепенно в 1951–1952 гг., осенью 1952 г. привел к формулированию советским руководством тех общих подходов, которые расценивались в Европе как намеренная демонстрация готовности СССР к равноправному сотрудничеству даже с государствами, которые не относились Москвой к странам народной демократии¹.

На визит осенью 1952 г. в Финляндию советского министра внешней торговли Кумыкина возлагалась особая задача: он должен был способствовать закреплению наметившейся в двусторонних отношениях тенденции. Однако Советский Союз явно не стремился на этом этапе к тому, чтобы Финляндия в системе международных отношений на Севере Европы заняла положение, характеризующееся исключительной особостью связей с СССР: в таком случае тренд Швеции в сторону Запада приобрел бы более заметные очертания, что неизбежно повлекло бы изменение всей геополитической ситуации в регионе Балтийского моря.

После смерти Сталина происходившие в Финляндии внутривнутриполитические процессы оценивались советской прессой как вызывающие вполне оправданную настороженность². Фактически эта оценка являлась лишь развитием заявления главы советского правительства Г.М.Маленкова. В августе 1953 г. на заседании Вер-

¹ Примечательно, что в это же время вышла из печати более чем бедная по содержанию книга Д.И.Архипова «Финляндия».

² Финская печать о статье «Закулисные махинации врагов советско-финляндской дружбы» // Известия. 1953. 8 нояб. (Упомянутая в названии статья была опубликована в «Известиях» 1 ноября). Поводом для публикации послужили переговоры руководства социал-демократической партии с лидерами коалиционной партии по вопросу о формировании нового правительства. Приход к власти правительства Сакари Туомио оценивался как «вовлечение Финляндии в водоворот западного военного союза». (Известия. 1953. 18 нояб.).

ховного Совета СССР он в своем докладе подчеркнул, что «необходимо неуклонное проведение в жизнь договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи не только нашим Правительством, но и Правительством Финляндии»¹. Это «...но и...» предопределило настороженную сдержанность прессы в оценке степени дружественности Финляндии в отношении СССР. Эта сдержанность сохранялась на протяжении всего хрущевского десятилетия. Время от времени появлявшиеся на страницах центральной партийной и советской печати утверждения о том, что с каждым годом укрепляются дружественные отношения между народами СССР и Финляндии (что находит поддержку подавляющего большинства финского народа)² удивительным образом соседствовали с более часто появлявшейся информацией о неких антисоветских «неугомонных писаках»³, «реакционных силах»⁴, оживлении деятельности союза офицеров запаса⁵, «недоброжелательных политиках», «раскольниках» в рабочем и молодежном движении, а также о «ренегатах»⁶, которые руководствуются «узкими и корыстными устремлениями»⁷ и пр. Иными словами, категория активно действующих недоброжелателей Советского Союза постоянно пополнялась, что служило, с одной стороны, косвенным объяснением затянутости процесса становления дружественных двусторонних отношений, а с другой, ставило вопрос о причинах, тормозивших расширение круга сторонников развития этих отношений.

У советского читателя, интересующегося проблемами мировой политики и международных отношений, невольно должны были возникать многочисленные вопросы. Почему «обладающих чувством трезвого реализма» послевоенных политических деятелей

- 1 Правда. 1953. 9 авг. Речь Г.М.Маленкова на заседании Верховного Совета СССР. Заметим, что Посольство Финляндии в Москве в своих докладах, пожалуй, излишне оптимистично оценило заявление Маленкова.
- 2 Известия. 1955. 4 дек., 1958. 19 авг.; Правда. 1953. 19 сент., 1958. 6 апр., 1959. 6 апр., 1960. 6 апр.; 1960. 10 апр.; Комсомольская правда. 1963. 11 янв., 10 февр., 27 марта; Ленинградская правда. 1959. 29 апр., 1961. 6 апр.; Вечерний Ленинград. 1962. 7 мая.
- 3 Литературная газета. 1958. 23 сент.
- 4 Известия. 1958. 24 сент.; Ленинградская правда. 1959. 27 сент.; Там же. 1961. 6 апр. Правда. 1953. 17 апр.
- 6 Под последними, напр., имелись в виду Туоминен (автор книг «Путь серпа и молота» и «Кремлевские колокола») и Рантанен (книга «Я шел по пути коммунизма»).
- 7 Рысаков П. Это нельзя игнорировать // Известия. 1958. 25 окт.

Финляндии, учитывавших «печальный опыт прошлого»¹, оказывалось так немного? Почему экономические выгоды от сотрудничества с СССР не устраняют вероятности отказа Финляндии от линии Паасикиви-Кекконена²? Почему в Финляндии к власти приходят правительства, политика которых вызывает тревогу в Москве³? Насколько уместно говорить о дружественных отношениях двух народов, если такому государственному и партийному деятелю СССР и переводчику «Калевалы», как О.В.Куусинен, отказывают во въездной визе, не забывая его уже весьма отдаленное революционное прошлое⁴? Внимательный читатель не мог не обратить внимания также на то обстоятельство, что на страницах печати одновременно могли появляться весьма различные, так сказать, «количественные оценки» «лагеря врагов» СССР. «Кучка занятых возней реакционеров»⁵ неожиданно могла разрастись до влиятельных кругов буржуазии и социал-демократии⁶.

В целом внутривнутриполитическая жизнь в Финляндии освещалась в советской прессе крайне скупо. Информация носила фрагментарный характер. Политический ландшафт этой страны для советского читателя оставался размытым⁷. Позиции политических партий

- 1 Юрьев Г. Дорожить дружбой и сотрудничеством соседа // Известия. 1958. 19 сент.
- 2 Финская реакция захватывает важные позиции в парламентских комиссиях // Известия. 1958. 24 сент. (В комиссию по иностранным делам тогда вошел В.Таннер, а кандидатом в члены комиссии стал Туоминен, как его охарактеризовали в газетной публикации – «специализировавшийся на антисоветской пропаганде»).
- 3 Голощубов Д. Правительственный вопрос в Финляндии и домогательства правых кругов // Известия. 1958. 13 авг.
- 4 Известия. 1958. 31 авг. Заметим, что тема толерантности в международной политике, в том числе в таком ее аспекте, как восприятие друг друга представителями политических элит разных государств, требует особого рассмотрения.
- 5 Отношения добрых соседей. 12 лет договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи // Правда. 1958. 6 апр.
- 6 Куусинен Х. 40 лет КПФ // Правда. 1958. 30 авг.
- 7 Мы отнюдь не утверждаем, что использование «эффекта тумана» при подаче информации о Финляндии являлось чем-то необыкновенным, характерным исключительно для эпохи «хрущевского десятилетия». В связи с этим уместным будет привести наблюдение одного из крупнейших отечественных филологов – Н.Д.Арутюновой: «Русскому дискурсу присуща своего рода «клаустрофобия» – боязнь пространства, замкнутого конкретной и полностью эксплицированной информацией... Факты утрачивают определенность и вместе с тем приобретают дополнительную значимость, вытекающую из их неокончателности»: Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С. 816. Собственно, именно это умение придавать фактам «неокончателности» должно было служить критерием пригодности журналиста в глазах власть предержащих.

по насущным социальным проблемам не затрагивались. Даже о Демократическом союзе народа Финляндии (ДСНФ), о котором советская пресса отзывалась пусть и с формальной, но теплотой, у читателя могло сложиться лишь весьма туманное представление¹. За все 50-е годы в печати упоминалось не более десятка имен государственных и политических деятелей Финляндии, из которых лишь трое-четверо изображались как основные радетели за развитие отношений с Союзом, – У.К.Кекконен, Ю.К.Паасикиви, В.Песси, Х.Куусинен. Читателю приходилось довольствоваться неизменно присутствовавшим обезличенным противопоставлением – народ и широкая общественность *versus* государственные и политические деятели («шумливая клика воинствующих политиканов»). Первые выступали в газетных публикациях в роли некоего монолитного единства, на которое по неведомым причинам могли не обращать особого внимания вторые. Это, впрочем, не преподносилось прессой как в 20–30 гг. в качестве доказательства некой ущербности демократии в Финляндии. Критические замечания по поводу политической системы Финляндии, в отличие от довоенных времен, не допускались.

Характерной чертой практически всех публикаций в прессе было наличие в явной или скрытой форме тезиса о том, что с советской стороны для создания атмосферы «добрых соседских отношений» сделано буквально все, и что дело остается исключительно за правительствами Финляндии. Под этим «все» читателю предлагалось понимать исключительно выгодную для Финляндии (с точки зрения советского политического руководства) торговлю, а также отсутствие огромных затрат на военный бюджет («необремененность военными расходами»; особо подчеркивалось, что в период холодной войны для всех без исключения европейских государств затраты на оборону являлись серьезной экономико-политической проблемой). На фоне встречавшихся упоминаний о серьезных экономических и социальных проблемах Финляндии (особенно в конце 50-х гг.) и неизменно присутствовавших сен-

¹ Иногда информация о ДСНФ в советской прессе фактически превращала эту политическую организацию в аналог Общества дружбы. Так, «Правда», сообщая 29 мая 1953 г. о заседании правления ДСНФ акцентировала внимание читателя на принятой резолюции: «Пусть растет и крепнет союз рабочих, крестьян и интеллигенции (...) во имя укрепления дружбы между Финляндией и Советским Союзом».

тенциях об оживлении антисоветских и реакционных сил, упомянутый тезис определенно утрачивал в глазах внимательного читателя свою весомость: из публикаций в прессе становилось как-то само собой разумеющимся, что взаимовыгодная торговля с СССР не спасала экономику Финляндии от серьезных кризисных явлений, наличие же последних способствовало ослаблению позиций просоветски настроенных кругов. Более того, само стремление к развитию торговли с Финляндией неизбежно представляло как некая плата советской стороны за отказ соседа от прозападной внешнеполитической ориентации. Невольно напрашивался вывод, что плата была недостаточно весомой.

Публикации на страницах советской печати более создавали впечатление заинтересованности СССР в развитии отношений с Финляндией, чем наоборот. Причины не скрывались: признавалась исключительная важность военно-политической составляющей для двусторонних отношений, обуславливающей готовность Москвы идти на выгодное для Финляндии хозяйственное сотрудничество. Запись председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, сделанная в книге посетителей музея Ленина в Тампере в 1960 г. (музей – «символ нерушимой дружбы финского и советского народов»¹), а также его выступление на 12 съезде Компартии Финляндии, в котором в очередной раз упор был сделан на понимании «взаимной выгоды» добрососедских отношений народом Финляндии, служили косвенным признанием живучести в памяти народа этой страны событий совсем еще недавнего прошлого. Сам народ Финляндии при этом устаивался, как правило, лишь одной характеристикой – трудолюбивый. Это качество, с учетом неизменно повторяющихся напоминаний о выгоды хороших отношений с СССР (что народ-труженик хорошо понимал), имплицитно подразумевало другое важное качество – прагматичность, тем самым низводя «дружбу» до «расчета».

Несмотря на обилие тревожных тонов в публикациях советской прессы на политические темы, которые лишь отчасти компенсировались довольно частыми, хотя и скупыми сообщениями о развитии двусторонних культурных связей, в период «хрущевского десятилетия» информация о Финляндии не создавала у советского

¹ Правда. 1960. 21 апр.

читателя образа соседней страны, развитие отношений с которой относится к советским внешнеполитическим приоритетам. Эта информация скорее способствовала созданию облика страны, которая с опаской глядит на протягиваемую ей дружескую руку, которая раздражается внутренними противоречиями, страны, в которой мощные, казалось бы, силы, выступающие «за мир во всем мире» и сотрудничество, никак не могут одержать верх: максимально, чего они могли однажды добиться на парламентских выборах – получить чуть более четверти депутатских мест. Для 50-х гг. в целом характерно то, что публикуемая информация скорее должна была способствовать созданию у советского читателя образа Финляндии как крайне трудного внешнеполитического партнера, который, несмотря на свое поражение в войне, осмеливается не отказываться от мыслей о возвращении утраченных территорий¹. Даже в конце 50-х гг. советский читатель не без удивления должен был констатировать, что в Финляндии все еще под вопросом находится соблюдение линии Паасикиви-Кекконена².

В связи с этим следует обратить внимание на то, что фактически Финляндия к рубежу 50–60-х гг. рисовалась не столько как дружественная Советскому Союзу страна, сколько как нейтральная. Советская пресса именвала дружественными и миролюбивыми на Балтике только три государства: СССР, Польшу и Восточную Германию. Правда, Финляндия представала как потенциальный друг на международной арене. Однако нейтральность Финляндии, о которой с трибуны XX съезда КПСС в 1956 г. заявил Первый секретарь партии Н.С.Хрущев, у читателя, которому ежегодно, в том числе и в начале 60-х гг. настойчиво напоминали об историческом значении Договора 1948 г., не могла не вызывать недоумения: этим договором, например, предусматривалось при возникновении определенных условий проведение двусторонних

¹ См., напр.: Новое время. 1956. № 28.

² Международная жизнь. 1958. № 12. С. 133. В этом году количество негативных публикаций о Финляндии значительно возросло. О резком неприятии некоторых событий в этой стране свидетельствовал язык публикаций. Так, «Литературная газета», возмущенная «отменой запрета на антисоветскую литературу» министерством просвещения Финляндии, устами В.Маркина заговорила об убогом интеллекте не угомонившихся писак. (Литературная газета. 1958. 23 сент.).

военных консультаций и оказание военной помощи¹. На фоне звучавших в то же время упреков в сторону другого государства на Балтике – Швеции, которую нередко клеймили как недостаточно нейтральную страну, подобного рода обязательства как условие отнесения к плеяде нейтральных государств, с одной стороны, вносили в критику Стокгольма элемент лицемерия, а с другой, размывали границы самого концепта «нейтралитет».

В редакционной политике советских газет в подаче материалов о Финляндии имелись определенные различия. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 50-е годы редакционная политика «Известий» строилась на том, что публикация благожелательной информации о Финляндии едва ли не в обязательном порядке «уравновешивалась» появлением материалов негативного характера. Если, например, сообщения о нахождении в СССР делегации во главе с председателем эдускунты в июле-августе 1954 г. подавались в благожелательном плане, то одновременно с этим следовала перепечатка из левой финской газеты «Tuökansan sanomat» о подозрительном «интересе» американских дипломатов к Северной Финляндии. Сообщалось, что военно-воздушный атташе США 3 августа прибыл на американском военном самолете в Вааса, откуда его повезли на финский военный аэродром: «Финские офицеры являлись его послушными проводниками при ознакомлении с военными тайнами нашей страны».

Основной акцент публикаций в «Известиях» (в данном случае речь не идет об официальных сообщениях) делался на взаимной выгоде двустороннего сотрудничества. Последняя понималась почти исключительно как сотрудничество в экономической сфере. Взаимодействие в области международной политики относилось к области возможного, но не реализованного. Имевшим место контактам в военной сфере намеренно (и, скорее всего, к удовлетворению обеих сторон) придавался подчеркнuto формальный характер. Последнее обуславливало, например, предельную скупость информации о визите в Москву и Ленинград финской военной

¹ Стоит отметить, что позже – с 1971 г. в советских средствах массовой информации Финляндию стали характеризовать как стремящуюся к нейтралитету. Об использовании концепта «нейтралитет» в советском политическом языке в послевоенное время подробнее см.: *Petersson, Bo. The Soviet Union and Peacetime Neutrality in Europe // A Study of Soviet Political Language. 1991.*

делегации в апреле-мае 1956 г. (во главе с генерал-лейтенантом Вяйнё Ойноненем), также, впрочем, и о визите главы военного ведомства Эмиля Скуга. Даже посещение последним крейсера «Авроры» (сам министр еще в 1915 г. был в числе тех финских рабочих, которые занимались ремонтом крейсера) не получило освещения на страницах газет.

«Правда» традиционно оставалась предельно официальной и сухой. Поворот в ее редакционной политике к созданию дружественного образа соседней страны оказался более трудным, чем у «Известий». Стилистика публикаций и в конце 50-х гг. мало отличалась от стилистики 40-х гг.¹ Количество публикаций с негативными оценками внутривнутриполитической ситуации в Финляндии на ее страницах было больше, чем в «Известиях». «Известия», впрочем, в начале хрущевского десятилетия также были весьма далеки от изображения Финляндии в качестве дружественной страны.

Значительные перемены в тональности публикаций в центральной прессе становятся заметны в 1955–1956 гг., когда Хрущев начинает более активно вмешиваться в формирование внешнеполитического курса, что, в частности, привело тогда к нормализации советско-югославских отношений. Именно в 1955 г. возобновились туристические поездки из Финляндии в СССР (поездки советских туристов в Финляндию начались спустя три года – в 1958 г.). Однако события в Венгрии осени 1956 г., всколыхнувшие общественное мнение Европы, снова внесли существенные коррективы². Только с конца лета 1957 г. можно говорить о том, что снова становится заметным стремление через прессу подчеркнуть заинтересованность СССР в развитии отношений с Финляндией. Подчас это приобретало несколько чрезмерный характер. Так, осенью 1957 г. «Известия» опубликовали статью Ореста Евлахова «Национальная опера Финляндии в Ленинграде». Автор, не довольствуясь вполне, вероятно, заслуженным утверждением, что гастролы финских артистов «принесли большую эстетическую радость взыскательным

ленинградским зрителям», заявлял: «советские люди *всегда* с живым интересом следили за развитием культуры финского народа»¹. Откуда у советских людей появились возможности пристально наблюдать этот сложный процесс и что стимулировало это исключительное внимание, Евлахов не пояснял. С другой стороны, каким бы неправдоподобным ни казалось знакомство матросов Балтийского флота с произведениями Майю Лассила и Вяйне Аалтонена, а также их увлечение музыкой Яна Сибелиуса (удивившее финнов во время посещения советских кораблей Хельсинки в 1954 г.)², вполне вероятно, что ко времени визита их, если и не познакомили с некоторыми опусами финского композитора («Грустным вальсом» или симфонической поэмой «Финляндия»), то, по крайней мере, упомянули его имя в ходе занятий по политической подготовке.

В целом образ Финляндии на страницах советских газет 50-х гг. – это образ беспокойной страны, в которой необычайно активны и напористы правые политические круги и примыкающие к ним раскольники рабочего движения из лагеря социал-демократов, а также антисоветски настроенные представители некоторых молодежных организаций. Деятельность этих сил не гарантировала сохранения добрососедских отношений и участия Хельсинки в борьбе за сохранение мира в Европе. В связи с этим интерес, например, вызывает та оценка публичных выступлений председателя исполкома СДПФ В.Таннера, которая была дана 25 августа 1958 г. в «Известиях» в статье «Г-н Таннер в прежней роли»: «Россия всегда была для Финляндии опасным соседом». Пристальное внимание, которое в СССР неизменно уделяли настроениям молодежи, проявилось и в отношении молодежных организаций Финляндии, подача информации о которых была отнесена к «компетенции» «Комсомольской правды»³. Ситуация в молодежном движении в соседней стране, судя по публикациям, вызывала озабоченность: учитывалось, что именно с представителями этого поколения в

¹ См., напр., статью С.Смирнова: Правда. 1958. 23 марта.

² В начале февраля 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждались проекты докладов на шестой сессии Верховного Совета СССР, А.И.Микоян высказал следующее пожелание: «О Финляндии побольше, более мягкие, гибкие выражения давать, в устах Мининдела – гибче». (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А.Фурсенко. М., 2003. С. 228).

¹ Известия. 1957. 14 сент.

² Губарев В. В Финляндию. Из путевого блокнота // Известия. 1954. 12 авг.

³ См.: Комсомольская правда. 1963. 9 янв., 11 янв., 12 янв., 10 февр., 16 марта, 27 марта, 4 апр. Наиболее характерными были публикации: Кузьмин В. «Недоразумения» или линия? О тех, кто мешает дружбе советской и финской молодежи // Комсомольская правда. 1963. 23 марта; Наблюдатель. О дружбе настоящей и мнимых «друзьях» // Там же. 1963. 26 марта; Влашев Я. Снова провал // Там же. 1963. 29 марта.

обозримом будущем придется иметь дело. Напротив, деятельность «старых кадров» финской реакции (имелись в виду политические и военные деятели 30–40-х гг.), несмотря на неизменно негативные красочные эпитеты в советских публикациях, все же в изменившихся политических условиях была предсказуема и, судя по публикациям, особых тревог у Москвы не вызывала.

Советская печать крайне редко позволяла читателю забыть о политике и о том, сколь опасен мир за пределами родины. Однако большинство т. н. «неполитических» публикаций по своей форме представляли собой краткие информационные сообщения о культурных связях. Например, о довольно регулярно проходивших в Москве в 50-е – начале 60-х гг. концертах финских исполнителей. В 1953 г. в Московской консерватории выступал дирижер Арво Айраксинен, в том же году в Колонном зале Дома Союзов выступал дирижер У.Песонен, был проведен концерт из произведений Я.Сибелиуса, а в Финляндию поехала делегация деятелей культуры и артистов во главе с А.А.Сурковым. В 1957 г. в СССР начались гастроли национальной оперы Финляндии, а режиссер-постановщик А.Птушко вместе с финскими коллегами взялся за съемку советско-финского цветного фильма «Сампо» по мотивам «Калевалы»¹. Для читателя в образ соседней страны подобные сообщения ничего не привносили.

Ленинградская пресса на первый взгляд, казалось, должна была быть менее скупой, чем «Правда» и «Известия», на информацию о Финляндии. Однако только в 1958 г. впервые на ее страницах появились материалы, содержание которых позволяло увидеть эту страну. Речь идет о путевых заметках Я.Пановко, принявшего участие в автопробеге по территории Финляндии. Для советского читателя были новостью не только сведения о «щебенчатых дорогах» (!), по которым машина могла легко бежать со скоростью 80 км в час, или о столь высокоразвитом животноводстве, что стакан молока стоил дешевле стакана газированной воды. Приведенные в очерках Пановко описания Хельсинки и Тампере (современного жилищного строительства, устройства уличного освещения и пр.) невольно заставляли читателя сравнивать Ленинград с этими фин-

¹ «Мы не могли отважиться на постановку большого фильма без дружеского сотрудничества с финскими кинематографистами», – признавался советский постановщик (Известия. 1957. 21 авг.).

скими городами¹. Редакция «Ленинградской правды» позаботилась о том, чтобы у читателя не возникло излишне благоприятного представления о Финляндии. О том, что участники автопробега побывали отнюдь не в райских куцах, напоминали разбросанные по тексту упоминания о безработице, дороговизне жилья и проезда в трамвае (вынуждавшего трудящегося пользоваться велосипедом, а не бегущим по рельсам вагончиком), навязчивой и неуместной рекламе². Дополнительные штрихи в образ Финляндии добавили год спустя сообщения о визите А.И.Микояна. В ходе этого визита высокопоставленный советский деятель посетил в Котке Управление народных пенсий, на котором лежала забота о пенсионном обеспечении 400 тысяч человек (1/11 всего населения Финляндии в тот период времени)³. Заметим, что в имевшей более широкое распространение в СССР «Сельской жизни» подобный материал а priori не мог появиться: не нужно гадать, много ли жителей советского села мечтали о таком счастье, как заработанная пенсия.

Гораздо быстрее оправившийся от последствий мировой войны народ Финляндии, хотя и продолжавший испытывать серьезные экономические и социальные трудности, представал со страниц печати прежде всего народом-тружеником, исключительно активно борющимся за свои права. Только в «Ленинградской правде» в марте 1956 г. было помещено 14 материалов о забастовках в Финляндии. Финны рисовались как весьма активный политически, любознательный, честный, миролюбивый, справедливый народ. В качестве иллюстрации такого качества, как справедливость, служили сообщения о том, что пойманные советскими таможенниками на попытке провоза контрабанды финские туристки понесли на своей родине заслуженное наказание⁴.

¹ *Пановко Я.* По дорогам Финляндии. Ленинград-Тампере (первый очерк) // Ленинградская правда. 1958. 24 сент.; Он же. Друзья и враги (второй очерк) // Там же. 1958. 25 сент.

² «Мы стояли на площади и смотрели на изображение нагой девы, через плечо которой, как солдатская скатка, была надета автопокрышка. Сколько ни старался я уяснить, каким образом данная дева содействует распродаже автомобильных покрышек, до меня это так и не дошло»: *Пановко Я.* Когда спускаются сумерки (Третий очерк) // Ленинградская правда. 1958. 26 сент.

³ Ленинградская правда. 1959. 27 окт.

⁴ О «прегрешениях» финских туристов советская пресса сообщала редко // Ленинградская правда. 1961. 21 июня. См. также: Вечерний Ленинград. 1962. 19 янв.

К началу 1960-х гг. в советской прессе происходит т. с. стабилизация «массива клише» в материалах, посвященных Финляндии: от «наличия широкого взаимопонимания» к «стабильным дружеским добрососедским отношениям». К концу хрущевского десятилетия напоминания о досадном для обеих сторон прошлом почти не встречаются. Прокоммунистические симпатии на страницах советской прессы присутствуют, как и прежде, но в гораздо более вуалированной, сдержанной форме. Намеренно подчеркивается заинтересованность Москвы в сохранении Финляндией нейтрально-дружественного внешнеполитического курса. При этом в качестве социальной опоры этого курса предстает не рабочий класс и его авангард – коммунистическая партия, а широкие круги финляндской общественности. Последнее подразумевало возможность сотрудничества с различными политическими партиями, вне зависимости от их внутри- и внешнеполитических программных установок. Все более навязчивой идеей становится подчеркивание прагматизма в двусторонних отношениях – в сфере торгово-экономического сотрудничества. Финляндия настойчиво рисуется как дружественная СССР страна. Наличие противников такого состояния двусторонних отношений («врагов миролюбивого курса советской страны») в лице «реакционных кругов», «воинствующей клики» и некоторых политических и общественных организаций (Представительство молодежных организаций Финляндии (ПМОФ), «правые социал-демократы») перестает оцениваться как сколько-нибудь серьезная угроза.

О. П. Илюха

Меняющийся образ соседа: Финляндия и финны в представлениях жителей Костомукши

Костомукшиский феномен

В приграничном городе горняков Костомукше, построенном в конце 1970-х – начале 1980-х гг., сложилась уникальная ситуация. Здесь бок о бок с советскими рабочими в течение нескольких лет трудились тысячи финнов: Советское государство впервые покупало в капиталистической стране столь большое количество рабочей силы. В этом смысле в Костомукше был сделан своеобразный прорыв в «железном занавесе» СССР, многие советские люди непосредственно соприкоснулись с незнакомой культурой. Феномен Костомукши состоит в том, что международное сотрудничество разворачивалось здесь в условиях идеологической конфронтации государств с различным общественным строем. Обращение к периоду 1970-х – начала 1990-х гг., включающему последний этап советского и начало постсоветского времени, с характерными для него социальными и идеологическими трансформациями, позволяет проанализировать характер модификации стереотипов восприятия финнов и финской культуры гражданами России, рассмотреть проблему на уровне локального сообщества.

© Илюха О.П., 2004.

Привлекательные условия жизни в Костомукше обеспечили приток переселенцев из различных регионов СССР. По данным за 1990 г. лишь 37% жителей прибыли из Карелии, около 12% составляли приехавшие с Урала, 9% – из Казахстана, 8% – с Украины, 5% – из центральных областей России, 4% – из районов Сибири и Дальнего Востока, были представлены и другие регионы СССР¹. Понятно, что представления о финнах и Финляндии «среднего» выходца из российской глубинки или далекой союзной республики были более расплывчатыми, нежели представления жителей приграничной Карелии.

Друг «с камнем за пазухой»

Образ Финляндии в массовом сознании 1970–1980-х гг. по-прежнему оставался противоречивым мифом. Финляндию знали в основном по публикациям в отечественных СМИ, формировавшим образ друга «с камнем за пазухой». Тон задавали центральные издания, в то время как республиканская пресса ограничивалась перепечатками статей из центральных газет (в их числе «Правда», «Известия», «За рубежом») или сдержанными, идейно выдержанными репортажами о побратимских встречах. Газеты писали о добрососедских отношениях СССР со страной Суоми, о совместном движении по пути разрядки международной напряженности, о взаимопонимании в ключевых вопросах внешней политики, о достижениях соседней страны в области экономики и культуры. Вместе с тем Финляндия входила в лагерь капиталистических стран, чьи реальные и мнимые пороки объемно рисовались в прессе. Среди них – социальное неравенство, безработица, эксплуатация человека труда, «падение нравов». Этот фон, создававшийся средствами пропаганды, разумеется, влиял на восприятие Финляндии в массовом сознании.

Местная пресса была крайне робкой в освещении вопросов двустороннего сотрудничества в Костомукше. Единственная тогда городская газета – «Горняк Карелии», выходящая с 1981 г. и поступавшая практически в каждую семью, редко помещала на своих стра-

¹ Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. История Костомукши. Петрозаводск, 1996. С. 176.

ницах подобные материалы, их количество и объем очень незначительны. Например, в 49 номерах газеты за 1982 г. – время активной совместной работы – помещено лишь 12 материалов, в той или иной степени затрагивающих тему сотрудничества на местной стройке. Короткие и сухие репортажи о профессиональных, профсоюзных, спортивных встречах были написаны в идеологически заданном, содержательно выхолощенном виде. Даже от читательского письма, единственного на эту тему в рубрике «Слово читателю», веет затхлостью идеологического клише. Его автор ограничивается лишь общими, стандартными фразами: «Годы не сотрут из памяти историю рождения Костомукши... Воспоминания эти будут одинаково светлыми у советских рабочих и у рабочих Финляндии, потому, что они работали рядом во имя мира, за счастье будущих поколений»¹. Получить представление о финнах со страниц местной прессы было практически невозможно, а Финляндия представала лишь в нескольких, повторяющихся из статьи в статью фразах как страна, с которой СССР имеет добрососедские отношения, успешно развивает торгово-экономическое сотрудничество, совместно добивается разрядки международной напряженности. Международная стройка в Костомукше была отнесена к особым объектам, и ее общественная жизнь находилась под жестким контролем КГБ и партийных органов. Характерно в этой связи высказывание одного из партийных функционеров на собрании партийной организации строителей Костомукшского ГОКа: «...здесь как нигде соприкасаются и противопоставляются два образа жизни и две идеологии. Поэтому здесь мелочей не должно быть – все приобретает высшее значение, перерастает в масштаб государства. Партийная организация должна сделать все, чтобы доказать преимущества нашего советского строя»². Костомукша была объявлена «передним краем политической борьбы», находившимся «на острие противоборства между Востоком и Западом»³. Соревнование двух систем перемещалось здесь в практическую, повседневную плоскость. В лекционно-пропагандистской работе, в стенной печати и наглядной агитации аргументами в пользу образа богатого друга «с камнем за пазухой» служили подборки публикаций из

¹ Горняк Карелии. 1982. 15 сент.

² Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф. 6063. Оп. 1. Д. 11. Л. 97.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 30. Д. 132. Л. 13–14.

финляндских газет, в которых содержались критические материалы в адрес СССР, говорилось о таких проблемах, как дефицит товаров и услуг, теневой бизнес, воровство, проституция. Эти материалы комментировались работниками «идеологического фронта» как провокационные и клеветнические. В 1984 г. для усиления эффективности этой работы при Костомукшском горкоме КПСС был создан совет по контрпропаганде, ставившей своей задачей, в частности, борьбу с разного рода слухами и обывательскими настроениями, формирование у населения патриотических и гражданских чувств, выработку «прочного иммунитета» к враждебной пропаганде¹.

«Маленькая Финляндия»

Но более убедительным источником информации о финнах были собственные впечатления, люди приобретали личный опыт восприятия иной культуры. Образ «чужого» формировался в непосредственном общении. Вахтовый поселок финских строителей в Костомукше состоял из ста жилых домиков и имел полный набор социальных услуг, вплоть до психолога и пастора. В специальном центре обслуживания работали магазин, почта, парикмахерская, четыре банка, а также маленькие магазинчики, функционировавшие в вечернее время в качестве баров. Три из шести столовых по вечерам служили ресторанами. Имелись также спортзал в ангаре на 800 мест, освещённая лыжная трасса, библиотека, помещения для кружковой работы, столярная и ткацкая мастерские. Ежедневно на выходные рабочие могли ездить на автобусах домой. Максимальная численность финских рабочих за весь период их пребывания в Костомукше с 1977 по 1985 г. была в 1979 г. – 3700 чел, при этом их состав часто менялся². Для работы за границей строители отбирались особенно тщательно, с целью отвода асоциальных элементов. Костомукша, ставшая для финнов по сути «отечественной строительной площадкой за рубежом», создала для них ряд проблем, вызванных необходимостью адаптации к изменившимся условиям жизни. По мнению Юсси Мелкаса, производившего социологические исследования образа жизни рабочих в Кос-

¹ КГАНИ. Ф. 6121. Оп. 3. Д. 7. Л. 131–132.

² Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. Указ. соч. С. 132.

томукше и Торнио, эти трудности в основном определялись тремя обстоятельствами. Наибольшее число проблем создавала удаленность от родных мест, оторванность от семьи. Другая серьёзная проблема – жилищная: в начальный период строительства в двухкомнатной квартире жили одновременно до семи человек. Третьей проблемой Юсси Мелкаса называет малое количество женщин (около 10% от общей численности строителей), что вело к формированию так называемого «казарменного синдрома» у мужчин, которые в основном были холостяками. Результатом изменившихся условий жизни стало обильное потребление алкоголя, большая подверженность стрессам, субъективное ухудшение здоровья, ощущение суровости жизни¹. И хотя ни социальный состав, ни образ жизни обитателей вахтового поселка не воспроизводили в полной мере финских реалий, он воспринимался местным населением как «маленькая Финляндия», по нему судили о всей стране. Объектом повышенного внимания выступали особенности жизни рабочих и служащих, их поведение, привычки, обычаи, пристрастия, представления.

Костомукшский «культурный шок»

Коммуникация осуществлялась в официальных и неофициальных рамках: от деловых контактов в сфере бизнеса, производства, культуры и спорта – до личных, и подчас выходила за пределы правового поля. Филтрация мигрантов, массивная идеологическая обработка служат объяснением того, что люди в большинстве своем проявляли «идейную выдержанность» и «политическую бдительность». Это обстоятельство красноречиво подтверждается словами И.С., в те годы работавшей в музыкальной школе: «...установка была такая, что никаких контактов с финскими строителями не допускалось. И мы своим ученикам говорили: “Ничего там интересного нет, что вы в окна заглядываете?” Финны, конечно, очень часто угощали детей то конфетой, то еще чем-нибудь, всегда им улыбались. Но, честно говоря, они, видимо, понимали, что к чему, и не пытались с нами завести зна-

¹ Melkas J. Tornion terästehtaan ja Kostamus-työmaan työntekijöiden viihtyvyydestä ja elämäntyylistä. Oulu, 1980. S. 119.

комство. А нам было очень любопытно. Проходим мимо магазина, и, если дверь открыта, все равно глазом туда посмотрим: что там? Удивлялись, что зимой они выносят помидоры, виноград, то, что у нас и летом было редкостью. Были такие случаи, что финны приходили к нам в домик, но мы “правильные” были все, идейные. И на такие «провокации» мы не шли»¹.

Социологическое понятие «культурный шок» обычно применяют при характеристике эмоционального потрясения, вызванного при погружении в другую культуру². В нашем случае культурная дистанция в бытовой и производственной сферах была настолько велика, что уже соприкосновение с инокультурной средой вызывало состояние «культурного шока». Чужая культура измерялась в масштабе собственных представлений и ценностей, сравнение шло с собой, в рамках дихотомии «мы – они». В то же время существовало множество линий сравнения. Главная, разделяющая линия, демонстрировавшая разрыв в уровнях производственных культур, пролегла через весь город: он распался на две части, совпадающие с зонами застройки – советской и финской, наглядно убеждая в колоссальной разнице подходов к организации строительства, качеству строительных материалов и работ. Несмотря на огромные усилия, приложенные для того, чтобы советские объекты выглядели достойно, достичь цели не удалось, соревнование двух систем оказалось не в пользу советских строителей. Местное руководство, осознав неожиданный идеологический эффект этого сравнения, пыталось даже обвинить архитекторов в том, что те якобы намеренно слишком близко разместили советские и финские объекты, чтобы подчеркнуть разительные отличия³.

Труд, его организация и охрана, а также отношение к работе стали еще одним полем, где четко обозначились контрасты двух культур. Важнейшие характеристики, с которыми связывался имидж финского рабочего в Костомукше, – аккуратность, пунктуальность и дисциплинированность. Е.Д. описывает случай, свидетелем которого он стал: «На главной подстанции финский рабочий вывешивал часовое табло, с усилием закручивал гайку, и вдруг гай-

ка пошла легко – сорвалась резьба. Ну, думаю, повесит часы или нет? Нет, он просверлил новое отверстие, сделал все, как положено. Хотя и без того эти часы висели бы нормально»¹.

Неизгладимое впечатление, о котором вспоминают до сих пор, произвели на котомукшан финские автобусы, в которых рабочих доставляли на строительную площадку. Л.Л. вспоминает: «Нам нередко приходилось наблюдать, как финские рабочие добираются к месту работы. Чистые автобусы, все едут в красивых фирменных комбинезонах, и у каждого есть сидячее место и – вероятно – еще белый подголовничек. Это очень контрастно смотрелось по сравнению с нашими переполненными автобусами, которые рабочие брали штурмом, чтобы вовремя успеть на работу»². Подобные этому рассуждения, наивные на первый взгляд, отражают тоску советских людей по нормальному порядку на производстве и в обществе.

Рушился укоренившийся в сознании людей миф о социальной незащищенности человека труда в капиталистическом обществе. Л.Л., врач по профессии, отмечала: «Нам-то в то время внушалось, что в капиталистическом обществе больной никому не нужен. Я и жила с таким понятием, что наше здравоохранение лучше, наша система лучше. Финны, приехав к нам на работу (в общем-то на короткое время), первое, что сделали для своих работников, – футбольное поле, которым мы до сих пор пользуемся, отличный корт для большого тенниса, плюс базу отдыха на оз. Подкова. У них был спортивный зал в ангаре, освещенная лыжня. Они все делали для своих рабочих»³.

Уровень технической оснащенности рабочих мест вызывал у советских граждан чувства, передававшиеся словами «изумление», «шок», «потрясение». Молодые мамы водили малышей смотреть финскую технику, а те рабочие, которым приходилось трудиться в непосредственном контакте с финнами, стыдились собственных морально устаревших инструментов. Маркшейдер А.Е. вспоминала: «Основные инструменты, с помощью которых приходилось работать, – теодолит, нивелир – были у нас по сравнению с финскими несовершенными, поэтому мы старались сделать свою ра-

¹ Запись автора, 2000.

² Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7.

³ История Костомукши. Документы и материалы. Петрозаводск, 1994. С. 315.

¹ Запись автора, 1991.

² Запись автора, 2000.

³ Там же.

боту в пятницу, когда финны уезжали, или же проверяли вместе с финнами – тогда уже с помощью их инструментов»¹.

Подверглось корректировке и стереотипное представление о бизнесменах. И.С., например, была изумлена, когда крупный бизнесмен, один из руководителей фирмы Финн-строй, предстал в облике скромного человека в джинсах, совсем не похожего на холеного, с иголки одетого буржуа, каким она предполагала его увидеть: «Однажды меня вызвал председатель поселкового Совета Н.Н.Бигун и сказал: “Финский миллионер хочет вам подарить домик для музыкальной школы”. Я так и села: “Ничего себе!”. Он говорит: “Идите, в Гипроруду, он должен к шести часам вечера подъехать и показать вам этот домик”. Я пришла в Гипроруду, мне говорят: “Ой, подождите, подождите, сейчас он подъедет”. Я сижу. Приехал какой-то финн в потертых джинсах, такой весь обросший, какой-то невзрачный, сел тоже в кресло и сидит, ждет. Я сидела-сидела, ждала, спрашиваю у сотрудников: “Где товарищ? Сколько его ждать?”. Они говорят: “Так вот он сидит, вы чего не разговариваете?”. В общем, мы познакомились. Оказалось, что он – руководитель всей этой стройки, это его фирма строила Костомукшу»².

Большие возможности для неформального общения открывались во время отдыха. Практически вся работа по организации досуга финских строителей проводилась совместно с советской стороной. Полтора десятка министерств и ведомств Карелии участвовали в культурном обслуживании финских рабочих. В течение 1979 г. прошло, например, более двухсот мероприятий, в которых участвовало свыше 20 тысяч человек. Большой популярностью пользовались совместные вечера по случаю памятных дат, спортивные соревнования. Регулярно гастролировали театры из России и Финляндии³. Финские рабочие признавали, что в Костомукше они имели более интересный досуг, чем в Финляндии. Некоторые отмечали, что только здесь научились ценить высокую культуру, многие впервые посетили здесь концерты, посмотрели театраль-

ные спектакли¹. Власти стремились ограничить общение советских и финских рабочих рамками официальных мероприятий. Но, несмотря на запреты, неформальные контакты все же устанавливались. В начале 1980-х гг. были введены некоторые послабления: событием стало разрешение финским рабочим посещать городскую танцплощадку. Характерно, что в 1983–1984 гг. в Костомукше были зарегистрированы восемь браков с иностранными гражданами².

Люди, вещи и альтернативный мир

«Образ заграницы» проникал в жизнь приграничного города и в виде товаров, с которыми был связан особый пласт представлений. В период всеобщего дефицита и бесконечных очередей фантастическим казалось то, что финские рабочие даже зимой могли покупать в своем магазине фрукты, тогда как российские граждане в Костомукше не всегда могли приобрести их и летом. Финский сыр «Виола» на праздничном столе костомукшан стал бытовым маркером советско-финляндского сотрудничества. Власти были вынуждены наладить поставки в Костомукшу детских лакомств: жевательной резинки и фасованного мороженого, поскольку детям труднее всего было объяснить, «почему у финнов это есть, а у нас нет»³.

Вещи и отношение к ним не только объединяли, сближали два разных мира, но и открывали их теневые стороны. «Ключевыми» вещами в этом отношении были джинсы из Финляндии и русская водка. Желание обладать ими толкало людей на запретные, наказуемые контакты: меновые отношения «джинсы – водка» были постоянной головной болью спецслужб.

Результатом контактов, диалога культур в условиях идеологической конфронтации стало восприятие Финляндии как альтернативного мира, общества с иными ценностями и возможностями. Шло разрушение сформированных советской пропагандой стереотипов, идеологем и формирование новых, более реалистичных и

¹ История Костомукши: Документы и материалы. С. 322.

² Запись автора, 2000.

³ Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. Указ. соч. С. 134–135.

¹ Heikkinen R. Kostamus-työmaan vapaa-aikapalvelut vuosina 1974–1985. Kajaani, 1985. S. 12–13.

² Архив отдела ЗАГС местного самоуправления г. Костомукша.

³ КГАНИ. Ф. 3. Оп.2. Л. 63–69.

конкретных представлений и образов. Характер этих процессов имел свои особенности у представителей различных социальных групп. Одни испытали крушение прежнего образа, вызванное «культурным шоком», и ощущение сорванного занавеса, за которым обнаружилась реальная суть вещей, другие, оказавшиеся под идеологическим прицелом, – его медленное разрушение. Школьные учителя в большей мере, чем другие слои населения, находились под идеологическим прессингом и более критично и настороженно относились к финнам. Это сквозит в рассказе учительницы Т.П.: «У меня в классе был мальчик такой, Ваня ...говорил по-карельски, хорошо понимал и финский язык... Вот однажды Ваня все-таки пошел в финский городок. Подошел к финской столовой, заговорил. Его там сразу же стали угощать, на него «посыпались» разные диковины: жвачки и бананы, что по тем временам было немислимой роскошью. И финны как раз поймали момент, когда он в полной растерянности, когда ему что-то протягивают, что-то дают – сфотографировали его именно в этой ситуации. И вот в финской газете появилась фотография с подписью, что ребенок вынужден просить подаяния. Это, безусловно, сразу же вызвало ответные меры наших властей. Усилили патрулирование, рейды милиции и дружинников. Конечно, детям непросто было объяснить, почему финны живут лучше нас. Я и сама, зрелый уже человек, когда первый раз попала в 1990 году в Финляндию, испытала шок»¹. Учителям трудно было убеждать детей в преимуществах советского строя, в том, что в СССР, в отличие от стран капиталистических, воплощается принцип «все во имя человека, для блага человека».

Языковые эффекты общения

Общение русских и финнов делало актуальной проблему разговорного языка. В быту в качестве средства коммуникации нередко шли в ход жесты и мимика. Представляет интерес реакция на звуковую, фонетическую форму финского языка. Иноязычные звуки, их сочетания подчас осмеивались и пародировались в

¹ Запись автора, 2000.

повседневной языковой практике. В сленге, прежде всего молодежном, появилось дружелюбно-насмешливое новообразование «финик» – производное от слова «финн», фонетически совпадающее с названием заморского плода, а потому забавное и быстро прижившееся. Хорошо осознавалось, что для финнов поездки в Россию были подобны экстремальному туризму, что отразилось в названии финнов «турмалайцы» – вероятно, производном от финского «turma» (гибель, погибель).

Популярны были строившиеся на игре слов анекдоты-пародии на финнов, говорящих по-русски с оглушением согласных. Например: «Ой, у меня крусть. Не тот крусть, что в лесу растет, а крусть-тоска, и не тоска, которую пият, а крусть-тоска, которая на сердце лежит». Одним из важнейших результатов встречи с другой культурой стало изменение языкового поведения, рост интереса к финскому языку, имевшему практическое значение. Опрос 1990 г. показал, что 2/3 жителей города относят финский к числу языков, предпочтительных для изучения. На рубеже десятилетий в городе открываются многочисленные курсы по изучению финского языка, а в 1993 г. принимается решение об открытии Kontokkikoulu – школы с углубленным изучением финского языка.

Крушение «железного занавеса»

С крушением «железного занавеса» открылись новые возможности для общения культур и народов. Расширилась сфера контактов, увеличилось число взаимных визитов. После установления в 1986 г. побратимских отношений между Костомукшей и финским городом Кухмо в местной газете, уже свободной от цензуры, появляется рубрика «У соседей», содержащая информацию о самых разных сторонах жизни: событиях культуры и спорта, организации производства, торговли, уровне цен, о том, что читают и как отдыхают финны. Первостепенное внимание уделялось объединяющим темам: рыбалке, спросу на грибы и ягоды, безработице, которая теперь стала «достоянием» и российского общества тоже. Характерны в этой связи заголовки некоторых публикаций: «Безработица по-фински», «У них воруют тоже», «Какой финн не любит быстрой езды».

На рубеже 1980–1990-х гг. одно за другим создавались совместные предприятия, в результате чего расширился круг представлений о соседней стране, в фокусе внимания оказались новые, дискуссионные темы. Среди них – вопросы о превращении Карелии в сырьевой придаток Финляндии, о разнице в оплате труда финских и российских рабочих, занятых на совместных предприятиях. В Костомукшу хлынул поток финских товаров, и это сразу же отразилось в газетной рекламе. Теперь более активно шло не только знакомство с финской производственной и бытовой культурой, но и освоение ее отдельных элементов.

Вместе с тем поездки в Финляндию оставались доступными пока еще ограниченному числу людей. По результатам опроса 1994 г. около 90% жителей Костомукши не бывали в Финляндии. Таким образом, представления большей части населения о зарубежных соседях и соседней стране формировались по-прежнему в результате контактов с финнами в Костомукше, а также по рассказам очевидцев и публикациям прессы.

Несмотря на индивидуальные варианты восприятия, существовала стержневая линия, выражавшая концентрацию и обобщение основных черт образа. Выявить некоторые черты этого образа нам помогут результаты социологического опроса, проведенного в 1994 г. Эта работа выполнялась в рамках международного проекта «Карелии смотрят друг на друга», посвященного междисциплинарному изучению перспектив приграничного экономического сотрудничества. Было опрошено 549 чел, из них 352 в Костомукше и 197 в Финляндии (в основном в Кухмо и Кемиярви)¹.

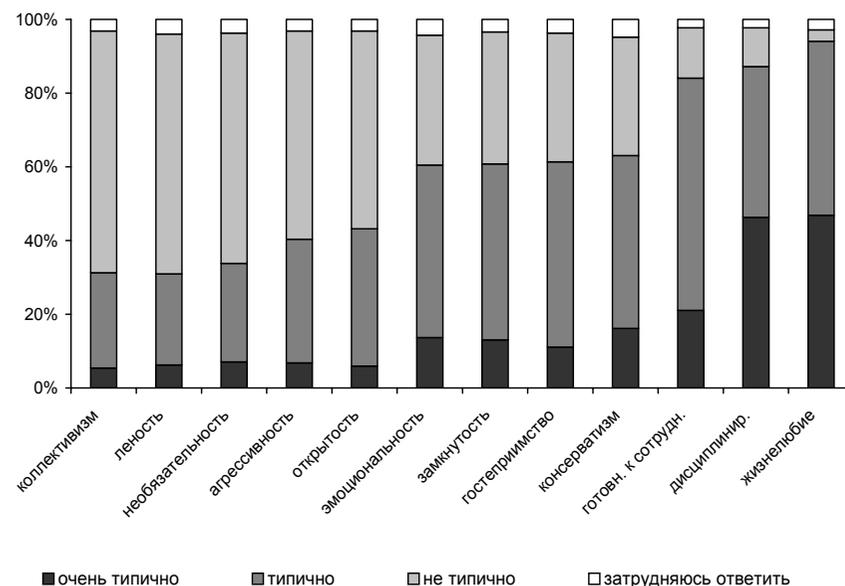
Финны в костомукшском «зеркале»

В анкете предлагалось оценить, насколько типичны для финнов такие черты, как готовность к сотрудничеству или замкнутость, гостеприимство, открытость, леность, агрессивность, коллективизм, эмоциональность, жизнелюбие, консерватизм, дисциплинированность и напротив, необязательность. Среди этого довольно

¹ Автор выражает признательность старшему научному сотруднику, зав. отделом социальных и политологических исследований Института экономики КарНЦ РАН Т.В.Морозовой за предоставленные материалы.

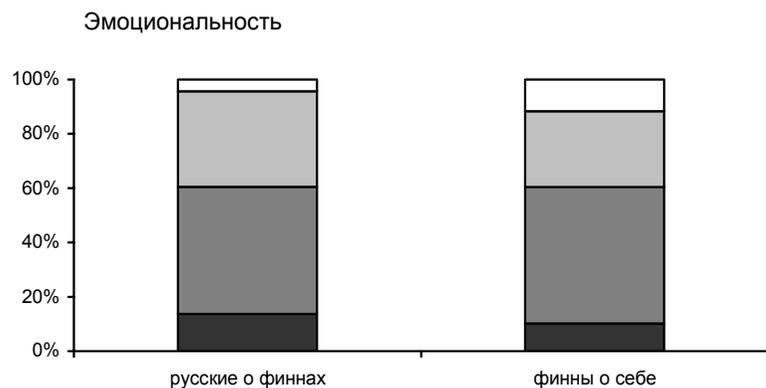
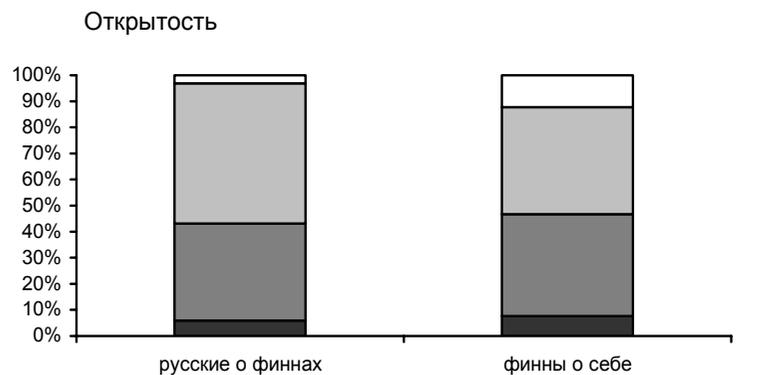
ограниченного набора черт характера, подборка которых определялась задачами исследования, наиболее присущими финнам оказались такие позитивные качества, как жизнелюбие и дисциплинированность, а также готовность к сотрудничеству. Большинство респондентов также признали типичными чертами зарубежных соседей гостеприимство и эмоциональность, но вместе с тем консерватизм и замкнутость. Такие негативные черты, как леность, агрессивность, необязательность, отнесены костомукшанами к наименее характерным особенностям, а самой несвойственной финнам чертой на этой шкале оказался коллективизм.

Черты характера финнов в оценке жителей Костомукши. 1994 г.

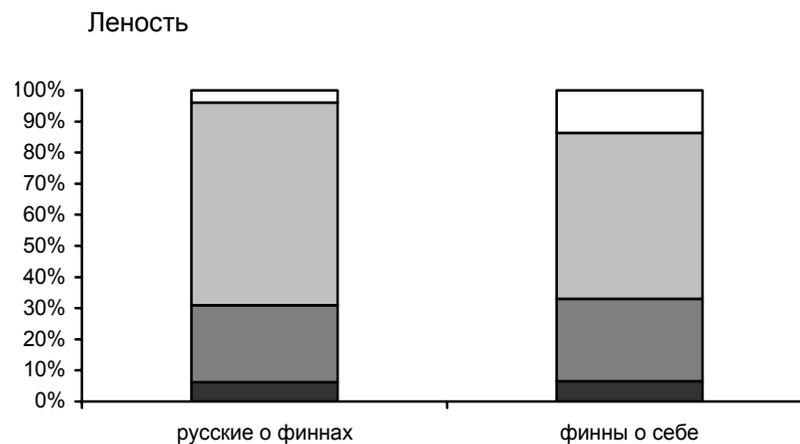
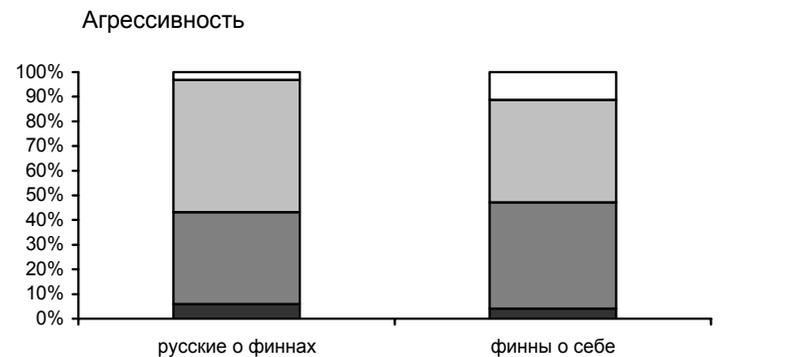

Насколько качественным оказалось костомукшское зеркало? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют соотнести оценку сторонних наблюдателей с самооценкой финнов, сравнить отражения в одном и другом «зеркалах». Любопытно, что в

большинстве случаев эти оценки оказались близки. Наибольшее единодушие обнаружилось в оценке открытости, эмоциональности, агрессивности, а также лени.

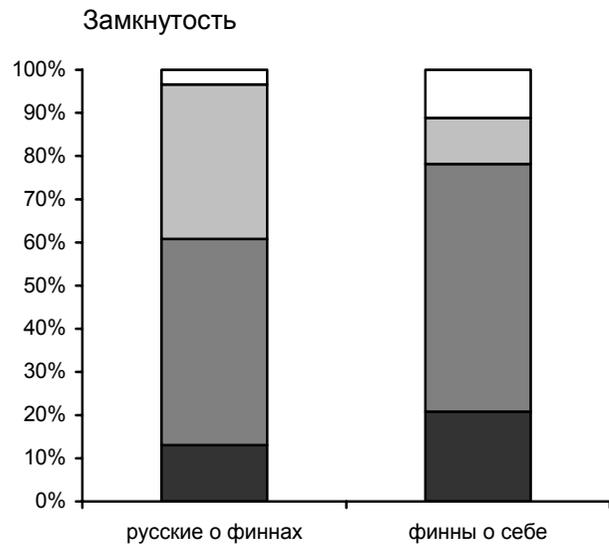

■ очень типично ■ типично
 □ не типично □ затрудняюсь ответить

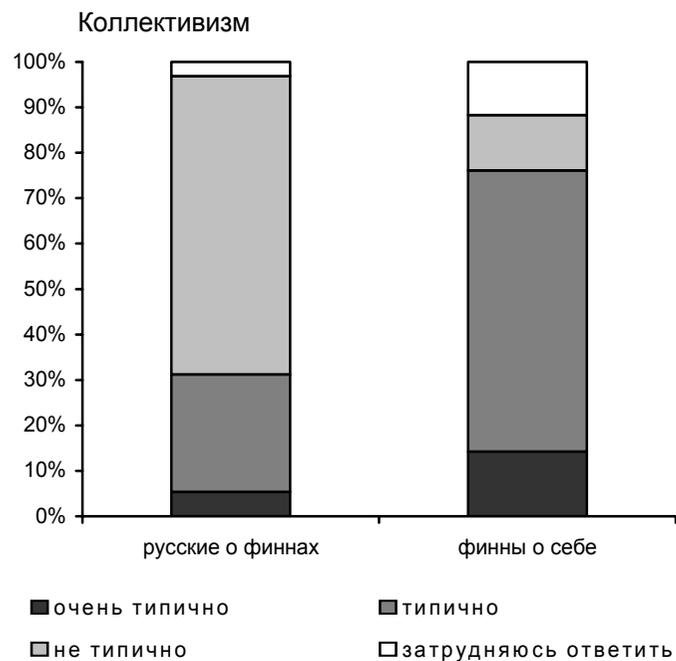

■ очень типично ■ типично
 □ не типично □ затрудняюсь ответить

По некоторым позициям все же имеются существенные расхождения. Например, россияне несколько переоценили готовность финнов к сотрудничеству и жизнелюбие. Финны видят себя менее консервативными и более гостеприимными, но одновременно и более замкнутыми. Наибольший разрыв обнаружился в оценке такой черты, как коллективизм. Финны считают себя гораздо большими коллективистами, чем их видят жители Костомукши.

Разрушение в бытовом сознании прежних стереотипов, формирование новых, более адекватных представлений, познание друг друга – фундамент для понимания и сотрудничества. Можно с уверенностью говорить, что интенсивные контакты привели к смягчению контраста культур в этой части границы, создали основу для упрочения духа толерантности. Очевидно, что предшествовавший опыт контактов способствовал тому, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. костомукшане оказались, по сравнению с жителями других территорий Карелии, психологически более подготовленными к новым социально-экономическим условиям. За городом закрепилась устойчивая репутация «ориентированного на Запад».

А. Мустайоки, Е. Ю. Протасова
Финско-русские (не)соответствия

«Любят они свою страну!».

*Русский бизнесмен, глядя
из окна поезда «Лев Толстой».
(Москва-Хельсинки)*

Образ некоей страны складывается из того, что о ней прочитано, рассказано, что увидено по телевизору и «живьем». Образ Финляндии в России меняется в зависимости от времени и местонахождения тех русских, которые пытаются сформулировать для себя, что сближает Финляндию с Россией, что отталкивает эти страны друг от друга, что характерно для Запада вообще, а что – для Востока¹.

© Мустайоки А., Протасова Е. Ю., 2004.

¹ Многие народы считают себя находящимися на пересечении, условно говоря, западной и восточной культурных традиций. Россияне нередко обсуждают свое положение между Западом и Востоком как судьбоносное и подчеркивают символическое значение двуглавого орла, но они в этом не одиноки. Страны Восточной и Южной Европы, даже Великобритания, время от времени говорят о своих восточных и западных тяготениях. Финляндия исторически была ареной столкновения миссионерской деятельности западной и восточной христианской церкви, шведского и русского влияния.

Западное и восточное влияния можно видеть и в финляндской административной системе. Дело в том, что она во многом представляет собой смесь наследия царского времени и протестантской этики. Первое выражается в том, что существует большое количество разнообразных законов и предписаний, способов канцелярского ведения дел, которые традиционно сохраняются и иерархичны. Второе проявляется в укоренившемся представлении о том, что все нужно делать правильно, по закону, как положено, и буквально и добросовестное соблюдение всех формальностей – вопрос чести. Именно поэтому административная система строгая и работоспособная. На «достижения» ее эффективности нередко жалуются иммигранты, прошедшие через дебри финской бюрократии.

Настоящее исследование возникло в результате различных семинаров и спецкурсов со студентами Отделения славистики и балтистики Хельсинкского университета, которые проводили авторы статьи. Кроме того, в данной статье мы опираемся также на исторические тексты, публикации в прессе и мнения отдельных лиц. Компаративная культурология является составной частью многих дисциплин, преподаваемых на Отделении. Поскольку в занятиях участвуют как финские, так и русские студенты¹, большинство положений данной статьи было сформулировано в ходе обсуждения тех и иных взглядов на своеобразие Финляндии и России, высказанных людьми, относящимися к разным культурным традициям. Можно заметить, что длительное соприкосновение с финляндской культурой может несколько притупить остроту восприятия ее особенностей русскими, но это и позволяет сделать обобщения более достоверными. Оценка иной культуры в сопоставлении со своей – бесконечный процесс, обостряющийся при возникновении новых явлений и впечатлений. Статья продолжает ряд исследова-

¹ Эти обозначения условны: более правильно говорить о студентах, которые считают своими родными языками либо финский, либо русский язык. По этническому происхождению они могут быть и финнами, и русскими, в семьях могут использоваться как тот, так и другой языки. Отделение предлагает разные учебные программы для студентов с разными родными языками (с 1999 г. на Отделении существует так называемая «русская линия» для студентов с родным русским языком). В тексте мы используем «маски» при цитировании студенческих сочинений: С1, С2...

ний, раскрывающих различные аспекты сопоставительного страноведения¹.

Географическое соседство России и Финляндии и их частично общее историческое прошлое заставляет людей, выросших в условиях СССР, с особой остротой спрашивать себя о том, почему финны и русские такие разные. Различия объясняют экскурсоводы туристам, впервые приехавшим в Финляндию, эти различия пытаются выявить во время кратких визитов, а потом сформулировать для своих друзей на родине, и даже те, кто живет в Финляндии долго, не перестают удивляться несовпадениям. На основании представленных ниже и многих других материалов можно заключить, что среди пунктов, которые больше всего вызывают удивление у русскоязычных людей, много совпадающих. С.Лурье применяет к финнам и русским разрабатываемую ею теорию исторической этнологии, показывая, что модель освоения новых земель, этническая картина мира, магия пения и магия порядка, заложенные много веков назад, до сих пор оказывают влияние на адаптационно-деятельностные модели этносов².

На протяжении времени существования Финляндской автономии гражданам России внушались определенные установки по отношению друг к другу. Знаменитая «История России для детей» А.О.Ишимовой, впервые вышедшая в свет в 1836 г. и одобренная в последнем письме А.С.Пушкина, начинается с глав, посвященных славянам и их соседям. Описывая два главных народа, живших тысячу лет назад в нынешней России, славян и финнов, писательница доказывает, что эти народы были лояльны по отношению

друг к другу: они сообща выгоняли врагов – норманнов – или приглашали править варягов. При этом «Славяне были сильнее, красивее и мужественнее финнов»¹. Вероятно, такое заключение должно было оправдывать присоединение Финляндии к России и способствовать развитию у русских представления о своем более высоком положении по сравнению с финнами. До революции 1917 г. о восточном (преимущественно тюркско-персидском) влиянии на Россию говорили меньше, чем о западном (этнически – финно-угорском, культурно – немецком и французском).

Постоянно подчеркивалась давняя общая история славян и финнов. В русской хрестоматии для учебных заведений Финляндии, вышедшей в Гельсингфорсе в 1914 г., говорится о происхождении великорусского народа следующее: «Великорусское племя образовалось из слияния русских поселенцев с финскими племенами. Когда начался упадок юго-западной Руси, население ее двинулось на север и северо-восток, в бассейн Оки и Волги. Здесь-то они и встретились с финскими племенами. Встреча носила миролюбивый характер. Финны отчасти отступали все далее на север и постепенно вымирали, но большею частью сливались с пришельцами, оказав некоторое влияние на физические и нравственные особенности русского народа»².

Уже тогда обращала на себя внимание высокая цивилизованность западных финских племен. В сборнике 1916 г. «Отечество» в главе, посвященной литературе Финляндии, говорится о происхождении финнов: «В недрах Сибири, у подножия Алтая стояла колыбель финского народа... Как различна с их [мордвы и черемисов] умственной дремотой судьба западных финнов! Под влиянием переселенческих передвижений славян они были принуждены отойти на север вплоть до берегов Балтийского моря. Здесь они столкнулись со скандинавами, и это когда мирное, когда вражеское общение с народом, уже много столетий находящимся в торговых сношениях со средиземным культурным районом, впервые пробудило их самосознание. Началось развитие, умственное и экономическое, поднимавшее западных финнов все выше и выше по ступеням цивилизации... От соприкосновения с чужими народ-

¹ Мустайоки А. Языковая толерантность на уровне государства и на уровне индивидуумов. Екатеринбург, 2004 (в печати); Мустайоки А., Протасова Е. Миф, доля истины или чистая правда: представления русских о финнах в свете рассказов и анекдотов // Стернин И.А. (ред.) Коммуникативное поведение. Вып. 20. Воронеж, 2004. С. 62–95; Протасова Е., Мустайоки А. «Мы» и «они»: русские и финны о русских и финнах // Стернин И.А. (ред.) Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 14–49; или, в сокращенном варианте, Мустайоки А., Протасова Е. «Мы» и «они»: русские и финны о финнах и русских // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 56–63; Протасова Е. Финны и русские в зеркале русскоязычной прессы Финляндии // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 113–121; Протасова Е. Передача «Слабое звено» на российском и финляндском телевидении // Под ред. И.А.Шаронова. Агрессия в языке и речи. М., 2004. С. 255–269; Mustajoki A. (Venäjän) kieli keskellä suuta // Bäckman J. (toim.) Entäs kun tulee se yhdestoista? Suomettumisen uusi historia. Helsinki: WSOY, 2001. S. 433–446.

² Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.

¹ Ишимова А.О. История России для детей. М.: Монолог, 1993. С. 6.

² Циллихаус В.Р., Вогак К.А. Россия и русские: Русская хрестоматия для средних и высших классов средних учебных заведений Финляндии. 2-е изд. Helsingfors: Söderström & C:o förlagsaktiebolag, 1914. S. 24–25.

ностями, от тягостных передвижений и множества новых впечатлений, встречавшихся на далеком пути от Полесья до Финляндии, проснулась и творческая мысль финнов, исходя из скромных начинаний, сложившихся еще в прародине»¹. Пример финского – более цивилизованного по сравнению с русским – народа должен был, возможно, показать, что сближение с этим образцом развития под крышей одной империи положительно повлияет на европеизацию России в целом. Однако во времена Бобрикова русские патриотические газеты запугивали финляндским сепаратизмом, о чем свидетельствует едкий юмористический рассказ В.М.Дорошевича: описывая финляндскую дешевизну, вкусную еду, природу, здоровый воздух, предупредительность, аккуратность, спокойствие финнов, непохожесть финского языка на русский, писатель показывает, как все это может быть неверно и злонамеренно истолковано в прессе².

Финляндия по отношению к России является не только Западом, но и Севером, т. е. олицетворяет собой жесткие, тяжелые и скудные условия существования³. Север требует от человека выносливости, выявляет его не внешние, а внутренние качества. Известно, что Анна Ахматова многократно бывала в Финляндии и любила ее, а свое Комарово считала частью Финляндии. В стихах, написанных там в 1964 г., она показывает, что Финляндия – это географическое движение на север, более важное и честное, чем другие стороны света, более суровое, простое, утешительное и вместе с тем безрадостное:

Запад клеветал и сам не верил,
И роскошно предавал Восток.
Юг мне воздух очень скупо мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер дул в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,

¹ Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос / Под ред. И.А.Бодуэн де Куртене и др. Петроград, 1916. С. 3–5.

² Дорошевич В.М. Собрание соч. Т. 2. М., 1905. С. 22–33.

³ Об этом же писал и К.Н.Батюшков в письмах русского офицера из Финляндии, напр.: *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 95–101.

Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»

Эти же мотивы встречаются и в восприятии Финляндии современными русскоязычными иммигрантами: она предстает как альтернатива мучительной и чреватой опасностями России, как страна-спасительница, где исполняются желания, где человек обретает себя и открывает разнообразные возможности для жизни; параллельно подчеркивается, что это место слишком размеренное, скучное, чистое.

Среди наиболее часто встречающихся особенностей финнов, на которых заостряют внимание пишущие по-русски в Финляндии, упоминаются следующие.

Особое самосознание финнов. Финны постоянно заняты мыслями о том, кто они такие, что их объединяет, а что отличает от других. Многие подчеркивают, что процесс национального самоопределения не закончен, он в самом разгаре. И хотя школьные учебные пособия, семейные рассказы и средства массовой информации немало способствуют тому, что у финнов есть прочная единая часть системы мировосприятия и оценок окружающего, новые мнения иностранцев о Финляндии, исследования, проведенные «со стороны», успехи финнов на международном уровне в любой области деятельности вызывают постоянный интерес. Скептицизм финнов относительно своих первых мест в мире в области школьного и университетского образования, чистоты окружающей среды и достижений в области науки, музыки, архитектуры, спорта и т. п. связан не с недостатком гордости, а с пониманием того, что нельзя всю жизнь быть на первом месте, что нормально, если это положение изменится.

С1 пишет:

«Финнов всегда беспокоили большие соседи: с одной стороны, бывшие господа, но как бы свои – шведы, а с другой – как бы не враги, но слишком сильные и непредсказуемые русские. Поэтому такое геополитическое положение выработало у финнов особое свойство характера – когда давят – сжиматься, а когда давление ослабевает, то уж непременно занимать упущенные позиции. Надо сказать, что эта черта характера сказывается практически во всем...»

С2 обращает внимание:

«Самое ценное: “*Aito suomalaisen*” – настоящий финский, “*Valmistettu Suomessa*” – изготовлено в Финляндии, “*Huuyä Suomesta*” – хорошее из Финляндии, эти выражения обозначают не только отечественное происхождение, но и самое лучшее качество, и чистоту продукта. Получается, что кроме природы финны еще ценят свою родину. Есть даже такая поговорка: “*Oma maa – mansikkaa, vieras maa – mustikkaa*” – своя страна – клубничка, чужая страна – черничка».

«Финское качество» – один из немногих лозунгов, являющихся как авто-, так и гетеростереотипом. В большинстве случаев оказывается, что финны любят свою страну не зря, что то, что можно было сделать своими руками, чего можно было добиться вопреки климату и относительно короткой истории памятников культуры (на скальные рисунки первобытных людей почитаются), – все очень высокого качества и одно из лучших в мире.

Стремление к покою и стабильности. Нормальное состояние, с точки зрения финнов, – это стабильность, устойчивое развитие, непрерывное совершенствование. Слишком быстрое или слишком медленное движение вызывает тревогу. Главное условие равновесия – взаимопонимание, которое достигается медленным сближением точек зрения сторон. Соблюдение законов, исполнительность, надежность, безопасность – различные проявления общего договора, негласно существующего между финнами. Случаи нарушения закона обсуждаются обычно всенародно, они особенно заметны на общем законопослушном фоне. Обследования общественного мнения показывают, что финны доверяют полиции, суду, ученым. Неоднократно подчеркивалось, что русским автомобилистам трудно в Финляндии, потому что не нужно проявлять лихость и быть начеку, а финским – в России, где езда на машине воспринимается ими как экстрим.

СЗ отмечает:

«Пересекая русско-финскую границу, удивляться начинаешь сразу. Ну как это возможно при одной температуре воздуха и других параметрах стоять одной ногой на чистом финском асфальте, а другой утопать в грязном русском сугробе. Отстояв не один час на русской границе, пройти финскую границу за полчаса. Если особенные климатические условия я объяснить не могу, то отсутствие пробок можно попробовать. Финны умеют стоять в очереди! Они это делают просто безупречно. Они встают друг за другом и ждут. Никто не пытается проехать по встречной поло-

се, или влезть между ранее прибывшими машинами. Естественно, в этом есть свои преимущества, но есть также и очень серьезные недостатки. Например, если вам стало плохо или вы едете с маленьким ребёнком или спешите на самолёт, проскочить мимо очереди невозможно. Ни в коем случае нельзя нарушать финскую очередь, это то же самое, что нарушить законы природы, это их парализует, подрывает их основу благополучия и стабильности».

Равноправие. Равны люди и животные, мужчины и женщины, дети и взрослые... На самом деле никто не равен другому, но если игнорировать особенности поведения, то значительная часть различий снимается. Роль женщин в обществе особенно поражает, но несмотря на все достижения, женщины продолжают бороться за предоставление еще больших прав. У финнов часто по две собаки, и объясняется это тем, что в одиночестве собака скучает. Животные в доме содержатся в гигиенически безупречных условиях, и в этом смысле природа оказывается побежденной. В сводках новостей наряду с политическими событиями постоянно сообщаются сведения о состоянии природы, о жизни животных. В отличие от многих народов, избыточный вес в Финляндии одинаково часто встречается и у женщин, и у мужчин.

Точка зрения С4:

«Близость к природе – это, вероятно, самое главное качество финнов, о котором пишут и писатели, и поэты. Это качество замечали и русские литераторы, бывавшие в Суоми и писавшие об этой стране и её жителях, – Батюшков, Баратынский, Блок, Белый, Куприн.

Другие черты национального характера – необщительность, тугодумство, медлительность, меланхолия финнов – мне кажутся сильно преувеличенными, мифологизированными. Конечно, финны значительно отличаются от южан, да и от нас, русских, но всё же они не столь молчаливы, как это принято считать. Об этом свидетельствует и современная статистика: финны говорят по мобильным телефонам больше всех в мире, а также посылают чаще других народов текстовые сообщения. Быть может, характер финского народа сильно изменился со времён создания “Калевалы”, но сейчас молодёжь вполне общительна и иногда даже болтлива... Финскому национальному характеру присущи определённые черты, на которые обращают внимание как иностранцы, так и они сами. Это некоторая медлительность, основательность во всём, необщительность, склонность к меланхо-

ли. В то же время свести всех финнов к этой формуле невозможно, среди представителей этой нации можно найти типы людей, совершенно непохожих друг на друга. Культурно-социологические исследования показывают, что такие «традиционные» финны ныне не составляют даже половины населения».

Финский язык. Финны могут жаловаться на уникальность своего родного языка, затрудняющую изучение иностранных языков. Но, с другой стороны, они также горды и довольны им. Он служит своего рода тайным, мистическим языком, содержащим странные для многих европейцев черты (14 падежей, обилие дифтонгов и т. п.). Так, если финны долго не слышат своего языка (например, были за границей и говорили по-английски), то, возвращаясь на родину, могут воскликнуть: «*Voi ihana suomen kieli!*» (О прекрасный финский язык!) Многих поражают стипендии, выделяемые различными организациями на поддержку культуры и искусства, «пенсии» писателям, позволяющие им творить вне экономического рабства на благо развития финского языка. За границей постоянно живет более 240000 граждан Финляндии¹, и существуют зарубежные финские школы и система поддержки финского языка у живущих за рубежом. Многие официальные праздники, в которые положено поднимать флаги, связаны с языком и культурой: день Рунеберга, создателя финляндского гимна², день Калевалы или день финской культуры, день Агриколы или финского языка, день Снелльмана или финскости, день Эйно Лейно или поэзии и лета, день Алексиса Киви или финской литературы, день «шведскости» (шведский – второй официальный язык страны). В 2004 году предложено отмечать также день, связанный с именем писательницы Минны Кант.

Отношение финнов к собственной культуре вызывает громадное уважение русских. Тому, кто хочет поупражняться в финском языке в непосредственном общении с финнами, приходится несладко, т. к. финны без удовольствия слушают свой родной язык в искажении и стараются перейти на английский. «В Финляндии гораздо лучше относятся к тем, кто говорит на хорошем английском, чем к тем, кто – на плохом финском, поэтому можно постоянно говорить на английском и только иногда вставлять отдельные

¹ http://www.utu.fi/erill/instmigr/fin/s_tilast.htm#Ulkosuomalaiset

² Национальный гимн иногда вызывает у финнов противоречивые чувства: Иоганн Людвиг Рунеберг написал его по-шведски, а музыку написал немецкий композитор Фредрик Расиус.

финские слова и выражения», – сообщает Денис Кораблев¹. Большинство финнов (исключение составляют пожилые люди) хорошо говорят по-английски, что вызывает удивление не только у русских, но и у многих других европейцев.

Религия. В прошлом финская культура казалась русским связанной с колдунами и шаманами, теперь народных целителей не так уж много, а «Калевала», хотя и остается источником различных сюжетов, не определяет актуальное мировоззрение финнов. Наоборот, кажется, что русские сейчас намного суевернее финнов, полагаются на экстрасенсов и природные лекарства, верят в приметы, в то время как финны склонны в большей степени доверять фактам, официальным данным и научным исследованиям. Отношение к религии представляется более нормализованным и свободным, личным и интимным в Финляндии и менее нормализованным и обязывающим, подконтрольным в России. По словам (финского) С5, «В течение всей истории Финляндии три понятия – дом, религия и родина – были важнейшими для финнов. Это та основа, ради которой мы работаем и за что, если надобно, мы боремся. Правда, эти принципы, по мнению молодежи, немного старинные». Специальные исследования религиозности финляндской и российской молодежи показывают, что российские подростки гораздо больше интересуются религией, чем финские, что религиозные русские более конформны, религиозные финны менее конформны; религиозные финны так же уверены в себе, как и нерелигиозные; сохранение религиозных ценностей не входит в Финляндии в важнейшие задачи, стоящие перед страной, но входит в России. Авторы статьи объясняют полученные данные стабильной ситуацией в области религии в Финляндии, а также ценностями протестантской веры и развитой этикой².

Политическое устройство. Конституция Российской Федерации начинается со слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отече-

¹ <http://poetsoul.narod.ru/proza/writer05.htm>

² Журавлева И.В., Пейкова З.И. Религиозность российских и финских подростков // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 136–142.

ству, веру в добро и справедливость... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». Конституция Финляндии начинается словами: «Финляндия – суверенная республика. Конституция Финляндии устанавливается данным конституционным актом. Конституция гарантирует неприкосновенность человеческого достоинства и свободу и права индивидуума и распространяет справедливость в обществе». Эти конституционные акты совершенно разные с точки зрения того, кто является их субъектом, с какой целью существует государство, в каком стиле написана конституция. Не сравнивая специально системы политического устройства России и Финляндии (это делалось неоднократно), остановимся лишь на некоторых моментах, вызвавших особый интерес, поскольку они интересны также с точки зрения морали. Важнейшие вопросы – гласность и открытость принятия решений, в том числе в суде, прозрачность бизнеса, отношение к смертной казни со стороны массы населения и формы отбывания наказания. Здесь русские, убедившись в том, что эти аспекты гражданской жизни в Финляндии решены более справедливым и человеческим образом, чем в России, склонны не видеть вообще никаких недостатков в финляндском законодательстве и практике. Как писал В.Кривулин, «отсюда видно иначе всё, что с нами случилось, наша несвобода»¹. «С целью нейтрализации безработицы в определенных районах Финляндии выделяются средства для создания предприятий или выделяются субсидии для предпринимателей в области туризма для большей рабочей занятости и оживления пустующих районов. По-моему, в некоторых вопросах не исключен обмен опытом между двумя странами на основе региональной политики», – предлагает Сб.

Следует все же заметить, что в Финляндии люди постепенно теряют доверие к демократии, у многих появляется чувство, что они все-таки не могут влиять на то, что происходит в стране. Раньше существовали иллюзии, что воля каждого отдельного человека учитывается при принятии решений, и голосовать было естественно для всех, теперешнее же разочарование выражается в понижении процента участвующих в выборах, снижении интереса к работе партий и в партиях. Молодежь ищет другие формы влияния на ход событий: участвует в демонстрациях, в акциях

¹ Стихотворение «Стихи к пограничной провинции».

протеста, не веря, что принимаемые демократически избранным правительством решения верные. Другой способ выразить свое отношение к происходящему чаще, чем один раз в четыре года на выборах, – это ежедневное «голосование при помощи кошелька», когда люди покупают не любые или не самые дешевые продукты, а руководствуются разными принципами поведения, основывающимися на этических решениях. Например, протестный отказ от товаров стран, замешанных в неблагоприятной политике, игнорирование продуктов фирм, ведущих неправильный маркетинг или обманывающих потребителей, выбор африканских производителей вина и кофе в целях поддержки экономики соответствующих стран и т. п. Можно сказать, что такое поведение характерно для существенной части финляндской интеллигенции и студенческой молодежи.

Экономика. Экономические связи России и Финляндии знавали разные периоды, но роль России во внешней торговле Финляндии очень велика¹. Говоря об экономике и политике, обычно подчеркивают, что Финляндия сама добилась того уровня развития, на котором теперь находится, а также ссылаются на то обстоятельство, что теперь она входит в Европейский Союз и обязана соблюдать те положения, которые вырабатываются в этом межгосударственном объединении. В развитии финляндской промышленности было несколько периодов. Первый – лесопереработка, деревообрабатывающая промышленность; тогда даже говорили: «Экономика Финляндии стоит на одной ноге, и та деревянная». Второй период – развитие судостроения и машиностроения, и тут важнейшие концерны – «Вяртсиля» и «Коне». Наконец, третий период промышленного расцвета связан с новыми технологиями, его символом может быть «Нокиа» – самая дорогая торговая марка Европы.

Финны экономны в быденной жизни, внимательны к доходам других (эти данные публикуются официально), часто берут ссуды в банке, стремятся иметь собственный дом и дачу. Поскольку почти у каждого финна есть свой мобильный телефон, финны часто играют на контрасте высокотехнологичного уровня жизни и близости к природе, которая ощущается даже в больших городах. Отношения между родителями и детьми могут иметь экономический

¹ См., напр., публикации журнала «Venäjän aika».

аспект: например, за выполненную по дому работу, за уборку ребенка может получать от родителей деньги.

Образование. Несмотря на то, что жители Финляндии составляют лишь 0,1% населения земного шара, производимые здесь научные исследования, оказывающие влияние на развитие человечества, составляют 1% в мировом масштабе. Уровень развития образования подтвержден многочисленными международными экспертизами, ставящими, например, Хельсинкский университет на одно из первых мест в Европе. Школьное образование, особенно в области понимания, истолкования и интерпретации текстов и решения на этой основе соответствующих задач считается самым высоким в мире¹.

Большинство пишущих подчеркивает, что образование, которое можно получить в Финляндии, существенно отличается от российского и содержанием, и формой, и качеством. Это особенно существенно для русскоязычных иммигрантов: через систему образования финляндское общество задает социальные нормы, к которым нужно привыкнуть. Несмотря на все официальные показатели и данные, русским кажется, что финны не умеют веселиться, что медицинское обслуживание недостаточно хорошее, что в школах учат мало и плохо. Обобщая исследования, проведенные в данной области, временная рабочая группа при Совецательной комиссии по этническим отношениям пишет:

«Русскоязычные школьники не проявляют уважения к финскому преподавателю, т. к. он не обладает «естественным авторитетом», способствующим поддержанию дисциплины и порядка... По сравнению с финскими сверстниками русскоязычные школьники вежливы, дисциплинированы и послушны. Финская «свобода» поведения смущает русскоязычных школьников из числа иммигрантов и их родителей... Несмотря на реформы, в русской школе по-прежнему важное значение уделяется знанию основ науки и развитию теоретического мышления, тогда как перед финской основной школой ставится задача развития навыков применения

¹ О результатах исследования Pisa см. <http://www.jyu.fi/ktl/pisa/> Возможно, одной из причин такого положения дел является небольшое количество школьников-иностранцев в классах. В Финляндии иностранцы составляют 2% населения, в то время как, например, в Германии число иммигрантов очень высоко – в некоторых районах крупных городов они могут составлять больше половины класса (при этом дети российских немцев, хотя владеют русским языком на уровне родного и говорят дома по-русски, официально не считаются иностранцами, т. к. имеют гражданство Германии).

полученных знаний, задача развития практических навыков. В русской школе упор делается на усвоение знаний, в ней сильна традиция заучивания наизусть, высок уровень контроля – все это, во всяком случае отчасти, приводит к тому, что русскоязычные иммигранты считают требования и уровень российской школы более высокими, чем уровень финской школы.

В России традиционно наибольшее значение придается обучению естественным наукам и математике, а также родному языку и литературе. В финской программе обучения наибольшее внимание уделяется иностранным языкам. В России литературе всегда придавалось особое значение, она является импульсом для начала широкого обсуждения общественно важных вопросов. В России литература воздействует на общественное мнение. Скорее всего, многие мировоззренческие вопросы и вопросы развития человека, которые в финских школах изучаются на уроках биологии, психологии или философии, в русских школах рассматриваются в связи с литературой»¹.

В Финляндии школьники и студенты часто читают и обсуждают статьи из газет и журналов, которые рассматриваются педагогом как полезный литературно-языковой материал. С8 анализирует роль книг и чтения в жизни молодежи Финляндии и России. Она отмечает, что российская молодежь читает больше отечественной литературы, чем финская, почитает классиков, чтение в основном связано со школьной программой, зато в Финляндии нет разницы в читательских практиках горожан и крестьян; финская молодежь активнее читает по своему выбору, прежде всего развлекательную литературу. С8 считает: «В Финляндии среди всех возрастов очень популярно чтение комиксов, и многие этим заменяют чтение художественной литературы».

Здоровье и спорт. Желание заниматься спортом, посещать сауну, гулять в лесу свойственно большинству финнов и воспринимается как норма поведения. Финны говорят: «Нет плохой погоды, есть неправильная одежда». Аллергия (по некоторым современным медицинским представлениям, она вызывается слишком большой чистотой окружения) встречается очень часто, и борьба с ней является общенародным делом (так, по телевизору даются

¹ Вопросы русскоязычного населения Финляндии: Отчет временной рабочей группы при Совецательной комиссии по этническим отношениям. Хельсинки: Институт России и Восточной Европы, 2003. С. 31.

сводки о том, где что цветет, а летом организуется прополка собачьей петрушки возле автобусных остановок). С9 пишет:

«В Финляндии достижения спорта ценятся намного выше, чем достижения культуры. Самым популярным видом спорта являются лыжи. В ежегодном 70-километровом марафоне в городе Лахти принимают участие десятки тысяч финнов в возрасте от 18 до 80 лет. Целью большинства участников является не победа, а проверка собственных сил и самоутверждение.

Вторым по популярности видом спорта является финская национальная игра – финский бейсбол. Он в обязательном порядке преподается в школе, и в каждой, даже самой маленькой деревушке, есть своя бейсбольная команда.

Финны очень заботятся о своем здоровье, поэтому практически все поголовно занимаются спортивной ходьбой, невзирая на погоду. Как когда-то сказал ныне покойный президент У.К.Кекконен, не может быть никакой уважительной причины, чтобы не выйти на прогулку. В последнее время все большей популярностью стала пользоваться спортивная ходьба со специальными палками, чем-то напоминающими лыжные».

Следует различать те виды спорта, которыми финны активно занимаются сами, и те, за которые они больше всего болеют. Например, мало кто в южной Финляндии успеваешь походить зимой на лыжах, даже в школе чаще учат детей кататься на коньках. Городская молодежь предпочитает играть в спортивные игры, заниматься бодибилдингом или боевыми видами спорта, девушки тоже могут заниматься мини-хоккеем с мячом в зале (очень популярный в настоящее время спорт среди юношей) или кик-боксингом, но все-таки чаще всего предпочитают аэробику, танцы, гимнастику (существует множество видов этих упражнений). Зрители наблюдают, в основном по телевизору, за хоккейными, футбольными матчами, скоростным спуском на лыжах, новыми зимними видами спорта, автогонками, соревнованиями по легкой атлетике. Большие массы зрителей на стадионах можно видеть на хоккейных матчах или если финская сборная по футболу встречается с такими «выдающимися» в этом виде спорта странами, как Италия. По-прежнему сильные чувства вызывают и встречи сборных Финляндии и Швеции по легкой атлетике.

Можно также упомянуть, что велосипед и сауна – важные части финской жизни, они становятся также важными для иммигрантов, хотя и имеют разную значимость у людей в зависимости от их

возраста и местожительства (согласно недавнему опросу, вызвавшему беспокойство у коренных финнов, иммигранты гораздо реже, чем они сами, занимаются спортом и не понимают его роли).

Праздники и питание. Финские праздники делятся на религиозные, семейные, шумные светские, неформальные и официальные. Основные праздники, на которые обращают внимание русские, – Рождество и Иванов день. Наиболее часто упоминается маленькое рождество – пиккуйолу, праздник, отмечаемый рабочими коллективами и разными другими организациями в ноябре-декабре, в преддверии настоящего рождества и ассоциируемый с ним, с концом рабочего года. Домашние застолья и прием гостей происходят в Финляндии по иным правилам, чем в России. В больших городах в гости зовут редко, предпочитают встречаться с друзьями в барах и ресторанах. Подарки, которые дарят друг другу финны, вызывают у русских обычно удивление, кажутся иногда обидными. Финны как любители выпить – основной миф о Финляндии среди граждан бывшего Советского Союза. С10 отмечает, что некоторые финские праздники кажутся проявлением более свободных нравов, чем российские. Рассматривая особенности проведения школьных торжественных мероприятий, он рассуждает о том, что праздники стали воплощением скрытых отношений между различными по возрасту группами учеников, выплескивающимися наружу в цивилизованных формах. Русским финская еда (за исключением блюд из рыбы) кажется пресной и однообразной, но в большинстве случаев полезной. То, что в ресторане могут подавать картошку в мундире, в первый раз вызывает недоумение, равно как и то, что алкогольные напитки иногда оплачивают не хозяева мероприятия, а сам гость (причиной может быть, например, что хозяевам хотелось пригласить побольше гостей).

Говоря о культурных привычках, наши респонденты отмечают также, что финны стараются украсить свои дома, часто выбрасывают старые вещи, не храня их про черный день, делают мало заготовок на зиму. Праздник ассоциируется с определенной едой и свечами; их зажигают часто и придают им особый смысл. Нам также приходилось отмечать, что русские готовятся к празднику незадолго до него, праздничный день ощущается как начало торжества, продолжающегося еще несколько дней, в то время как финны ощущают праздник в процессе подготовки и торжеством завершают радостное событие.

Всякая работа по межкультурной коммуникации чревата недопониманием, ошибками в истолковании. Поэтому особенно важна информация о различиях в установках говорящих, их намерениях и дополнительные усилия по достижению взаимопонимания. Такого рода работа постоянно происходит в финляндской русскоязычной прессе. Можно считать, что русскоязычные средства массовой информации в Финляндии занимаются политикой признания на уровне конкретных людей, их положения в обществе, выполняют функцию открытого форума, на котором происходит обмен культурными ценностями, опытом столкновения с окружающим. Причем авторефлексия русскоязычного населения Финляндии по поводу особенностей финского национального характера, финляндской экономики и политики направлена не только на культуры сами по себе, но и на конкретных людей и их несходство друг с другом, на осознание того, что две культуры не могут быть тождественными и равноценными. Из рассуждений пишущих не следует, что вырабатывается некоторая общая культура русскоязычных в Финляндии, в то же время очевидно, что культура этой группы все больше приобретает черты гибридности. Существенным оказывается приобретение компетентности в каждой из культур: они представлены в жизни человека настолько, насколько он этого хочет и добивается. Смещение культур происходит, но оно не имеет, с точки зрения носителей языка и культуры, такого негативного характера, как смешение языков.

Обычно этнические культуры описывают на основании признаков характера, личности, особенностей восприятия, переживания времени и пространства, мышления, языка, невербальных компонентов коммуникации, ценностных ориентиров, образцов поведения (обычаев, нравов, норм, ролей), а также социальных группировок и отношений. Показывая свое отношение к Финляндии и финнам, русскоязычная пресса Финляндии утверждает в том, что представляет интересы группы населения, находящейся в стадии переориентации от российских к финляндским базисным принципам мировоззрения. Самоопределяясь, газеты и журналы определяют и мнение своих читателей. Отказываясь от одних предрассудков, русскоязычные авторы ищут другие, за которые хорошо было бы держаться, чтобы утвердиться в новой культуре. Готовя читателей к восприятию чужого, пресса одновременно настраивает на критическое отношение к своему.

Чтобы завоевать сердце и кошелек покупателя, предлагается обширная реклама типа «Русские клиенты научились разбираться в качестве, и мы предлагаем как раз то, что им нужно,— говорит Рьяккенен»¹. В рекламных целях печатаются интервью с представителями фирм, успешно действующих на российском рынке. Рассказывается о том, что они имеют многолетних постоянных клиентов, персонал, говорящий на русском языке, особо умеют учитывать то, что нравится русским. Исключение — медицинское обслуживание: А.Т.² не советует ожидать от финского лечащего врача «глубинного понимания вашей души. Финские врачи не лечат словом. Они полагаются на лабораторную и машинную диагностику, на современные средства терапии».

М.Т. сравнивает службу в вооруженных силах России и Финляндии на примере своего знакомого, который теперь в армии. По ее мнению, Финляндия — нормальная, спокойная страна, и поэтому служить здесь можно: на выходные ездят домой, практикуют обильные и качественные занятия спортом, зарабатывают даже деньги, в особенности если остаться подольше, к тому же нет дедовщины³. «...финны очень сплоченная нация, любящая свою страну и гордящаяся успехами своих соотечественников в любой области»⁴. В.В. находит истоки демократии в школе: «Бросается в глаза характерное для Финляндии сочетание демократичности и порядка... Все заинтересованные стороны, без деления на старших и младших, начальников и подчиненных, сообща и на равных участвуют в решении проблем. Ни один вопрос не рассматривается за кулисами, и каждая марка расходуется открыто, с учетом мнения большинства. Все это приносит свои плоды, а сами ученики с ранних лет чувствуют себя не винтиками или пешками, а полноправными членами общества, привыкая к свободе, сочетающейся с ответственностью»⁵.

Поучителен также материал о выборах, противопоставляющий соответствующие процедуры в двух странах. Демократию журналисты готовы приветствовать во всем, но с ограничениями по женскому вопросу. Так, В.С. в очерке «Финляндия выбирает женщи-

¹ Северный торговый путь. 1998. № 12. С. 2В.

² Спектр. 2001. № 4. С. 9.

³ Северный торговый путь. 2000. № 2. С. 27.

⁴ Новые рубежи. 1999. № 2-3. Г.И.

⁵ Северный торговый путь. 1999. № 6. С. 13.

ну»¹ демонстрирует явный страх перед тем, что и в России президентом может стать женщина: «Наверное, глобальных противоречий между основными кандидатами в президенты и не могло быть в стране, где общество однозначно стоит на позициях демократии и рынка, не будучи зараженным идеями коммунизма или национального экстремизма... В каждом обществе должен сохраняться определенный заряд здорового консерватизма, что является некой гарантией стабильного развития. Несомненно, каждый человек имеет право выбирать свою позицию по отношению к церкви, семье и т. д. и никто не вправе этот выбор осуждать. Но, на мой взгляд, с точки зрения общественного благополучия, лучше, когда большинство склоняется к исконным традиционным ценностям. Как показывает история, часто то или иное общество, отказываясь от старых устоев, не приобретает взамен них ничего. Конечно, победа Т.Халонен не может быть основанием для далеко идущих выводов. В целом, приоритеты общественной морали финнов остаются довольно устойчивыми». Недаром, как подчеркивает М.В., финские социологи, проводя исследования в России, смогли прийти к следующему: «отношение к женщине в России сохраняет свой патриархальный характер, и идея полного равноправия полов там еще, так сказать, «не привилась». Так, подавляющее большинство опрошенных мужчин были уверены в том, что измена мужа – дело простительное, а вот жене необходимо сохранять супружескую верность... Результат же финского опроса иной: и измена мужа, и измена жены у финских мужчин вызывает одинаково отрицательное отношение».

Живущий в Финляндии писатель Валерий Суси замечает:

«Финляндия – изумительная страна! Прелестная страна! Финнам, как никому другому (ну разве что их ближайшим соседям – шведам и норвежцам) удалось воссоздать и запустить механизм, в котором важнейшую роль маховика исполняет принцип социальной справедливости. Величайшее достижение! Достижение неоспоримое, ценнейшее и безусловное!

В Финляндии нет бездомных. Каждый легально проживающий в стране и не имеющий работы получает достаточное для поддержания нормальной жизнедеятельности пособие. Лечение для безработного обходится в символическую сумму. Бесплатное обучение.

Воистину, завоевания колоссальны и финны по праву могут гордиться своей страной. Все так»¹.

За таким утверждением следует, разумеется, некоторое «но». С точки зрения писателя, Финляндия не всегда доброжелательна к иммигрантам, особенно из России, но это не повод для того, чтобы отрицательно отзываться о той стране, где родился.

На сайтах www.suomi.ru, www.finlandia.boom.ru, www.stopinfinland.ru, www.farog.com собираются различные мнения о Финляндии и финнах. Преобладают замечания относительно честности, патриотизма, чистоты, медлительности, пунктуальности, соблюдения правил дорожного движения, неулыбчивости, пренебрежения условностями (в том числе и в связи с одеждой, вежливостью, приемом гостей), отношения к холоду и жаре, к шведам. Общение затрудняется тем, что финны не понимают тех подтекстов, которыми наполнены высказывания русских, нежеланием говорить о том, что, по мнению финнов, и так очевидно. Как сообщает один пользователь русскоязычного форума, у финнов «даже обратиться за помощью к другу возможно только после того, когда ты сам уже все попробовал предпринять сам». В речевом этикете не принято делать комплименты, хвалить, рассказывать о себе и своих близких, заполнять паузы пустой болтовней, показывать реакцию на слова собеседника (что может быть воспринято как перебивание собеседника), мимикой выражать свое отношение к происходящему, задавать вопросы, обращаться друг к другу по имени, проявлять эмоции. Финну трудно сказать не то, что есть на самом деле; даже если он сам неправ, он все равно не воспользуется чужой готовой точкой зрения, а будет формулировать свою. Финны (и это подтверждается многочисленными опросами общественного мнения) достаточно негативно отзываются о русских, не доверяют им, но многие никогда не бывали в России и полны предрассудков (о русской мафии, проституции, наркотиках и т. п.), формируемых СМИ. Впрочем, «Люди разные, и то, что финны тихие, «правильные» и т. д. и т. п., это всё только стереотипы... Меня бесит, если весь народ начинают судить по стереотипам или по примеру нескольких представителей той или иной страны / культуры...», отмечает один пользователь Интернет-форума из Йёнссуу.

¹ Северный торговый путь. 2000. № 2. С. 4.

¹ <http://www.kolumbus.fi/susi.valeri/>

Роль Финляндии как образца для подражания особенно велика потому, что она близко, расположена в том же или даже более суровом климате, но другая. Влияние Финляндии особенно остро чувствуется в Санкт-Петербурге, Выборге и Петрозаводске, но оно постепенно распространяется на всех, кто хоть раз там побывал или смотрел о ней передачи. Поражает именно вот этот общий тон публикаций о Финляндии, восторги по поводу общества массового благополучия, возможного в холодном климате. Тому же процессу способствует и возведенный в ранг народно-идеологического сериал режиссера А.Рогожкина, где национальные особенности русского народа выявляются в сопоставлении с реакцией на происходящее со стороны финна. В дополнение к известным и традиционно ценным одежде и мебели российские искусствоведы и литературоведы все чаще обращают внимание на творчество финских кинорежиссеров, писателей, музыкантов.

Художники-концептуалисты В.Комар и А.Меламид изучили в разных странах наиболее любимые и желаемые народом картины, среди них были собраны и мнения о живописи финнов и русских¹. Большинство финских респондентов предпочитают обращать внимание на стиль и дизайн, излюбленные цвета – синий, коричневый, белый и зеленый, изображения – животные, природа, а если изображаются люди, то предпочтительно, чтобы они были заняты трудом, одеты и в группе, неважно, знаменитые или нет, но без религиозных мотивов и открытой назидательности. Результатом репрезентативного социологического исследования стала картина, выставленная сначала в Атенеуме, а затем оформленная как инсталляция на природе. Для русских имеет значение цвет, причем симпатии на стороне голубого и зеленого. Большинству людей небезразлично, как они одеваются и украшают свое жилище. Предпочтение отдается традиционному русскому искусству, природе, небольшим натюрмортам с цветами. Картина, нарисованная по выбору российских граждан, оказалась, однако, довольно похожей на то, что получилось по выбору финнов.

Вместе с русскоязычными иммигрантами, которых в Финляндии, по разным подсчетам, от 40 до 65 тысяч, страну открывают

¹ О мнении финнов: <http://www.diacenter.org/km/fin/fin.html>, о мнении русских: <http://www.diacenter.org/km/rus/rus.html>.

для себя русские отпускники¹. Финляндия снова, как и сто лет назад, становится излюбленным местом отдыха россиян (по статистике, это наиболее посещаемая ими западная страна) и даже дачным местом: многие финны признаются, что им повезет, если какой-нибудь новый русский купит у них старую дачу. В связи с этим стремление рассказать прибывающим русскоязычным о Финляндии, а заодно и самим лучше понять, какие условия жизни оказывают влияние на них самих, заставляет русскоязычных жителей Финляндии вновь и вновь сравнивать две страны друг с другом. Одновременно рассказывающие о Финляндии хотят перенести то положительное, что усвоено и увидено в Финляндии, на российскую почву. В этом смысле характерно одно из последних произведений Э.Успенского² «Привидение в Простоквашино»: дядя Федор побывал с родителями в отпуске в Финляндии и хочет устроить в Простоквашино тоже что-то интересное, «чтобы дети могли развлекаться, а родители отдыхать». Наиболее часто встречаются рассказы о том, как прожита история, как сложились общественные отношения, как регулируются связи в семье, учебном заведении, рабочем коллективе, среди друзей; возникает желание сравнить кухни двух стран, музыку, литературу, телевидение, мораль, эмоции, времяпрепровождение, сексуальные привычки, речевые практики и т. п.

Таким образом, можно отметить, что существование русскоязычного сообщества внутри финляндского общества способствует активной переработке самого разного лингвокультурологического, антрополого-этнического и страноведческого материала по сопоставлению двух культур, и это происходит на уровне обычного носителя языка, писателя, журналиста, студента, ученого. Образ Финляндии становится отчасти более понятным, отчасти более мифологизированным: невозможность преодолеть различия даже тогда, когда их усвоил и осознал, заставляет перевести их в план непознаваемого, легендарного. Среди пунктов осмысления наиболее часто возникает мотив Финляндии как образца для подражания для России.

¹ Это тоже не ново: Финляндия как курорт была открыта россиянами еще в XIX веке. Чувства, вызываемые Финляндией, описаны, напр., в книгах: *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 251–252, 285–286, 393–395; *Пунин Н.Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 26.

² Э.Успенский давно дружит с известным финским детским писателем Х.Мякеля, они пропагандируют книги друг друга в своих странах. Произведение цитируется по изданию: *Успенский Э.* Последние новости из Простоквашино. М., 2003. С. 212.

Сведения об авторах

Витухновская Марина Александровна – специалист по имперской политике России XIX – нач. XX вв. Автор ряда статей по карельскому и финскому вопросам в контексте имперской проблематики. Подготовила к изданию монографию «Карелы и Карелия в имперской политике России» (готовится к выходу в 2005 году).

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, специалист по истории Карелии и истории взаимоотношений России и Финляндии начала XX века, автор книги «Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–октябрь 1917 г.)». (Петрозаводск, 1992), ряда статей.

Илюха Ольга Павловна – кандидат исторических наук, зам. директора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, специалист по истории Карелии XIX–XX вв., автор книг «История Костомукши» (в соавторстве с А.В.Антошенко и М.Ю.Данковым. Петрозаводск, 1997); «Школа и просвещение в Беломорской Карелии в конце XIX – начале XX вв» (Петрозаводск, 2002); ряда статей и разделов в коллективных монографиях.

Карху Эйно Генрихович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, литературовед, специалист по истории

литературы Финляндии и Карелии, финско-русским литературным связям, карело-финскому фольклору, автор монографий «История литературы Финляндии» (1979. Т. 1; 1990. Т. 2); «Карельский и ингерманландский фольклор» (1994); «Малые народы в потоке истории» (1999) и др.

Коваленко Геннадий Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий Новгородским сектором Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук, доцент Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Специалист в области истории России XVII–XVIII вв. и русско-скандинавских отношений этого периода. Автор нескольких монографий, в том числе «Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1793». (Л., 1979); «Карелия при Петре I». (Петрозаводск, 1988) (в соавторстве с Ю.Н.Беспятых); «Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв». (СПб., 1999); «В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV – нач. XVIII в» (СПб., 1999) (в соавторстве с В.А.Варенцовым); «Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX вв» (Великий Новгород, 2002).

Лескинен Мария Войттовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории культуры Института славяноведения РАН. Занимается исследованием процессов формирования этноконфессионального сознания и национальной идеологии в Польше XVI–XVII и второй половине XIX вв. (монография «Мифы и образы сарматизма. Истоки формирования национальной идеологии в Речи Посполитой XVI – первой половины XVII вв.». М., 2002). В последние годы изучает образ «чужого» в литературе путешествий и взаимные взгляды и представления русских о поляках и финнах в Российской империи последней трети XIX в.

Мустайоки Арто – доктор философии, профессор русского языка, заведующий Отделением славистики и баллистики Хельсинкского университета, один из создателей теории функционального синтаксиса, специалист по теории и практике преподавания русского языка как иностранного и межкультурному взаимодействию, автор ряда книг и множества статей.

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, лектор Отделения славистики и баллистики Хельсинкского университета, специалист по двуязычию и социолингвистике, автор книги «Феннороссы: жизнь и употребление языка», статей по психолингвистике и межкультурной коммуникации.

Рупасов Александр Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. Специалист в области международных отношений России XX в. Автор книг «Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.» (в соавторстве с А.Н.Чистиковым. СПб., 2000); «Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг.» (СПб., 2001); многочисленных статей и разделов в коллективных монографиях. Член-корреспондент Финляндского исторического общества.

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, действительный член Академии военных наук, руководитель «круглого стола» «Военно-историческая антропология», главный редактор Ежегодника «Военно-историческая антропология». Сфера интересов: военная история России в XX веке, военно-историческая антропология и психология. Автор монографий «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (М., 1995); «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (М., 1997); «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (М., 1999).

Сойни Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, специалист по истории русско-финских литературных и художественных связей, автор монографий «Русско-финские литературные связи начала XX века» (Петрозаводск, 1998); «Северный лик Николая Рериха» (Самара, 2001).

Соломещ Илья Мотелевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета. Специалист в области истории российско-финляндских отношений и историографии истории Финляндии. Автор учебного пособия «Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)» (Петрозаводск, 1992).

Такала Ирина Рейевна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета. Специалист по истории Финляндии и Карелии XVIII–XX вв. Ав-

тор монографий «Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры» (СПб., 2002); «Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России» (СПб., 2002), а также многочисленных статей и разделов в коллективных изданиях.

Фролов Дмитрий Джонович – доктор общественно-политических наук, исследователь проблемы военного плена. Специалист по истории советских и финских военнопленных во время Второй Мировой войны. Лауреат Государственной премии Финляндии за 2001 г. Автор ряда статей по истории военного плена, книги «Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa» («Руки вверх! Финские военнопленные в СССР») (Хельсинки, 2002) в соавторстве с Т.Алава и Р.Никкиля; монографии «Плен в СССР. Финские военнопленные в лагерях Управления по делам военнопленных и интернированных во время Зимней войны и Войны-продолжения» SKS, 2004.

Цамутали Алексей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. Специалист по истории России XIX – XX вв., русской историографии. Автор монографий «Борьба течений в русской историографии второй половины XIX в.» (Л., 1977); «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (Л., 1986); «Власть и реформы: От самодержавия к советской России» (в соавторстве. СПб., 1996).

Чистиков Александр Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. Специалист в области истории России периодов гражданской войны, нэпа и «хрущевского десятилетия», занимается историей советской бюрократии, историей Санкт-Петербурга. Автор книги (в соавторстве с А.И.Рупасовым) «Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.» (СПб., 2000), многочисленных статей и разделов в коллективных монографиях.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231
Электронная почта: info@ino-center.ru,
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии

со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) – международная благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Джорджем Соросом. Институт «Открытое общество» инициирует и поддерживает программы в области образования, культуры и искусства, здравоохранения, гражданских инициатив, способствующие развитию идей и механизмов открытого общества. Представительства Фонда работают более чем в 30 странах. Руководящие органы расположены в Нью-Йорке и Будапеште. Центральный офис Представительства Фонда Сороса в России находится в Москве, отделения – в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске.

Научное издание

**МНОГОЛИКАЯ ФИНЛЯДИЯ.
ОБРАЗ ФИНЛЯДИИ И ФИННОВ В РОССИИ**

Сборник статей

Редактор Э. Н. Архангельская

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 20.12.2004. Тираж 500 экз. Заказ № 1497.

Физ. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л.25,2. Формат 60 * 90 1/16. Гарнитура *Times New Roman*.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-83.